ФГБОУ ВО «ВОЛОГОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
АДМИНИСТРАЦИЯ ТОТЕМСКОГО МУНИЦИПАЛЬНОГО РАЙОНА
МБУК «ТОТЕМСКОЕ МУЗЕЙНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ»

РУССКИЙ СЕВЕР - 2018.
ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ И СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Сборник материалов
второй всероссийской научной конференции
Тотемского музейного объединения
с международным участием
(Тотьма, 1–4 марта 2018 г.)

Вологда
«Полиграф-Периодика»
2018

УДК 908(470)
ББК 63.3(21)
Р89

Муниципальное бюджетное учреждение культуры
«Тотемское музейное объединение»

Редакционно-издательская коллегия:
А. М. Новосёлов, М. Б. Правдина (кандидат культурологии),
Н. И. Коренева, О. В. Полоцкая,
Л. А. Якушева (кандидат культурологии, доцент кафедры
теории, истории культуры и этнологии ВоГУ)

Автор идеи, куратор проекта – *Алексей Новосёлов*

Доклады печатаются в авторской редакции

Сборник издан на средства авторов публикаций при финансовой поддержке МБУК «Тотемское музейное объединение»

Р89 Русский Север-2018: проблемы изучения и сохранения историко-культурного наследия: сборник материалов второй всероссийской научной конференции с международным участием (Тотьма, 1–4 марта 2018 г.) / Тотем. муз. об-ние, Вологод. гос. университет; [редкол.: Новоселов А. М. (отв. ред.) и др.].– Вологда: Полиграф-Периодика, 2018.– 409 с.

ISBN 978-5-91965-152-9

В сборнике представлены материалы II всероссийской научной конференции с международным участием «Русский Север: проблемы изучения и сохранения историко-культурного наследия», состоявшейся в Тотьме (Вологодская область) 1–4 марта 2018 года.

Представленные материалы адресованы историкам, культурологам, филологам и всем тем, кто интересуется историей края, его прошлым и настоящим.

В Приложении к сборнику представлено исследование сотрудников культурно-исторического центра «Светоч» В. Копыткова и О. Зенковой о Негренской пустыни Тотемского уезда.

УДК 908(470)
ББК 63.3(21)

ISBN 978-5-91965-152-9

© МБУК «Тотемское музейное объединение», 2018
© ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет», 2018
© Мильчик М. И., предисловие, 2018
© Оформление. ООО ПФ «Полиграф-Периодика», 2018

ПРЕДИСЛОВИЕ

Так сложилось, что Тотьма – в прошлом центр одного из самых больших уездов Вологодской губернии – до недавнего времени оставалась как будто в тени своих знаменитых соседей – Великого Устюга и Сольвычегодска, не говоря уже о Вологде. Только в последние годы активизировалось изучение ее истории, архитектуры, ремесел, художественного наследия; в 1993 году было создано Тотемское музейное объединение, состоящее из шести музеев и выставочного центра. Свидетельством этого культурного подъема стали недавно вышедшие книги о коллекции тотемской деревянной скульптуры XVI–XIX вв.[1], альбом-путеводитель по музейным коллекциям[2], альбомы, посвященные тотемскому барокко[3] и фотографиям Тотьмы начала XX века[4]; наконец, проведение всероссийских научных конференций, посвященных проблемам изучения и сохранения историко-культурного наследия Русского Севера[5]. Материалы II конференции, публикуемые в этом сборнике, отражают дальнейшие результаты изучения источников по истории Тотемского края, коллекций Тотемского музейного объединения, ряда других музеев Русского Севера.

Изучению и, что особенно ценно, публикации неизвестных ранее письменных источников по истории края посвящены статьи М. С. Черкасовой о тотемских актах XVI в., Д. А. Пшеницына о церковно-приходских летописях Тотемского уезда. Последние содержат ценные сведения об образовании приходов, построении храмов, составе жителей. Н. И. Решетников пишет о дневниках крестьян

---

[1] Бурганова М. А. Русская скульптура XVI–XIX вв. Тотьма. / М.: Бурганов-центр, 2013.

[2] Тотьма: альбом-путеводитель по коллекциям Тотемского музейного объединения. Сост. С. В. Митурич / М.: Три квадрата, 2015.

[3] Кузнецов А. В., Новосёлов А. М. По следам тотемского барокко: альбом-путеводитель / Вологда : Древности Севера, 2016.

[4] Осколки времени: Тотьма на фотографиях рубежа XIX–XX веков: краеведческий альбом / [А. М. Новосёлов, Н. И. Коренева, Е. В. Филиппова и др.; отв. ред. и сост. А. М. Новосёлов]; Вологда: Древности Севера, 2017.

[5] Русский Север-2017: опыт изучения и сохранения историко-культурного и природного наследия. Сборник статей одноименной межрегиональной научной конференции / Вологда: центр краеведческих исследований «Пава», 2017.

как редком и своеобразном виде источников местной истории. В. А. Притчина собрала большой материал о тотемских иконописцах, по преимуществу XVIII–XIX вв., об их работах в Петербурге, Вологде и соседних губерниях. Д. И. Андрианова рассматривает интересный вопрос, находящийся на стыке источниковедения и социологии,– о преломлении событий Первой мировой войны в семейной памяти, используя оригинальную социологическую методику исследования. О практике широкого привлечения рабочей силы в XV–XVIII вв. для строительства крепостей и городов общероссийского значения известно давно, но роль тотемских жителей в сооружении Новодвинской крепости, количество привлеченных работных людей впервые выяснено в статье И. М. Гостева. Наконец, в обширной статье В. В. Копыткова и О. Б. Зенковой (представленной в рамках рубрики «Книга в книге») опять же впервые представлена трехсотлетняя история почти неизвестной Негренской Успенской пустыни Тотемского уезда, для чего авторы привлекают большое число архивных источников, впервые публикуют жалованную грамоту царя Ивана Васильевича 1562 года.

В отличие от этой пустыни, тотемский Спасо-Суморин монастырь достаточно известен, но статья О. В. Полоцкой впервые освещает его благотворительную деятельность. К статьям источниковедческой тематики примыкает статья Т. Е. Исаченко, М. В. Бочарниковой и Е. А. Постниковой об известном исследователе Севера конца XVIII–начала XIX вв. академике Н. Я. Озерецковском, который первым выявил и описал культурные ландшафты по берегам Ладожского и Онежского озер.

Значительное место в сборнике занимают обзоры коллекций Тотемского музейного объединения: часов (статья М. Б. Правдиной), книг кириллической печати (статья Л. С. Харебовой), вексиллологии и наград советского периода (статьи И. С. Савковой и Н. И. Фирсовой). Пожалуй, впервые сделана попытка – и весьма убедительная – типологизации люлек и зыбок, предметов народной культуры, которые еще не были объектами специального исследования (статья О. Н. Макаровой). Впервые представлены работы тотемского фотографа Д. П. Петрова (статья Е. В. Филипповой) – важные источники по истории жизни города. Тут надо заметить, что музейная фотонегатека, состоящая из 20 000 с лишним единиц хранения, требует дальнейшей систематизации и представляет собой ценный источник для изучения города, уезда, их архитектуры и этнографии, не говоря уже о будущем вкладе в историю российской фотографии.

К источниковедческим темам в известной мере можно отнести и две статьи, касающиеся топонимики Севера. В одной О. А. Теуш на основании реконструкции географической терминологии высказывает интересную гипотезу о финско-русском двуязычии населения Севера в эпоху Средневековья. В другой А. В. Кузнецов при рассмотрении гидронима Тафты, протекающей на западе Тотемского района, привлекает дозорную книгу 1619 г., благодаря которой уточняется и расширяется круг микротопонимов. В заключении автор справедливо обращает наше внимание на то, что с исчезновением на Севере некогда освоенных пространств **микротопонимика** – названия ручьев, полей, выгонов, пастбищ, покосов в живой речи людей теперь не используется, а потому быстро забывается. Одна из самых неотложных задач для всех, кто изучает наследие Северного края,– зафиксировать этот ценнейший источник для познания исторической географии, истории языка, этнических процессов, происходивших в древности, и шире – народной культуры.

Ряд статей сборника посвящен выдающимся людям Севера: уроженцу Тотьмы И. А. Кускову, исследователю Аляски и Калифорнии, вернее, его иркутским потомкам (статья А. М. Новосёлова), священномученику Сергию Рохлецову (статья О. Б. Зенковой), нюксенскому краеведу В. П. Сумарокову, много сделавшему для сохранения памяти о ветеранах Великой Отечественной войны (статья Н. А. Андреевой), фольклористу, этнографу и писателю Республики Коми К. Ф. Жакову (статья С. М. Ванеевой и О. А. Ивановой), гармонному мастеру А. Рыбакову (статья Л. Б. Танских).

Две статьи касаются роли старообрядческой культуры на Севере и, в частности, на Печоре. О. В. Орлова, Е. И. Вокуева и Л. К. Рочева характеризуют своеобразие застройки и культурного ландшафта Усть-Цильмы, а также рассказывают о проектах «Родовой дом» и «Этнографическая деревня Гарево» как примерах поддержки и спасения исчезающей традиционной культуры.

Об образном постижении северной природы, ее отражении в творчестве выдающихся поэтов XX в. Н. А. Клюева, Н. М. Рубцова, а также и художника В. В. Паскина рассказано в статье Лу Вэнья и В. И. Филипповой. Интересную, хотя и небесспорную идею о взаимовлиянии тотемской и прибайкальской школ барокко высказывает М. В. Головизин. Редкому явлению в народном искусстве XVIII–XIX вв.– изображению царственных персон на сундуках и шкафах – посвящена статья Н. Н. Гончаровой. Попытке представить образное своеобразие Севера в географическом аспекте посвящена статья В. Н. Калуцкова. Острые и дискуссионные вопросы о праве общества на культурное

наследие, в частности, о значении недавно появившейся в нашем законодательстве такой категории, как Достопримечательное место, поднимаются в статье М. Е. Кулешовой.

Из этого краткого и неполного обзора публикуемых статей становится очевидным, что сборник в той или иной мере отражает основные направления в изучении истории и культурного наследия Европейского Севера России. Не случайно я несколько раз употребил определение «впервые», что дает возможность рассматривать многие материалы сборника как ценный вклад в изучение историко-культурного наследия Русского Севера, но в первую очередь – в изучение Тотемской земли. Важным является также и то, что некоторые авторы заостряют внимание – своё и читателей – на актуальных и нерешенных проблемах. Это имеет первостепенное значение для нового поколения краеведов, сотрудников музеев и библиотек, научных работников,– в общем, всех, кому небезразлична судьба великого наследия Русского Севера.

Михаил Исаевич Мильчик,
кандидат искусствоведения, ведущий научный сотрудник
сектора деревянного зодчества НИИ теории и истории
архитектуры и градостроительства,
член Союза архитекторов России

Раздел первый

ТОТЬМА И ТОТЕМСКИЙ КРАЙ В КУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ РУССКОГО СЕВЕРА

Черкасова Марина Сергеевна,
ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет»,
г. Вологда

ТОТЕМСКИЕ АКТЫ XVI ВЕКА: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ОБЗОР

Неотъемлемой частью историко-культурного наследия Русского Севера являются его письменные традиции. Они слагались и от рукописной книжности, и от деловой письменности. Неравномерна степень их изученности для разных регионов огромного края. В количественном отношении документальное достояние Белозерья или Вологды (с их сотнями актов) несопоставимо с тем, что дошло до нас от восточных уездов нашей области (Тотьмы или Устюга). Во многом это объясняется лучшей сохранностью архивов белозерских и вологодских монастырей[1]. В отношении Тотьмы как города и Тотемского уезда выявление и систематизация поземельных и городских актов являются актуальной научной задачей. В предлагаемой публикации сделан лишь первый шаг к её решению. Его скромный результат представлен в Приложении: семь до сих пор неизданных частных актов с 1540/41 по 1584 гг., по видам – 4 купчих и 3 данных грамоты.

С их учетом ещё масштабнее воспринимается наиболее яркий, содержательный документальный памятник по Тотьме – духовное завещание Феодосия Суморина от 19 декабря 1567 г. Он, хотя и в XIX в. уже известный, недавно был заново переиздан, а исторический контекст его возникновения подробно и по-новому рассмотрен[2]. Ценность его – в наличии включенных актов

---

[1] Подробнее см.: Черкасова М.С. Архивы вологодских монастырей и церквей XV–XVII вв.: Исследование и опыт реконструкции.– Вологда: Древности Севера, 2012.

[2] Полоцкая О.В., Черкасова М.С. Духовная память преп. Феодосия Суморина 1567 г. // Вестник церковной истории.– 2016.– № 1–2 (43–44). С. 5–27.

1553–1555/56 г. и дополнительных записей 1569 г. Помимо упомянутой духовной, не утратили своего значения старые публикации тотемских актов конца XV–XVI в. Это: **1)** льготная грамота великокняжеского тиуна Федоса Микулина крестьянину Нифонту Лихачу Клементьеву с. на землю в районе усть-Песьи-Деньги вверх по Сухоне с правом устроить деревню 1 октября 1499 г.[3]; **2–3)** царские грамоты 1554–1555 гг. на основание Спасо-Суморина монастыря[4]; **4)** данная вдового попа Вас. Михайлова Троицкой лавре на Борисоглебский монастырёк 1579 г.[5]; **5)** данная Феодоры Власьевой (вдовы Неустроя Саблина) тотемской церкви Иоанна Предтечи на «огородец» от 9 октября 1583 г.[6]; **6)** указная Дм. Ив. Годунова двум своим крестьянам о владении пожней Павловской деревни Лихачевской 5 февраля 1593 г.[7] Опубликован пересказ и самого раннего известного к настоящему времени тотемского частного акта – данной игумена Борисоглебского монастырька Серапиона (из рода Ортемия Сабли) церкви Иоанна Предтечи на «роспашную землю» 7022 (1513/14 г.). Пересказ в виде включенного акта приведен в позднейшей данной грамоте воеводы Ф. М. Оничкова упомянутой церкви на пуст. Голодяиху от 31 мая 1644 г.[8]

Публикуемые в Приложении акты интересны для изучения антропонимики и топонимики Тотьмы и уезда, процесса земледельческого освоения края, истории местного управления. Формуляр поземельных актов № 1, 3 архаичен, поскольку в них встречается традиционная для более раннего времени формула «куда топор и коса и соха и плуг ходили». Этому же соответствуют явные признаки применяемой подсеки – «чищенье». Зато очевидна новизна в отношении местного управления: в 1499 г. на Тотьме известен только тиун, а в начале 1540-х гг. тиун действует уже при наместнике. В докладной купчей 1541/42 г. (№ 1) – это Василий Михайлович. Им мог быть дворецкий В. М. Тучков-Морозов, в веде-

---

[3] Чтения в обществе истории и древностей российских. 1883. Кн. 1. Смесь. С. 3. Переизд. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в.– М., 1964. Т. 3. № 289.

[4] Описание Тотемского Спасо-Суморина монастыря (составленное в 1849 г. П. Савваитовым, пересмотренное и дополненное в 1896 г. Н. Суворовым).– Вологда, 1896. С. 46–50.

[5] Вологодские епархиальные ведомости (Прибавления к № 12).– 1869.– 15 июня.– С. 444–447.

[6] К истории Тотемской градской церкви Иоанна Предтечи // ВЕВ. 1902. (Прибавления к № 13.). С. 389.

[7] Чтения ОИДР. 1883. Кн. 1. Смесь. С. 3–4.

[8] Там же. С. 390.

нии которого в 1541 г. находилась Вологда[9]. Если же предположить в упомянутом акте 1541/42 г. известного в 1542/43 г. двинского наместника В. М. Воронцова, то его прерогативы, возможно, распространялись и на Тотьму в рамках обширной Двинской земли. Последняя делилась на две половины – Верхнюю и Нижнюю – и находилась под руководством двух наместников: одновременно с В. М. Воронцовым известен Ив. Вас. Полев[10]. В литературе список тотемских наместников обычно начинается с отмеченного в указной грамоте Ивана IV от 23 июля 1548 г. о выборе ямщиков Назария Семеновича Глебова[11]. Следующие: в июне-октябре 1555 г. – Яков Губин сын Моклоков[12], в 1584 г. – Вас. Ив. Непейцын (см. № 7), а в 1588 г. – Дм. Ив. Годунов (см. прим. 15).

Акты № 3, 5–7 содержат сведения о развитии солеварения в Тотьме, касающегося монастырей (Спасо-Прилуцкого, Троице-Сергиева, Николо-Угрешского), частных сделках на доли варниц и соляных труб, историко-генеалогические данные о фамилии Саблиных. Они уже были проанализированы Д. А. Пшеницыным[13], а ранее использовались краеведом Д. Григоровым[14]. Четыре акта из Приложения (№ 3, 4, 6, 7) сохранились в архиве Спасо-Прилуцкого монастыря, один (№ 5) – в архиве Троице-Сергиевой лавры, а отраженный в нем сюжет имеет продолжение в купчей от 27 июля 1588 г. троицких старцев Спасо-Прилуцкому монастырю, ранее уже опубликованной нами[15]. В ней фигурирует дворецкий Дмитрий Иванович Годунов. Не ранее марта 1585 г. он получил в кормление Тотьму и Устьянские сохи, кроме того, имел земли в десятках других уездов страны, что делало его одним из крупнейших землевладельцев своего времени[16]. Докладной характер

---

[9] Черкасова М. С. Архивы вологодских монастырей… С. 126–127. № 44.

[10] Пашкова Т. И. Местное управление в Русском государстве первой половины XVI в. (наместники и волостели).– М., 2000. С. 2000. С. 138.

[11] Акты служилых землевладельцев. XV – начало XVII в.– М., 2008.– Т. 4.– № 100.

[12] Там же. С. 161.

[13] Пшеницын Д. А. Род Саблиных: Опыт историко-генеалогического исследования // Русский Север-2017. Проблемы изучения и сохранения историко-культурного и природного наследия. Тотьма – Вологда, 2017. С. 155–158.

[14] Григоров Д. Тотемские соляные промыслы // Тотьма. Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда: Русь, 1997. С. 84–131.

[15] См.: Черкасова М. С. Промысловая структура крупной феодальной вотчины в XV – первой половине XVIII в. // Северо-Запад в аграрной истории России. Вып. 17.– С. 28–29.

[16] Богословский М. М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. Т. 1. СПб., 1909. С. 26, 28; Васильев Ю. С. Аграрные отношения в Поморье в XVI–XVII вв. Сыктывкар, 1979. С. 66; Павлов А. П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1598–1605 гг.). СПб., 1992. С. 186–187, 212 – прим. 422.

сделок (№ 1, 7) на земельные и соляные угодья свидетельствует о контролирующих функциях наместников в сфере оборота земельно-промысловой собственности на Тотьме. Вместе с тем в данных и купчих грамотах ощутимо влияние вотчинного права: фразы о том, что варницы не проданы и не заложены, ни в какой монастырь по душе не отданы, до них нет дела роду-племени контрагентов, а варницы жертвуются или продаются «впрок без выкупа» (№ 5, 7).

Приложение

№ 1

1541/42 г. – Докладная купчая Олферия Емельянова с. Росляка у Семена Андреева с. Чекалева на участок земли на острове Шахтыше за 1 руб.

Доложа Василья Михайловича, наместника Соли Тотомские, и его тивуна Василья Микитина сына, се яз, Олъферей Емельянов сын Росляк, купил есми у Семена у Ондреева сын у Чекалева на острове на Шактышепо речку по Шахтышу[17] нижней конец по дикую сторону, чем Семен владел, куде топор и коса ходила, со всем угодьем. А дал есми посилья рубль денег. И выляжет кабала или купчяя, или поручь, и мне, Семену, очищати да отдати Росляку счиста.

А на то послуси: Митя Пестов сын да Клим Нечай Нестеров сын.

А купчую писал Пронка[18] попов сын Федоров лета 7050-го.

ГАВО. Ф. 1260. Оп. 7. № 106. Л. 6. Подлинник с прикладной черновосковой печатью 1,5 х 1,5 см.

№ 2

1549/50 г. – Купчая (продажная) Игнатия Яковлева с. Черного Алферию Омельянову с. Росляку на половину своего участка за 2 руб.

Се яз, Игнашка Яковлев сын Черного, продал есми Росляку Алферию Омельянова сыну своего чищения паловину, что мое чищение на остров[е] на Шактоше и с лесом, опричь волосные пожни. А взял есми у нево на посилие два рубли. А выляжет какая кабала или купчая или меновная, ино мне, Игнаше, очищати тое чищенье мое[19].

---

[17] *Слово над строкой.*

[18] *Из-за разрыва сроки чтение имени предположительное.* Благодарю А. Л. Грязнова за помощь в прочтении.

[19] *Далее неразборчивая фраза над строкой.*

А на то послух Семен Гаврилов сын да Андрей Остафиев.

А купчую писал Игнашка Яковлев сын Черного своею рукою лета 7050-осмаго.

ГАВО. Ф. 1260. Оп. 7. № 106. Л. 7.

№ 3

1558 г. июля 3. – Данная Андрея Артемьева с. Саблина Спасо-Прилуцкому монастырю на полдеревни Леонтьевской Сухого

Се яз, Ондрей Ортемьев сын Саблин, дал есмико Всемилостивому Спасу Прилуцкому чюдотворцу в дом х Дмитрею Прилуцкому чюдотворцу на Углецкой стороне полдеревни Левонтьевскую Сухово по старым межам со всем угодьем, куды топор ходил и коса и соха и плуг ходил. А в межах та земля с Окатовской землею по ручяи до по реку по Ковду по берег да по Ильинскую полянку да и Батковское дворище, опричь Игнатьевскова дворища, да и прикуп[20] дал х чюдотворцом же, что есми прикупил дворище у Фурса[21] Михайлова сына, да и купчую есми на то дворище дал х чюдотворцом же в дом и фкладу на Левонтьевскую полдеревни Сухово старую купчую х чюдотворцом ж дал есми.

На то послуси: Демид Дворянин Лукоянов сын Белобородов да Еремейко[22] Лаврентьев сын. А дал есми сю даную потому, что был дал есми на то угодье преж сего, ино у них у соли горел двор манастырской Всемилостивого Спаса и Дмитрея чюдотворца да и даная старая згорела. И яз, не хотя греха на своеи души или всемилостивые чюдотворца приведут мою душу грешную к себе.

А даную писал земской дьяк земской[23] Степанко Пересуда[24] Савельев сын лета 7060 шестаго июля ф третий день.

На обороте: К сей даной Ондрей руку приложил.

ГАВО. Ф. 1260. Оп. 2. № 9. Подлинник[25].

Копия XVIII в.: Там же. Оп. 2. № 30. Л. 5. об.

Упом. в описи 1688 г. (Черкасова М. С. Архивы вологодских монастырей. С. 131. № 84).

---

[20] *В копии XVIII в.:* прикупку есми.

[21] *В копии XVIII в.:* Фирса.

[22] *В копии XVIII в.:* Еремей Котрех.

[23] *Сочетание* дьяк земской *в копии XVIII в. повторено.*

[24] *В копии XVIII в.* Пересала.

[25] *Позднейшая архивная пометка* № 19.

№ 4

1574 г. августа 2. – Данная Еремея Иванова с. Брудачева-старцу соляного промысла Спасо-Прилуцкого монастыря Мисаилу на четверть соляной трубы у Соли Тотемской.

Се яз, Еремей Иванов сын Брудачев, дал есми Всемилостивому Спасу и чюдотворцу Дмитрею на Прилук у Соли Тотемския четверть трубы Макачихи за дети свои за вклад за Гришу да за Ивана за сорок рублев старцу Мисаилу, прикащику Прилуцкого монастыря. А в шабрех та труба половина Спаского же монастыря, а четверть Кусаки Назонова при державе игумена Иакима[26], еже о Христе з братиею.

А на то послухи: Неустрой Степанов сын Саблин да Семен Григорьев сын Грязнова.

Даную писал Калинка Степанов сын лета 7082 августа в 2 день.

На обороте разным почерком: Еремей четверть трубы дал и руку приложил.

Послух Неустрой руку приложил.

Послух Семейка руку приложил.

ГАВО. Ф. 1260. Оп. 2. № 21. Л. 1. Подлинник[27].

Копия XVIII в.: Там же. № 20. Л. 1.

Упом.: Черкасова М. С. Архивы вологодских монастырей. С. 134. № 129.

№ 5

1581 г. сентября 1 – 1582 г. августа 31. – Данная Семена, Якова, Немира Степановых детей Саблиных игумену Троице-Сергиева монастыря Ионе на две варницы в Тотьме.

Се яз, Семен да яз, Яков, да яз, Немир Степановы дети Саблина, усолцы Тотемсково города, дали есмя вкладу в дом Живоначалной Троице и Пресвятой Богородицы и великими чюдотворцем Сергию и Никону архимандриту Ионе з братьею, или хто по нем иной архимандрит будет, две варницы и црены и з дугами и с крюки и со всякою варнишною порядне: варницу Шюченку, црены в ней добры, да другую варницу Каменку, црен в ней чан и варница розвалилась да рассолу половину трубы Каменки. И в шабрех росол в

---

[26] *Игумен Иоаким управлял Спасо-Прилуцким монастырем как раз с 1574 г. (Строев П. Списки иерархов и настоятелей монастырей российския церкви. М., 2007. Стб. 738).*

[27] *Позднейшие архивные пометки:* № 12 13; 131; 1574 Данная на трубу в Тотьме.

трубе с Потапьем да Меншиком, да со Олексеем Ондреевым и детми Саблина и с ыными шабры да столб с очапом и петлею и крюком и со чаном, да онбар соляной Неустроевской, да исады дровяные кладбища, да варнишное место горные варница по старым межам из веку отца нашего. И в межах исады и варнишное место против тех же варниц, кои в сей данной имяны писаны, а з другую сторону с Никитою да с Яковом, да Селиверстом Игнатьевыми детми Киселева, а с третьюю сторону спаскыми Прилуцкого монастыря варницы исады дровяными ж кладбища. Да нам же дать, Семену да Якову, да Немиру, лесу сухово доброво сосняга чертежу за Сухоною в Леденге на пять сажень.

И те у нас варницы и росол, и онбар, исады дровяные кладбища не проданы, ни заложены, ни у кого ни в чем, ни в денежных кабалах, ни в хлебных и по душе ни в которой монастырь не отданы, опричь Живоначальные Троицы Сергиева монастыря. И которые крепости на те наши варницы и на росол, и на онбар, и на исады дровяные кладбища вылягут и купчие или кабалы денежные или хлебные, или иные крепости, кои ни буди, и мне, Семену да Якову, да Немиру Степановым детям Саблина, те варницы очищать, а архимандрита з братьею убытка не довести никоторо, и роду нашему и племяни до тех варниц и до росолу, и до онбару, и до исад дела нет никоторово и не вступати им ни во что. И хто станет в те варницы вступатися роду нашего или племяни, и им суд будет с нами перед Спасом в будущем веце.

А на то послуси: Петр Захарьин сын Руготин да Долмат Иванов сын Онсимов, да Василей Ондреев Кукин, да Богдан Матфеев сын Наполской, да Плохой Григорьев сын Успенской Галицкие Соли.

А данную писал Дружинка Семенов сын Саблина во отца своего место и в дядь своих Якова да Немира Степановых детей Саблина лета 7090.

ОР РГБ. Ф. 303 (Архив Троице-Сергиевой лавры). Ч. I. № 404. Подлинник.

Список 1580-х гг.: Там же. Кн. 519. Л. 225 об. – 227.

№ 6

1583 г. января 15. – Купчая (продажная) посадских людей Григория Андреева с. и Пятого Тимофеева с Саблиных приказным старцам Спасо-Прилуцкого монастыря Кириллу и Пимену на свои доли в соляных варницах за 12 руб.

(стб. 2) Се яз, Григорей Ондреев сын сын Саблина, да яз, Пятой Тимофеев сын Саблина ж, оба есмитотмичипосацкие люди,

продали есмяСпаского Прилуцкого монастыря с Вологды приказным старцом – старцу Кирилу да старцу Пимину у Соли Тотемские в Каменке трубе - яз, Григорей, отца своего благословение Тимофея в той же шестой выти пятую выть. А те наши выти вместе с Олексием да с Потапьем да с Меньшиком в шестой выти трубе. А нам, мне, Григорью да Пятому, две выти в той же шестьне[28]. А продали есми те свои две выти без выкупа. А денег есми взяли на тех своих вытях двенатцать рублев. И будут у кого те наши выти в кабалах написаны или в закладных записях, или купчая выляжет на те наши выти, и нам, мне, Григорью, да Пятому, те свои две выти Каменки трубы в шестой выти от кабал и от закладных записей, и от купчих, и от всех крепостей, каковы ни буди, очищать. А старцу Кирилу да старцу Пимину в тех своих вытех, которые мы им продали, и нам убытки // (стб. 3) и волокита по сей купчей поднять все сполна.

А на то послуси: Федор Дмитреев сын Молоков да Перфирей Семенов сын Попов, да Иван Игнатьев сын Упадашев, тотмяне посацкие люди.

А купчую писал Ивашко Михайлов сын Кузнецов лета 7091 генваря в 15 де[нь].

На обороте: Федюша руку приложил.

В послухех Перша и руку приложил.

ГАВО. Ф. 1260. Оп. 2. № 21. Стб. 2–3. Подлинник[29].

Копия XVIII в.: Там же. № 20. Л. 1.

Упом.: Черкасова М.С. Архивы вологодских монастырей. С. 138. № 164.

№ 7

1584 г. марта 31. – Докладная купчая (продажная) посадских людей Александра и Потапия Андреевых детей Саблиных приказным старцам Спасо-Прилуцкого монастыря Кириллу и Пимену на треть соляной трубы Каменки.

Доложатотемского наместника Василя Ивановича Непейцына и его тиуна Окоема Иванова, се яз, Александр, да яз, Потапей Андреевы дети Саблина, тотмяне, продали есми отца своего благословенья Андрея Саблина с Вологды Спаского Прилуцкого монастыря приказным старцом – старцу Кирилу да старцу Пимину треть трубы Каменки с росолом. А взяли есми на своей трети

---

[28] *Так в ркп.*

[29] *В нижнем крае столбца позднейшая архивная пометка:* список писцу дан.

трубы восм[ь]рублев денег. А в шабрех та наша труба половина трубы троецких старцов Сергеева монастыря да шестая выт[ь] трубы Угрешского[30] монастыря старцов же. А та у нас труба попортилася. И дали есмя на поделье мастеру Ивану Андрееву сыну Кувакину своие трети половину шестую выть трубы Каменки. А делать ему вся трет[ь] своею силою и своими денгами. И снась[31] ему кластилышная и деревянная и железная и всякая своя. А та ему нашия трети трубы половина от дела шестая выть. А не учнет Иван делать в сей трубе трети Каменки, и Иван своее выти лишен и дела ему нет до тое трубы.

А та у нас треть трубы Каменки не продана, ни заложена, ни порукою не подписана ни в каких крепостех. А будет какова крепость выляжет на нашу треть трубы, и нам, Александру и Потапью, от всех крепостей очищать свою треть трубы Каменки и, очистя, отдати Прилуцкого монастыря старцом и убытка им в том не учинить ничего. И что учиним старцом убытка, и нам, Александру и Потапию, те убытки снимать.

А на то послуси: Меншей Андреев сын Саблина да Кипреян Дмитреев сын Рохлец кузнец, тотемские посацкие люди.

А купчую писал Алешка Дмитреев сын вятченин лета 7092 марта в 31 де[нь].

На обороте той купчей подписано тако:

К сей купчей Олеша руку приложил.

Послух Меншик руку приложил.

ГАВО. Ф. 1260. Оп. 2. № 20. Л. 1 об. Копия XVIII в.:

Упом.: Черкасова М.С. Архивы вологодских монастырей. С. 138. № 167.

Притчина Валентина Алексеевна,
МБУК «Тотемское музейное объединение», г. Тотьма

ИКОНОПИСЦЫ И СТЕНОПИСЦЫ ТОТЕМСКОГО КРАЯ (XVII – НАЧ. XX ВВ.)

Многие столетия интерьеры храмов Тотемского уезда украшали иконы и настенные росписи. Имена авторов этих работ в большинстве случаев неизвестны. И это неслучайно. Церковная

[30] *В ркп.* Угрицкого.
[31] *Так в ркп. Надо*: снасть?

живопись носила сакральный, культовый характер и не мыслилась как авторское произведение. Иногда в создании иконы или настенной живописи принимала участие артель мастеров. Считалось, что это коллективное, соборное дело, в котором не могло быть ничего субъективного.

Публикации о тотемских иконописцах и стенописцах малочисленны, хотелось бы в данной статье представить в общих чертах историю иконописания и стенописания на Тотемской земле и назвать фамилии мастеров, которые удалось выявить в процессе изучения документов ГАВО, краеведческой литературы, общения со специалистами и нескольким подписным иконам.

Наиболее ранние сведения – это упоминание первой половины XVII века о тотемском изографе Якове Попове. Игумен Спасо-Суморина монастыря Галактион в 1626 году просит его написать икону Феодосия Тотемского, видя совершающиеся при гробе преподобного чудеса.[32] В конце XVII века упоминается другой тотемский иконописец Клюсов Иван Ильич, который *«в 1699 году написал крест в часовню Тотемского Спасо-Суморина монастыря, как значится в надписи на кресте «Лета 7207 (1699) июля в 18 построен сей крест в часовню Спасо-Суморина монастыря, при архимандрите Ионе с братиею, а на поземе писал сей крест тотмянин иконописец Ивашко Ильин сын Клюсов».*[33]

В Вологодском историко-архитектурном и художественном музее-заповеднике хранится икона 1707 года «Чудо Георгия о змие», выполненная мастером Иоасафом Клепиковым. В Вологодский музей икона поступила в 1929 году из Иоанно-Предтеченской церкви из с. Предтеча Тотемского уезда.[34] Поскольку икона бытовала в одном из тотемских храмов, можно сделать предположение, что Иоасаф Клепиков местный мастер. Реставрация иконы произведена в 1930 году в Вологодском областном краеведческом музее реставратором А. И. Брягиным. *«Традиционная иконография в этом произведении соединяется с грубоватой выразительностью жестов и ликов. Георгий представлен с непропорционально большой головой, фигура коня удлинена, иконные горки больше напоминают*

---

[32] Коренева Н. И. Описание Спасо-Суморина монастыря – памятник местной церковно-исторической мысли // Преображение в веках. Православные святыни и подвижники.– Вологда: Книжное наследие, 2007. С. 127.

[33] Савваитов П. И. Описание Тотемского Спасо-Суморина монастыря.– СПб., 1851. С. 26.

[34] Экспонируется на выставке в художественном отделе ВИХАМЗ. Инв. номер 7819, размер 106х101,5.

округлые камни, чем обычные скалистые возвышения с лещадками. На фоне, небрежно закрашенном синей краской, видно направление движения кисти. Своеобразное фольклорное переосмысление получает здесь изображение Солнца, расположенное в правом верхнем углу иконы. Однако именно неискушенность и простодушие иконописца придают удивительную притягательность этому образу».[35]

В Тотемском музее церковной старины экспонируется подписная икона Лаврентия Туфанова «Богоматерь Казанская», датированная 1717 годом,[36] поступившая в краеведческий музей в 1928 году из Сретенской городской церкви. Известно, что иконы этого мастера хранятся в других музеях области (Вологда, Кириллов). На полях произведения надпись: *«717-го образ сий писал Лаврентий Т».* По архивным документам иконописец из г. Торопец Лаврентий Григорьевич Туфанов упоминается в промежутке 1692–1730 гг. Известно, что в 1697–1698 гг. вместе с братом Георгием он писал икону Благовещения для новгородской церкви Спаса на Ильине.

В 1704–1705 гг. Туфанов выполнял заказы князя Александра Даниловича Меньшикова, владения которого находились в Леденгском Усолье Тотемского уезда. На иконах Лаврентий Туфанов подписывался по-разному: то называл себя подъячим крепостной избы, то торопецким купцом. С 1715–1730 гг. выполнял работы для вологодских церквей. Икона «Избранные святые в молении Святой Троице»», написанная Лаврентием Туфановым из храма Равноапостольных Константина и Елены, хранится в Вологодском музее-заповеднике. В 1718 году иконописец работал «на жалованьи» в Кирилло-Белозерском монастыре, для которого в 1730 году им была написана большая партия икон. Лаврентий Туфанов происходил из богатого торопецкого купеческого рода. В псковском музее хранится икона «Дмитрий Солунский в житии», которую написал его отец. Представители рода Туфановых на протяжении нескольких веков занимались храмозданной деятельностью.

---

[35] Глебова А.А. Маймасов С.Б. Петрова Т.Г. Древнерусское искусство в собрании Вологодского музея-заповедника. Путеводитель по экспозиции. М., «Северный паломник», 2004. С. 121; Рыбаков А.А. Вологодская икона. Центры художественной культуры земли Вологодской XIII–XVIII веков.– М., 1995. № 272.

[36] ТМО 9586, 32х28,5, дерево, паволока, левкас, темпера. Поступила в 1928 году из Сретенской церкви г. Тотьмы, экспонируется в Тотемском музее церковной старины. Реставрирована в ВФ ВХНРЦ им. ак. И.Э. Грабаря. Реставратор С.П. Белов.

Фамилию изографа Федора Ивановича Никановского раскрывает на своих страницах летопись Тотемской Троицкой Зеленской церкви. Согласно летописи[37]в 1738 году в Троицкую церковь поступила икона Николая Чудотворца, которую *«собственноручно писал и пожертвовал посадский человек и изограф Федор Иванов Никановский».* В летописи находится еще один договор, датированный 25 января 1787 года между вологодским мещанином Кириллом Дмитриевичем Скорняковым и Матреной Черепановой о строительстве иконостаса в Троицкой церкви.[38]

В коллекции Иркутского областного художественного музея хранятся две иконы мастера Федора Никоновского: «Спас Вседержитель с Предстоящими Чудотворцами», среди которых трое тотемских: блаженный Максим, преподобный Феодосий и блаженный Андрей, и икона «Богоматерь Печерская с Печерскими чудотворцами», созданные мастером в 1790 году. Поскольку тотемская и сибирские иконы были написаны с большой разницей по времени (52 года), можно предположить, что иркутские иконы были написаны художником в зрелом возрасте или созданы другим представителем рода Никановских.[39] Авторы альбома-путеводителя «По следам тотемского барокко» на примере сибирских икон с барочными мотивами пишут о размахе культурных контактов тотемских мастеров.[40]

Еще одна подписная икона Федора Никоновского «Распятие» находится в частной арт-галерее «Дежа-вю». *«Мастер, как и многие его современники, использовал в качестве композиционного образца гравюру западноевропейского происхождения. Именно с нее он взял жест рук павшей на колено Марии Магдалины, фигуру ангела, собирающего в чашу кровь и воду, струящиеся из раны на теле Иисуса Христа. Здания Иерусалима на заднем плане увенчаны полумесяцами, чего не могло быть в эпоху Христа, но было скопировано с современных мастеру иллюстрированных проскинитариев - путеводителей по Святой земле».*

---

[37] Драницына Е. А. Летопись церкви города Тотьмы, градской Троицкой церкви, что на Зелене, составленная в 1869 году. // Преображение в веках. Православные святыни и подвижники. Вологда: Книжное наследие, 2007. С. 152.

[38] Летопись Троицкой церкви. Научный архив ТМО 1124. Л. 34–35.

[39] При описании икон из Иркутского музея фамилия мастера пишется через «о» – Никоновский. См.: Кузнецов А., Новоселов А. По следам тотемского барокко. Альбом-путеводитель.– Вологда: Древности Севера, 2016. С. 116.

[40] Кузнецов А., Новоселов А. По следам тотемского барокко. Альбом-путеводитель. Вологда: Древности Севера, 2016. С. 116.

Стиль иконы отражает одно из важных направлений в городской художественной культуре XVIII века: он во многом открыт воздействию светского стиля барокко, а мастер использует приемы, характерные для живописной, а не иконописной манеры письма.[41] Внизу под основанием креста надпись: *«Писал тотемский купец иконного руководства мастер Федор Никоновский 1789 года»*[42].

Со страниц летописи Троицкой Зеленской церкви кроме Федора Никановского узнаем еще некоторые фамилии мастеров: *«Художником иконописи в верхней церкви был вологодский мещанин Спирилков Кирилл Дмитриев»,*[43] а 1858 году иконописцем Федором Ветровым была поправлена иконопись верхней Троицкой церкви, *«с искусной, впрочем, выдержкою прежнего штиля».*[44] В 1980–1990-е годы росписи второго этажа храма были поновлены тотемскими художниками Н. П. Сажиным и А. С. Пестеревым.[45]

Современником тотемского иконописца Федора Никоновского был тотьмич Александр Брагин. В запасниках Архангельского областного музея изобразительных искусств хранится выполненная мастером в 1797 году икона «Воскресение – сошествие во ад, с праздниками», которая поступила из Успенской церкви (1667 г.) с. Суланда Шенкурского района Архангельской области. В 1996–1997 гг. икона реставрирована в ВХНРЦ им. ак. И. Э. Грабаря (реставратор Г. В. Цируль). На нижнем поле произведения – надпись, выполненная белилами в одну строку: *«Писанъ Тотемс[ким] мещанином Александром Брагиным «1797» Года.»*[46] В июне 2016 года икона экспонировалась на выставке «Подписные и датированные памятники церковного искусства», организованной на базе ФГБУК «Кирилло-Белозерский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник».

---

[41] Комашко Н. И. Красота древней традиции. Выставка «Иконы из частных собраний» в музее древнерусского искусства имени Андрея Рублева // Наше наследие: электрон. версия журн. 2004. № 72. URL: http://www.icon-art.info/book_contents.php?book_id=139 (дата обращения 25.12.2017).

[42] Представляется, что таки в «Летописи Троицкой церкви» присутствует ошибка, и Фёдор Никановский (Никоновский) творил во второй половине восемнадцатого столетия *(прим. редактора – А. М. Новосёлов).*

[43] Летопись церкви города Тотьмы, градской Троицкой церкви, что на Зелене, составленная в 1869 году. Научный архив ТМО 1124.

[44] Там же.

[45] Кузнецов А. В., Новоселов А. М. По следам тотемского барокко. Альбом-путеводитель.– Вологда: Древности Севера, 2016. С. 53.

[46] АОМИИ. Инв. 378 – држ. Дерево, левкас, смеш. техника (темпера, масло, позолота). За информацию благодарю Кольцову Т. М.

Документы ГАВО начала XIX века упоминают тотемского художника Миронова Василия Алексеевича (1777–1778 г. р.), который в 1814 году писал иконы по заказу помещицы О. С. Ильищевой в церкви Ильи Пророка, что на Вагалове.[47] Первоначально учитель рисовального искусства Миронов В. А. обучался живописи у частных художников, в 1807 году – при Вологодской губернской гимназии под присмотром Н. И. Катина, который дает Миронову свидетельство на право учительства в уездном училище. Его принимают в учительское сословие, и он преподает первоначально в Яренгском уездном училище,[48] затем в Тотемском уездном училище.[49]

В процессе исследования были выявлены фамилии тотемских иконописцев, работавших во второй половине XIX века. Например, тотемский мещанин иконописец Кузнецов Иван Павлович упоминается в документах Тотемской городской управы в 1882, 1893 гг. Он имеет в Тотьме собственное заведение и проживает в собственном доме. В фондах ТМО хранится подписное произведение «Богоматерь» (эскиз) мастера.[50] На обратной стороне выполнена надпись «*Писалъ Иванъ Павловъ Кузнецовъ 1897 года».* В Покровской церкви с. Морозово Верховажского района сохранились настенные росписи, выполненные И. П. Кузнецовым в 1897–1898 гг.[51] Подряд на работу хранится в документах Вологодской духовной консистории.

Архангельский исследователь Татьяна Кольцова предполагает, что в основе творчества Кузнецова хорошая профессиональная школа академической живописи, но где обучался живописец – неизвестно. Ансамбль, созданный им в Морозовской церкви, является одним из замечательных и характерных для русского искусства конца XIX века. В работе художник позаимствовал большинство образцов из «Библии в картинках», созданной в 1852–1860 гг. немецким художником Юлиусом Шнорр Карольсфельдом**.** В статье автор упоминает еще один храм с росписями Кузнецова – несохранившуюся деревянную церковь святых мучеников Флора и Лавра

---

[47] ГАВО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 38, Л. 31. За информацию о Миронове В. А. благодарю Даен М. Е.

[48] ГАВО. Ф. 438. Оп. 3. Д. 209, Л. 12.

[49] ГАВО. Ф. 438. Оп. 3. Д. 3488.

[50] ТМО 29937. Картон, масло.

[51] Кольцова Т. М. Росписи Покровской церкви с. Морозово Верховажского района Вологодской области. // Важский край: источниковедение, история, культура.– Вып. 7.– Вельск, 2016. С. 125–140.

в Пежме Вельского уезда. Есть предположение о работе мастера в Тотемской Варницкой Воскресенской церкви.

Кроме Кузнецова И. П., работавшего на рубеже веков, среди иконописцев начала XX века можно назвать мастера Козырева В. М.[52] В 1906 году им был внутри отделан и украшен живописью Покровский храм в Тотемской Богословской кладбищенской церкви.

Известны упоминания о работах тотемских иконописцев в сельских церквях уезда. Краевед Александр Иванович Линьков, описывая интерьер теплой Николаевской церкви Тиксненской волости, называет фамилию тотемского иконописца Никифора Скорюкова*: «По левую сторону царских врат помещается икона пресвятой богородицы с предвечным младенцем; по краям иконы написаны: Феодосий, Вассиан, блаженный Максим и Андрей, Тотемские чудотворцы. Обе эти иконы писаны тотемским живописцем Никифором Скорюковым в декабре 1801 года.»*[53]

Для некоторых тотемских храмов иконы заказывались столичным мастерам. В паспорте на деревянную церковь «Введение во храм Пресвятой Богородицы» (1905–1912 гг. постр.) из д. Ляпино, расположенной в 25 километрах от Николаевской Еденгской церкви, указано: *«Сохранились три иконы из иконостаса, заказанные в Петербурге неким Бугаевым в нач. этого века. Сюжеты: «Спас Богородицы», «Три святителя». Первыми двумя заколочены окна».*[54]

Тотемские мастера во второй половине XIX – нач. XX вв. работали также за пределами Тотемского уезда и даже в столицах. В библиографическом словаре «Северные иконописцы»[55] упоминаются тотемские живописцы Г. Ф. Ветров, Ф. И. Никановский, а также иконостасные мастера П. А. Макушин, И. П. Двойнишников, М. Д. Мараков, К. И. и С. К. Серегодские, которые не только работали, но и проживали в Архангельской губернии. В процессе исследования были выявлены фамилии мастеров настенной живописи. В Вологодской энциклопедии[56] представлена информация о мастере

---

[52] Тотьма. Историко-литературный альманах.– Вып. 1.– Вологда: Русь, 1995. С. 210.

[53] Линьков А. И. Погост на Тиксне и святой Вассиан.– Тотьма, 2014. С. 12.

[54] Паспорта на памятники архитектуры. Акт технического осмотра на памятник архитектуры – церковь «Введение во храм Пресвятой Богородицы». 1968 г. Н. а. 1656.

[55] Кольцова Т. М. Северные иконописцы: опыт библиографического словаря.– Архангельск, 1998.

[56] Даен М. Е. Агафонов Григорий Михайлович. // Вологодская энциклопедия.– Вологда: Русь, 2006. С. 26.

мозаичной живописи, работавшем в Санкт-Петербурге, уроженце Шуйской волости Тотемского уезда Григории Михайловиче Агафонове (1819–1869). Простой крестьянский сын, он становится учеником Академии художеств в 1840 году и уже спустя шесть лет за картину «Деревенский мальчик» получает малую серебряную медаль. В 1867 году в Париже на Всемирной выставке он был удостоен бронзовой медали за фамильный мозаичный образ «Всех святых».

В Исакиевском соборе Санкт-Петербурга художник работает в технике мозаики в 1857–1858 гг. и создает образы Св. Петра и Св. Меркурия. В 1863–1869 гг. по оригиналу П. Ф. Брюллова совместно с художниками И. С. Шаповаловым и В. А. Колосовым им были выполнены образы Св. Николая Кочанского и Св. пророчиц Анны и Елизаветы[57] для второго яруса главного иконостаса. В 1868 г. Агафонову присваивают звание художника 2 степени. Из-за болезни Г. М. Агафонов уезжает в Вологду в отпуск, где, прожив всего несколько месяцев, скончался 14 сентября 1869 года.[58]

В ходе изучения современного состояния городских храмов удалось в некоторых выявить сохранившуюся стенопись. Во Входоиерусалимском сохранилась живопись, выполненная в к. XVIII–н. XIX в. неизвестным мастером. В 50–60-е годы прошлого столетия представителями Управления культуры Вологодского облисполкома проводился в Тотемском районе осмотр и паспортизация памятников архитектуры. В акте технического осмотра 1968 года церковь названа Иоанно–Предтеченской и сделано описание состояния живописи: *«Живопись закрыта покраской и разрушается из-за неблагоприятных погодных условий. В храме деревянные позолоченные скульптуры»*[59].

В ходе обследования чердачного помещения городского Воскресенского храма два года назад были обнаружены настенные росписи удовлетворительной сохранности. Во время уничтожения купола церкви в советские годы большая часть изображенных фи-

---

[57] За предоставленные фотографии и информацию выражаю благодарность Правдиной М. Б.

[58] Последователем мастера мозаичной живописи можно назвать современного художника – тотьмича Александра Пестерева, который в технике мозаики выполнил иконы тотемских святых Андрея и Максима в 2004 и 2006 гг. на стенах Успенского городского и Варницкого Воскресенского храмов.

[59] Паспорта на памятники архитектуры. Акт технического осмотра на памятник архитектуры. 1968 г. Н. а. 1656.

гур лишилась головы. Целиком сохранились лишь ангелы небольших размеров. Настоящей находкой стал документ «Договор»[60] священноцерковнослужителей и церковного старосты Тотемской городской Успенской церкви с живописцем Сольвычегодского уезда Великосельской волости государственным крестьянином Матвеем Яковлевичем Пономаревым о подрядных работах по выполнению живописи в летней Воскресенской церкви:

«Тысяча восемьсот семьдесят второго года сентября двадцатого дня. Мы, нижеподписавшиеся священноцерковнослужители и церковный староста Тотемской градской Успенской церкви заключили сей договор с живописцем (цеховых дел мастер) Сольвычегодского уезда Великовской волости госуд. крестьянином Матвеем Яковлевичем Пономаревым в том, что подрядили его Пономарева в Воскр. Холод. Церковь произвести следующие работы:

Написать по представленному рисунку в куполе Господа Саваофа и в простенках между четырьмя окнами по одноличному клейму, какие будут изображены. В своде изобразить Славу и сияние? в доантичных (?) нарядах т. е. на восточной стороне изобр. Св. Троицу, а на остальных трех сторонах – чины ангельские. Под карнизом между верхними окнами изобразить в клеймах явления Христа Спасителя после Воскресения его. Между нижними (?) окнами в боковых простенках должны быть изображены двуличные клейма. Все клейма, пропис. В 3 и 4 п. д. б. написаны согласно выбору местного священника и украшены приличною уборкою.

Оконченная живопись д. б. на масле, а стены раскрыты приличными колерами на клею[?] т. е. цокуль[?] – выкрасить масляными красками под мрамор. В карнизе над клеймами и окнами и между верх. И нижн.окнами сделать приличную согласную с рисунков уборку. В алтарях же и придельном храме раскрасить приличными колерами на клею, местами же поправить и штукатурку...»

Сохранились краткие сведения о настенных росписях алтаря верхнего храма Тотемского Богоявленского собора, выполненных в 1913 году художником Феодосием Вахрушовым, также им были произведены и некоторые другие поправки.[61] О других художниках упоминания кратки: среди членов Тотемского отделения ВОИСК упоминается Куций Филипп Григорьевич – маляр-живопи-

---

[60] Выражаю благодарность Кореневой Н. И. за предоставленную информацию. Научный архив ТМО, Фонд Тотемского земского суда. № 1130/2.

[61] Тотьма. Историко-литературный альманах.– Вып. 1.– Вологда: Русь, 1995.– С. 147.

Сохранившиеся росписи в городской Воскресенской церкви. 1872. Мастер Матвей Яковлевич Пономарев

сец из Тотьмы[62]. Метрические книги за 1918 год 18 марта отмечают брак художника-живописца Нечаева Георгия Дмитриевича 29 лет, сына надворного советника г. Тотьмы.[63] О конкретных работах этих мастеров нам ничего не известно.

Сохранилась стенопись и в некоторых сельских храмах. Подкупольное пространство и стены Усть-Печенгского Покровского храма расписаны фресками XIX века. Кроме того, в летней церкви в иконостасе указаны следующие иконы: *«в местном ряду: Покров, Никола, Спас, ..., Успение Богоматери, Архангел Михаил, Иоанн Креститель. В зимней церкви существуют два иконостаса. В левом – иконы: – Прокопия и Иоанна устюжских чудотворцев, И. Крестителя, Спаса, Богоматери Владимирской, Стефана Первомученика, Павла Обнорского (м. б. Латорского). В правом – икона Всех Святых, Иполлита, Екатерины. «Иконы местной школы разного времени»*[64]. Известно, что приделы и иконостасы в теплом храме выполнены на средства петербургского гражданина Павла Пожарского (одного из потомков знаменитого предводителя народного ополчения 1612 года).

---

[62] Там же. Вып. II. 1997. С. 533.

[63] ГАВО. Ф. 496. Оп. 57. Д. 192. Книга метрических записей Тотемского Богоявленского собора. 1910–1919.

[64] Паспорта на памятники архитектуры. Н. а. 1656. Паспорт на Покровскую Усть-Печенгскую церковь.

Краевед Дудин В. А. в книге «Чаловы Горы», посвященной истории бывшей Трофимовской волости Тотемского уезда, приводит описание интерьера Воскресенской церкви с погоста Якшино: *«В храме сохранились плохо различимые фрагменты масляной живописи, выполненной в 1883 году Николаем Лихачевым (об этом сообщала несохранившаяся надпись на западной стороне апсиды».*[65]

«Из архивных источников известно имя другого тотемского мещанина – Николая Кириллова, который в эти же годы брал подряды на стенную живопись. В частности, в 1896 г. им была произведена стенная живопись за 600 руб в деревянной Успенской церкви Черевковского прихода Устюжского уезда».[66]

Паспорта на памятники архитектуры Тотемского района, составленные в 60-е годы, дают лишь краткую информацию о настенных росписях и иконах некоторых сельских храмов. Например, 2 этаж Воскресенской церкви XVIII века из д. Подлипное Великодворского с/с *«расписан фресковой живописью XX века. На парусах евангелисты. Сюжеты: Благовещенье, Рождество, Крещение, Вознесенье»*[67]. Неизвестным живописцем в 1908 году была выполнена масляными красками роспись стен в Христорождественской церкви в Сондуге (1774 г. постр.). Сохранились немногие фрагменты в алтаре и выше перекрытия в холодном храме. Иконы из церкви вывезены московскими туристами в 1965–68 гг.[68]

Известны фамилии приглашенных из Грязовецкого уезда мастеров. Для выполнения работ в Воскресенской Шейбухтской церкви Тотемского уезда в 1853 году был приглашен крепостной грязовецкой помещицы О. Ф. Харламовой Борис Егорович Монаков. *«Порядили мы его Монакова в теплой нашей церкви по нарисованному им плану сработать новый иконостас для двух приделов, по правую сторону во имя Казанской Божией Матери – а по левую – святителя Афанасия Александрийского. А именно: столярство, резьбу, иконы и малярное, кроме трех старых икон, которые поместить в новом иконостасе, также четыре разные киоты за клиросом, за каждую работу рядили мы ему Монакову 485 руб. 70 коп. серебром с тем, чтобы означенная работа представлена*

---

[65] Дудин В. А. Чаловы Горы.– Кострома, 2015. С. 77.

[66] Кольцова Т. М. Росписи Покровской церкви с. Морозово Верховажского района Вологодской области. // Важский край: источниковедение, история, культура.– Вып. 7.– Вельск: 2016. С. 132.

[67] Паспорта на памятники архитектуры. Н. а. ТМО 1656. Паспорт на Воскресенскую церковь в д. Подлипное.

[68] Там же. Паспорт на Христорождественскую церковь в Сондуге.

была им Монаковым в превосходном виде и искусстве без отступки от плана».[69]

В 1903 году грязовецким мастером Д. П. Турчаковым была расписана Алексеевская Толшменская церковь. *«В обоих церквях стены и своды расписаны масляной живописью. Иконы отсутствуют за исключением нескольких, вынутых из иконостаса, письмо новое, видимо того же живописца, сохранились иконы из местного ряда: Богородица, из праздничного: Три святых, Преображение и боковые алтарные двери. На алтаре теплой церкви стоят три вырезанные из дерева фигуры: Христос на кресте, Мария и Креститель. Все они окрашены масляной краской. Стенопись двухъярусная. Внизу в алтаре: Григорий Богослов, Василий Великий, Иоанн Златоуст и Григорий Двоеслов (?), Господь Саваоф с младенцем Христом. В самом храме Серафим Саровский, Алексий, человек Божий, Николай Чудотворец, Феодосий Тотемский, Иоанн Предтеча. Во втором ряду: Рождество Богородицы, Введение во храм, Благовещение, Покров и Успенье пресв. Богородицы. В куполе: Рождество, Преображенье, Вознесенье, Воскрешенье. Иконы были уничтожены в 30-х годах местными властями».*[70]

Дмитрий Турчаков – уроженец д. Святогорье Грязовецкого уезда (родился примерно в 60–70-е годы). Расписывал церкви в округе вместе со своими сыновьями. На росписях оставлял надписи, подписываясь мещанином Дмитрием Турчаковым. Увлекался фотографией (обучился этому в Петербурге). В 1922 году вместе с семьей переехал в Петроград, где подрабатывал тем, что писал портреты вождей.[71]

Документы архивов хранят сведения не только о написании икон и создании стенописи, но и о работах, выполненных по золочению иконостасов. Например, для золочения Толшемской Благовещенской церкви был приглашен мастер И. К. Верховский из Солигаличского уезда.[72] *«24. 29. 1854 года. Я, нижеподписавшийся, Костромской губернии г. Солигалича мещанин Иван Кузьмин Верховский заключил сей договор с церковнослужителями, церковным*

---

[69] ГАВО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 209. Л. 3. Книга для записи актов слуг и рабочих людей на 1854 год.

[70] Паспорта на памятники архитектуры. Алексеевская Толшменская церковь. Н. а. ТМО 1656.

[71] Генеалогический форум ВГД [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://forum.vgd.ru/post/396/14979/p323055.htm (дата обращения: 26.12.2017).

[72] ГАВО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 209, Л. 7. Книга для записи актов слуг и рабочих людей на 1854 год.

старостой и приходскими людьми Вологодской епархии Тотемского уезда Усть-Толшменской Благовещенской церкви вызолотить червонным золоторублевым золотом на полимент сколько есть на иконостасе резьбы, как получ. Так и (?) в лучшем виде (?) В том, что оне вызолотить зпрестольный крест и Божью Матерь ценою за все сие триста восемьдесят шесть рублей серебром, с тем, чтобы начать работу немедленно по заключении договора и кончить в год, т. е. 1855 ко Святой Пасхе»

Интересный материал для исследователя представляют приходо-расходные книги Тотемского Спасо-Суморина монастыря. В книге за 1819 год указаны в качестве получателей денег за письмо икон Феодосия Тотемского Вологодского уезда прилуцкий крестьянин Андрей Булин (получил 18 рублей)[73] и живописец Василий Медведев (получил 12 рублей).[74] Братья Василия Медведева Тимофей и Епифан Алексеевичи известны как художники-академисты, Василий в документах упоминается в числе помошников в исполнении настенных росписей.

Монастырем покупались иконы и картины Феодосия Тотемского, а также кресты у коллежского ассесора Ивана Андреевича Кузнецова. Всего заплачено 300 рублей.[75] В этом же году в сентябре месяце ему же заплатили 100 рублей «за забранные у него иконы».[76] О написании Кузнецовым икон собственноручно из документа ничего не известно, возможно, он являлся поставщиком товара для монастыря.

В приходо-расходной книге монастыря 1819 года есть данные о золочении в монастыре иконостасов и их росписи. У тотемского золотаря Андреева Дмитрия для этих целей было куплено на 30 рублей разного инструмента,[77] тотемский мещанин Дмитрий Жигулев, помогавший золотить иконостас, получил 20 рублей.[78] В следующем году он же получил пять рублей *«за вспомощение в позолоте иконостасов мастеру»*.[79] По данным приходо-расходных книг монастыря за 1819 год учитель уездного училища

---

[73] Там же. Л. 48 об.

[74] ГАВО. Ф. 526. Оп. 1. Д. 29–30. Л. 58 (л.). Приходо–расходные книги Спасо-Суморина монастыря за 1819 год.

[75] Там же. Л. 32.

[76] Там же. Л. 60 об.

[77] Там же. Л. 61 об.

[78] Там же. Л. 65 об.

[79] ГАВО. Ф. 526. Оп. 1. Д. 32. Л. 26 об. Приходо-расходные книги Спасо-Суморина монастыря за 1820 год.

Моронов[80] за расписку на иконостасе в монастыре херувимов получил шесть рублей.[81] К росписи монастырских соборов привлекались и вологодские мастера. *«В 1820 году февраля одиннадцатого дня Вологодского Кафедрального Софийского собора ключарю–священнику Павлу Иконникову за рисунки на новостроящую Вознесенскую церковь для штукатурной и лепной новой церкви работы 30 руб.»*[82]

В 1864–1865 гг. расписал Вознесенский собор Платон Семенович Тюрин, академик живописи, выпускник Санкт-Петербургской Академии художеств.[83] В приходо-расходных книгах Тотемского Спасо-Суморина монастыря за 1864 год названо несколько мастеров, помогавших художнику в выполнении росписей. Это крестьянин Кадниковского уезда Кокошиловского правления д. Туриева Молодцов Михаил Владимирович. *«2 декабря. Выдано работающему под надзором Г. Академика Тюрина масляными красками стены под мрамор живописи в обители на увольнении обществом, крестьянину Кадниковского уезда Кокомысловского Правления, дер. Туриева Михаилу Владимировичу Молодцову за его усердие в награду 25 руб.»*.[84]

Другим помощником П. С. Тюрина был Сергиевский Евгений. *«2 декабря. Выдано послушнику сего монастыря Евг. Сергиевскому трудившемуся при живописи под надзором Г. Тюрина во все лето в вознаграждение за безотказное исполнение велений Г. Тюрина в работе – по настоянию его – 15 руб.»*[85] Самостоятельные работы по росписи Вознесенского собора выполнял Скрипицын Иван Африканович.[86] *«30 сентября. Плачено живописцу Академии ученику Вологодскаго гражданина сыну Ивану Африкановичу Скрипицыну за*

---

[80] Возможно, Миронов Василий Алексеевич?

[81] ГАВО. Ф. 526. Оп. 1. Д. 29–30. Л. 65 об. Приходо-расходные книги Спасо-Суморина монастыря за 1819 год.

[82] ГАВО. Ф. 526, опись 1, д. 29, л. 52 об. Приходо-расходные книги Спасо-Суморина монастыря за 1820 год.

[83] Притчина В. А. К вопросу изучения истории росписей Вознесенского собора Спасо-Суморина монастыря. // Краеведческий альманах. Тотьмич.– Тотьма, 2015. С. 40–45; Притчина В. А. «Новооткрытые архивные материалы о росписях П. С. Тюрина в Вознесенском соборе Тотемского Спасо-Суморина монастыря. // Академик Императорской Академии художеств Платон Семенович Тюрин и культура Вологодского края XIX века. Сборник материалов научной конференции Вологда – с. Архангельское, 10–11 ноября 2016 г.– Вологда, ВОУНБ, 2017. С. 27–30.

[84] ГАВО. Ф. 526. Оп. 1. Д. 81. Книга о приходе и расходе сумм Спасо-Суморина монастыря на 1864 год.

[85] Там же.

[86] Даен М. Е. Скрипицын Иван Африканович. // Вологодская энциклопедия.– Вологда: Русь, 2006. С. 432.

написание в холодном храме Вознесения Господня уборки на стенах в течение месяца 50 руб. и одного клейма под хорами Божией Матери среди херувимов 50 руб., всего 100 руб.».[87]

В приходо-расходных книгах Спасо-Суморина монастыря упоминается неоднократно фамилия тотемского мещанина Ивана Ивановича Ушакова, который выполнял работы по золочению в Вознесенском соборе.[88] До выполнения работ в Вознесенском соборе И. И. Ушаков в 1861 году золотил иконостас, киоты и царские врата в Верховажском Успенском соборе Вельского уезда.[89] В 1866 году его фамилия числится в списке мещан г. Тотьмы, подлежащих воинской повинности.[90] Здесь же указан живописец Пятовский Александр Иванович 23,5 лет.

Вознесенский собор монастыря был обследован комиссией в 1968 году, о чем свидетельствуют записи в Акте технического осмотра памятника. *«В храме живопись маслом. Вероятно, первоначальная. Имелась живопись по холсту, но холст сорван с деревянного свода на хорах».*[91] В Охранном обязательстве 1961 года записано: *«Живопись находится в удовлетворительном состоянии, местами имеет механические повреждения и снятое полотно с изображением на западном своде»*[92]*.*

Приходо-расходные книги Спасо-Суморина монастыря за 1873 год дают сведения о мастерах, изготовлявших иконы Феодосия Тотемского, но проживающих в других губерниях. *«Уплачено иконописцу крестьянину Владимирской губернии Вязниковского уезда, слободы Холуи, Владимиру Ивановичу Ручкину, за написание им в своей мастерской и доставку в монастырь икон преподобного Феодосия на кипарисовых досках. 6 пяти вершковых с фольговым окладом 304 вершковых – по 20 коп. Всего 2090 икон. И кипариса для вырезания крестиков».*[93] Из города Ростова Ярославской губернии от золотых

---

[87] Книга о приходе и расходе сумм Тотемскаго Спасо-Суморина монастыря за 1865 год. ГАВО. Ф. 526. Оп. 1. Д. 82.

[88] Там же.

[89] Кольцова Т. М. Росписи Покровской церкви с. Морозово Верховажского района Вологодской области. / Важский край: источниковедение, история, культура.– Вып. 7.– Вельск, 2016. С. 132–133.

[90] ГАВО. Ф. 10. Оп. 2. Д. 218. Л. 105 об. Семейные списки мещан г. Тотьмы, подлежащих к исполнению рекрутской повинности в 1866 году.

[91] Акт технического осмотра памятника архитектуры. 1968. Н. а. ТМО 1656.

[92] Охранное обязательство на памятник архитектуры Вознесенский собор. 1961. Н. а. ТМО 1656.

[93] ГАВО. Ф. 526. Д. 97. Л. 20. Тетрадь для записки прихода и расхода сумм Тотемским Спасо-Сумориным монастырем за 1873 год. За информацию благодарю О. Полоцкую.

Сохранившиеся росписи в Кулойской Воскресенской церкви. XIX в. (?). Мастер неизвестен

и финифтевых дел мастера мещанина Александра Алексеевича Усачева дважды поступали в монастырь образки преподобного Феодосия на финифти. За что ему первый раз было заплачено 40 рублей 15 копеек, второй раз – 45 рублей.[94]

На основе вышеизложенного материала можно сделать вывод, что город Тотьма на протяжении нескольких столетий был крупным художественным центром. Многие иконописцы и стенописцы выполняли работы не только в пределах своего города, уезда и губернии, но также заключали подряды на выполнение работ в соседних губерниях. В процессе работы над темой удалось выявить некоторые фамилии тотемских мастеров, но многие сохранившиеся иконы и росписи в церквях Тотемского уезда и за его пределами остаются безымянными и ждут новых открытий:

[94] Там же. Л. 23. Л. 35.

это росписи Благовещенской Вожбальской церкви, Воскресенских Старототемской, Варницкой, Кулойской, Входоиерусалимской Тотемской, Покровских Усть-Печенгской, Замошской, Богородице-Рождественской Чаловской, Николаевской Нутренской, Троицкой Зашугомской и других церквей, где работали тотемские мастера[95].

Харебова Людмила Станиславовна,
ФГБУК «Государственный историко-архитектурный и этнографический музей-заповедник «Кижи», г. Петрозаводск, Республика Карелия

КНИГИ КИРИЛЛИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ В СОБРАНИИ ТОТЕМСКОГО МУЗЕЙНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ

Практически единственным источником сведений о рукописях и кириллических изданиях, хранящихся сегодня в тотемских музеях, являются материалы регионального исследования «Памятники письменности в музеях Вологодской области», предпринятого в 1980-х годах. В сводном вологодском каталоге-путеводителе были опубликованы краткие описания 68 книг, изданных до 1825 года, из собрания печатной кириллицы Тотемского краеведческого музея, в то время включающего 93 экземпляра изданий[96].

В настоящее время фонд рукописей и печатных изданий Тотемского музейного объединения (далее – ТМО) насчитывает свыше четырех тысяч единиц хранения. По данным музейной электронной базы, коллекция включает 115 книг кириллической печати, изданных с 1631 по 1910-е гг. В ней выделяется преобладающая по количеству часть обиходных церковных книг, ранее принадлежавших в основном храмам города Тотьмы и его окрестностей. Самой представительной является коллекция московских изданий Евангелия (Четвероевангелия или Евангелия напрестольного), включающая 17 экземпляров изданий XVII–XVIII вв.[97] Восемь книг, сохранившие драгоценные оклады, экспонируются сегодня

---

[95] Кузнецов А.В., Новоселов А.М. По следам тотемского барокко. Альбом-путеводитель.– Вологда: Древности Севера, 2016. С. 33, 36–37, 74, 81, 95, 99, 104.

[96] Памятники письменности в музеях Вологодской области. Каталог-путеводитель / Под общ ред. П.А. Колесникова. Ч. 2; [вып. 1]. Книги кириллической печати [районных и народных музеев] (1564–1825 гг.) / Отв. сост. А.А. Амосов. Вологда, 1983. С. 228–246. (Далее – ППМВО).

[97] Состав коллекции изданий Евангелия см. в Приложении 1.

в Музее церковной старины. В основном это книги, поступившие в церкви в качестве вклада, сделанного разными лицами с целью «вечного поминания» самих вкладчиков, их родителей или родственников. Факт дарения закреплялся вкладной записью, в которой по традиции указывались даритель, время и условия вклада, перечислялись имена умерших родственников.

Самое раннее издание коллекции – Евангелие 1653 года (ТМО-9845) – было пожертвовано в Троицкую Зеленскую церковь Евдокией Федоровной, женой князя Никиты Ивановича Одоевского, «в вечный поминок по душам детей своих князе Михаиле, князе Федоре, князе Олексее Никитичах, да дочери своей княгини Прасковеи Никитишны». Никита Иванович Одоевский – русский государственный и военный деятель, дипломат, влиятельный член русского правительства в 1650–1680-х годах, один из крупнейших землевладельцев в конце 17 века. Жена князя Одоевского Евдокия Федоровна – дочь Федора Ивановича Шереметева, боярина, воеводы и государственного деятеля – приходилась внучатой сестрой царю Алексею Михайловичу. Сыновья, упомянутые в записи – Михаил, Федор и Алексей состояли на службе при дворе Алексея Михайловича, умерли в молодом возрасте: Михаил – в ноябре 1653 года, Алексей – 15 декабря 1655 года, Федор, женатый на двоюродной сестре царя Софье,– в июле 1656 года. В 1656 году не стало и единственной дочери Одоевских Прасковьи Никитичны, княгини Черкасской, жены стольника князя Григория Сунчалеевича Черкасского[98].

Евангелие, вышедшее из печати в конце августа 1657 года (ТМО-9908) – первое «пореформенное» издание текстов Писания, напечатанное после книжной справы патриарха Никона. Одним из новшеств издания является титульный лист, введенный в практику московского книгопечатания только с середины XVII века. Он сохранился в экземпляре ТМО, в отличие от утраченных гравюр с изображениями евангелистов. В книге читается вкладная запись следующего содержания: «*Лета 7168* [1660] *году положил сию книгу Евангелие напрестолное в дом Рождеству Христову и великому чудотворцу Николе и святой великомученице Христове Парасковеи*

[98] В экземпляре Минеи служебной 1624 года издания, ныне находящемся в фондах Вологодского музея-заповедника, имеется владельческая запись еще одного представителя князей Черкасских – стольника Андрея Камбулатовича Черкасского, имевшего вотчину в Вологде (см.: ППМВО. Ч. 2; вып. 2. Книги кириллической печати Вологодского областного музея (1575–1825) / Отв. сост. В. В. Морозов. Вологда, 1985. № 13).

нареченнои Пятнице тотьмянин посадскои человек Микифор Сисоев сын Кожин, а дано на книге сеи четыре рубля денег, а подписал на книге сей тотьмянин посадскои человек Тихон Фотеев сын Фоминскои».

Рождественская церковь, в которую было вложено Евангелие,– один из не сохранившихся деревянных храмов, некогда украшавших Тотьму. Согласно документам, приведенным краеведом Г. А. Григоровым, до постройки во второй половине XVIII века каменного Рождественского храма на его месте возвышались две церкви и колокольня: «...церковь во имя Рождества Господа Бога и Спаса нашего Исуса Христа, клецки с трапезою, верх шатровой... Другая церковь Николы чуд., деревянная, клетцки, о трех верхах шатровых, верхи крыты чешуей... да в приделе св. великомученицы Парасковы, нареченная Пятницы... Колокольня на воротах, рубленая, а верх з бочками; на колоколне 6 колоколов»[99]. В описи церковного имущества 1623–1625 гг., фрагмент которой цитируется в том же источнике, перечислены и книги, уже находившиеся в это время в церквах: восемь печатных изданий и десять книг «письменных».

В фондах Тотемского музейного объединения хранятся три экземпляра Евангелия, изданного в 1677 году при патриархе Иоакиме. Одну из книг (ТМО-29222) вложила в 1684 году в Тотемскую Сретенскую церковь «вдова Ирина Арифилиева дочь а ивановская жена Чекалева на помяновение по душам мужа и сына своего Иоанна и Феодора да дочери своей иноки схимницы Феодосии». Иоанн Чекалев был в 1683 году головой казенного промысла в Тотьме[100], членам семьи Чекалевых принадлежали и другие книги из собрания Тотемского музейного объединения. В Библии 1766 года издания (ТМО-29264) читается владельческая запись тотемского мещанина Михаила Федорова Чекалева, сделанная им в августе 1796 года, о том, что книга досталась ему по наследству от отца Федора Иванова Чекалева, заплатившего за два тома Библии 12 рублей. В 1868 году первую часть Толкований на Псалтирь (ТМО-29259) пожертвовала в Троицкую церковь Ольга Ивановна Чекалева, «бывшая тотемская мещанка».

---

[99] Григоров Д. А. Тотьма и ее окрестности // Тотьма. Историко-литературный альманах.– Вып. 1.– Вологда: Русь, 1995. [Электронный ресурс]. URL: https://www.booksite.ru/fulltext/1to/tma/alm/ana/8.htm. (Дата обращения 10.11.2017).

[100] Колесников П. А. Город Тотьма в XVII веке (К вопросу о социально-экономической истории русского поморского города) // Тотьма. Краеведческий альманах.– Вып. III.– Вологда: Легия, 2001. С. 258.

Около трети коллекции кириллических книг в фондах ТМО происходят из библиотеки Зеленской церкви и ее предшественниц – деревянных церквей Троицы Живоначальной и Благовещенской. Отнести их к храмовому книжному собранию позволяют сохранившиеся записи церковного клира и оттиски приходских печатей. Часть книг подписал священник Иаков Иоаннов Анфалов, оставивший свой первый автограф в 1745 году, а последний, будучи уже пресвитером – 27 марта 1772 года. Две записи были сделаны им в Евангелии благовестном Феофилакта Болгарского, изданном в 1748 году (ТМО-29241). Первая запись о принадлежности книги Зеленской церкви датирована 11 ноября 1750 года. Вторая, более пространная (на 75 листах), содержит ценнейшие сведения о многочисленных поновлениях и приобретениях, совершенных «ради благоукрашения церковнаго». В тексте скрупулезно перечислены не только произведенные в строениях ремонтные работы, но и вся купленная церковная утварь, а также 27 книг: комплект Миней месячных на весь год, четыре части Пролога, два издания Евангелия (напрестольное и толковое), Псалтирь с восследованием и Минея общая, два Требника (большой и малый), Ирмологий, Часослов, Катехизис, Служебник и Букварь[101]. По предварительным данным, из приобретенных для Троицкой церкви в это время книг в музейном собрании сегодня хранится 16 экземпляров изданий.

Из Дедовской пустыни происходят два музейных экземпляра изданий Евангелия 1711 и 1764 гг. (ТМО-9724, 9723). В обе книги вложены учетные карточки Музея местного края Тотемского отдела Народного просвещения с указанием источника поступления «Из Тотемской Дедовской пустыни», во второй из них имеется ценная информация о том, что оклад книги «с серебр. окладкой чеканной работы в стиле Людовика XVI» был изготовлен в 1769 году. В Синодике 1703 года Дедовской пустыни Тотемского уезда, изданном в 1877 году Обществом любителей древней письменности, поименованы благотворители обители, включая многочисленных представителей тотемских родов, пожертвовавших «к оной пустыне» от земель и сенокосных угодий до «гвозья кровельного». Среди вкладов – рукописные и печатные книги: «Евангелие напрестольное печатное в десть подето трипом, евангелисты сребряными позолочены», «...да книгу печатную Ефрема Сирина в

[101] Полный текст записи см. в Приложении 2.

десть, да две книги писчих гладью в полдести, одна житие Антония Сийского»[102].

Драгоценные вклады в тотемские церкви купцов и мореходов, прославивших свою малую родину освоением заморских земель, хранятся сегодня в музейных фондах. Братья Петр и Григорий Пановы в 1772 году вложили в Богоявленский собор «на поминание родителей» одно из изданий елизаветинских времен – Евангелие, напечатанное в Московской Синодальной типографии в 1759 году (ТМО-9801). Эта книга, исключительная по размерам и полиграфическому исполнению, была отмечена среди особо ценных предметов, находившихся в храме в 1920-х годах: «...в алтаре обращают на себя внимание старая плащаница, шитая шелками, большое Евангелие весом около полуторых пудов, издание 1759 года, и воздвизальный серебряный крест, пожертвованный в собор в 1794 г.»[103]

Во втором экземпляре этого издания Евангелия (ТМО-29278) отсутствуют записи, указывающие на его происхождение. Скорее всего, книга принадлежала Предтеченской церкви, поскольку она упомянута в описи имущества храма 1808 года: «Среди церковной утвари и облачений обращают на себя внимание серебряные сосуды весом почти 7 фунт., приобретенные в 1765 г., евангелие, издания 1759 г., в серебряной обложке, весом почти два пуда, старинные шитые шелками и золотом воздухи и облачения»[104].

Надо отметить, что тираж этого издания Евангелия составлял всего 600 экземпляров, оно было отпечатано на немецкой александрийской бумаге, стоила книга 15 рублей в тетрадях и 16 рублей в переплете[105]. Кроме ТМО, только в одном музее области – Вологодском музее-заповеднике – хранятся экземпляры Евангелия 1759 года издания[106].

---

[102] Синодик Дедовской пустыни Тотемского уезда / Изд. Общ. любителей древней письменности. СПб., 1877. (См.: Православные приходы и монастыри Севера: [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://parishes.mrezha.ru/library.php?id=227. (Дата обращения 18.12.2017).

[103] Григоров Д. А. Тотьма и ее окрестности // Тотьма. Историко-литературный альманах.– Вып. 1.– Вологда: Русь, 1995. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://www.booksite.ru/fulltext/1to/tma/alm/ana/8.htm. (Дата обращения 10.11.2017).

[104] Там же.

[105] Гусева А. А. Свод русских книг кирилловской печати XVIII века типографий Москвы и Санкт-Петербурга и универсальная методика их идентификации.– М.: Индрик, 2010. С. 105. Информация А. А. Гусевой для сравнения: стандартный тираж изданий Евангелия 1760-х гг.– 1200 экземпляров, стоимость – от двух рублей 30 копеек до четырех рублей.

[106] ППМВО. Ч. 2; вып. 2. Книги кириллической печати Вологодского областного музея (1575–1825) / Отв. сост. В. В. Морозов. Вологда, 1985. № 248–250.

Ряд изданий, подписанных их владельцами, происходят из купеческих семейных библиотек. Запись о приобретении в Москве книги «Точное изложение православной веры» Иоанна Дамаскина (ТМО-29245), изданной в мае 1774 года в Московской Синодальной типографии, оставил Григорий Холодилов – один из представителей тотемской купеческой династии, известной промысловыми экспедициями к берегам Аляски. Двумя томами Библии 1784 года издания (ТМО-29236, 29270) владел тотемский купец Павел Иоанникиевич Синицын. В одном из томов он записал и свои фенологические наблюдения: «*в 1836 году с 24 по 5 марта было очень тепло и шол болшой дош... половину згонило и дороги изъпортило и воды пустилось множество – ...воды прибыло на 3 четверти аршина, а 6 марта стало морозить, на 9 марта снегу нанесло...*».

Сохранились в музейных книгах автографы не только представителей местного клира, торгового сословия, других владельцев-тотьмичей, но и оттиски штампов церковных и общественных библиотек: Троицкой церкви, Духовной и учительской семинарий, Духовного училища города Тотьмы, Тотемского отдела Вологодского общества Изучения Северного края. В экземплярах изданий XVIII века имеются подписи работников Московской Синодальной типографии, отвечавших за производство книг[107].

Часть старопечатных книг, принадлежавших ранее тотемским храмам, хранятся сегодня в фондах Вологодского музея-заповедника. В Евангелии учительном, издании Московского Печатного двора 1652 года (ВОКМ-26822/1), читается следующая вкладная запись: «*Лета 7195-го [1687] году августа в 3 день положил сию книгу глаголемую святое имянуемо Евангелье недельное на Тотме на посаде в Пробойной улице, идучи к варницам от Сухоны реки на левой руке, к церкви Сретания господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа и святаго священномученика Климента папы римского, тотмянин посацкой человек Ивашко Тимофеев сын Потемин по своих родителех на помяновение при священнике Иоанне Афонасьеве сыне...*». Вторая запись в книге была сделана через 350 лет и свидетельствует о передаче ее в 1912 году в старообрядческую моленную в деревне Тетерниково «за упокой всех Гладиных»[108]. Самым известным

---

[107] Имена идентифицированы по списку типографских мастеровых, выявленных А. А. Гусевой (См.: Гусева А. А. Свод русских книг... С. 1181–1219).

[108] ППМВО. Ч. 1; вып. 4. Книжная традиция Кубеноозерья. Вологда, 2001. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://www.booksite.ru/fulltext/pam/pis/vo/1_4/index.htm. Дата обращения 06.12.2017.

представителем рода, о котором упоминается в записи, является Григорий Васильевич Гладин (1799–1865), уроженец вологодского села Новленское, старообрядец, прошедший путь от крепостного крестьянина до купца первой гильдии, строителя железных дорог, каналов и мостов. Моленная старообрядческой общины в деревне Тетерниково находилась в доме, принадлежавшем потомкам Г. В. Гладина.

Девять книг в составе фондового собрания ВГИАХМЗ происходят из библиотеки Тотемского Спасо-Суморина монастыря[109]. Одну из них – Триодь цветную, изданную в марте 1686 года на Московском Печатном дворе (ВОКМ-12769) – пожертвовал «в дом чюдотворца Феодосия Тотемского» в 1691 году окольничий Алексей Тимофеевич Лихачев. Известно, что А. Т. Лихачев (1630–1729) при царе Алексее Михайловиче был учителем царевича Алексея Алексеевича, очень важную роль играл в царствование Федора Алексеевича, владел значительным собранием книг.

Возвращаясь к составу книжного собрания Тотемского музейного объединения, необходимо отметить отсутствие в нем продукции старообрядческих типографий. Превалируют в музейной коллекции издания московские – Печатного двора и Синодальной типографии, за исключением отдельных книг, напечатанных в Санкт-Петербургской Синодальной и Киево-Печерской типографиях.

Изучение книжных памятников в фондах ТМО будет продолжено, в том числе и в рамках соглашения, заключенного между музеем-заповедником «Кижи» и Тотемским музейным объединением, целью которого является развитие сотрудничества специалистов в области освоения историко-культурного наследия.

Приложение 1

Коллекция старопечатных изданий Евангелия напрестольного в фондах ТМО

1. ТМО-9845. Москва: Печатный двор, 25 октября 1653 (7162).
2. ТМО-9908. Москва: Печатный двор, 29 августа 1657 (7165).
3. ТМО-9624. Москва: Печатный двор, 15 марта 1668 (7176).

4–6. ТМО-29222; ТМО-9422; ТМО-9907. Москва: Печатный двор, сентябрь 1677 (7186).

---

[109] ППМВО. Ч. 2; вып. 2. Книги кириллической печати Вологодского областного музея (1575–1825) / Отв. сост. В. В. Морозов. Вологда, 1985. № 109, 266, 289, 368, 369, 377, 391, 406, 416.

7. ТМО-9802. Москва: Печатный двор, май 1685 (7193).

8. ТМО-9809. Москва: Печатный двор, август 1701 (7209).

9, 10. ТМО-9724; ТМО-9879. Москва: Печатный двор, август 1711 (7219).

11. ТМО-9909. Москва: Печатный двор, октябрь 1717 (7226).

12. ТМО-9800. Москва: Синодальная тип., март 1744 (7252) [27 августа 1743 – март 1744].

13, 14. ТМО-29278; ТМО-9801. Москва: Синодальная тип., февраль 1759 (7267) [25 июня 1756 – 6 февраля 1759].

15. ТМО-9723. Москва: Синодальная тип., январь 1764 (7272) [26 июля 1763 – 19 января 1764].

16. ТМО-29216. Москва, Синодальная тип., январь 1775 (7283).

17. ТМО-29273. Москва: Синодальная тип., август 1789 (7297).

Приложение 2 [110]

ТМО-29241. Феофилакт Болгарский. Евангелие благовестное. – [М.: Синодальная тип., ноябрь 1748 (7257) [25 января – 10 ноября].

Записи на л. 5-81 (4-го сч.) двумя почерками: «*Сия святая книга Благовестник города Тотьмы Троицкой церкви куплена при священнике оной церкви Иакове, того ради и подписал сию книгу я, священник Иаков своею рукою 1750 году ноября 11 дня», «При мне же священнике Иакове куплено новоисправных книг двенатцать Миней месячных весь год, да год же Прологов весь, да Евангелие напрестольное, да Евангелие воскресное толковое, да Псалтирь следованная, да Минея общая, да Требник большей, да Требник же малой, да Ирмологий, да Часослов, да Катихизис, да Букварь, да Служебник. Да заводу благоукрашения церковнаго вновь заведено у оной церкви священником при моеи бытности: святые антиминсы три все или тои бы новые, да одежды в обоих церквах на престолах и жертвенниках новые, ковчег и дароносица, да сосуды служебныя оловянные и сребреные, да пелены новые на престолы и на жертвенники. Да иконостас весь в обоих церквах все святыя иконы поновляли и исправляли у образов, что было исправлено. Покровцы новые алые и прочие праздничные сошиты и нарукавницы хорошие праздничные и епитрахили. У хоругви Благовещенской поля золотили. Крест на Троицкой олтарь новой поставили и церковь холодную всю тесом*

[110] Данная запись, как и все, в статье процитированные, публикуется в адаптированном виде: раскрыты титла, вставлены выносные буквы, используются буквы современного алфавита, пунктуация приближена к современной.

новым покрыли и с папертями, и выскоблили стены и полы в обоих церквах. На колокольне крест новый поставили и подволоку и зубцы новые построили. На теплой церкве кровлю новую покрыли и две маковицы и шатер вновь орлем сшили. В тепляке подволоку новую сделали, да окно у правого крилоса, а в олтаре и в церкве подволоку выбелили и полицы выкрасили, и двери церковныя раскрасили, и решетку на паперти у Троицы новую сделали, и сундук новой в подризничью. В теплой церкви Спасу межевратному венец в Москве купили вновь, Богоматери образу Одигитрию убрус жемъчюжной высадили; лампады медные и толчее медное, церковные чаши и блюда и все выбелили; да кунган новой сделали, да в новое же наделали жестяных к иконам лампад и выносных болших подсвешников, пред праздничную икону подсвешник. А круг монастыря святыя устроены новые врата болшие и прочие малые и ограда укреплена, и Троица и Спас на врата поставлены, да кресту укрепленной распятие взносной вновь написан. В теплой церкви печь перекладывали и горны с трубами сделали в обоих церквах. Окончины вновь делали и ветхие починивали. Ризницу вновь шили, такоже и старую переделывали. Апостола Павла на паперть написали, да распятие к убогому дому, да образ к посаду отечествие на холодную церковь вновь написали и поставили, да завесы все три к олтарям выбойчатые новые сошили к царским дверям, да сосуды сребрянные все вызолотили и потир, и дискос, и все сосуды, а к потиру чашу новую сребрянную сделали, да сосудцы на благословленные хлебы в Москве купили».

Полоцкая Ольга Владимировна,
МБУК «Тотемское музейное объединение», г. Тотьма

ТОТЕМСКИЙ СПАСО-СУМОРИН МОНАСТЫРЬ КАК ОБЪЕКТ И СУБЪЕКТ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ В XVIII – НАЧ. XX ВЕКА

Традиции благотворительности в России имели тесную связь с религиозным мировоззрением населения. В христианстве, как и в других мировых религиях, провозглашалась необходимость раздачи своего имущества бедным как средство для спасения души. Церковь выступала как объект благотворительности: в неё вносились денежные пожертвования, делались вклады в виде книг и утвари, ей дарили земельные наделы и прочие имущества. Получило распространение дарение посредством составления духовных завещаний.

Церковь являлась не только объектом, но и субъектом благотворительности, то есть отдавала средства на помощь нуждающимся. При монастырях устраивались заведения общественного призрения: госпитали, богадельни, приюты.

В 1721 году Пётр I издал указ, согласно которому частным лицам запрещалось подавать милостыню нищим. Заботы о неимущих, инвалидах и сиротах передавались церкви, которая стала играть роль посредника в передаче пожертвований[111].

В XVIII веке в Тотьме наиболее широкой сферой благотворительности являлось храмостроительство. Все городские храмы, возведённые в это время, были построены на пожертвования прихожан или на средства купеческих капиталов.

Предприниматели и простые граждане содействовали и в возведении храмов на территории Спасо-Суморина монастыря. В 1818 году был начат сбор средств на завершение строительства Вознесенского собора, заложенного ещё в 1796 году, а также монастырской колокольни, чьё возведение было начато на четыре года позже. Тот, кто вносил пожертвования, расписывался в специально созданной для записи сборов книге. В большей степени эти пожертвования носили анонимный характер, так как в записях часто указывались следующие формулировки: «некто положил», «неизвестный», «некто приложил»[112]. Встречаются и именные росписи: «дал Иван Кузьмин Красков Московский купец, торгующий от Быховского купца Московского Феодосию Угоднику 2 рубля»[113]. В 1819 году на строительство поступило 100 рублей по завещанию помещика Василия Чигликова[114].

Чаще всего, сумма, отдаваемая на строительство, составляла несколько копеек. Всего за пять лет было собрано 900 рублей. Строительство Вознесенского собора удалось закончить к 1825 году, а колокольни – к 1844.

Пожертвования частными лицами делались и на другие цели, например, на пропитание братии или на обустройство гостиницы для богомольцев и других некультовых построек.

Эти суммы фиксировались в приходо-расходных книгах, и монастырь мог тратить средства по своему усмотрению. В августе 1798 года «внёс вкладу мещанин Осип Ряпков сребра 11 руб-

---

[111] Экономическая история России (с древнейших времён до 1917 года).– М.: РОССПЭН,– 2008.– Т. 1.– С. 237.

[112] Государственный архив Вологодской области. Ф. 526. Оп. 1. Д. 21. Л. 2.

[113] Там же.

[114] Там же.

лей»[115], «внёс вкладу Тотемский купец Фёдор Иван Протопопов 100 рублей»[116]. В 1801 году от вдовствующей императрицы Марии Фёдоровны поступил вклад в размере 500 рублей[117]. В 1848 году 5000 рублей монастырь получил по завещанию графини Анны Орловой-Чесменской[118].

Пожертвования по завещанию «на помин души» оставлялись и менее обеспеченными слоями населения. В 1850 году поступило 10 рублей по духовной умершей крестьянской жены Евдокии[119].

В монастырь поступали вещественные дарения: книги, ткани, богослужебные сосуды.

В 1799 году император Павел I передал в дар обители «как драгоценный залог царского благовения к святыне» полную бархатную ризницу для соборного служения: пять священнических риз, пять епитрахилей, восемь пар поручей, палицу, набедренник, семь стихариев, три ораря, два покрова и воздух на святые дары, пять подризников из серебряной парчи, три покрова, украшенные золотыми кистями[120].

В 1801 году императором Александром I монастырю была подарена икона с образом князя Александра Невского в золотом окладе, украшенная драгоценными камнями и крестом из 27 бриллиантов. На икону также поместили янтарный образок с распятием, подаренный по преданию, Петром I в 1693 году[121].

Вместе с иконой были переданы серебряные богослужебные сосуды, бархатный покров на гробницу преподобного Феодосия, Евангелие, украшенное эмалевыми вставками, покрытый серебром напрестольный крест чеканной работы, ковчег для хранения святых даров, три лампады, два выносных подсвечника; одежды на святой престол, жертвенник и стол для благословения хлебов, три воздуха с золотыми кистями.

Среди подаренных книг в каталоге монастырской библиотеки отмечаются: две псалтыри в десть, акафист Иоанну Богослову со службами святителям Стефану Пермскому и Дмитрию Ростовскому в четверть, приложенные попечителем И. А. Кузнецовым.

---

[115] ГАВО. Ф. 526. Оп. 1. Д. 7. Л. 90.
[116] Там же.
[117] ГАВО. Ф. 526. Оп. 1. Д. 7. Л. 23.
[118] ГАВО. Ф. 526. Оп. 1. Д. 63. Л. 15.
[119] ГАВО. Ф. 526. Оп. 1 Д. 63. Л. 50.
[120] Архимандрит Нафанаил. Описание Тотемского Спасо-Суморина монастыря преподобного Феодосия.– М.: Типография В. Готье, 1850. С. 50.
[121] Там же. С. 51.

Библия в десть, от тотемского гражданина Протопопова, Ермолай в четверть от неизвестного жителя Вологды[122].

В монастырской ризнице хранилось двенадцать миней месячных, подаренных в 1697 году архиепископом Коломенским и Каширским Никитой, а также Евангелие на полуалександрийской бумаге, украшенное эмалевыми образками, отданное в дар именитым московским гражданином Котельниковым.

Доходы монастыря позволяли ему самому жертвовать денежные суммы на благотворительность. В первую очередь, подобные расходы направлялись на нужды духовного образования в губернии и на поддержку малоимущих священнослужителей. Также из обители поступала помощь во время военных кампаний в виде денег и вещей первой необходимости.

В 1877 году на содержание духовно-учебных заведений Вологодской епархии было отправлено братией 101 р. 5 коп. В 1904 году монастырь пожертвовал денежную сумму в пользу бедных учащихся Тотемского духовного училища[123]. В этом же году по распоряжению архиерея братией направлено 300 рублей на обустройство школы при Вологодском женском епархиальном училище[124].

При Спасо-Суморине монастыре в 1889 году была открыта школа, получившая именование «Феодосиевской». Землю для постройки учебного заведения в количестве двух десятин выделили крестьяне близлежащих деревень: Воробьёво, Молоково, Притыкино, Чёботово. Собственно, школа и была организована для детей из этих населённых пунктов, а также прилежащей к городу Зеленской Слободы и ещё трёх деревень Пятовской волости. По сведениям, собранным Епархиальным училищным советом, здесь проживало 67 детей школьного возраста, но школу посещало из них только 15. Существовавшие к этому времени Пятовское земское училище, а также начальная школа при учительской семинарии были переполнены. К тому же, некоторые деревни находились на довольно большом расстоянии от учебных заведений[125].

Для обустройства школы Епархиальный училищный совет обратился к одному из тотемских купцов с предложением выкупить под эти цели дом в Зеленской Слободе. Но, как оказалось, предприниматель уже обустраивал в этом месте богадельню для преста-

---

[122] ГАВО. Ф. 526. Оп. 1 Д. 14. Л. 28–29.
[123] ГАВО. Ф. 526. Оп. 1. Д. 97. Л. 19.
[124] Там же. Л. 37.
[125] Вологодские епархиальные ведомости. 1889. 15 декабря. С. 414–415.

релых. Заботы об организации школы взял на себя Спасо-Суморин монастырь, предварительно получив на это благословение правящего архиерея. Настоятель обители игумен Афанасий приступил к обустройству учебного заведения: закупил канцелярские принадлежности, мебель, книги. Открытие школы было запланировано на праздник Введения во Храм Пресвятой Богородицы, о чём население окрестных деревень было оповещено полицейскими. Изъявили желание учиться в школе 23 человека, из которых только одна девочка[126]. В 1917 году здесь обучалось двадцать человек: 18 мальчиков и две девочки. Четырнадцать человек проживало в устроенном для школы общежитии, двое числились монастырскими послушниками. Самые малообеспеченные, а также сироты, полностью находились на монастырском содержании[127].

Покупка учебников, плата учителю и сторожу, отопление и освещение школы, а также расходы на учащихся обошлись монастырю в 1917 году в 2450 рублей.

Перед революцией в России насчитывалось больше 19000 тысяч частных и государственных благотворительных учреждений[128]. Помощь нуждающимся оказывали члены императорской семьи, под эгидой которой существовало свыше десятка различных комитетов. Особое усердие в делах общественного призрения и милосердия проявляли женщины из дома Романовых: императрицы и великие княгини и княжны. Они открывали детские приюты, больницы, богадельни, собирали вещи и деньги для беженцев и раненых воинов[129].

В 1855 году, в разгар Крымской войны, по инициативе великой княгини Елены Павловны и хирурга Н. И. Пирогова была учреждена Крестовоздвиженская община сестёр милосердия, ставшая первой в Европе организацией, оказывающей помощь раненым войнам прямо на поле сражений.

В 1867 году было создано Общество попечения о раненых и больных воинах, покровительницей которого стала императрица Мария Александровна. Дотаций от государства изначально общество не получало и существовало на частные пожертвования.

---

[126] Вологодские епархиальные ведомости. 1889. 15 декабря. С. 416.

[127] ГАВО. Ф. 526. Оп. 1. Д. 149. Л. 8.

[128] Экономическая история России (с древнейших времён до 1917 года).– М.: РОССПЭН,– 2008.– Т. 1.– С. 237.

[129] Ульянова Г.Н. Филантропическая активность общества // Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис. М.: РОССПЭН, 2014. С. 446–468.

В 1879 году оно было переименовано в Российское общество Красного Креста.

Во время Русско-Турецкой войны 1877–1878 гг., в качестве пожертвования Спасо-Суморин монастырь передал обществу серебряный колокол 84 пробы весом в 12 фунтов[130]. Он поступил в обитель в 1806 году в подарок от жителей Нижнего Новгорода.

В сентябре 1900 года в Вологодское отделение общества от разных монастырей поступило: от Сямского Богородице-Рождественского 2 рубля, игуменом Успенской Семигородной пустыни Антонием передано – 10 р., от Спасо-Каменного по подписке – 8 рублей 75 коп., из кружки – 11 р. 98 коп.[131].

Дионисиево-Глушицким Кадниковским монастырём в общество пожертвовано 13 рублей 85 коп. по подписке, и из кружки высыпано 7 рублей 23 копейки. В Спасо-Прилуцком монастыре во время богослужений было собрано 14 р. 50 коп. Игуменом Спасо-Суморина монастыря отправлено 25 рублей 9 коп. на помощь раненым воинам и 5 рублей в пользу Романовского комитета[132].

В июле 1915 года в благотворительный комитет направлено из Спасо-Суморина монастыря 78 рублей 76 копеек, из этой суммы 31 рубль 35 коп.передано в пользу семей военнослужащих. В это же время Павло-Обнорский монастырь отправил в фонд Красного Креста 7 рублей и такую же сумму – на нужды семей военных. В марте 1915 года игуменья Арсениево-Комельского монастыря Лидия направила на помощь раненым и семьям солдат 8 рублей. Из Павло-Обнорской обители поступила сумма в 20 рублей[133].

В 1916 году игумен Спасо-Суморина монастыря Кирилл предоставил два свидетельства 4% Государственной ренты на сумму 400 рублей в Главный штаб Верховного Главнокомандующего на нужды армии[134].

В начале XX века обострились социальные проблемы внутри страны: бедность, безработица, рост преступности. Среди благотворительных расходов Спасо-Суморина монастыря за 1904 год в приходо-расходных книгах отмечается оказание денежного пособия в пользу голодающих Самарской губернии (20 р. 25 коп.). В Вологодское попечительство о бедных отправлено 4 р. 20 коп.,

---

[130] ГАВО. Ф. 526. Оп. 1 Д. 130. Л. 173.
[131] ГАВО. Ф. 512. Оп. 1. Д. 1134. Л. 1–3.
[132] Там же. Л. 12.
[133] Там же. Л. 15.
[134] Вологодские епархиальные ведомости.– 1916.– 1 июля.– С. 247.

а также на содержание заключённых тотемской тюрьмы 4 р. 2 коп.[135]

Таким образом, монастырская благотворительность имела две формы. Первая – монастырь выступал в роли её объекта. В этом случае денежные и вещевые пожертвования направлялись на собственные нужды обители: постройку храмов, их украшение, наполнение ризницы необходимыми для богослужения предметами, а также книгами.

Вторая форма – это деятельность, связанная с решением различных социальных проблем вне стен обители. Она затрагивает сферу образования, призрение сирот и инвалидов, содержание тюрем, помощь. В этом случае монастыри включались в социальную деятельность городов, взаимодействовали с местной властью и наиболее активной частью общества. Монастыри на свои средства организовывали школы, больницы и богадельни, а также принимали участие в деятельности различных благотворительных учреждений. Занимаясь сбором пожертвований на общественные нужды, монастыри тем самым привлекали внимание населения к решению различных социальных проблем.

Пшеницын Дмитрий Александрович,
культурно-исторический центр «Светоч», г. Вологда

ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКИЕ ЛЕТОПИСИ ТОТЕМСКОГО УЕЗДА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.

Церковно-приходские летописи – ценнейший источник по местной церковной истории и повседневной жизни русского крестьянства на протяжении нескольких десятилетий, в которых зафиксированы различные события – от местной истории и до событий общероссийского масштаба, описание необычных погодных явлений.

Летописи являются малоизвестными и малоизученными по причине того, что данный вид источников имеет малую степень сохранности, а также широкий территориальный разброс по местам хранения, и поэтому малодоступен для исследователей. Однако всё больше появляется публикаций по результатам изучения церковных летописей (например, работы таких авторов, как Р. П. Биланчук, Н. В. Гурьев, С. И. Добренький, А. А. Истомин,

[135] ГАВО. Ф. 526. Оп. 1. Д. 135. Л. 3.

С. А. Красавцева, Д. А. Пшеницын, В. А. Саблин, Г. Н. Чебыкина, С. О. Шмидт и др.)[136], а это, в свою очередь, создает основу для их более широкого и сравнительно-исторического изучения, говорит о содержательности, большом информационном потенциале этого вида исторического источника. В связи с возрождением краеведения и возрастания интереса к региональной истории можно говорить об актуальности и перспективности дальнейшего исследования церковных летописей в силу их значения для отдельно взятого микрорегиона.

Опыт церковно-приходского летописания в России ведет начало с указа Святейшего Правительствующего Синода «о поощрении современных летописцев» (март 1792 года). Появление данного указа было инициировано обер-прокурором Синода А. И. Мусиным-Пушкиным и одобрено императрицей Екатериной II[137]. Однако в течение XVIII и первой половины XIX века исполнение указа в

---

[136] См.: Биланчук Р. П., Истомин А. А. Церковно-приходская летопись Дмитриевской Николаевской церкви Вельского уезда Вологодской губернии 1868–1913 годов как источник по истории и культуре Верхней Устьи // Заволочье. Устьянская земля. Вып. 2: Исследования и материалы. Статьи и сообщения VII–IX межрегиональных историко-краеведческих чтений, посвященных памяти М. И. Романова. Вельск, 2014. С. 362–469; Гурьев Н. В. Церковные летописи как источник изучения сельского хозяйства // Краеведение. 1925. № 3–4. С. 288–290; Добренький С. И. Церковно-приходские летописи Никольского уезда Вологодской губернии второй половины XIX – начала XX века // Никольская старина: исторические и этнографические очерки. Вологда: «Древности Севера», 2000. С. 356–382; Добренький С. И. Церковно-приходские летописи как исторический источник (середина XIX – начало XX в.). Дисс. на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Москва, 2006; Красавцева С. А. Из летописи Шарденгской Николаевской церкви // Великий Устюг: Краеведческий альманах. Вып. 3. Вологда, 2004. С. 41–53; Летопись Кобыльской Георгиевской церкви 1868–1895 гг. (подготовка к публикации, предисловие и примечание – Саблин В. А.) // Кичменгский край: материалы Глубоковских чтений. Вып. 2. Кичменгский Городок, 2012. С. 11–63; Пшеницын Д. А., Хомутов А. Н. Церковно-приходская летопись Спасо-Преображенской Сеньговской церкви // Лежский Волок в XVII–XX веках: документы, материалы, исследование. Вологда, 2017. С. 100–119; Церковная летопись Яренского Преображенского собора / Сост. Ю. Л. Сирота. СПб., 1994; Чебыкина Г. Н. Церковно-приходское летописание в Устюжском крае во второй половине XIX – начале XX века // Религия и церковь в культурно-историческом развитии Русского Севера. Материалы международной научной конференции. Киров, 1996. Т. 1. С. 456–459; Шмидт С. О. Сельские церковно-приходские летописи как историко-краеведческий материал // Шмидт С. О. Путь историка: Избранные труды по источниковедению и историографии. М. 1997. С. 136–153; Он же. Церковно-приходские летописи как источник по изучению русской деревни // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1971. Вильнюс, 1974. С. 397–404.

[137] Добренький С. И. А. И. Мусин-Пушкин и церковное летописание конца XVIII – начала XIX в. // 200 лет первому изданию «Слова о полку Игореве»: Материалы юбилейных чтений по истории и культуре древней и новой России. Ярославль, 2001. С. 330–333.

российских епархиях имело ограниченный характер и не привело к развитию нового опыта местного «летописания» как заметного культурного явления.

По замечанию Т. А. Бернштам, «в целом до середины XIX столетия приходское летописание зависело от личного почина сельских священников и велось вяло»[138].

Церковно-приходское летописание оживляется в 60-е годы XIX века, что связывается исследователями с появлением ряда синодальных указов и поддержкой Синода инициатив, исходящих из отдельных епархий[139].

Инициатива заведения приходских летописей принадлежит преосвященному Варлааму (Денисову), епископу Оренбургскому и Уральскому. Он еще в 1865 году сдал предложение в духовную консисторию Оренбургской епархии о ведении летописей причтами церквей. Это предложение было поддержано на всероссийском уровне, и 12 октября 1866 года опубликован Указ Св. Правительствующего Синода о возрождении составления летописи при каждой приходской церкви. Идея привилась, и в России повсеместно стали вести церковно-приходские летописи.

В Вологодской епархии довольно скоро откликнулись на предложение Синода. По инициативе епископа Вологодского и Устюжского Павла 12 декабря 1866 года вопрос о заведении церковных летописей слушался в Вологодской духовной консистории, и новое дело было признано «не лишним». В церковно-приходских летописях Вологодской епархии встречается ссылка и на Указ Вологодской духовной консистории от 6 ноября 1867 года о заведении церковных летописей[140].

Всего автором в 2-х архивах и 2-х музеях Вологодской области выявлено к настоящему времени 78 церковных летописей, из них: в Государственном архиве Вологодской области находится 28 единиц хранения с материалами церковных летописей[141], аккумулированные со всей бывшей Вологодской епархии, 5 единиц –

---

[138] Бернштам Т. А. Приходская жизнь русской деревни: Очерки по церковной этнографии. СПб., 2005. С. 19.

[139] Там же.

[140] Добренький С. И. Церковно-приходские летописи Никольского уезда Вологодской губернии второй половины XIX – начала XX века. // Никольская старина: исторические и этнографические очерки. Вологда: Древности Севера, 2000. С. 359.

[141] См.: ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 14110, 14215; там же. Ф. 1063. Оп. 1. Д. 713, 1090–1092; Оп. 2. Д. 85; Оп. 4. Д. 7; Оп. 11. Д. 21; Оп. 17. Д. 43; Оп. 25. Д. 19; Оп. 27. Д. 24; Оп. 32. Д. 37; Оп. 53. Д. 10; Оп. 57. Д. 32; Оп. 62. Д. 24; Оп. 77. Д. 39; Оп. 78. Д. 12; Оп. 81. Д. 25; Оп. 85. Д. 4, 22, 46; Оп. 86. Д. 26; Оп. 92. Д. 3; Оп. 93. Д. 29; Оп. 102. Д. 13; Оп. 104. Д. 10; Оп. 106. Д. 18.

в Вологодском государственном историко-архитектурном музее-заповеднике[142], в Великоустюгском центральном архиве – 40 единиц (Великоустюгский и Никольский уезды) и 5 единиц – в Великоустюгском государственном историко-архитектурном и художественном музее-заповеднике[143]. Из данного числа источников автор обнаружил 3 сельские церковно-приходские летописи Тотемского уезда Вологодской епархии, а именно: Успенской Толшемской, Троицкой Новокуножской и Николаевской Тафтенской церквей[144].

По содержанию церковные летописи включали как историческую часть, так и современную – «летопись текущей жизни»: история возникновения прихода, описание церквей, время их основания, перестройка храмов, ремонт, статистика населения по приходу, послужные списки священно- и церковнослужителей; указаны церковные старосты и состав попечительств, даты открытия их, крестьянский быт, необычные явления природы, погода за разные годы, урожайность полей, зафиксированы эпидемии, разные болезни, пожары в деревнях, начало становления приходских школ, общероссийские события и другие интересные факты – и это все прослеживается на протяжении длительного периода времени.

Постараемся проанализировать эту информацию, содержащуюся в летописях.

В первую очередь обратим внимание на хронологические рамки церковных летописей и их авторов. Успенская Толшемская летопись состоит из 21 листа и велась одним приходским священником Павлом Соколовым на протяжении 25 лет с 1878 по 1902 год включительно, т. е. пока он там служил. Троицкая Новокуножская летопись (на 7 листах) начало ведет от 20 декабря 1867 года, о чём и свидетельствует запись: «*Книга, данная местным благочинным священником Василием Поповым на осн. указа Вологодской духовной*

---

[142] См.: ВГИАМЗ. Ф. 6 (Коллекция документов монастырей и церквей XVIII – начала XX вв.). Оп. 1. Д. 35, 37, 91, 170, 177, 197.

[143] См.: ВУЦА. Ф. 26 (Опись документов благочинных округов Великоустюжской и Вологодской епархии). Оп. 1. Д. 373, 374; там же. Ф. 584 (Коллекция «Церкви г. Великий Устюг и Великоустюгского уезда»). Оп. 4. Д. 35; Оп. 8. Д. 15; Оп. 14. Д. 29; Оп. 21. Д. 155; Оп. 23. Д. 10; Оп. 24. Д. 8; Оп. 29. Д. 8; Оп. 30. Д. 25; Оп. 32. Д. 11; Оп. 37. Д. 9; Оп. 43. Д. 3; Оп. 63. Д. 21, 24; Оп. 64. Д. 17, 22; там же. Ф. 585 (Коллекция «Церкви Никольского уезда»). Оп. 21. Д. 1; Оп. 36. Д. 18; Оп. 36. Д. 35; Оп. 39. Д. 27; Оп. 45. Д. 1; НСБ ВУЦА. Инвентарные номера №№ 2320, 3529, 3531–3539, 7768. Примечание: С. И. Добренький приводит немного иные данные: всего 55 церковных летописей, из них 23 – в ГАВО и 32 – в ВУФ ГАВО.

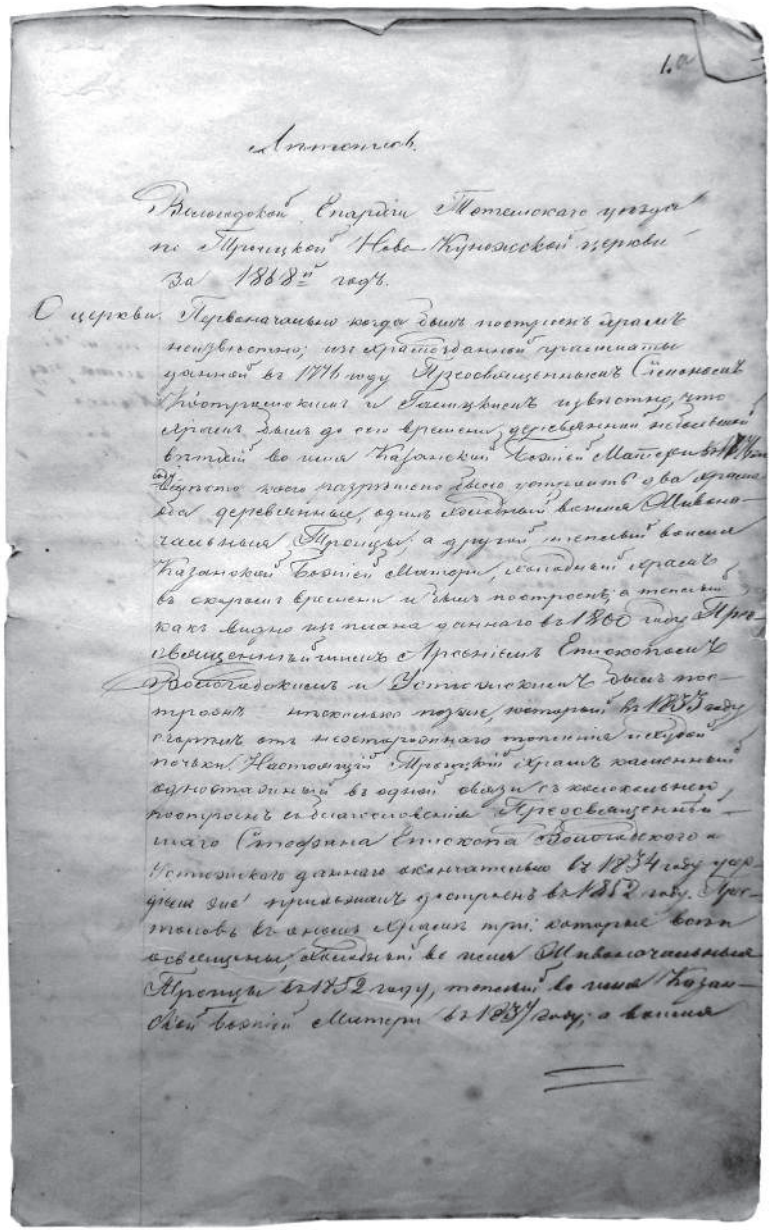
[144] ГАВО. Ф. 1063. Оп. 1. Д. 1090–1092.

консистории от 6 ноября сего 1867 года за № 4414, причту Новокуножской Троицкой церкви для составления и ведения церковной летописи. 20 декабря 1867 года», а окончание имеет в марте 1881 года, т. е. около 14 лет. Начало её летописания положил настоятель священник Василий Семенович Полиевктов, с 1878 года продолжил священник Василий Царевский.

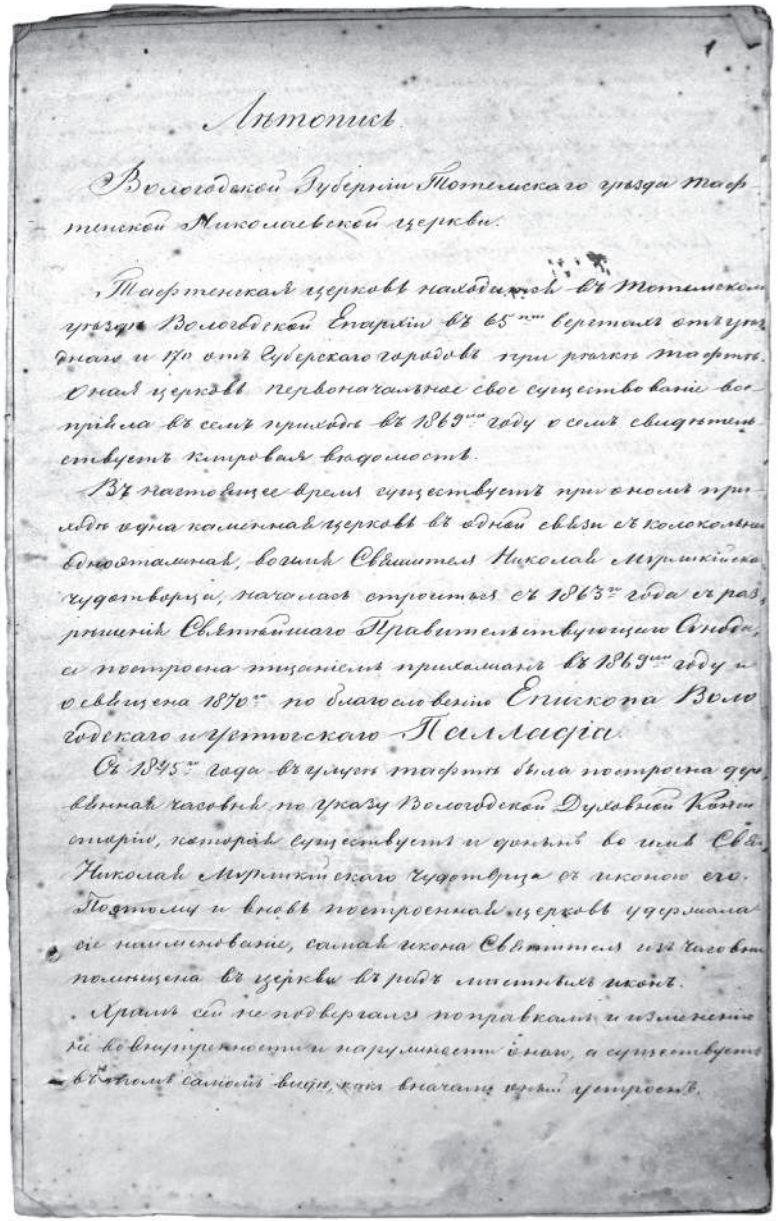
Самое продолжительное время летописания имела Николаевская Тафтенская церковь (на 22 листах), причем практически с момента существования в 1869 году самостоятельного прихода – с 1870 года по 1924 год, т. е. 55 лет. Начало церковного летописания положил местный священник Сосипатр Иванович Черняев. Затем эстафету подхватил в 1874 году священник Николай Цивилев, а с 1892 года священник Андрей Садоков, с 20 марта 1915 года – священник Александр Васильевич Херасков, с 7 мая 1916 года – вновь посвященный священник Флавиан Варсонофьевич Соболев, со 2 декабря 1918 года снова заступивший на службу священник Александр Васильевич Херасков, который и закончил летопись, судя по почерку, в 1924 году.

Первое упоминание о начале существования прихода заслуживает отдельного рассмотрения. Что об этом говорится в церковных летописях? В Успенской Толшемской летописи об этом ничего не сообщается. Скорее всего, это связано с тем фактом, что она была начата гораздо позднее, чем две другие, фиксируя только очередные (текущие) события. Троицкая Новокуножская летопись, наоборот, имеет самое подробное начальное описание о церкви и приходе и, собственно, соответствовала тем целям, которые были изначально заложены. Поэтому мы не будем описывать все события, приведенные в ней, а сделаем выборку, чтобы понять, какие изменения происходили на протяжении определенного времени:

«*Первоначально, когда был построен храм, неизвестно; из храмозданной грамоты, данной в 1776 году Преосвященным Симоном Костромским и Галицким известно, что храм был до сего времени деревянный, небольшой, ветхий во имя Казанской Божией Матери. В 1776 году вместо коего разрешено было устроить два храма, оба деревянные, один, холодный, во имя Живоначальныя Троицы, а другой, теплый, во имя Казанской Божией Матери*». Сообщается, что «*холодный храм в скором времени был и построен, а теплый построен несколько позже, который в 1833 году сгорел от неосторожного топления и худой печки. Настоящий Троицкий храм каменный, одноэтажный в одной связи с колокольнею построен с благословения Преосвященнейшего Стефана епископа Вологодского и Устюжского данного окончательно в 1834 году, усердием же прихожан достроен в 1852 году*».

Летопись (начало) Новокуножской Троицкой церкви за 1868 год

Летопись

Вологодской Губернии Тотемского уезда Тафтенской Николаевской церкви.

Тафтенская церковь находится въ Тотемском уезде Вологодской Епархии въ 65 верстах отъ оного и 170 отъ Губернского города при речке Тафте. Оная церковь первоначальное свое существование получила въ семъ приходе въ 1869 году о семъ свидетельствует[ся] купчая крепость.

Въ настоящее время существует при оном приходе одна каменная церковь въ одной связи съ колокольнею благодатная, во имя Святителя Николая Мирликийского чудотворца, начала строится съ 1863 года съ разрешения Святейшаго Правительствующего Синода, и построена тщанием прихожан въ 1869 году и освящена 1870 по благословению Епископа Вологодского и Устюжского Паллади[я].

Въ 1845 года въ улице Тафте была построена деревянная часовня по указу Вологодской Духовной Консистории, которая существует и доныне во имя Св. Николая Мирликийского чудотворца съ иконою его. Подлинно и вновь построенная церковь удержала сие наименование, самая икона Святителя изъ часовни поднята въ церковь въ ряду местных икон.

Храм сей не подвергался поправкам и изменениям во внутренности и нарушает[ся] онаго, а существует въ оном самой виде, как вначале при устроен[ии].

Летопись (начало) Николаевской Тафтенской церкви за 1869 г.

В Николаевской Тафтенской летописи также есть полное и подробное описание начального этапа приходской истории. Оно и понятно – приход только возник, поэтому все события были зафиксированы на месте. Для этого представим некоторые важные выдержки из летописи:

«*Оная церковь восприяла свое существование в сем приходе в 1869 году, о чем свидетельствует клировая ведомость. В настоящее время существует при оном приходе одна каменная церковь в одной связи с колокольнею, одноэтажная, во имя святителя Николая Мирликийского Чудотворца, началась строится с 1863 года с разрешения Святейшего Правительствующего Синода, а построена тщанием прихожан в 1869 году и освящена в 1870 году по благословению епископа Вологодского и Устюжского Палладия.*

*С 1845 года в улусе (*в данном значении обозначает церковный приход – *Д. П.*) *Тафте была построена деревянная часовня по указу Вологодской духовной консистории, которая существует и доныне во имя святителя Николая Мирликийского Чудотворца с иконою его. Поэтому и вновь построенная церковь удержала его наименование*». Также сообщается, что «*прежде сего прихожане принадлежали до 1844 года приходом к Царевской Воскресенской церкви, а с оного года перечислены были по близости расстояния к Тиксненской Преображенской церкви и числились при оной до окончательного построения и освящения храма в их улусе*».

Рассмотрим и такой вопрос как исполнение христианского долга прихожанами. Имеем в виду регулярное исполнение таинства исповеди, покаянную практику. Что об этом сообщают летописи?

В Успенской Толшемской летописи об этом довольно таки кратко приводится: «*в настоящем году (1878 г.) прихожане рачительно исполняли христианский долг исповеди и св. причастия, упорных и нерадивых не было*», или в 1890 году «*христианский долг исповеди и св. причастия прихожане исполняли и к посещению храма божия были усердны*» и так далее по всей книге.

Однако в Троицкой Новокуножской летописи дается более подробное описание: «*прихожане к храму божию ревностны, каждогодно исповедываются и св. таин приобщаются. Молебства и поминовения по усопшим исправляются часто и рачительно; к грамоте малорачительны и плохо расположены; во время праздников храмовых и обещальных гостеприимны*».

В Николаевской Тафтенской летописи данный вопрос также имеет особое значение и тщательно описан: «*прихожане к церкви, богослужению, говению, исповеди, св. причащения довольно усердны,*

но к поминовению усопших и к отправлению молебствий не рачительны при всех внушениях им о столь важном долге христианском со стороны священноцерковнослужителей. Довольно достаточно они расположены к христианской общительности и взаимному вспоможению, но степень умственного и нравственного развития прихожан, грамотности и расположения к ней не совсем достаточна. Суеверия, предрассудков раскола против веры и церкви ни каких нет, и не было; общая наклонность почти во всех прихожанах к общественным празднествам и пьянству».

Интересен вопрос и о том, чем промышляли и занимались прихожане. Что об этом пишут летописи?

В Успенской Толшемской летописи об этом ничего нет в сообщениях.

В Троицкой Новокуножской летописи даются следующие данные за 1868 год:

«*Все занимаются хлебопашеством и лесопромышленностью: в весеннее время сплавляют лес сосновый и еловый по рекам по Куноже и Унже до г. Макарьева Костромской епархии, чем и отбывают оброк помещикам и казенную повинность на вырученные за труды деньги; есть малая часть, проживают по паспортам и в столицах. Быт крестьян небогатый от налогов прежде бывших помещиков и их прикащиков и по случаю худого урожая хлеба*».

А вот что повествует об этом Николаевская Тафтенская летопись за 1870 год:

«*Прихожане вообще занимаются земледелием и скотоводством, от которых они добывают себе пропитание; впрочем, средства к жизни не совсем достаточны, потому что они удалены от волостей многолюдных и общежитных, где бы могли иметь себе пропитание другими средствами, а особенно семейства многолюдные*».

Церковные старосты. Это один из старинных выборных институтов, связывающий приходскую общину со своим причтом, клиром.

В Успенской Толшемской летописи в записи от 8 февраля 1880 года находим: «С разрешения его Преосвященного Преосвященнейшего Феодосия епископа Вологодского и Устюжского, старанием местного священника Павла Соколова и церковного старосты Семена Влад[имирова] Тужилова, на средства прихожан, переменен старый разбитый большой колокол», или запись от 20 июня 1887 года: «*старанием церковного старосты Василия Трофимова Суханова на средства прихожан куплены железные решетки в окна*». В Троицкой Новокуножской летописи сказано, что «*церковным*

старостой был государственный крестьянин деревни Юркина Михайло Авдиев Климов с 1863 г. по 1869 г. В настоящее время церковным старостой состоит временнообязанный крестьянин деревни Телякова Михайло Спиридонов Князев», а в 1875 году «*избран вновь в церковные старосты крестьянин деревни Петухова Яков Махин*».

Николаевская Тафтенская летопись: в 1889 году выбран новый церковный староста на трехлетие унтер-офицер Влас Иванов Москалев, а в 1892 году он же выбран на следующее трехлетие согласно его желанию. Далее записи по выбору церковных старост не прослеживаются.

Нарративность повествования авторов при описании необычных погодных явлений или событий. В традиционном летописании (XI–XVII вв.) им всегда уделялось большое внимание.

В Успенской Толшемской летописи находим записи: 1 июня 1882 года во время сильной грозы в селениях прихода градом выбило хлеба на полях, и 21 апреля 1891 года «*ночью на Св. Пасху как только раздался первый удар колокола к пасхальной утрене, накатилась сильная гроза. Во время благовеста видна молния, но ударов грома не было слышно, как только обошли кругом церкви <...> раздались сильные удары грома и ярко светила молния*».

В Троицкой Новокуножской летописи встречаем такие записи: «*14 июля 1872 года был большой град в здешней местности, отчего в трех деревнях близ прихода побило градом озимые и яровые хлебы*», и «*в 1873 году 7-го числа июня был град, от чего в 3-х местностях близ церкви рожь, овес и прочее жито побило градом*», и «*1876 год. 8-9-10 числа мая выпало снегу на четверть аршина и был сильный мороз,10-го июня был холод и сильный снежный дождь. Хлеба и озимые по случаю холода очень оказываются плохими*», или «*1880 года. 19-го июня в 6 часов вечера разразилась потрясающая погода с громом и с сильным ветром при крупном дожде. В один из громовых ударов залетела молния в квартиру священника, повредила часть косяков у двух окон комнат и вылетела на улицу сквозь маленькое отверстие стены*».

Николаевская Тафтенская летопись добавляет информацию о явлениях: «*1871 года 27 июня в сем улусе в 4-м часу утра была сильная туча и гроза, так что от жестокого удара грома залетела стрела в открытую форточку рамы в церковь и произвела повреждение в оной, оторвала у иконостаса скалебину величиною с небольшое полено и разбила стекло у местной иконы, стоящей в киоте против правого клироса*», или в 1898 году «*озимого хлеба не было – выбил червь, трава по случаю засухи неудовлетворительна*», или в 1903 году занесено событие в летопись: «*в 12-й день августа*

с утра был прекрасный день и не обещал быть хуже, но с 5 ч. стало наносить, поднялась гроза с проливным дождем, продолжавшимся до 6¾ ч., дороги превратились в речки, гром гремел без умолку. Во все лето такой грозы и грома не бывало, к этому и в тот же день рожь была свезена с поля, промокли насквозь сжатые ячмень и овес; в 7 ч. явилось солнце, но гром продолжался греметь непрерывно от проходящей тучи».

События общероссийского масштаба, которые можно проверить по другим источникам, также говорят о той или иной компетенции священника, т. е. авторы жили в информационную эпоху (газеты, журналы, правительственные вестники и др.).

В Успенской Толшемской летописи зафиксированы некоторые основные даты из истории России, что говорит о хорошей осведомленности священника Павла Соколова, который, видимо, следил за всеми событиями:

1 марта 1881 года мученическая кончина государя императора Александра II;

2 марта 1881 года восшествие на престол государя императора Александра III;

15 мая 1883 года коронование государя императора Александра Александровича и государыни императрицы Марии Федоровны в первопрестольном граде Москве;

26 мая 1883 года освящение храма Христа Спасителя в Москве, воздвигнутого в память освобождения России от нашествия Галлов (подчеркнуто нами – *Д. П.*) в 1812 году. Храм освящен в присутствии государя императора и государыни императрицы;

17 октября 1888 году чудесное спасение государя императора и всей царской семьи от угрожающей опасности на Курско-Харьковской железной дороге;

29 апреля 1891 года чудесное спасение наследника цесаревича Николая Александровича от покушения на его драгоценную жизнь во время поезда чрез город Отсу (правильно Оцу – *Д. П.*) в Японии. Его Императорское Высочество был ранен в голову саблею полицейским низшим чином. Злоумышленник затем бросился вторично на Великого Князя, но был сбит с ног ударом палки принца Георга Греческого. Рана легкая и опасности для цесаревича не было;

20 октября 1894 года кончина государя императора Александра III.

В Троицкой Новокуножской летописи: «*1874 года в генваре месяце обнародован Высочайший Манифест, указ и Устав о воинской повинности*», или «*12 мая* (так в тексте, на самом деле 12 апреля – *Д. П.*) *1877 года объявлен Высочайший Манифест, в котором*

объявила Россия войну с Турцией в защиту жителей Балканского полуострова».

Или запись от 1 марта 1881 года «*В настоящий день в бозе почил Государь Император Александр II, скончавшийся мученической кончиною*», и далее запись от 5 марта 1881 года «*Вечером сего числа приведены были прихожане к присяге на верноподданство Государю Императору Александру III в приходском храме при полицейском чиновнике*».

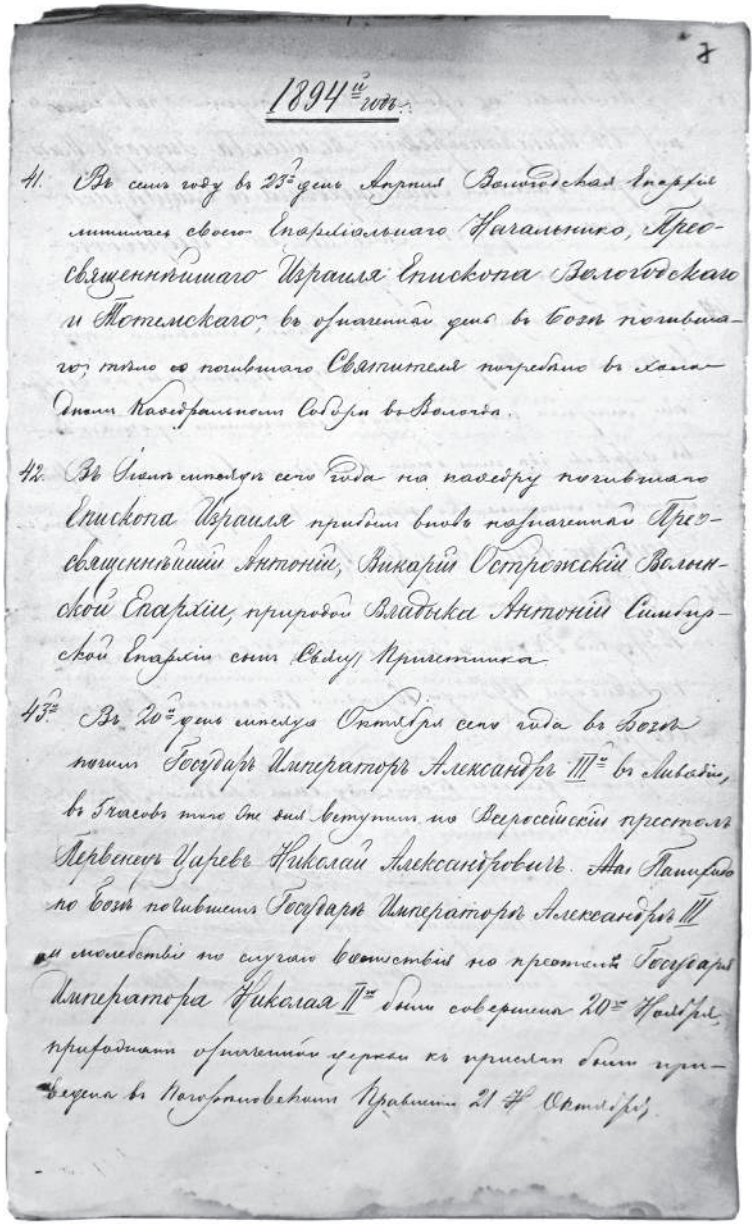
Николаевская Тафтенская летопись: запись № 42 за 1894 год «*в 20 день месяца октября сего года в бозе почил Государь Император Александру III в Ливадии, в 5 часов того же дня вступил на Всероссийский престол первенец царев Николай Александрович. Панихида по бозе почившем Государе Императоре Александре III и молебствие по случаю восшествия на престол Государя Императора Николая II были совершены 20-го ноября, прихожане означенной церкви к присяге были приведены в Погореловском правлении 21 октября*».

Или запись № 43 за 1894 год «*Молебствие и празднество, по случаю бракосочетания Его Императорского Величества Государя Императора Николая Александровича с благоверною Великой Княжной Александрою Феодоровною, были совершены сего 4 декабря*», или запись № 53 за 1896 год «*Мая 15, 16 и 17 празднество священного коронования Государя Императора Николая II совершенно торжественно. Все три дня было богослужение и благодарственные молебствия о здравии и спасении Государя Императора со всею Его Августейшею семьею. Народ все три дня не работал*».

Таким образом, на основе вышеозначенных источников комплексно проанализированы данные нескольких церковных летописей Тотемского уезда и выяснена одна важная деталь – исследование по данной методике позволяет дополнить один документ другим и более точно определить, что происходило в то время в той или иной местности на уровне микротерритории, чем занимались жители, какие происходили необычные аномальные явления.

Также летописи позволяют более детально уточнить время образования того или иного церковного прихода, постройки храмов, их повреждения и дальнейший ремонт, такие вопросы как вероисповедание, миграцию, происхождение жителей (т. е. откуда они пришли), численность, состав, к какой категории/сословию относилось население, а также выявить отмеченные в летописях события общероссийского масштаба.

Все это дает дополнительный импульс для будущих исследователей, краеведов, социологов и регионоведов.

1894 го года.

41. В сем году в 23 день Апреля
минувшаго своего Епархіальнаго Начальника, Пре-
священнѣйшаго Израиля Епископа Вологодскаго
и Тотемскаго, в означенный день в Бозѣ почивша-
го, тѣло сего почившаго Святителя погребено в Хра-
мѣ имени Каѳедральнаго Собора в Вологдѣ.

42. В сем июлѣ сего года на каѳедру почившаго
Епископа Израиля прибыл вновь назначенный Пре-
священнѣйшій Антоній, Викарій Острожскій Волын-
ской Епархіи, природой Владыка Антоній Симбир-
ской Епархіи сын Свящ. Христофора.

43. В 20 день минулаго Октября сего года в Бозѣ
почивши Государь Императоръ Александръ III в Ливадіи,
в Крыму тѣло отъ сея жизни отступило. На Всероссійскій престолъ
Первенецъ Царевичъ Николай Александровичъ. Ав. Панихиды
по Бозѣ почившемъ Государѣ Императорѣ Александрѣ III
и молебствіи по случаю восшествія на престолъ Государя
Императора Николая II в сей совершили 20 Ноября,
природныя означенной церкви къ присылки сего при-
ведена в Погребеніи Правило 21 Октября.

Лист из летописи Николаевской Тафтенской церкви за 1894 г.

Зенкова Ольга Борисовна,
культурно-исторический центр «Светоч»,
г. Великий Устюг, Вологодская область

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК ИЗ РОДА РОХЛЕЦОВЫХ

Великий Устюг и Тотьма, города-соседи, города-соперники, имеют немало точек соприкосновения и моментов общей истории, касающихся, прежде всего, духовной сферы, а также кровно-родственных связей их жителей. Так, с 1682 г. Тотьма и Устюг составляли два краеугольных камня новой северной епархии, а до этого входили в состав Ростовской митрополии. Это обусловило передвижение внутри церковного округа служителей культа и членов их семейств; коренные устюжане становились тотьмичами, а тотьмичи – устюжанами. Так случилось и с представителями старинного рода, о котором большинство наших современников наслышано лишь благодаря мореходу и промышленнику Петру Рохлецову.

Древо рода Рохлецовых, давшего в XX в. православному миру святого, священномученика Сергия (23.09/6.10.1876 – 8.05.1938), имеет глубокие тотемские корни.

Возможно, мало кто знает, что около двух веков представители данного рода, к которому принадлежал и известный мореход, служили при Варницкой Воскресенской и Ивано-Богословской *«при убогом доме»* церквах.

К сожалению, в писцовых книгах и других, более поздних документах (Ревизских сказках, например), фамилии людей, служивших в сане диакона или священника, в отличие от низших церковных служителей не упоминались. Переписчики указывали лишь имена отца семейства и его сыновей, в лучшем случае называлось отчество. Рохлецовы – редкое исключение из общего правила, их фамилию мы встречаем уже в XVII в.; правда, соединить отдельные «веточки» древа пока не удалось из-за недостаточного количества информации.

В писцовой книге за 1623–1626 гг. о церковном причте говорится скупо: *«Да на погосте ж двор попов Деонисья»*. Переписная книга 1646 г. также называет нам лишь имя священника при Богословской церкви, стоящей на принадлежащей Троице-Сергиеву монастырю земле: «*на церковной же земле во дворе поп Петр*»[145].

---

[145] Григоров Д. А. Тотьма и её окрестности. Тотьма. Историко-литературный альманах.– Вып. 1.– [электронный ресурс]. URL: https://www.booksite.ru/fulltext/1to/tma/alm/ana/ (дата обращения 12.12.2017).

Поскольку существовала наследственность в передаче места, в переписной книге 1677 г., возможно, указаны потомки этого Петра: «*Церковного причту поп* ***Алексей*** *Петров (с сыном* ***Алешкою****)... братья ево* ***Бориско*** *дьячит,* ***Ивашко*** *пономарит. У Бориска сын* ***Потапко*** *десяти лет, у Ивашка детей с ним* ***Якушка*** *десяти лет да* ***Федка*** *шти лет»*[146]. Алексей Петров служил, как минимум, до 1695 г. (у Д. А. Григорова, автора исторического описания тотемских церквей, упоминается *«поклёп»* на богословского попа Алексея, датированный этим годом), а братья разъехались: по писцовой книге 1686 г., «*Бориско живет в Царевской волости, а Ивашко и з детми сшел в повол(ж)ские волости в 188 (1680) году»*[147].

При Варницкой Воскресенской на церковной же земле в 1676/78 гг. проживал в своём дворе *«поп* ***Петр Андреев*** *з детми с* ***Федкою*** *да с* ***Ивашком****, Федка девяти лет, Ивашко трех»*[148]. В 1680 г. овдовевший Пётр Андреев бил челом Ионе, митрополиту Ростовскому и Ярославскому, о разрешении продолжить службу в Варницкой церкви. В указе митрополита говорится, что жил Пётр *«после подружия своего в чистоте и в послушании под паствою отца своего духовнаго»*, и что *«впредь обещался чистоту хранити и в дому ему у себя зазорных лиц не держать кроме матере и сестры и дщерей».* «Патрахильная» грамота была подписана Ионой на срок с 17 июля 1680 по «тож число» 1685 г.[149]. Петру разрешалось совершать, *«в ризы облачаяся»,* все положенные требы и Таинства, соборовать маслом, служить Божественную Литургию. По истечении срока грамоту следовало вернуть – *«положить перед <митрополитом> в Ростове».* Последующие шаги в указе не прописаны; скорей всего, путь после этого срока был только в монастырь (при условии, что проситель останется к тому моменту в живых). В 1687/88 г. во дворе на церковной земле переписчик отметил детей попа Петра Андреева – диакона **Фёдора Петрова** с братьями *«****Ивашкой*** *десяти и* ***Миткой*** *семи лет»*[150].

Учитывая, что 7-летний *«Митка»* (к его личности мы вернёмся чуть позже) находился при старшем брате, а не при отце, случилось либо одно, либо другое.

В писцовой книге за этот год имя, отчество и фамилия живущего в том же дворе священнослужителя впервые названы

---

[146] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 15050. Л.

[147] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 15048. Л. 1; Ф. 1209. Оп. 1. Д. 891. Л. 187.

[148] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 15050. Л. 50.

[149] РГАДА. Ф. 1206. Оп. 1. Д. 102. Л. 1–2.

[150] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 891. Л. 131 об. Несовпадения в указанном возрасте – обычное явление.– *Прим. авт.*

полностью: **Дмитрий Иванов сын Рохлецов**. Димитрий получил епитрахильную грамоту при устюжском архиепископе Геласии 20 января 1684 года[151]. В 197 (1689) г. он, как и его предшественник, потерял жену. Приказные старцы вологодских Спасо-Прилуцкого и Спасо-Каменного, московского Николо-Угрешского монастырей, чьи варницы находились в зоне влияния Воскресенской церкви, *«церковной староста Петрушка Родионов Сухоносов и все приходцкие люди»* били челом устюжскому архиепископу Александру об оставлении священника на месте. Ходатаи просили милости к пастырю, так как «*в дому иво мати Наталья в древних летех, да сестра девица в малых летех, и ныне их поить и кормить некому, а он поп, отец наш духовной Дмитрей человек смирной и не пьяница, и к церкви Божии и к нам мирским людем подвижен, и во всем послушен».*[152] Вместо старосты Петра Родионова *«к сему челобитью руку приложил»* дьякон Михаил Федотов, а дьякон Фёдор (Петров?) расписался за неграмотных прихожан, *«по их воле».* Архиепископ, рассмотрев челобитье, благословил вдовца *«служить вечерни и утрени и молебны и Божественную Литоргию»* с 28 апреля 197 (1689) г. по то же число 198 (1690) г., с условием: *«жить ему попу Дмитрию у тех церквей Божиих смирно кротко благочинно, от хмелнаго пития и от кощунных слов удалятися, и зазорных лиц у себя в доме не держать и во всем быть ему по правилом святых Апостол, а отслужа ему вдовому попу Дмитрею год, и ся наша благословенная епитрахильная грамота положить пред <нами>»*[153].

Состояли ли причты Воскресенской и Богословской церквей в прямом родстве, установить не удалось. «Соседское» географическое положение храмов и то, что основаны они были близ соляных варниц, даёт основание считать (хотя и с некоторой долей осторожности), что и *«богословский»* Алексей Петров с братьями, и *«воскресенские»* Пётр Андреев с сыновьями и Дмитрий Иванов Рохлецов, – члены одного большого семейства.

В 1724–1736 гг. иереем Богословской церкви значится **Дмитрий Петров Рохлецов**[154] – явно самый **Митька,** указанный в писцовой книге 1686–1687 г. (и, стало быть, его братья Фёдор и Иван, отец Пётр Андреев – тоже были Рохлецовы). В пономарях в 1736 г. состоял его сродник, 11-летний сын умершего священника

---

[151] РГАДА. Ф. 1206. Оп. 1. Д. 336. Л. 5 об.

[152] РГАДА. Ф. 1206. Оп. 1. Д. 921. Л. 1.

[153] РГАДА. Ф. 1206. Оп. 1. Д. 921. Л. 2–3.

[154] Здесь и ниже: ВУЦА. Ф. 363. Оп. 1. Д. 63. Л. 230 об., 233 об. Ф. 363. Оп. 1. Д. 361. Л. 5, 8 об.

Воскресенской церкви Яков Алексеев Рохлецов, дьячком – родной 28-летний сын Степан. Второй сын, Андрей, в 1736 г. (24 года, бездетен) исполнял пономарскую должность в Воскресенской церкви. Третий, Михаил, в 1724 г. бывший пономарём Ивано-Богословской церкви, позже вышел из духовного сословия и с 1729 г. занимался торговым дело в Сибири.

В 1731 г. *«съехал»* в Сибирь записавшийся в крестьяне Пётр Алексеев Рохлецов (сын священника). Его брат Дмитрий вышел в купеческое сословие.

По Ивано-Богословской церкви эта фамилия встречается примерно до середины XVIII в.; в 1755 г. её последний представитель, 47-летний дьячок Стефан Дмитриев Рохлецов *«за второбрачием и за очной и головной болезньми по желании написан в подушном окладе в тотемское купечество»*[155]. В 1768 и в последующие годы Рохлецовы не значатся. В 1774 г. проживающие в Тотьме потомки Дмитрия Петрова Рохлецова состояли в приходе уже не своей родовой Богословской церкви, а в Варницкой, при которой числились и *«Васильевичи»:* в исповедной книге в разделе «Купцы и их домашние» значатся семья 53-летнего Дмитрия Алексеева Р. (он сам, жена Евдокия и дети Стефан 15 и Иван 8 лет), вдова Петра Алексеева Р. – Екатерина Яковлева, 65 лет, Стефан Дмитриев Р., 65 лет, с женой Натальей, и вдова неизвестного нам Кузьмы Рохлецова, 28-летняя Марья Афанасьева[156].

С 1723 г. «ветвь» Рохлецовых появляется и в Устюге: в архиерейской канцелярии писцом состоял Дмитрий Алексеев Рохлецов, с 1724 по 1740-е гг. при архиерейском приказе служит Иван Васильев Рохлецов (I), с 1748 г. в *«пищиках»* – его сын Пётр[157].

При тотемской Варницкой Воскресенской церкви священнослужение в 1724–1736 гг. осуществляли (поочерёдно или одновременно) Алексий Васильев Рохлецов (умер до 1736 г.; в пономарях, затем в дьяконах, служил в 1724–1736 гг. его полный тёзка, Алексей Васильев Рохлецов, бездетный), Григорий Иванов Рохлецов и **Иван Васильев Рохлецов** (II), пра-пра-прадед сщмч. Сергия.

---

[155] Публикация: РГИА. Ф. 796. Оп. 36. Д. 344. на forum.vgd.ru. Рохлецовы, как видно, были людьми просвещёнными: так, в собрании рукописных книг РГАДА хранится «*книга, глаголемая граноограф, тотемца* **Стефана Дмитриева *сына* Рохлецова***, а подписал октября дня 1749 года».– Прим. авт.*– См: Степенная книга. История текста. https://books.google.ru

[156] ВУЦА. Ф. 363. Оп. 1. Д. 2765. Л. 15.

[157] В XIX в. при Петропавловской церкви г. В. Устюга служил иерей Флегонт Богославский (сын кадниковского священника Дмитрия Маркова Рохлецова), затем Ксанфий Флегонтов. На нём род Богославских по мужской линии прекратился.– *Прим. авт.*

Иоанн Рохлецов сыграл важную роль в прославлении **блаженного Максима Тотемского** (иерея Воскресенской церкви Максима Макарьева сына Попова, 45 лет подвизавшегося в юродстве, умершего «*в глубокой старости*» 16 января 1650 г. и погребённого при этом же храме). В 1715 г.[158]. священник испрашивал у Великоустюжского архиерея Иосифа разрешение **на устройство новой гробницы** над мощами тотемского святого, в построенной над его могилой церкви **Параскевы Пятницы –** тёплого храма Варницкого прихода. Эти два факта имеют наиболее мистическую окраску в истории рода Рохлецовых: почти через 200 лет именно в Параскево-Пятницкой церкви, только в с. Погорелово Устюжского уезда, довелось служить священномученику Сергию, и он же принял участие в местном прославлении другого Максима – «Погореловского», или Устюжского. Совпадают, к тому же, многие эпизоды жизни старцев: один и тот же небесный покровитель (преп. Максим Исповедник; † 662 г., 13 авг.), один и тот же путь к святости. *«Максим пребывал в непрестанной молитве, посте и наготе, совершенно пренебрегая заботами о своём теле. Праведный Максим уже при жизни своей был отмечен благодатными дарами от Бога. ...При гробе блаженного крестьяне стали получать по своим молитвам исцеления...».* Эти слова из жития Максима Тотемского будто сказаны про Максима Югова. Даже количество лет, проведенных в подвижническом подвиге, примерно одинаковое – 45 и 43 (именно столько лет «Погореловский» старец Максим провёл в лесной пустыньке). Так получилось, что о. Сергий Рохлецов стал духовником старца, затем отпевал его и, конечно, не без его участия над могилой старца на кладбище возле церкви появилась первая часовенка.

По Варницкой церкви династия Рохлецовых, прямых предков сщмч. Сергия, прослеживается до 80-х годов XIX в. Здесь служили прапрадед – диакон Александр Иоаннов, прадед – пономарь Марк Александров и дед, дьячок Иван Марков[159].

Батюшка будущего священномученика, Дмитрий Иванович, по окончании Вологодской Духовной семинарии с 1848 по 1853 гг. был учителем 1 класса Устюжского духовного училища, затем священником Прокопьевского собора, а с 1882 по 1885 г. – настоятелем Успенского кафедрального собора.

---

[158] Судя по условной дате его рождения,– примерно 1691 г.,– очень молодой.– *Прим. авт.*

[159] ВУЦА. Ф. 363. Оп. 1. Д. 1334. Л. 5; Д. 4681. Л. 2, 2 об., 3, 3 об., 5; Д. 5545. Л. 66; Ф. 584. Оп. 15. Д. 12. Л. 151 об., 152.

Матушка святого, Мария, происходила из семьи священника устюжского Прокопьевского собора Александра Попова. Рохлецовы, как и многие семейства священно- и церковнослужителей, были многодетны, но большинство их чад (шестеро из 11 рождённых) скончались во младенчестве, одна девочка – в 14-летнем возрасте. Свою жизнь матушка посвятила воспитанию четверых выживших детей; особым вниманием она окружила *«младшенького»* – Сергия, оставшегося без отца в 10 лет.

Старшие дети – Александр, Иоанн и Эмилия выбрали гражданскую службу. Александр, после окончания курса Вологодской Духовной семинарии, обучался в Императорской Медико-Хирургической Академии и до переезда в Яренск работал в Устюге земским врачом с 1881 по 1886 г. Иоанн, отслужив положенный срок в армии, жил сначала в доме родителей, затем отдельно; находился на частной службе. Эмилия получила диплом *«повитухи»,* впоследствии стала сельской учительницей[160].

В августе 1886 г. Мария Александровна Рохлецова подаёт прошение смотрителю устюжского Духовного училища Д. А. Смирнову, в котором пишет: *«Желая дать сыну своему Сергею воспитание, покорнейше прошу Ваше Высокоблагородие принять его в 1-й класс подведомственнаго Вам училища и тем дать ему возможность продолжить начатое в начальном училище образование»*[161]. Вскоре Сергея допускают к экзаменам, и после успешной их сдачи он становится первоклассником.

Сережа был болезненным ребенком. Об этом свидетельствует медицинская справка, выданная его 29-летним братом, работавшим по совместительству врачом Духовного училища: *«Ученик 1 класса Сергей Рохлецов в течении 4-х лет страдает воспалением бронхов, временно обостряющимся, и хроническим воспалением дыхательного горла и гортани с последовательным утолщением голосовых связок».* Этим заключением врач намеревался освободить мальчика от занятий пением, которое мешало лечению. *«Тем более что,*– довольно беспощадно добавлял Александр Дмитриевич,– *по заявлению учителя пения г. Костямина, Рохлецов обладает крайне тупым музыкальным слухом»*[162].

---

[160] ВУЦА. Ф. 584. Оп. 21. Д. 157. Л. 89 об., 134 об., 135 об.; Ф. 252. Оп. 1. Д. 55. Л. 76 об.

[161] ВУЦА. Ф. 252. Оп. 1. Д. 55. Л. 415.

[162] Там же. Л. 517. Неизвестно, как Сергей учился, какие оценки получал по другим предметам, но вот в отношении слуха преподаватель ошибся. После учёбы в Вологодской духовной семинарии Сергей Рохлецов несколько лет трудился именно учителем пения.– *Прим. авт.*

Матушка Мария Александровна Рохлецова с сыном Серёжей. Фото 1885 г. из семейного архива Т. В. Новинской

Видимо, благодаря опеке и окружению матери, а также значительной разнице в возрасте со своими старшими братьями, Сергея миновал ветер вольнодумия, царивший в головах молодых людей, в том числе происходивших из известных городских семейств. Александр и Иван, к примеру, были неоднократно замечены в гостях у сосланных в Устюг *«народников»;* скорее всего, только из уважения к их отцу полиция не прибегла к аресту, а установила над братьями негласный надзор[163].

В 1896 г., закончив Вологодскую семинарию с аттестатом II разряда, молодой человек получил место псаломщика в близлальской Покровской церкви Устюжского уезда. В этой должности он состоял до 1901 г., одновременно обучая пению приходских детей в Покровской школе и являясь заведующим Турковской (Загарской) школы грамоты[164].

Новый век принёс Сергею Дмитриевичу перемены в личной жизни: он знакомится со своей будущей супругой, Ольгой Ивановной Поповой.

Вера Сергеевна Липатникова (дочь С. Д. и О. И. Рохлецовых) рассказывала, что когда дед, священник Пятницкой Погореловской церкви Иоанн Попов, состарился, её мама была на выданье. Училась она в епархиальном училище, жила на частной квартире вместе с двумя девушками. Хозяйка – Марфа Ивановна – оказалась близ-

[163] Михайлов Б. Г. Народники в Великом Устюге. // Великий Устюг. Краеведческий альманах.– Вып. 1.– Вологда, Русь, 1995.

[164] ВУЦА. Ф. 364. Оп. 1. Д. 7948. Л. 550 об.

кой знакомой вдовы протоиерея Димитрия, Марии Александровны. Она знала, что Сергея Дмитриевича не могут рукоположить – нужно жениться, а невесты нет. Хозяйке квартиры Ольга нравилась, вот она и сосватала их.

В декабре 1903 г. Сергия Рохлецова рукополагают во иерея Пятницкой Погореловской церкви. В 1905–1907 гг. ещё не набравшийся достаточного опыта священник, впервые столкнувшийся с проявлениями революционного брожения среди части своей паствы, ведёт себя подобающе сану. В 1905 г., например, в Пятницкой церкви им проведено 58 бесед и произнесено 8 поучений с целью исправления *«пошатнувшегося благочестия».* В епархиальных документах о. Сергий назван в числе 8 священников (из 18 по I Благочинию), которые вели свои беседы *«с особым усердием, любовию и влиянием на прихожан»*[165].

Сергей и Ольга Рохлецовы.
Фото 1903–1904 гг.
из семейного архива Т. В. Новинской

По отчётам руководителей благочинных округов начала XX в. перед нами встаёт образ сельского батюшки образованного, эрудированного, любимого паствой, далеко не единственного в своём роде. Отец Иларий Черняев, благочинный I округа, в 1909 г. писал: *«К своим приходским священникам за небольшим исключением прихожане относятся с должным уважением и расположением, а это приобретается неуклонным исполнением со стороны священника разных церковных треб в приходе, сочувственной отзывчивостию к их нуждам и печалям, добрым советом и главное непритязательности при получении часто совсем ничтожных вознаграждений за*

[165] ВУЦА. Ф. 364. Оп. 1. Д. 7640. Л. 8 об.

свои труды. Особенным расположением и любовию прихожан пользуются священники церквей: Городищенской Богоявленской о. Иоанн Коржавин, Бобровской Воскресенской – Димитрий Авениров, Опоцкой Николаевской – Иоанн Соболев, Будринской Ильинской – Сергий Поддьяков и Пятницкой Погореловской – Сергий Рохлецов»[166].

За добросовестную службу о. Сергий награждён в 1908 г. набедренником, в 1914-м – скуфьей, в апреле 1918 г. – камилавкой. С 12 марта 1917 г. он состоит помощником Благочинного по V округу, а с 6 августа того же года *«по избранию собрания духовенства и мирян»* – Благочинным.

По неизвестной причине 4 (ст. ст.) октября 1918 г. о. Сергий переходит к Ерогодской Успенской церкви, затем снова возвращается в Пятницкий приход, уже навсегда[167].

...Быт семьи Рохлецовых полностью лежал на плечах матушки – Ольги Ивановны. До революции по хозяйству ей помогали нанятые кухарка и няня; после пришлось устраивать дом одной. Старшие дети к тому времени уже подросли и могли справляться с домашними обязанностями, например, ухаживать за огородом. Матушка вышивала, шила. Практически вся одежда детей и её самой была делом рук Марии Александровны. Платья шились хотя и из простой недорогой ткани, но *«по фасону».* Скромный достаток сельского батюшки не позволял роскошествовать. Бывало, о. Сергий брал в городе необходимые припасы в долг; торговцы, знавшие его как честного и порядочного, *«потомственного устюжского»,* доверяли священнику и даже сами ему все предлагали.

Произошедшие революции не могли не отразиться на этой семье, прежде всего, на батюшке как служителе культа. Сначала его отлучают от школы, затем лишают избирательных прав, а впоследствии (в конце 1920-х) дома и огорода. Рохлецовы с младшими детьми, родившимися уже после 1917-го[168], переселяются из просторного дома в небольшую сторожку. *«Как это происходило? Дали срок, перенесли вещи и всё»,*– вспоминала Вера Сергеевна.

В период НЭПа, казалось, жизнь вошла в более – менее привычную колею. В престольные праздники к церкви стекалось много народа, по окончании службы проводились шумные ярмарки. В гости приезжали священники соседних церквей – Успенской

---

[166] ВУЦА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 268. Л. 9.

[167] ВУЦА. Ф. 584. Оп. 51. Д. 34. Л. 5 об.–6.

[168] Всего у Сергия и Ольги Рохлецовых родилось 14, умерло маленькими двое детей.– *Прим. авт.*

Синегодской, Зосимо-Савватиевской Шемогодской, Будринской Ильинской, с Котовалова.

Службы обычно проводились по воскресеньям и праздникам, кроме того, совершались крещения, венчания, отпевания, по заказу служились сорокоусты. Когда о. Сергий отлучался в город по делам благочиния или домашним, он служил по приглашению в Прокопьевском соборе, пока тот не заняли обновленцы. Обновленства о. Сергий не принял и не общался с теми, кто впал в ересь. В Великий пост батюшка молебствовал в домах, летом в праздники освящал поля, совершал крестные ходы. В пост верующих было особенно много, служба совершалась чаще обычного. Суеверий и поверий в Пятницком приходе не отмечалось, батюшка строго следил за тем, чтобы не появилось никаких сект.

Ходил о. Сергий (даже в лес) всегда в подряснике, не признавал «штатской» одежды. Строгий в устоях церковных, он и дома отличался строгостью: компаний не водил, хотя и затворником не был, никакими мирскими занятиями не увлекался, карт не держал.

Дети подчинялись ему беспрекословно, каждый знал свои обязанности, отцу никогда не приходилось повторять свою просьбу дважды. *«Папеньку побаивались»* и за столом: ни шуму, ни разговоров во время еды не допускалось. Однако за стол, пока все не соберутся, не садились – ждали последнего.

Вечерами о. Сергий читал и готовился к проповедям. Семейство также занималось чтением, пели *«церковное»,* играли в шахматы – рано спать никогда не ложились. Днём также никто не сидел без дела: девочки, к примеру, приучались к рукоделию, но приданое, в отличие от деревенских, не готовили. Родители не возбраняли своим чадам дружить и играть с крестьянскими детьми – вместе со своими сверстниками сыновья и дочери Рохлецовых любили бегать на реку, играть в прятки, городки, кататься на лыжах, санках. Но у них была и своя особенная игра, в которую сельские ребятишки не приглашались. Принадлежавшие к духовному сословию, с малых лет присутствовавшие на всех обрядах и Таинствах, дети и дома играли *«в церковь».* В небольшом садике мальчики выстроили шалаш (*«храм»*) и распределили роли: кто-то был священником, кто-то пономарём и т. д. *«И кадило было сделано, на верёвочке, чтоб побряцало, вот и кадили, и молящиеся были»,*– рассказывала В. С. Липатникова. Прихожанами в этом детском храме становились все остальные братья и сестры, оставшиеся без *«чина».* Конечно же, они были помощниками батюшки и в настоящей церкви. Когда старшие отбыли на учёбу (а кое-кто уже совсем обосновался

в городе), о. Сергию помогали младшие: так, Вера трудилась алтарницей и звонарём, продолжала она работать в церкви и тогда, когда училась в Устюге.

Несмотря на то, что антирелигиозная пропаганда уже приносила свои плоды, дети Рохлецовых не испытывали притеснений за своё происхождение ни от учителей, ни от учеников. Нина, Вера и Иван жили на квартире у Бабиковой Анны Павловны (она потом помогла Нине поступить на работу в аптеку). Питались скромно – что старшая сестра наварит. *«Утром чайку пожулькаешь с сахарком... Без сахару не сидели, хлеб, сахар – это всё было. Братья помогали».* По выходным пешком (18 км) ходили в Погорелово. *«Дома чего-нибудь вкусненького сделают, там и полакомимся».* Взрослые братья – Валерьян, Владимир, Сергей разделили с родителями хлопоты о младших: посылали домой заработанные деньги, а когда для детей священнослужителей образование стало платным, помогли выучиться Нине и Ивану. Бывая на каникулах, младшие Рохлецовы вместе с родителями заготовляли ягоды и грибы, запасали дрова на зиму.

Отец Сергий оказался очень беспомощным в житейских делах. Не умея ни пилить, ни рубить, он сгорал от стыда, если кто-нибудь случайно заставал за этим занятием. Не самого труда стеснялся батюшка, а того, что не способен к этой деятельности: *«Папа ничего не умел делать, ни колоть, ни рубить... С «грехом пополам» срубит, а если кто идёт – спрячется, а то осудят, что не умеючи... Или пилим: кто идет, сразу бросаем, другим занимаемся... Я хорошо научилась дрова колоть и пилить. Он только в лесу рубил, чтобы мы не повредили себе чего, а дома – мы с мамой, сестрой и братом Витей»*[169].

Дома детям казалось не только сытно, но и спокойно. Однако обстановка накалялась; в 1928 г. дом Рохлецовых, как *«принадлежащий обществу»,* муниципализировали, причём выселение в сторожку оказалось не единственной и не последней неприятностью. В октябре 1929 г. Великоустюгская районная налоговая комиссии на основании постановления ОК РИКа, *«принимая во внимание, что Рохлецов имеет 0,10 огорода и 1 корову, а кроме от общины верующих получает 420 р. содержания и 72 пуда муки»* постановила *«привлечь Рохлецова к индивидуальному обложению, доход от религиозного культа установить 708 руб., от огорода 21 р., от коровы 45 р., в общем исчислить дохода... 77=40 и налога 124=95»*[170].

---

[169] Липатникова В. С. Воспоминания.– *Запись автора.*

[170] Архивная справка от 13.11.2000 г., № 6. ВУФ ГАВО. Из личного архива Новинской Т. В., правнучки С. Д. Рохлецова.

В январе 1930 г. сельсовет составил список граждан по *«самообложению»* на строительство второго комплекта Пятницкой школы. По Пятницкому погосту в этом списке числится 8 человек, в том числе Попова Мария Ивановна (сестра О. И. Рохлецовой), 3 пая, по самообложению следует 1 р. 50 к., получено 0=75, и Рохлецов Сергей Дмитриевич, количество паев не указано, по самообложению следует 62 р. 48 к., уплачено 16=48, остался должен 46 рублей[171]. Батюшка, вероятно, рассматривался как кулак: кроме него, большому *«самообложению»* подверглись всего несколько человек из деревень Ямженского сельсовета. 13 февраля 1930 г. Великоустюгский райисполком запрашивал ямженское начальство, имеет ли священник сенокосные угодья и просил указать, *«чем руководствовался с/совет давая твердые задания по здаче сена Рохлецову»*[172].

Дважды – в 1929 и 1930 гг. – о. Сергий подвергался аресту. Из имеющихся в Великоустюгском центральном архиве документов Северо-Двинского губернского трибунала следует, что арестовать служителя культа тогда могли даже за задолженность по налогам или несвоевременное освобождение жилища. Что могло быть причиной арестов о. Сергия, остается только гадать.

Немало переживаний доставило о. Сергию закрытие и разрушение монастырских и приходских храмов. Он был одним из ходатаев о сохранении Красавинской Князе-Владимирской церкви. К сожалению, храм отстоять не удалось, он был разобран на кирпичи для строительства рабочего клуба.

В живописных местах Ямженского и Красавинского сельсоветов власти устраивали летние лагеря. Однажды вблизи Пятницкого погоста отдыхали бывшие беспризорники, воспитанники детского дома им. Октября, которые организовали настоящую охоту на священника. С криками *«убьём попа!» «трудновоспитуемые»* кидали камни в окна церкви. Они выбили все рамы, и только вмешательство вожатых, прибежавших на крик женщины-сторожа, остановило погром. В другой раз *«шутники»,* украв где-то керосина, расставили подожженные плошки по кирпичным столбам кладбищенской ограды. Все лето семья Рохлецовых провела как в осаде: боялись, что убьют или сожгут.

Развязка в отношениях *«священник – власть»* наступила в 1937 г. 4 декабря 1937 г. сотрудник Великоустюгского районного отдела НКВД Девятых получил ордер за № 248 на арест Рохлецова

---

[171] ВУЦА. Р. 149. Оп. 1. Д. 65, без № листов.

[172] Так в тексте. ВУЦА. Р. 149. Оп. 1. Д. 64, без № листов.

Сергея Дмитриевича (причём без указания, в чём его обвиняют) и производство обыска в его доме.

По данным протокола обыска, у протоиерея Сергия были изъяты: Евангелие, Напрестольный и наперсный кресты, Св. сосуды, а также документы – удостоверения, справка о семейно-имущественном положении, грамоты (вероятно, ставленнические) и 2 книги. Жалоб на *«неправильности, допущенные при производстве обыска»,* согласно подписи, о. Сергий не имел. Правда, Вера Сергеевна Липатникова утверждала, что во время обыска понятые, по приказу милиционера, сожгли все духовные и светские книги солидной домашней библиотеки.

На следующий день в райотделе НКВД против о. Сергия дали показания 2 свидетеля, интеллигент (учитель Пятницкой школы) и пролетарий (бригадир колхоза). Первый показал, что *«Рохлецов С.Д. ...к существованию советского строя настроен враждебно ...открыто выступал против проводимых советской властью мероприятий».* В подтверждение своих слов он привёл окрашенные в нужный цвет примеры. Так, возмущение (или сокрушение?) о. Сергия поведением беспризорников, которое отразилось во фразе *«детей собрали, а воспитать не могут»* было интерпретировано учителем как *«заявление о неспособности советских детских учреждений в воспитании детей».* Педагог усмотрел *«антисоветскую позицию»* о. Сергия и в таком происшествии: священник нелестно при всех высказался в адрес правления колхоза, не справившегося с лесозаготовками и постановившего вывести в лес дополнительные силы. Свидетель нашёл криминал и в том, что в доме Рохлецовых проживала *«монашка»,* и в том, что к ним часто заходят на беседы колхозники. Апогеем доноса стала следующая фраза: *«В начале ноября 1937 г. Рохлецов в лавке сельпо при публике заявлял о том, что у него не стало совершенно доходов, в чем сквозила со стороны Рохлецова ненависть к существующему советскому строю»*[173].

Второй свидетель дал показания следующего содержания: *«С установлением Сов<етской> власти Рохлецов является ярым противником её и кровно ненавидит существующий сов<етский>строй. Пропитанный ненавистью к Сов<етской> власти Р<охлецов> используя религиозные предрассудки, старался окружить себя подобными ему людьми из среды других служителей церкви и отсталой части колхозников... распуская всевозможные клеветнические контр-*

[173] Архив УФСБ по Вологодской области. Д. 359. Л. 4 об.– 5.

революционные измышления о войне, о тяжёлом положении народа, в которое якобы его поставили коммунисты, а также о неизбежности гибели советской власти...». Священник Рохлецов, по словам свидетеля, проводил агитацию на службах и особенно через монахиню Ольгу Чупрову, служившую в храме псаломщицей: *«имея специальность портнихи <она> повседневно общается с колхозниками, даже ходит по окружающим деревням и также проводит обработку колхозников в контр-революционном духе»*[174].

6 декабря 1937 г. следователи заслушали самого обвиняемого. Протокол допроса предельно краток: анкетные данные арестованного, состав семьи (указаны лишь м. Ольга и жившая с родителями 16-летняя Зинаида), вопрос, признаёт ли себя виновным в проведении активной контрреволюционной деятельности. Ответ о. Сергия не был неожиданным: *«В проведении контрреволюционной деятельности я виновным себя не признаю».*

10 декабря на заседании Тройки, состоявшемся по обвинению *«Рохлецова Сергея Дмитриевича, 1876 года рождения, бывшего служителя культа, судимого в том, что вел систематически контрреволюционную агитацию»,* без указания статьи УК о. Сергия приговаривают к 10 годам ИТЛ *«считая срок с 4/12 1937 года»*[175].

После ареста и вынесения приговора домашние виделись с батюшкой всего один раз. Поскольку к заключённым допускались не более двух родственников одновременно, на встречи составлялась очередь; семья не могла и предположить, что больше не увидится с дорогим человеком. На это единственное свидание удалось сходить только матушке Ольге и Зинаиде. Оно состоялось во дворе тюрьмы – в бывшем Михайло-Архангельском монастыре. Все заключённые стояли в один ряд, напротив них, на расстоянии, также в один ряд стояли родственники. По людскому коридору ходили охранники. Что можно было разобрать в этом крике?.. *«Отец был бледный и худой. На свидании – никаких передач, кусочка булки нельзя. Ничего не передать, никак»,*– рассказывала, плача, Вера Сергеевна.

8 мая 1938 г. митрофорный протоиерей Сергий Рохлецов умер от истощения и болезни в тюремной больнице. О смерти батюшки семья узнала от Валериана, работавшего на пивзаводе «Бавария» бухгалтером, а он, в свою очередь, от одного сотрудника, жена которого служила медсестрой в тюрьме. Она же указала и место

---

[174] Архив УФСБ по Вологодской области. Д. 359. Л. 6–7.
[175] Там же. Л. 11.

захоронения о. Сергия – братскую могилу во рву возле городского кладбища, где хоронили всех расстрелянных и умерших узников.

...По счастью, семья Рохлецовых не подпала в полной мере под категорию *«врагов народа».* Выучились и поступили на работу младшие (Зинаида стала учительницей, Вера – медиком, Нина – фармацевтом), продолжали трудиться старшие братья и сестра. Во время Великой Отечественной сыновья о. Сергия защищали Родину, трое – Владимир, Александр, Виктор – погибли на фронте.

Ольга Ивановна дожила до глубокой старости. Только в 1989 г. доброе имя батюшки было реабилитировано, но об этом никто тогда не узнал. Справка не нашла адресата и осталась подшитой к делу.

В 2000 г. протоиерей Сергий Рохлецов причислен Православной Церковью к лику святых в числе новомучеников и исповедников земли Российской.

Гостев Игорь Михайлович,
ГБУК АО «Архангельский краеведческий музей»,
г. Архангельск

ВКЛАД ЖИТЕЛЕЙ ТОТЬМЫ В СТРОИТЕЛЬСТВО АРХАНГЕЛЬСКОЙ НОВОДВИНСКОЙ КРЕПОСТИ

Строительство крепости на Малой Двинке, сегодня известной как Архангельская Новодвинская крепость, до основания петровского Парадиза – будущего Санкт-Петербурга было одним из крупнейших строительных проектов конца XVII – начала XVIII столетий в России.

Великая Северная война (1700–1721), начавшаяся с сокрушительного поражения русской армии под Нарвой, потребовала принятия срочных мер для защиты единственного морского порта – Архангельска, через который осуществлялся товарообмен со странами западной Европы. Самым важным, но наименее афишируемым направлением торговли была поставка в страну оружия и иных стратегических материалов, необходимых для оснащения русской армии. Учитывая, что при отступлении из-под Нарвы

армия потеряла по разным данным от 145 до 195 орудий[176], то есть практически всю полевую артиллерию и часть осадной, утрата Архангельского порта и прекращение таких поставок из-за границы означало бы неминуемое поражение России в войне.

Осознавая исключительную стратегическую роль Архангельского порта, 17 декабря 1700 г. Пётр I принял решение о создании системы обороны города: крепости на Малой Двинке (Новодвинской) и артиллерийских батарей на островах Северной Двины, где был возможен проход малых судов противника.

Архангельская Новодвинская крепость – первая каменная бастионная крепость России – была и первой морской крепостью, контролировавшей и перекрывавшей судоходный фарватер из Белого моря к Архангельску. Заложенная весной 1701 г. крепость уже в начале лета – в ночь с 25 на 26 июня (с 6 на 7 июля – по н. с.) 1701 г. отразила атаку передового отряда шведского флота, чем пресекла попытку шведов разорить город и порт.

Возведение и обустройство этого гигантского и передового для своего времени военно-инженерного сооружения продолжалось два десятка лет. Первоначально эта работа была возложена на двинян – жителей Архангелогородского и Холмогорского посадов и уезда, каргопольцев, чарондцев, кеврольцев и мезенцев.

Весной 1701 г. за работу взялись всем миром. 1 мая, когда еще лежал снег, а на Северной Двине не прошел ледоход, рабочие начали расчищать от леса строительную площадку. Уже вечером 25 июня 1701 г. возведенные укрепления сыграли важнейшую роль в отражении нападения авангарда шведской эскадры на Архангельск. Работы велись наемными людьми из перечисленных городов и уездов. В разные дни на объектах находилось до 1800 рабочих. Люди были распределены по разным участкам: от добычи камня и извести на двинском и пинежском Орлецах, и их

---

[176] В отечественной историографии число потерь артиллерии под Нарвой явно занижено – около 145 орудий (Гистория Свейской войны: (Поденная записка Петра Великого). Выпуск 1. М., 2004. С. 209; *Авдеев В.А., Алексеев Ю.А., Басик И.И. и др.* На пути к регулярной армии: Армия и флот в эпоху Петра Великого. СПб., 2002. С. 33.), однако в шведских источниках приводятся другие цифры: 147 22-фунтовых гаубиц и 18 40-фунтовых мортир, «из них некоторые не совсем 40-фунтовые», а также сообщается о 30 мортирах, «оставленных русскими в Ямбурге (Jamo)» (Handlingar, hörandetill Konung Carl XII :sHistoria. Stockholm, 1826. С. 214–215); приведенные шведские сведения В.С. Великанов считает наиболее достоверными (*Великанов В. С.* К вопросу об организации и численности русской армии в Нарвском походе 1700 года // Война и оружие: Новые исследования и материалы. / Вторая международная научно-практическая конференция 18–20 мая 2011 года. СПб., 2011. Ч. I. С. 138).

транспортировки по воде, до устройства батарей и засорения русла на мелководных устьях (рукавах дельты Северной Двины). Известно, что непосредственно на строительстве цитадели трудилось около 400 человек. Деньги, необходимые на первый сезон строительных работ, по царскому указу собирали по рублю с двора, при этом нет сведений, чтобы кто-то в тот год недоплатил или уклонился от уплаты. Работали в тот год не только наемные работники, но и солдаты Двинского гарнизона.

5 октября жители Архангельска, Холмогор, Каргополя, Чаронды, Кевролы и Мезени, на которых было возложено строительство крепости, обратились с челобитной к царю, где сообщали о своем разорении от этих работ и просили привлечь к нему другие города: «А тои крепости им одним теми городами достроит наготово никоторыми делы невозможно. А наперед сего, у Архангелского города, город и гостины каменные дворы строили с ними двиняня, вологжаня, важеня, Устюга Великого, тотмяня, Соли Вычегодской, вятчаня посадские люди и уездные крестьяня»[177]. 28 октября своим указом, кроме уже приписанных городов, Петр I дополнительно определил к строительству Новодвинской крепости Вагу, Великий Устюг, Соль Вычегодскую, Тотьму и Вятку[178]. Работных людей и подводы предписывалось брать по одному с пяти дворов со своими инструментами – с заступами, кирками и железными лопатами, «всего с 52 186 дворов работников 10 437 человек, лошадей, и заступов, и кирок, и лопат по столку ж». Кроме того, с приписных городов должны были «все каменных дел подмастерья и каменщики, и кирпичного дела мастеры, и кузнецы... со всякими снастями выслать к городу Архангелскому»[179]. 5 февраля царский указ от 28 октября 1701 г. был скорректирован. Количество работных людей, которых требовалось собрать на строительство крепости, осталось прежним, но число лошадей уменьшено более чем втрое – до 3000 голов[180].

Значительная удаленность Тотьмы, как и других городов из верховья Северной Двины и её притоков, компенсировалась хорошо организованным и многократно испытанным водным путем.

Зимой 1701/1702 г. в Чаронду, Каргополь, Вагу, Тотьму, Великий Устюг, Соль Вычегодскую, Вятку, Кевролу и Мезень был послан

---

[177] РГАДА. Ф. 159. Оп. 3. Д. 4843. Ч. 1. Л. 12.
[178] Там же. Л. 13–14.
[179] Там же. Ф. 20. Оп. 1. Д. 3. Ч. 1. Л. 8.
[180] Там же. Ф. 159. Оп. 3. Д. 4843. Ч. 2. Л. 169–170.

стольник Михаил Петрович Измайлов, на которого был возложен сбор каменщиков, кирпичников, печников, кузнецов и судовых плотников. В феврале 1702 г. ему на смену был послан капитан Василий Ефимович Маслов, который с командой начальных людей (Яков Федорович Голицын и сержант Родион Иванович Маслов), приняв в подчинение находившуюся там команду солдат-преображенцев[181], должен был завершить отбор специалистов и отправить каменщиков и кирпичников «с кирками и с лопатками и с молотками и с ыным к тому делу належащими снастями... к городовому делу на Малую Двинку нынешняго 1702-го году апреля к 1-му числу», а судовых плотников и кузнецов из Вологды в распоряжение стольника Афанасия Брянчанинова, который готовил речную флотилию для отправки оружия и грузов, а также для похода Петра I со свитой и войском к Архангельску[182].

Начиная со следующего 1703 г. часть городов и волостей, которые царским указом были приписаны к строительству Новодвинской крепости, с появлением новых объемов работ в Шлиссельбурге, в Санкт-Петербурге и на острове Котлин – в будущем Кронштадте, переориентировались на западное направление. Если в 1701 г. начинали работы по возведению крепости Двина, Каргополь, Чаронда, Кеврола и Мезень, в 1702 г. количество приписных городов возросло до 10 (14), то уже в 1703 г. их осталось только семь, в 1710 – шесть, в 1713 – пять, а в 1719–1721 гг. завершали работы только жители Двинского уезда, Кевролы и Мезени, население которых в те годы составляло чуть более 5500 дворов.

В 1702 г. к строительству крепости были приписаны: Двина, Каргополь, Чаронда, Вага, Усольские волости, Соль Вычегодская, Великий Устюг, Тотьма, Вятка, Кеврола и Мезень. Кроме городов и волостей, непосредственно приписанных к строительным работам, еще четыре города – Соль Камская, Яренск, Кай-городок и Чердынь были обложены денежным сбором на строительство крепости.

К сожалению, не за все годы сохранилась учетная документация, но даже на основании имеющихся документов за период 1702–1712 гг. мы имеем возможность представить вклад жителей Тотьмы в эту грандиозную стройку XVIII в.[183]

---

[181] Солдаты Преображенского полка: Ефим Грызлов, Иван Бушуев, Фома Дунаев, Егор Малахов, Федор Меншов Красный, Сидор Рудаков.

[182] РГАДА. Ф. 141. Оп. 8. Д. 145. Л. 72–73.

[183] Подсчитано по сведениям, приведенным в делах: НА СПб. ИИ РАН. Ф. 10. Оп. 3. Д. 156; РГАДА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 3; Ф. 141. Оп. 8. 1705 г.; Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 20, 21, 35.

Таблица 1

	1702	1703	1704	1705	1706	1707	1708	1709	1710	1711	1712
Кол-во дворов, подлежащих обложению	2297	2297	2297	2297	2297	2297	2297	2297	2297	н.д.	1279
Довелось работных людей	459	459	459	459	459	445	445	445	459	229	128
Было собрано на работы	440	446	449	436	434	307	400	257	253	123	119
Сбежало с работ	23	4	–	–	4	3	2	н.д.	13	н.д.	н.д.
Умерло	20	21	39	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.
Каменщиков	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	19	23	н.д.	н.д.	206	25	–
Кузнецов	н.д.	н.д.	2	н.д.	4	3	н.д.	н.д.	12	15	н.д.
Довелось денег, руб., алт., ден.	3666	н.д.	н.д.	н.д.	620,6,2	н.д.	н.д.	н.д.	855,21,1	1222,26,4	166,9
Собрано денег, руб., алт., ден.	2543	н.д.	н.д.	н.д.	42,8,2	н.д.	н.д.	н.д.	624,26,5	1021,10	166,9
Зачтено	1123	н.д.	н.д.	н.д.	577,31,2	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	201,16,4	
Из доимки прошлых лет	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	60,15

Из приведенных цифр мы видим, что обязанности по присылке рабочих и по сбору денег выполнялись недостаточно добросовестно. Сводная статистика тотемских долгов на 1710 г. такова: недоимка людей в 1702 г. составляла 19 человек, в 1703 – 13, в 1704 – 10, в 1705 – 23, в 1706 – 28, в 1707 – 137, в 1708 – 42, в 1709 – 188, в 1710 – 206[184].

Учитывая, что за предшествующие годы долги рабочей силы было взыскивать необычайно трудно, в 1709 г. было решено компенсировать недоимку людей, а также опоздания к сроку начала работ денежным штрафом: *«А буде бурмистры доимочных работников на указной срок к городу не пришлют или пришлют после указного сроку и учинят в деле остановку, и затех доимочных*

[184] РГАДА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 3. Ч. 2. Л. 226–228, 230.

работников, и за невысылку на указной срок по розчету конечно доправлены будут на них денги по указным статьям, и для того правежу взяты они бурмистры будут к городу. И по тем Великого Государя указом вышеписанные работники к городу не присланы... За невысылку... работников и которые к городу на срок апреля к 15-му числу не пришли, а пришли после сроку, взять розчитая по полтине на месяц за всякого человека, и с того апреля с 15 числа по отпуск к домы октября по 1 число, по 2 рубли по 25 алтын за нетчика»[185].

Задолженность по людям, как мы видим, можно было погасить денежным взносом, что сильно облегчало жизнь, однако только за 1709–1710 гг. сумма штрафа оказалась довольно существенной – 1340 рублев 26 алтын 3 деньги[186].

Нужно отметить, что люди на работу не сгонялись насильно, хотя и набирались по установленной царским указом норме (в 1702–1709 гг. по 1 чел. с 5 дворов, а с 1710 г. по 1 чел. с 10 дворов), фактически они уходили на достойно оплачиваемый отхожий промысел. За неполные пять месяцев работы им платилось до 7 руб. каждому, да еще к тому же примерно к середине строительства крепости стал выдаваться продуктовый паек, так, в 1711 г. было выдано «тотмяном муки 95 пуд, сухарей 11 чети 7 четвериков, соли 7 пуд 4 фунта»[187]. Заработки специалистов были выше, хотя и не были постоянными, это зависело как от объема работы, так и от срока, когда и на какое время они были задействованы. Так, например, в 1710 г. каменщики получили по 8 руб, кузнецы по 12 руб.[188], а в 1711 г. было выплачено «тотемским каменщиком... по 7 рублев по 25 алтын, кузнецом по 8 рублев человеку октября по 1 число»[189].

12 декабря 1702 г. Вага и Каргополь с 1703 г. были переписаны (переведены, назначены) к строительству Шлиссельбурга и освобождены от тягот по строительству Новодвинской крепости, а устьянцы еще оставались приписанными к Архангельску. Тем же указом, чтобы выровнять нагрузку на приписные города, независимо от числа недосланных работных людей, объем работ по возведению стен строящейся цитадели был разложен между оставшимися городами (волостями) пропорционально количеству имевшихся дворов следующим образом[190]:

---

[185] РГАДА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 3. Ч. 2. Л. 228 об.– 229.
[186] Там же. Л. 230.
[187] Там же. Ч. 1. Л. 275, 278; Ч. 2. Л. 232 об.
[188] НА СПб. ИИ РАН. Ф. 10. Оп. 3. Д. 156. Л. 18 об.–19.
[189] РГАДА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 3. Ч. 2. Л. 225.
[190] Там же. Ф. 159. Оп. 1. Д. 202. Л. 10 об.–12 об.

Таблица 2

Города (волости)	Протяженность стен в работе (сажень)
Двина (Архангельск и Холмогоры)	43
Великий Устюг	175,6
Чаронда	53,7
Тотьма	74,4
Вятка	200,6
Соль Вычегодская	72,5
Устьяны	40,3
Кеврола и Мезень	40,2

Этим же указом было распределено, сколько припасов эти города должны заготовить; при этом не уточнялось, где, как и когда они это должны сделать – в течение сезона у крепости или привезти с собою, каждый мог это решать сам. Так, на Тотьму было возложено к сезону 1703 г. заготовить: «Припасов: 21295 каменей тесаных, 708 сажень камени бутового, 248 пуд связного железа, 2233 бочек извести, 73690 кирпичю»[191].

Из дошедших до наших дней документов мы имеем возможность установить имена тотемских бурмистров, выборных людей и отдельных специалистов, участвовавших на различных этапах в организации снабжения и производства работ на строительстве Новодвинской крепости:

1702 г. – бурмистр Тимофей Потемкин и один целовальник;

1703 г. – бурмистр Матвей Красилников, три целовальника (один из них Любим Токарев) и один подьячий;

1704 г. – бурмистр Петр Алферьев (Олферьев) и пять целовальников;

1706 г. – бурмистр Любим Токарев, целовальники: Козма Распутин, Андрей Потемин, Иван Чесноков, подъячий Дмитрей Черепанов;

1707 г. – бурмистр Сава Момотов, целовальники: Иван Кузнецов, Григорей Ворыпанов, подьячий Дмитрей Черепанов;

[191] Там же. Л. 12.

1710 г. – бурмистр Трусов, целовальники Данило Малевинской, Иван Потемин, подьячий Василий Титов;

1711 г. – бурмистр Данило Малевинский и целовальник Дмитрей Каплин[192].

В 1704 г. работали «кузнецы Афонасей Болонин, Никифор Шмырев»[193].

Кроме рабочих рук, Тотьма была для Архангельска одним из традиционных поставщиков хлеба, а при реализации строительных проектов – источником поставки железа. Хотя качество этого железа было значительно хуже шведского, но его поставки полностью удовлетворяли нужды строительства, восполняя нехватку высококачественного шведского. Благодаря этому Тотьма компенсировала различные денежные платежи путем зачета за поставки железа. Например, в конце 1711 г., в ведомостях о потребностях материалов на 1712 г. особо указывалось, что «поставка кованых железных скоб, которые в каменную стену кладутца», осуществляется преимущественно из Тотьмы[194], далее было отмечено, что «таких скоб в готовности нет, а привозят от Тотмы бурмистры в зачет определенных денег»[195].

В 1706 г. из Тотьмы было привезено 322 пуда железа, в том числе 153 пуда в прутах и 169 пуд. «связного железа» в полосах[196]. В 1707 г. было привезено к крепости 937 готовых железных скоб[197]. Готовых скоб обычно не хватало, и их приходилось также изготовлять на крепостных кузницах из того же железа, которое закупалось в Тотьме в виде сырья; так, на 1707 г. было указано в Тотьме заготовить 220 пудов железа[198], в 1709 г. в Тотьме было закуплено 378 пуд. по 25 алтын на пуд[199]. В переходных остатках 1710 г. на новый сезон числилось 1612 скоб общим весом 380 пудов 4 фунта железа[200], которые как все ушли в работу в 1711 г.

Поставлялись, говоря современным языком, и пиломатериалы, в частности в 1706 г. было приплавлено с Тотьмы и с Великого

---

[192] Выбрано из дел: НА СПб. ИИ РАН. Ф. 10. Оп. 3. Д. 156. Л. 11; РГАДА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 3. Ч. 1. Л. 264 об., 274 об., 277; Ч. 2. Л. 243; Ч. 3. Л. 250 об., 254. Ф. 141. Оп. 8. 1705 г. Д. 59. Л. 12, 12 об., 35 об., 51; Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 20. Л. 6; Д. 35. Л. 7 об., 19 об. – 20.

[193] РГАДА. Ф. 141. Оп. 8. 1705 г. Д. 59. Л. 26.

[194] Там же. Ф. 20. Оп. 1. Д. 3. Ч. 2. Л. 235.

[195] Там же. Л. 240.

[196] Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 20. Л. 15 об.

[197] Там же. Д. 35. Л. 29 об.

[198] Там же. Д. 20. Л. 51 об.

[199] Там же. Л. 22.

[200] НА СПб. ИИ РАН. Ф. 10. Оп. 3. Д. 156. Л. 30.

Устюга 846 тесниц[201]. На 1707 г. силами жителей Тотьмы было указано для строительства мостов заготовить 2200 тесниц длиной от 3 до 4,5 сажень, шириной 6, 7 и 8 вершков, толщина которых должна была быть 1,5 и 2 вершка[202], однако фактически приплавлено было только 1712 штук[203]. В 1711 г. в остатках числилось около 3,5 тысяч «тесниц сосновых, которые приплавлены с Устюга и с Тотимы в прошлых годех», в частности, в запасах были тесницы длиной по 5 сажень[204].

Жители Тотьмы волею судьбы были участниками строительства в Архангельске двух крупнейших каменных сооружений на Русском Севере: Каменного Архангельского города с гостиными дворами и Новодвинской крепости, которые и сегодня продолжают удивлять своим величием не только нас, северян, но и гостей Архангельска.

Головизнин Марк Васильевич,
Институт глобализации и социальных движений, г. Москва

РЕАЛЬНОСТЬ ФАКТОВ И БОРЬБА ПАРАДИГМ В ТЕОРИИ РУССКОЙ АРХИТЕКТУРЫ. ВЗАИМОВЛИЯНИЕ ТОТЕМСКОЙ И ПРИБАЙКАЛЬСКОЙ ШКОЛ БАРОККО

История русской архитектуры накопила достаточное количество фактов, обогативших искусствознание. В то же время исторический вопрос – сколько «источников и составных частей», происходящих с Запада или с Востока, имела русская архитектура, нельзя считать окончательно разрешенным. Даже, казалось бы, хрестоматийный пункт о византийских истоках храмового зодчества средневековых Киева и Чернигова, на самом деле не так однозначен. С 20-х годов прошлого века существует иная точка зрения, согласно которой древние церкви Киевской Руси, не имея ничего общего с храмами Константинополя, копируют христианские постройки кавказской Алании и Абхазии. Влияние этих регионов шло через русскую восточную колонию в Предкавказье, город

[201] Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 20. Л. 44.
[202] Там же. Л. 51 об.
[203] Там же. Д. 35. Л. 38, 46.
[204] НА СПб. ИИ РАН. Ф. 10. Оп. 3. Д. 156. Л. 42.

Тмутаракань[205]. Этой точке зрения противостоит другая, выражаемая группой историков-византистов, которую впервые декларировал российский художник и искусствовед И. Э. Грабарь[206]. С точки зрения Грабаря, древнерусская архитектура Киева и Чернигова была плодом творчества константинопольских мастеров, приглашенных на Русь князьями, о связях которых с Византией, с ее царствующим домом хорошо известно. Кроме того, в древнерусских соборах присутствуют мозаики или мраморные декорации, которые Грабарь считал несомненным доказательством «столичности» архитектуры Киевской Руси. Данные идеи Грабаря заняли доминирующие позиции в общественном сознании не по причине их исторической точности, а потому, что они были удобны для всех «патриотических» интерпретаций древнерусского искусства как в дореволюционные времена, так и в сталинскую эпоху: **«Наше искусство самого высокого качества – наши первые храмы были построены столичными мастерами»**. Впрочем, «столичность» высоких образцов русской архитектуры не отменяла вопроса об их происхождении. Так парадигма о «народных» истоках шатровых храмов Москвы и Подмосковья была поставлена под сомнение теми историками искусства, которые видели в шатровых церквях переосмысление готических форм, пришедших из Западной Европы. Но, Европа, очевидно, не являлась для Руси единственным источником архитектурных влияний. Несколько лет назад авторитетнейший искусствовед, реставратор и историк древнерусской архитектуры С. С. Подъяпольский[207] остановился на двух важных позициях. Первый пункт – история возникновения кирпичного строительства в Москве не ранее 1450 года и появления самого термина «кирпич», явно тюркского происхождения. Второй пункт – происхождение идеи бесстолпного крестово-купольного храма. С. С. Подъяпольский предполагает, что эта не имеющая аналогов в Византии или Западной Европе конструкция более всего близка к среднеазиатским или североиранским образцам, пришедших в Московскую Русь через Золотоордынские

[205] Шмит Федор. Искусство Древней Руси, Украины // Избранное. Искусство: Проблемы теории и истории. Санкт-Петербург. 2010. С. 552–590.

[206] Откуда пошла русская архитектура. [Электронный ресурс]. URL: http://rusplt.ru/society/otkuda-est-poshla-russkaya-arhitektura-14704.html. (Дата обращения: 26.12.2017).

[207] С. С. Подъяпольский К вопросу о восточных элементах в московском зодчестве XV–XVI веков // Древнерусское искусство. Русское искусство позднего средневековья.– М., 2003. С. 9–8.

города Нижнего Поволжья. На территории некогда поликонфессиональной Золотой Орды существовала Сарайская православная епископия, имевшая в Москве Крутицкое подворье. Разумеется, в Сарае имелись и православные храмы, Переезд епископа в Москву, ориентировочно состоявшийся во второй половине XV века, вероятно, предполагал и переезд ремесленников, среди которых были и мастера кирпичного дела.

Концепция «столичности» русской архитектуры и связанная с этим борьба парадигм, на наш взгляд, была обусловлена неравномерностью изученности архитектуры столиц и российской провинции, явно не в пользу последней. В этой связи уместно привести высказывание историка архитектуры А. Ю. Каптикова, который писал: «*К сожалению, и доныне, несмотря на продолжавшуюся в течение всего XX века довольно интенсивную исследовательскую работу, относительно целостная картина архитектурного облика русской провинции создана, может быть, лишь в сфере градостроительства. Что касается художественно-стилевой эволюции, происходившей на периферии России, [...] то, здесь остается еще немало пробелов, явлений, недостаточно серьезно анализировавшихся, подчас, все еще не объясненных*»[208]. Интерес к культуре и искусству регионов значительно возрос после Октябрьской революции, что было определенно связано с кардинальной сменой социальных стереотипов в России. В 1923 году известный уральский архитектор К. Т. Бабыкин отмечал: «Не только столицы считаются теперь бесспорными хранительницами архитектурных шедевров, но и провинция, та провинция, о которой думали, что в ней ничего нет, кроме людей в футляре и прославленной пошлости, становится предметом любовного и тщательного изучения»[209].

Первая половина 20-х годов породила дискуссии о т. н. «Сибирском барокко». Общепризнано, что в основе композиционных решений сибирских храмов лежат русско-украинские формы, а именно, Великоустюгский и Верхотурский варианты московского стиля, дополненные украинскими архитектурными приемами, привнесенными сибирскими архиереями – выходцами с Украины. Вместе с тем, первые дискуссии о «Сибирском барокко» как о самостоятельном стиле в 20-е годы прошлого века были инициированы искусствоведами, изучавшими архитектурные школы

---

[208] Каптиков А. Ю. Региональное многообразие архитектуры русского барокко. Север, Вятка, Поволжье, Урал, Сибирь. Екатеринбург, 2014. С. 5.

[209] Цит. по Каптиков А. Ю. указ. соч.

азиатских стран (Б. П. Денике, В. В. Згура) или искусство коренных народов Сибири (Д. А. Болдырев-Казарин). Именно связь с архитектурой Востока и орнаментом коренных народов Сибири позволила им говорить о «Сибирском барокко» как об оригинальном явлении. Если не считать брошюры Б. П. Денике «Тобольское барокко», вышедшей в 1919 г., то проблематика барокко Сибири как стиля была сформулирована Д. А. Болдыревым-Казариным[210]. По мнению автора, связь «Сибирского барокко» с Востоком выражается, в частности, в появлении церквей, напоминающих своим силуэтом буддийские ступы и пагоды. Примером ступообразного храма может служить Крестовская (Крестовоздвиженская) церковь в Иркутске. В Восточной Сибири, пишет исследователь, сильнейшим фактором оказалось монгольское влияние. «Азиатский Восток всегда был классической страной орнамента и русские тонкие мастера, любители «узорочья», не могли не поддаться еще раз очарованию изысканной экзотики искусства своих ближних соседей. [...]. Такого изобилия узорочья не знает даже московское барокко, столь склонное к злоупотреблению каменной резьбой». Автор указывает, что в первый период истории церковного зодчества Сибири эпохи барокко оно мало чем отличается от зодчества русского севера. Второй период его истории начинается со времени усвоения и переработки украинских мотивов. Еще позднее, под воздействием достаточно сильных восточных влияний, в зодчестве вырабатывается третий стиль, который условно назван «монгольским». Тем самым Д. А. Болдырев-Казарин находит достаточно оснований для выделения особого сибирского барокко, которое, будучи обогащенным азиатскими формами, в географическом смысле является, несомненно, самым «восточным». Необходимо отметить, что дискуссии о «Сибирском барокко» в 20-е годы XX века проходили в рамках научной парадигмы о ключевой роли восточных (китайских, индийских и др.) мотивов на стиль барокко в мировом масштабе[211].

30–40-е годы, называемые «эпохой сталинизма», ознаменовались во многом возвратом к имперскому мышлению и жесткой социальной стратификации, которые нашли отражение в искусстве в виде т. н. «сталинского псевдоклассицизма». В теории архитектуры

---

[210] Болдырев-Казарин Д. А. Народное искусство Сибири // Сибирская живая старина. Этнографический сборник.– Вып. 2. – Иркутск, 1924. С. 5–20.

[211] Подробнее об этом см., в частности, Згура В. В. «Китайская архитектура и ее отражение в Западной Европе».– М.: Ранион, 1929. 45 с.

имперские реликты мышления допускали в качестве образцов, достойных подражанию, лишь «классические» постройки Москвы и Петербурга, которые, как правило, строились архитекторами из европейских стран на основе еще более высоких образцов европейских столиц. Это привело почти к полному игнорированию региональных школ зодчества, которые «под одну гребенку» попали в раздел «архитектура провинции». Медленный и несмелый отход от данной парадигмы наметился лишь в 60-е годы, когда были изданы монографии об архитектуре Ярославля, Смоленска, Великого Устюга и других старых русских городов. Вместе с тем, однонаправленный вектор заимствования «западных образцов» остался парадигмальным вплоть до настоящего времени.

Так, в современных дискуссиях о «Сибирском барокко» и его исторических источниках идет не всегда явное, но упорное противостояние «западников» и «восточников». Т. С. Проскурякова, исследователь зодчества Сибири и соавтор монографии «Архитектура Индокитая», продолжая линию Бодырева-Казарина, выделяет в истории «Сибирского барокко» сходные периоды: 20–30-е годы XVIII века, когда барочное направление в Сибири отражало влияние московских и украинских форм, и 40–50-е годы – период кристаллизации местных форм, развивающихся в противостоянии с буддизмом[212]. Анализируя «Сибирское барокко», Т. С. Проскурякова также делает акцент на «ступообразности» иркутских храмов, прежде всего Крестовской церкви, и уделяет внимание основанию крупнейших в Восточной Сибири монастырей, связанному с активизацией дипломатических, торговых, а затем и культурных связей с Китаем, Монголией и Тибетом[213].

---

[212] Проскурякова Т. С. Особенности сибирского барокко // Архитектурное наследство. 1979.– Вып. 27.– С. 147–160. Добавим, что «противостояние с буддизмом» следует относить не только к Иркутску и современной Бурятии, но и к Тобольску, который в XVII – начале XVIII был главным центром сношений с Джунгарским ханством, калмыками и халха-монголами, в связи с чем в нем был выстроен т. н. «калмыцкий двор».

[213] Проскурякова Т. С. Указ. соч. В этом отношении знаменательны самые ранние в Восточной Сибири Посольский и Троице-Селенгинский монастыри. Через них проходили все русские посольства в Монголию и Китай. В 1721 г. из Китая на русскую территорию перебежал некий человек, способный писать по-китайски и по-маньчжурски, который остался в Троице-Селенгинском монастыре и принял крещение. **(Е. П. Силин, Кяхта в XVIII веке, Из истории русско-китайской торговли. Иркутск, 1947, с. 116)** В середине XIX века настоятелем монастыря был один из первых русских китаеведов Даниил Сивиллов. В 1785 году в Троицко-Селенгинском монастыре был сооружен каменный Троицкий храм, украшенный межоконными щитовидными картушами, окрашенными в синий цвет.

Этой точке зрения противостоит другая концепция, выраженная такими авторитетными исследователями архитектуры, как Л. К. Минерт, С. Н. Баландин и, в последнее время, Л. К. Масиель-Санчес. Согласно этой концепции, *«...характер сибирского культового зодчества свидетельствует о его самостоятельном и полнокровном развитии, но, это еще не говорит об обособленности, создании местной школы...»*[214]. Все три автора с разной степенью прямолинейности подвергают сомнению существование «Сибирского барокко» как самостоятельной школы и гораздо более категорично отрицают «восточные» влияния на сибирскую храмовую архитектуру. Л. К. Масиель-Санчес, в частности, недоумённо замечает: «Соглашаясь с авторами, что *«вздутые» кровли Крестовской церкви напоминают буддийские ступы, нельзя не подчеркнуть, что это не более, чем совпадение. Даже если предположить, что заказчики храма, иркутские купцы могли, по каким-то необъяснимым причинам выразить пожелание придать строившимся на их деньги храмам завершение, сходное с буддийскими ступами, то и в этом случае остается не совсем ясным, откуда они смогли бы узнать, как эти ступы выглядят. Торговля с Китаем была меновой и в сам Китай и даже в Монголию (с ее субурганами) русские купцы не проникали*»[215]. Именно у трех упомянутых исследователей возникает точка зрения о заимствовании иркутской и прибайкальской

---

[214] Минерт Л. К. Памятники архитектуры Бурятии.– Новосибирск, 1983.– С. 148.

[215] Масиель Санчес Л. К. Иркутские каменные храмы середины XVIII века // Архитектурное наследство. М. 2008. На самом деле, сведения о храмовой архитектуре Монголии и Китая зафиксированы в «записках» русских служилых людей, купцов и казаков с самого начала XVII века. В «Отписке» томского воеводы на имя царя Василия Шуйского, сделанной не ранее 31 марта 1609 г., говорится: *«А живет де китайский государь, и у нево де, государь, город каменный. ...А на дворе де у китайского государя полаты каменные. А в городе де стоят храмы у нево и звон де великий у тех храмов, а крестов на храмах нет, тово де не ведают, какая вера, а живут с русского обычья»*. В 1619 году томский казак Иван Петлин, возвратившись из Монголии и Китая, оставил следующие свидетельства: *«...А дворы в Мугальской земле кирпишны, деланы на 4 углы; ограда кругом двора высоко, а на дворех полаты кирпишные ... а украшены полаты различными краски; не хочетца из полаты вон ити. Да в той же мугальской земле стоят 2 храма лобинские кирпишные, ... а на храмах крестов нет, стоят на храмах нивисть какие звири каменные. А во храмах неизреченное диво; как лизешь во храм, противо дверей стоят 3 болвана великие ... вызолочены сусальным золотом з головы и до ног, а седит высоко в сажень на зверих на каменных, а звири всякими образы выкрашены красками. А в руках держат болваны по горшечку с кашей, а перед ними горят свеча неугасимая с салом говяжьим...»*. **(Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1607–1636. Сборник документов. М. 1959. с. 54, 82.)** Из вышеприведенного видно, что буддисты допускали русских в свои храмы и позволяли присутствовать на богослужениях, пышность которых оказывала сильный эффект воздействия.

архитектурной школой элементов храмового барокко Тотьмы. Так, по мнению Л. К. Масиеля-Санчеса *«тотемский стиль в «деградированной» форме был воспринят сибирскими мастерами, так как богатые купцы, тотьмичи по происхождению, выступали заказчиками строительства церквей как в Прибайалье, так и у себя на родине»*[216] (Масиель-Санчес Л. К., 2005, с. 190–193).

Происхождение архитектурного стиля «тотемского барокко» до конца не разгадано. Картушные храмы Прибайкалья и храмы Тотьмы отделены друг от друга расстоянием в 4000 километров. Взаимовлияние этих архитектурных школ не очевидно.[217] Надо отметить, что Л. К. Минерт и С. Н. Баландин, априорно постулируя архитектуру Тотьмы в качестве образца для «прибайкальского барокко», сами не проводили исследование тотемских храмов. Фактология их декора показывает, что тезис С. Н. Баландина – Входо-Иерусалимская церковь Тотьмы и, вероятно была «прототипом собора в Селенгинске»[218], не соответствует действительности. Плоскостные картуши собора в Старом Селенгинске значительно отличаются от тотемских. Такой декор в русской и монгольской архитектуре Забайкалья имеет рациональное обоснование. Поскольку в горно-степной местности орнамент наружных частей здания виден издалека, монголы традиционно применяли для украшения жилищ и храмов картуши и крупные орнаменталь-

---

[216] Масиель-Санчес Л. К. Православные каменные храмы Западного Забайкалья XVIII – первой половины XIX в. История региональной традиции. // Памятники русской архитектуры и русского монументального искусства XVI–XX вв. Выпуск 7. М. 2005. с. 178–207.

[217] Авторы работ по храмовой архитектуре Тотьмы, к сожалению, весьма немногочисленных **(Выголов В. П. Архитектура барокко в Тотьме // Памятники русской архитектуры и монументального искусства. Материалы и исследования, М. 1980. с. 103–125)**, также склоняются к тому, что монументальное строительство в Тотьме производилось приезжими мастерами. Город явно не имел и не мог иметь собственных квалифицированных строителей, так как каменных построек в нем до этого времени не существовало. Факты свидетельствуют, что строительство каменных храмов в Тотьме растянулось на несколько десятилетий. В конце 30-х, начале 40-х годов XVIII века их сооружение начинается, по-видимому, приглашенными великоустюжскими мастерами. Первые этажи тотемских церквей по своему облику еще ничем не отличаются от одновременных храмов соседних городов Вологды, Великого Устюга и Сольвычегодска, барочные детали их еще очень просты. Однако к 80-м годам уже определяется местный вариант стиля архитектуры, который не копирует великоустюгские постройки. Поздние храмы Тотьмы гораздо крупнее, их стройный, динамичный силуэт сильнее устремлен вверх, а представленный прихотливыми межоконными картушами декор не встречается нигде в регионе.

[218] Гнеушева В. В., Шемелина Д. С. Староселегинский Спасский собор: забытый памятник истории, духовности и науки. // Баландинские чтения.– Новосибирск, 2014 (1).– Том 8.– С. 209–216.

Спасский собор на месте Старого Селенгинска. Бурятия. Фото 2008 г.

ные формы, основанные на смене спектра цветов и оттенков – от самых светлых до самых тёмных. Благодаря такому сочетанию тонов рисунок виден издалека, так как производит впечатление объёмного. Чередование криволинейного наличника, картуша и пустого пространства между ними выполняет примерно ту же функцию: тень, отбрасываемая картушем при освещении солнцем, создает объёмный эффект при восприятии архитектурного объекта.

Гипотеза «тотемского» происхождения сибирских картушей в целом имеет немало контраргументов. **1)** Даже ее приверженцы оговариваются, что нет никаких документальных сведений, как тотемские купцы выступали заказчиками, а тотемские мастера – строителями храмов в Иркутске или, тем более, в Селенгинске. Сохранившиеся документы говорят о том, что церкви строились местными сибирскими мастерами. **2)** Верно, что строительство ряда храмов Тотьмы началось довольно рано – в 40-е годы XVIII века, растянувшись на несколько десятилетий. Но установленная датировка постройки тотемских церквей пока не позволяет

Картуши Спасского собора в Старом Селенгинске

утверждать, что они завершены раньше прибайкальских. **3)** Традиции храмового зодчества в Восточной Сибири в целом более древние, чем в Тотьме, где до 30-х годов XVIII века вообще не велось каменного строительства. **4)** Если предположить, что тотемский стиль гипотетически дошёл до Забайкалья, то почему ни в Тобольске, ни в Тюмени, ни в Томске он не оставил о себе никаких зримых свидетельств, в то время как путь «московского барокко» в Сибирь через «этапы» Великого Устюга, Соликамска, Верхотурья, Тобольска и Енисейска достаточно очевиден. **5)** Эта гипотеза никак не объясняет происхождение самого тотемского барокко, скорее, уводит от данного вопроса. Ведь если предположить, что она верная и тотемский картуш действительно был акцептирован в Сибири в «деградированной» плоскостной форме и претерпел последующую эволюцию, как бы возвратясь к первоначальному образцу только на стенах «поздней» Харлампиевской церкви Иркутска, тогда его сходная эволюция должна подавно прослеживаться и в самой Тотьме или в соседних регионах. Однако, ни в одном из близких к Тотьме архитектурных центров России не было традиции украшения церковных стен картушами **6)** Тотемские купцы, бывшие заказчиками храмов у себя на родине, десятилетиями жили не в Тотьме, а в Иркутске и Прибайкалье, которое становилось их второй родиной. Будучи очень молодыми людьми, они уезжали в Восточную Сибирь на 20 и более лет, формировались там как личности, воспринимая местные традиции. В старом административно-территориальном делении Тотемского уезда встречается название «улусец», имеющее явно сибирское происхождение. **7)** Анализ источников по показывает, что Тотьма,

поднявшись в XV–XVI веках благодаря производству соли, позже вступила в период длительной рецессии и бедности, связанной с упадком соляных промыслов, не выдержавших конкуренции с камскими и уральскими усольями. Документы констатируют разорение посадских людей, запустение многих солеварен, уменьшение численности населения, наиболее трудоспособная часть которого была вынуждена уезжать в поисках лучшей доли. По данным писцовых книг с 1679 по 1687 год население Тотьмы уменьшилось на 114 дворовладельцев, часть из которых «сбрели в мир от скудости» неизвестно куда...» Число дворовладельцев-ремесленников в Тотьме уменьшилось с 26,5% в 1625 году до 4,7% в 1688 г.[219] Все это говорит о далеко зашедшем упадке ремесла в городе, разорении посадских ремесленников и косвенно подтверждает мнение В. П. Выголова об отсутствии предпосылок для каменного строительства в Тотьме[220].

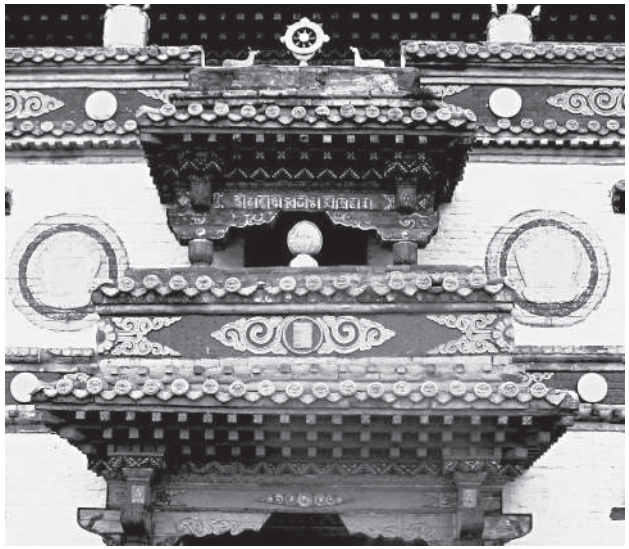
Ранее мы, анализируя этот вопрос, высказали, возможно, парадоксальный взгляд: не забайкальские храмы были результатом упрощения тотемского искусства, а наоборот, храмовое барокко Тотьмы могло явиться результатом «реэкспорта» прибайкальского зодчества в европейскую Россию[221]. Объяснение сказанному выше следует искать в экономических реалиях того времени, а именно – в вовлечении Сибири в общероссийскую и международную торговлю. Мощнейшими двигателями развития Сибири стали «Китайский торг» в Кяхте и Ирбитская ярмарка, снабжавшие азиатскими

---

[219] Колесников П. А. Город Тотьма в XVII веке (к вопросу о социально-экономической истории русского поморского города) // Тотьма. Краеведческий альманах. Вып. 3. Вологда. 2001. С. 180–277.

[220] Демографическая ситуация в Тотьме, согласно данным церковного учета, стала меняться к лучшему лишь в самом конце XVIII века, когда население города увеличилось за счет естественного прироста, а рождаемость превысила смертность (Слащев К. Р. Демографическая ситуация в Тотьме в конце XVIII века // Тотьма. Краеведческий альманах. Вып. 3. Вологда. 2001. С. 143–150). В это же время отмечается рост тотемского купечества, прежде всего, за счет записи в купеческое сословие из черносошных крестьян. По ревизским «сказкам» фонда Вологодского губернского казначейства видна география миграции тотемских купцов в Иркутск, Нерчинск и другие места Восточной Сибири. Из списка купцов Тотьмы по состоянию на 1820 г. все купцы 1-й и 2-й гильдии и подавляющее большинство купцов третьей гильдии вели свои дела в Сибири, в основном в Иркутской губернии и на Кяхтинской таможне (Наумова О. А. Тотемское купечество в XVIII–XIX веках, его состав и регионы предпринимательской деятельности (обзор документов Государственного архива Вологодской области // Тотьма. Историко-литературный альманах. Вып. 1. Вологда, 1995. С. 306–314).

[221] Головизнин Марк. Сибирское барокко с буддийским оттенком. // Восточная коллекция.– 2010.– № 3 (42). С. 100–110.

Крыльцо буддийского храма с картушным декором стен.
Монастырь Эрдзин Дзу

Китайский домик. Пгт Лальск Лузского района Кировской области.
Конец XIX века. Такие постройки были результатом чайной торговли

товарами не только Сибирь, но и Европу[222]. Потребление этих товаров формировало и вкусы потребителей, и новые реальности в эстетической культуре различных слоев населения страны.

Кузнецов Александр Васильевич,
краевед-исследователь, д. Устье, Тотемский район

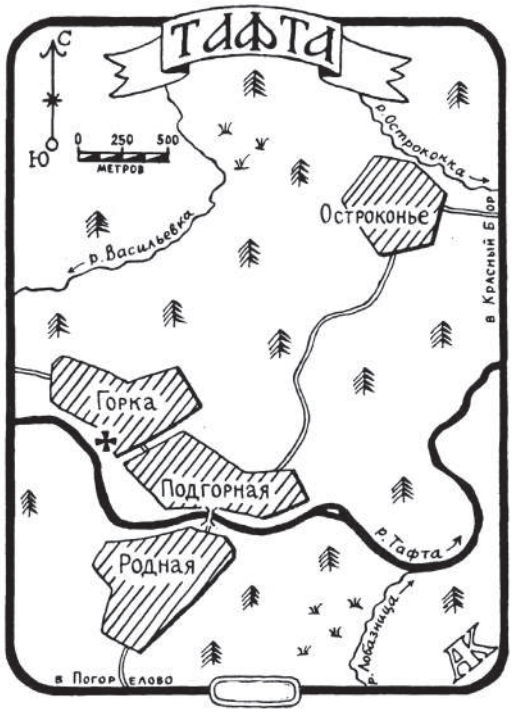
ИЗ ИСТОРИИ ТОПОНИМИИ ТАФТЫ

Река **Тафта** длиной 66 км протекает на западе Тотемского района. В среднем течении реки расположена группа деревень Горка, Подгорная, Родная и Остроконье, известных в народе тоже под общим наименованием Тафта. В старину это деревенское гнездо носило название Тафтенский улусец и относилось первоначально к Царевской, а затем к Тиксненской (с XIX века – Погореловской) волости. Истоки реки Тафта находятся близ деревни Пирогово бывшего Голузинского сельсовета Сямженского района. Выходы грунтовых вод на склонах песчано-глинистых холмов ледникового происхождения и небольшие болотца у их подножия дают начало нескольким ручьям, которые, сливаясь друг с другом, образуют две речки – Тафту и Тафтицу. В 6 километрах к востоку от Пирогова эти речки сливаются вместе и гидроним Тафтица исчезает.

На первый взгляд имя реки – русское. Действительно, в старину существовало слово «тафта», обозначающее один из видов тканей, ввозимых на Русь из стран Востока. Одно из первых упоминаний этого слова относится к 1534 году, во Второй Софийской летописи. Но никакого отношения к названию реки из Тотемского уезда эта «тафта» не имеет. Немецкий ученый, автор «Этимологического

---

[222] Е. П. Силин, посвятивший Кяхтинскому торгу специальное монографическое исследование (см. выше), приводит данные источников, которые говорят, что в Иркутске и его окрестностях потребность на китайские изделия была чуть ли не всеобщей. Там «семьи городские и деревенские носили рубашки из фанзы и дабы». У многих купцов мебель, посуда и другие домашние вещи были китайскими. Интересно, что даже некоторые обычаи купцы заимствовали у китайцев. Путешественник по Сибири в семидесятых годах XVIII века академик Георги рассказывает, что ему приходилось наблюдать в отдельных купеческих семьях Иркутска, Енисейска и даже Тобольска один из моментов застольного этикета, перенятого у китайцев, когда не только пили чай, но и подавали десерт на множестве китайских тарелок из китайских фруктов и конфет. Во внутренней обстановке жилищ богатых иркутян чувствовался «китайский вкус», выражавшийся в изобилии китайских украшений, картин, ваз, статуэток.

Тафта на карте

словаря русского языка» Макс Фасмер выводил его через польское *tafta* и итальянское *tafetta* из новоперсидского *tafta* – «сотканное» и *taffen* – «ткать, прясть». Вот так и разошлись две «тафты» на огромное расстояние друг от друга, а это значит, что и связи между ними никакой нет.

Истоки же гидронима Тафта нужно искать в финно-угорских языках, на которых говорили жившие здесь, в бассейне Сухоны, до русского народа различные древние этносы, упоминающиеся ещё в Начальной летописи инока-летописца Нестора – чудь, меря, весь, пермь, лопь... Поэтому и приходится при толковании дославянских гидронимов пользоваться словарями современных финно-угорских народов – вепсов, финнов, карелов, коми, манси и других. Дело в том, что хотя древние языки финно-угров не сохранились, их основной лексический фонд перешёл в языки нынешних народов этой языковой группы. Ситуацию здесь можно сравнить с той, когда из древнерусского языка возник русский, но значительное количество слов времён Древней Руси понятны и жителям современной России...

Сразу же нужно отметить, что возможны несколько гипотез в отношении происхождения топонима Тафта на базе финно-угорских языков. Первая связывает название реки со словами из вепсского языка (ныне вепсы проживают на границе Вологодской и Ленинградской областей и на юге Республики Карелия): *tauv* – «зима» и *te* – «дорога», что в целом даёт слово *tauvte* – «зимник, зимняя дорога по льду реки или озера». Подобные слова

сохранились и в других финно-угорских языках: в финском – *talveti*, в эстонском – *talvtee*, в карельском – *taivatie*, в коми – *тов туй*. Подтверждается данное предположение и названием ручья **Тавтиш** или Тафтиш, впадающего в реку Вожбал близ посёлка Красный Бор всего в 500-х метрах выше от устья Тафты. На географической карте хорошо видно, что Тафтиш течет навстречу Тафте, их долины лежат на одной линии. Возможно, Тафтиш был продолжением «зимней дороги» дальше на северо-восток. До сих пор у местных жителей в произношении данного гидронима слышится мягкое *в* – *Тавтиш*. Окончание *-иш* здесь сопоставимо с финно-угорским формантом, придающим объектам именования уменьшительный статус, поэтому в паре Тафта – Тафтиш последнее название в древности могло означать нечто вроде «Маленькая Тафта» или «Тафтенская речка».

Таким образом, реки Тафта и Тафтиш в дославянские времена могли служить частью водно-волокового пути из бассейна Кубены в бассейн Сухоны. Используя в тёплое время года в качестве основного транспортного средства лёгкие осиновые лодки-долблёнки, финно-угорские жители и в зимнее время не оставались без путей сообщения. Крепкий лед замёрзших рек и озёр служил отличной дорогой для охотников и рыболовов, передвигавшихся зимой на лыжах с санками, куда укладывался нехитрый скарб и на которых затем вывозилась к пунктам обмена пушнина – главный товар из тайги, поступавший на рынки Новгорода, Ростова и других древнерусских городов.

Вторая версия связывает гидроним Тафта с русскими диалектными словами *тохта*, *тофта*, *туфта* в значениях «гнилая сердцевина дерева, пыль от помола зерна на мельнице». Считается, что эти диалектизмы были заимствованы из прибалтийско-финских языков, где, в частности, имеется финское *tohka* – «мусор, хлам, пыль, крошки». Можно предположить, что в древности название реки звучало как **Tohta* – «Замусоренная». Истолковать подобное значение можно так: река несла в русле много веток, листьев, водорослей и проч. Впрочем, данная версия сильно уступает по мотивированности первой.

Имеется и третья гипотеза, появившаяся недавно. Дело в том, что на Урале протекает крупная река Тавда, есть большое озеро Таватуй, чьи названия напоминают нашу тотемскую Тафту. Для толкования учёные из Уральского университета (А. К. Матвеев и др.) предложили мансийское слово *tawt* – «рукав реки, приток». Манси (вогулы) в Тотемском краю никогда не проживали.

Ближайшие территории, где этот народ зафиксирован в историческом прошлом – это бывший Солвычегодский уезд в верховьях Северной Двины и в низовьях Вычегды. Впрочем, не исключено, что в древности термин *tawt* мог быть заимствован из вогульского языка в языки других финно-угорских этносов, проживавших в бассейне Сухоны. Любопытно, что в этом случае мансийское *tawt* – «приток» находит параллели в названии Вожбал – реки, с которой Тафта сливается и где мерянское *вож* также означает «приток, развилина». Таким образом, гидронимы Тафта и Вожбал могли означать одно и то же, но на разных финно-угорских языках. От слияния Вожбала и Тафты начинается река Царева, в названии которой, по одной из версий, также присутствует схожий термин (ср. вепсское *sara* – «разветвление, ветка, рассоха; река с двумя истоками», саамское *surre*, *suorr* – «тж», *sūrr'luvve* – «раздвоиться»).

Нужно отметить, что топоним Тафта на Русском Севере не одинок. У реки Кичменьги в Кичменгско-Городецком районе имеется левый приток Тафта, в устье которой стоит деревня Тафтенский Наволок бывшего Сараевского сельсовета. Известен также вторичный, русский по происхождению гидроним – речка **Тафтенка** (или Тафтянка), левый приток Лизны в бывшем Погореловском сельсовете Тотемского района. На этой реке были сенокосы тафтенских деревень, отчего она и получила такое название.

Кроме одного из истоков Тафты – речки Тафтицы, о которой речь шла выше, в реку впадает ещё более 30 притоков. Крупных рек среди них нет, в основном это небольшие (до 10–15 км длиной) лесные речки и ручьи. Некоторые из них в своих названиях хранят память о дославянском, чудском или финно-угорском населении. Уже во второй половине I тыс. н. э. охотники и рыболовы хорошо знали гидрографическую сеть в таёжной зоне – об этом свидетельствует тот факт, что в верховьях Тафты все пять самых крупных притоков носят финно-угорские названия. Притоки в среднем и нижнем течении Тафты имеют русские по происхождению имена – именно в долинах этих речек и ручьев расположены угодья, пригодные для сельскохозяйственной обработки, а, как известно, именно наши предки стали заниматься земледелием в тайге первыми. У финно-угорских народов в бассейне Сухоны были лишь робкие зачатки полеводства и животноводства...

Вот список финно-угорских названий рек бассейна Тафты:

Марокош – ручей, один из первых притоков Тафты. В русских диалектах зафиксированы слова *маракуша*, *маракуш*, *маракша* – «самка глухаря, тетерева», а также глагол *маракаться* – «копо-

шиться, возиться в грязи, в пыли». Не исключено, что эти слова были заимствованы из финно-угорских языков. Следовательно, название Марокош могло означать «Глухариный» или «Тетеревиный».

Кетла – левый приток, следующий ниже по течению за Марокошем. Название состоит из двух частей: основы *кет-* и топонимического окончания *-ла*. Первая часть может быть сопоставлена с финским *keto* – «луговина, поляна» либо с саамским *kett* – «место, где раньше было жилье; обжитое урочище». Любопытно, что Кетла – единственный из притоков Тафты, на котором была деревня, не входившая в число основного гнезда тафтенских деревень. Это Сидориха, при советской власти отнесённая к Сямженскому району. Вполне возможно, что русская Сидориха возникла на месте более старого финно-угорского поселения. Окончание *-ла* в прибалтийско-финских языках имеет значение принадлежности к какому-то месту, что может легко сочетаться и с финским *keto*, и с саамским *kett*.

Кичуга – правый приток, впадает чуть выше бывшего лесоучастка Тафтенская База. На Вологодчине есть ещё несколько Кичуг – в Нюксенском, Тарногском и Великоустюгском районах. Основа *кич-* может быть связана или с вепсским *kic* – «бок (у человека)», или с целым комплексом родственных слов: финское *кеһа* – «круг», мансийское *kic* – «обруч», марийское *кече* – «солнце», коми *кытш* – «круг, окружность». Окончание *-уга* означало «река, речка» (ср. финское *joki*, вепсское *jogi*, карельское *jogi* в том же значении). Таким образом, Кичуга могло переводиться на русский как «Боковая река» или как «Петляющая, извилистая река» (в переносном смысле от «кружиться»). Географические реалии подтверждают и то, и другое толкование, поэтому для окончательного решения нужны дополнительные сведения.

Нореньга – левый приток, впадает в Тафту ниже Кетлы. Как и в гидрониме Шунинга (см. ниже) окончания *-еньга*, *-инга* означают «река». Основа *нор-* сначала топонимистами связывалась с коми *нюр* – «болото», но в последнее время возобладала версия с прибалтийско-финскими истоками: карельское *nuora* – «подводная песчаная коса», саамское *njor* – «маленький порог на реке, подводный камень, мель с песком и камнями». Гидроним Нореньга в Тотемском районе встречается еще трижды: это правый приток Вожбала и два левых притока Сухоны в бывшем Медведевском сельсовете.

Шунинга – правый приток, сливается с Тафтой между устьями Кетлы и Нореньги. Отмечены такие варианты названия, как Шунга и Шунимга. В соседнем Тарногском районе протекает речка Шуненьга, правый приток Саланги. В марийском языке есть слово *шун* – «глина», а *шунан* – «глинистая». Сами марийцы в бассейне Сухоны не проживали, но по данным топонимики и археологии здесь обитал родственный им народ меря, в языке которого слово *шун* тоже могло быть.

Исходя из приведенных выше сведений, можно сделать вывод, что всё верхнее течение Тафты со всеми её притоками русскому освоению в древности практически не подвергалось. Сама Тафта служила для русских переселенцев лишь транзитной артерией на протяжении первых 25 км от истока до гнезда деревень в среднем течении. Финно-угорские названия рек и ручьёв в большинстве своём содержат сведения, важные для охотников и рыболовов.

На реке Тафте не то что археологических раскопок, но даже разведок вдоль берегов и сбора подъемного материала не проводилось. У археологов еще «руки не доходят» до таких отдалённых мест нашего края. Опубликованная во втором выпуске краеведческого альманаха «Тотьма» (1997) карта «Размещение археологических памятников Тотемского района» даёт на месте бассейна Тафты пустоту. Справедливости ради нужно отметить, что и на других малых реках, таких как Тиксна, Вожбал, Царева, Толшма, Еденьга, Кулой, памятники археологии буквально единичны. Зато берега реки Сухоны просто пестрят условными значками стоянок каменного века, поселений, селищ и городищ времён средневековья...

Почему на Тафте нет археологических памятников?

В эпохи среднекаменного века (мезолита) и нового каменного века (неолита) плотность населения была очень мала. На зиму люди, возможно, откочёвывали в более южные районы Русской равнины, поэтому длительных, постоянных поселений этих эпох археологи не находят. На стоянках обычными артефактами являются каменные орудия, черепки глиняной посуды (начиная с неолита), а также следы от кострищ, где готовили пищу и с помощью которых обогревались люди. Пока на Тафте ничего подобного не было обнаружено, но, как мне кажется, надежда на археологические открытия не утеряна. Стоянка каменного века, возможно, находилась там, где расположены деревни Горка, Подгорная и Родная, так как известно, что места мезо- и неолитических поселений

располагались чаще всего там же, где спустя века поселились и русские.

В железном веке (первая половина I тыс. н. э.) на Тафте появились представители древних финно-угорских этносов, о чем свидетельствуют названия рек, рассмотренные чуть выше. Финно-угры обитали здесь около 10 веков, а затем постепенно растворились в более молодом и активном русском этносе. Антропометрические показатели и внешний вид многих тафтяков (как и жителей других тотемских волостей) наглядно показывают на их генетическую связь с древним финно-угорским населением. Селища финно-угров на берегах Тафты и её притоков также пока не найдены, но на соседних реках Вожбале и Цареве археологам удалось отыскать следы поселений и могильники дославянского населения. Быть может, и тафтенская земля хранит ещё в себе древние тайны... Обычно финно-угорские народы предпочитали селиться в устьях рек, там, где в главную реку впадают притоки, в связи с чем для поисков наиболее перспективны места слияния Тафты с Кетлой, Нореньгой, Шунингой и Марокошем.

Основными занятиями финно-угров, как уже отмечалось выше, были охота на пушного и иного таёжного зверя плюс рыболовство. Поиски их селищ затруднены по той причине, что подолгу на одном месте семьи или родовые группы семей не проживали, а деревянные, костяные, кожаные и железные изделия в наших почвах разрушаются быстро и не оставляют после себя зачастую никаких следов...

Итак, археологические открытия на Тафте пока отложим на будущее, но о древности повествуют и другие источники, например, легенды и предания.

Во второй половине XIX – начале XX века в Погореловской волости жил первый местный краевед – Александр Иванович Линьков. В основном он печатал свои работы в журнале «Вологодские епархиальные ведомости». В № 19 за 1897 год в качестве дополнительной информации, любопытного факта краевед написал: «В преданиях местных жителей до сих пор не исчезла память о «чуди белоглазой». Например, в одном предании рассказывается, что однажды крестьяне ловили рыбу в реке Тафте, но вместо рыбы поймали «белоглазого» человека. Мужики стали спрашивать, кто он такой и откуда? «Белоглаз» же заговорил с ними на таком языке, которого никто не мог понять. Крестьяне решили приставить его к работе на мельнице. Заметив потом, что на «белоглазе» нет

креста, жители вознамерились его окрестить. Но «белоглаз», узнав о их решении, исчез неизвестно куда».

Небольшое тафтенское предание о «белоглазе» находит некоторые параллели в легендах и преданиях Русского Севера, где кратко либо более подробно сообщается о самозахоронениях чуди, о чудских кладах, о вооруженных столкновениях русских с чудинами... Но в целом сюжет предания, записанного на Тафте А. И. Линьковым, оригинален и не повторяется более нигде (по крайней мере, если судить по опубликованных научным и краеведческим материалам). Суть этого народного предания очень точно и ярко отражает всю сложность взаимоотношений и противоборства пришлого русского православия с аборигенным финно-угорским язычеством.

Очень точно в предании подобрано слово для внешней характеристики представителя чудского народа – «белоглаз». По мнению учёных-антропологов, чудь была типичным представителем северной ветви европеоидной расы. Чудины имели светлые волосы и брови, светло-серую пигментацию радужной оболочки глаз и белую кожу, не затронутую северным солнцем.

В предании, сохранившемся благодаря А. И. Линькову, верно подмечена и непонятность для русских чудской речи, и «некрещённость» чудина. Не случайно упомянута и мельница – это сооружение долгое время у русских считалось «нечистым», связанным с языческими верованиями. Куда же ещё было помещать пойманного чудина «без креста», как не на мельницу?

Загадочным выглядит сам факт поимки «белоглаза» в реке. Возможно, русские люди считали чудь народом, скрывающимся от них то под землей, то под водой. Таким образом, первые контакты русских и чуди, зачастую заканчивавшиеся драматично, нашли отражение в любопытном народном предании...

С приходом русских на Тафту стали появляться новые топонимы. Так, целый ряд притоков Тафты в среднем и нижнем течении носят русские названия:

Васильевка – впадает в Тафту чуть выше деревни Горка. В основе топонима лежит отчество *Васильев*. Так могли звать крестьянина, которому в старину принадлежали сенокосы на этой речке. Судя по тому, что почти все русские названия притоков Тафты упоминаются еще в писцовых книгах XVII века, возникновение их нужно относить к более раннему периоду, по всей видимости, к XV–XVI столетиям.

Волосовка – правый приток Тафты. В диалектных словарях В. И. Даля и вологодских говоров имеются следующие слова, схожие с основой данного топонима: *волосец* – «водяной червь, живущий в стоячих водах» и *волосяга* – «сеть для ловли рыбы, сплетенная из конского волоса». Однако вероятность происхождения названия речки Волосовка от одного из этих слов невелика. Привлекает внимание тот факт, что в истоке эта речка сближается с истоками Маныловки, текущей в противоположном, южном направлении и относящейся к бассейну Тиксны. Вполне вероятно, что в старину здесь был *волок*, где охотники перетаскивали лодки, попадая, таким образом, с Тафты на Тиксну. Было это ещё до появления сухопутной дороги (которая, кстати говоря, тоже именуется *волоком*) от деревня Маныловица к Родной. Изменение звука *ч* на *с* (*Волочёвка* > Волосовка) вполне возможно и встречается ещё в ряде географических названий Русского Севера.

Гремиха – левый приток Тафты. Только в Тотемском районе известно ещё три речки с аналогичным названием Гремиха. Основа этих топонимов ведет начало от диалектного глагола *греметь* – «шуметь, издавать звуки: по отношению к струящейся среди камней воде». Гремиха действительно представляет собой быструю, бойкую речушку.

Дулеповский – ручей, правый приток Тафты. В деревне Исаево (она же – Большой Двор) на реке Цареве распространена фамилия *Дулепов*. Кто-то из представителей этого рода владел на ручье сенокосами, в связи с чем за ним и закрепилось в народе владельческое наименование Дулеповский.

Журиха – правый приток Тафты, чуть выше ручья Дулеповского. Владельцем сенокосов на этой речке был крестьянин по прозвищу *Жур*, которое восходит к глаголу *журить* – «бранить, отчитывать». Таким образом, Журом ещё в детстве могли назвать непослушного ребенка.

Игнатиха – впадает в Тафту справа, выше деревни Родная. Главный приток Игнатихи – ручей **Боровиковский**. Последний топоним ведет начало от прозвища человека *Боровиков*, который владел на ручье сенокосами. В основе самого прозвища лежит именование человека *Боровик* – «крепкий, здоровый мужик». Название Игнатиха происходит от церковного имени *Игнатий*, точнее, от его народного варианта *Игнат*. Так звали крестьянина, чьи сенокосы располагались на этой речке.

Лобазница – правый приток Тафты, в которую она впадает ниже деревни Родная. Слово *лабаз* раньше означало «сарай, навес

в лесу для складывания припасов и защиты их от диких зверей». Лабазы представляли собой обычно небольшой деревянный помост (иногда прикрытый от непогоды шалашом из веток) на дереве или на специально врытом столбе. На лабазах охотники подкарауливали медведей. Очевидно, подобные сооружения стояли в старину и на берегах речки Лобазницы.

Овинцевка – левый приток Тафты. От слова *овин* – «строение для сушки снопов перед обмолотом». Речка Овинцевка протекает на некотором расстоянии от тафтенских деревень, в связи с чем прежде урожай зерновых, собранный на подсеках по её берегам, обрабатывался на месте, в лесу, а к дому везли уже готовое зерно.

Опашник – правый приток Нореньги в верховьях Тафты. Название его происходит от слова *опахать*, то есть – «вспахать пашню». Скорее всего, около этого ручья в старину была устроена подсека, лес срублен и сожжён, а земля между пнями вспахана. На подсеках несколько первых лет благодаря золе от сгоревших стволов деревьев хорошо росли лён, ячмень, рожь.

Осташевка – правый приток Тафты в верховьях. У православного имени из церковных святцев Евстафий был народный вариант *Осташ*. Крестьянин с таким именем имел на этой речке либо сенокос, либо подсеку.

Остроконка – левый приток Тафты. Протекает на околице деревни Остроконье, от которой и получила свое имя. Правда, в дозорной книге Царевской волости от 1619 года есть следующая запись: «Деревня Остроконье на речке на Исавице», а это значит, что раньше у речки было другое название. В народе бытовали и другие варианты топонима – Исаевица, Исавцы, но везде в основе лежит церковное имя Исайя либо его краткая форма *Исай*. Так звали одного из первых владельцев сенокосных угодий на речке.

Пихтенька или Пихтянка – левый приток Тафты. Впадает около заброшенного ныне посёлка Тафтенской Базы. По территории Тотемского района с юга на север проходит западная граница ареала распространения *пихты* сибирской. Дерево это в наших местах редко встречается, поэтому топоним Пихтенька является интересным индикатором распространения сибирских пород деревьев на Вологодчине.

Тараканиха – правый приток Васильевки, с которой сливается за полем от деревни Горка. Когда-то крестьянин по прозвищу *Таракан*, то есть шустрый человек или длинноусый человек, первым разработал сенокос на этой речке.

Толокняник – ручей, левый приток Тафты выше устья Нореньги. Слово *толока* имело в старину два значения: «пастбище общественного скота» и «помочь, сбор населения к одному хозяину на работу». На ручье Толокняник располагалось пастбище для скота крестьян деревни Сидориха (ныне – в Сямженском районе), до которой от ручья 5 верст. Другая версия связана с диалектным словом *толокнянка* – «шиповник».

С начала XVII века сохранились письменные источники, где можно найти сведения о тафтенских деревнях. Первый из них – «Дозорная книга города Тотьмы с посадом и уездом письма и дозора князя Ивана Андреевича Козловского и дьяка Марка Мартемьянова от сентября 7128 года от сотворения мира (1619)». Самые ранние писцовые книги Тотемского уезда с посадом и волостями были составлены ещё во второй половине XVI века, в 1564 и в 1587 годах. К сожалению, эти ценные памятники деловой письменности до наших дней не дошли, учёные только знают о них по ссылкам в книгах XVII века. Дозорная книга 1619 года сохранилась не в подлиннике, а в списке «слово в слово» от 1622 года и хранится сейчас в московском Российском государственном архиве древних актов (РГАДА). В этой книге впервые можно найти свидетельства о жителях всех 4 тафтенских деревень и пустоши Чертовской, которая, по всей видимости, в предыдущем XVI столетии была жилой деревней, но затем население её оставило, а пахотные земли использовались под сенокосы жителями деревни Подгорная.

К началу XVII века все деревни на Тафте относились к Царевской волости, а самостоятельной «волости Тафта» дозорные, писцовые и переписные книги уже не упоминают. Эта часть Царевской волости носила название Тафтенский улусец. Подобный термин в Тотемском уезде в старину имели ещё несколько гнёзд деревень, таких как Маныловский и Чаловский улусцы (части волости Толшма), Верхне-Еденгский улусец (часть волости Старая Тотьма) и др.

Слово *улус* и уменьшительное от него *улусец* были заимствованы в русский язык в XIV–XV веках из татарского языка, где *улус* означало «крупный подвластный округ», было синонимом русских административных терминов «княжество» и «вотчина». В системе административно-территориальных единиц на Руси *улус* и *улусец* закрепились уже после татаро-монгольского ига как обозначение отдельной части волости из нескольких деревень, отделенных лесами от волостного центра.

Вот что сообщает дозорная книга 1619 года о тафтенских деревнях:

Деревня **Горка** – 3 двора, 8 мужчин, 22 чети пашни, 53 копны сена, леса пашенного и непашенного 23 десятины.

Деревня **Подгорная** – 2 двора, 2 мужчины, 12 четей пашни, 24 копны сена, леса 14 десятин.

Деревня **Остроконье** – 2 двора, 2 мужчины, 4 чети пашни, 15 копен сена, леса 11 десятин.

Деревня **Родное** – 3 двора, 8 мужчин, 20 четей пашни, 35 копен сена, леса 19 десятин.

Деревня Горка имеет ещё другой вариант названия – Гора. Чаще всего он употреблялся в народной речи, хотя в ряде памятников деловой письменности второй половины XVII века (писцовая книга 1686-88 годов) эта форма топонима выступает и как официальное название. В целом по Вологодской области топонимы Горка и Гора являются одними из самых распространенных: количество их, по данным списка населенных пунктов от 1974 года, соответственно 91 и 34. Происхождение подобных названий деревень вроде бы ясно без всякого объяснения: на равнинной Вологодчине любой мало-мальский холм в народе называют *горкой* или *горой*. Однако, в топонимии даже самые знакомые, самые обычные слова зачастую могут приобретать несвойственные им в привычной речи значения. Так и произошло в старину со словами *горка* и *гора*.

Большинство деревень с такими названиями располагаются рядом с приходскими церквями. На Тафте рядом с Горкой стоит Никольская церковь, на Вожбале близ деревни Горка расположена Благовещенская церковь, на Цареве Горка стояла (ныне заброшена) недалеко от Воскресенского храма... Эти примеры можно множить и множить...

Подтверждение прямой связи названия Горка с церковными владениями удалось обнаружить в переписной дозорной книге дворцовых земель Вологодского уезда от 1589 года. Вот характерные цитаты из этого источника: «Погост Рождественский на реке на Кубене... Того ж погоста деревня церковная Горка на речке на Бучихе, а в ней двор попа Ивана...»; «Погост Иванова Слобода речке на Илсеме... У погоста ж деревня церковная Горка, а в ней во дворе поп Алистарх...». Ну, как тут не вспомнить поговорку «Стоит деревенька на горке, а хлеба в ней ни корки» из словаря В. И. Даля, по поводу которой автор замечает: «Новгородские погосты, т. е. избы попа и причта, строятся там отдельно, подле церкви, а окружные деревни составляют приход». У поговорки есть вариант: «Живёт

на горке, а хлеба ни корки». Значит, память о значении слова *горка* – «церковная деревня» сохранялась ещё в XIX веке, когда эти поговорки записал Владимир Иванович.

Таким образом, в старину термин *горка*, а также производный от него *гора* обозначали не форму рельефа, а церковное земельное владение, где мог жить и поп или сдавать эту землю в аренду крестьянам. В доказательство можно привести еще и тот факт, что в соседнем Вожбале деревня Горка, кроме народного варианта Гора, в писцовой книге 1623 года зафиксирована и как Поповка. Позднее первоначальный смысл топонима Горка был утрачен, а рядом со священником стали селиться и обычные крестьяне.

У официального названия деревни Подгорная также существует народный вариант Подгора. Деревня действительно расположена ниже деревни Горка (Гора) на одной из первых террас долины реки Тафта, что и обусловило появление данного топонима.

Любопытно название деревни Остроконье. Первая часть топонима сопоставляется с прилагательным *острый*, синонимы которому – «узкий, клинообразный». Вторую часть *-конье* можно вывести из старинного слова *кон* в значении «начало, ряд, порядок домов в деревне, на улице». Скорее всего, непосредственным поводом возникновения топонима Остроконье послужила особенность в расположении домов и улиц в деревне. Первые поселенцы построили свои избы в виде двух порядков, расходящихся клинообразно. Эту особенность планировки Остроконье сохраняло вплоть до своего исчезновения в 70-х годах XX века. Одна улица вела в сторону Подгорной и Горки, а другая, под острым углом, уходила в сторону речки Васильевки.

Некая путаница произошла с названием деревни Родная. В книге историка П. А. Колесникова «Северная Русь» она несколько раз названа как Ровное. По всей видимости, сыграл стереотип: раз рядом находятся деревни с «рельефными» топонимами Горка и Подгорная, то название Ровное тоже оправдано. Однако, при непосредственном знакомстве с писцовыми книгами XVII века я выяснил, что и 400 лет назад деревня называлась почти неотличимо от современного варианта – Родное. Буква *д* в топониме *Родное* вынесена вверх, над строкой, это была обычная практика писцов, экономивших бумагу. Ошибка же издателей писцовой книги, возможно, была обусловлена тем, что в XVI–XVII веках в русской скорописи буква *д* писалась похоже на современную *в*.

Деревня Родное (Родная) была основана на правом берегу Тафты последней из всего гнезда, а ее жители, *заречана*, видимо,

являлись родственниками тем, кто жил в Горке и Подгорной. В целом же нужно отметить, что название этой тафтенской деревни очень оригинально и в Вологодской области, где было 10 тысяч деревень, ничего похожего больше не отмечалось.

Вокруг тафтенских деревень и по берегам речек крестьяне-тафтяки за века разработали много полей и сенокосов. У каждого из них было своё оригинальное название. Вот примеры таких микротопонимов: **Новочисть, Пенник, Ляга, Столбы, Лог, Дор, Зачинок, Пожня, Сиенец, Болото, Пододварицы, Зимницы, Заячье** – в них нашли отражение разнообразные народные географические и исторические термины.

К сожалению, в 1970–80-х годах все деревни на реке Тафте получили статус «неперспективных» и постепенно опустели. Оставшиеся жители разъехались кто в посёлок Красный Бор, а кто в деревни бывших Погореловского, Калининского и Пятовского сельсоветов. Сейчас тафтенская топонимия в живой речи людей практически не используется, многие названия постепенно забываются и исчезают. Наша задача – сохранить их.

Правдина Мария Борисовна,
МБУК «Тотемское музейное объединение», г. Тотьма

КОЛЛЕКЦИЯ ЧАСОВ В СОБРАНИИ ТОТЕМСКОГО МУЗЕЙНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ: ОПЫТ НАУЧНОЙ СИСТЕМАТИЗАЦИИ И АТРИБУЦИИ

Исторически сложилось, что часы в собрании музея не выделены в отдельную коллекцию, а входят в состав коллекции предметов техники и отнесены к фонду «Металл» независимо от того, из какого материала они изготовлены. Это создает трудности в их отборе и систематизации. На сегодняшний день в собрании музея выявлено 118 экземпляров часов.

Задача по выявлению часов встала перед сотрудниками музея при подготовке выставки «Остановись, мгновенье!», проходившей в краеведческом музее с 1 июня по 30 ноября 2017 года. Экспонированию предшествовала большая работа по систематизации часов, их изучению и атрибуции. Имеющиеся на сегодняшний день в собрании музея часы можно классифицировать по следующим признакам:

• По месторасположению: напольные, настенные, консольные, каминные, настольные, наручные, карманные.

• По функциональному назначению: будильники, музыкальные часы, часы с боем, часы с календарем, часы с термометром и барометром, командирские.

• По работающему в них механизму: механические, кварцевые, электронные, песочные.

• По хронологии: от последней трети XVIII столетия до 2000-х годов.

• По географии их создателей: от Англии до Японии.

• По заводам-изготовителям и часовым маркам: представлены как дореволюционные производители (Эрдли Нортон, Вильгельм Визес, Элликот, Фридрих Винтер, Павел Буре, Вильям Габю, торговый дом Б.Рейнин, марки Zenit, Юнганс, Le Roi a Paris), так и наиболее известные заводы и марки советского времени: «Маяк» Сердобского часового завода, «Молния» Челябинского часового завода, «Заря» и «Весна» Пензенского часового завода, «Витязь» Ростовского часового завода, «Чайка» Угличского часового завода, «Янтарь» Орловского часового завода, «Слава» Второго московского часового завода, «Победа» Куйбышевского завода имени А.Масленникова и Петродворцового часового завода, «Луч» Минского часового завода, командирские часы Чистопольского часового завода, «Наири» Ереванского завода художественных часов, «Электроника» Минского НПО «Интеграл» и др.

• Мемориальные часы, принадлежавшие поэту Николаю Рубцову, космонавту Павлу Беляеву, известным тотемским династиям Кокаревых, Замяткиных, Сибирцевых.

• По художественному оформлению (из золоченой бронзы, шпиатра, деревянные резные, с декором из олова, тисненой и тонированной фольги, стекла и пластика) в стиле классицизм, ампир, историзм, второе рококо, неоклассицизм, модерн, агитационные, детские.

Наибольший исследовательский интерес представляют предметы исторической коллекции музея, поступившие в первые десятилетия XX века из семей тотемских купцов, из имущества известных деятелей Тотьмы и переданные из Государственного Музейного фонда. К сожалению, первичные записи в документах поступления скупы и не дают информации ни об изготовителе, ни о датировке часов, изредка упоминается среда их бытования. Для уточнения происхождения пришлось изучить архивные материалы (протоколы приема предметов в музей, акты и старые, уже

Часы напольные (?) Часовой мастер: Нортон Э. Лондон. 1770-е. Бронза, латунь, сталь, дерево, литье, чеканка, золочение, серебрение, гравировка. 41,0×36,5×16,5 см. ТМО-5396 М-479

погашенные инвентарные книги), обращаться за консультациями к коллегам из других музеев и пользоваться каталогами музейных собраний и открытыми Интернет-источниками.

К наиболее ранним часам в собрании музея можно отнести часовой механизм лондонского мастера Эрдли Нортона (Eardley Norton). Плато часов четырехугольной формы со скругленной верхней частью. Циферблат с посеребренным ободом, с двумя ажурными стальными стрелками, с разметкой часов римскими цифрами и минут – арабскими цифрами через пять делений. Во внутренней окружности циферблата вверху дополнительный циферблат с разметкой секунд арабскими цифрами. Над основным циферблатом дополнительный круглый циферблат регулирования боя с надписями «Strike» («бой») и «Silent» («без боя») со стрелкой, один конец которой прямой, другой – с изгибом. Вокруг циферблатов – ажурные накладки из золоченой бронзы, представляющие собой растительный орнамент с вплетенными в него музыкальными инструментами: лютней, волынкой и рогом. На плато сзади закреплен часовой механизм, опирающийся на деревянную полочку с прорезями в нижней части. Исходя из анализа их композиции, можно предположить, что часы эти были напольными в корпусе красного дерева, который не сохранился. На посеребренной полосе по окружности в верхней части плато гравированный текст: «EARDLEY NORTON LONDON». Изучив другие сохранившиеся экземпляры часов этого мастера,

находящиеся в библиотеке Букингемского дворца, Государственном музее-заповеднике «Павловск», в Виргинском музее, Национальном музее Стокгольма и во дворце-музее в Пекине, а также время от времени встречающиеся на европейском антикварном рынке, можно с высокой долей уверенности датировать имеющийся в собрании Тотемского музейного объединения экземпляр 1770-ми годами. Поступил он в музей в 1917 году в дар от некой гражданки Н. Г. Поповой. Сведения об истории бытования, к сожалению, пока установить не удалось.

Прекрасным образцом французской бронзы эпохи ампир являются консольные часы, переданные в музей в 1927 году из Центрального хранилища Государственного Музейного фонда. Принимая во внимание качество бронзы и белого мрамора, искусную чеканку и имеющуюся на мраморном основании полустертую бумажную наклейку с инвентарным номером, следует предположить, что происходят они из какого-то дворцового собрания. Часы в виде портика коринфского ордера с четырьмя круглыми колонками белого мрамора с бронзовыми капителями и базами, на которых покоится архитрав, увенчанный бронзовым профилированным фризом. Между колоннами на четырехгранной золоченой бронзы консоли закреплен часовой барабан. Передняя грань консоли декорирована бронзовой накладкой

Часы консольные в виде портика. Франция. 1830-е. Бронза, мрамор, железо, латунь, литье, чеканка, золочение, полировка, сборка. 51×26×16,5 см. ТМО-6375 М-475

с изображением головы Аполлона в обрамлении лавровых веток и лиры в окружении двух лебедей и пальметт. В нижней части гирлянда из лавровых веток и цветочных венков. Боковые грани пилона орнаментированы розетками и пирамидами веток с бутонами. Двухступенчатый пьедестал белого мрамора покоится на четырех каннелированных невысоких цилиндрах, декорирован поясом из листьев аканта и накладкой с пальметтой. Циферблат золоченой бронзы с черными арабскими цифрами обрамлен поясами стилизованных листьев аканта, жемчужника и штрихов. На часах имеются клейма, принадлежность которых на сегодняшний день не определена. На циферблате в нижней части в овале полустертая неразборчивая надпись: «G Reif <нрзб.>». На часовом механизме отчеканены цифры: «359», вертикальная композиция из букв «О Р», где «о» расположена горизонтально, а между ними «578». Чуть выше и левее символ, напоминающий прописную букву Р и три по дуге расположенные точки. Изучение каталогов и Интернет-источников результатов пока не дало. По стилистическим признакам часы относятся к эпохе ампира. Атрибуция была подтверждена и уточнена датировка сотрудниками Государственного Эрмитажа – заведующим отделом ЭФЗК В. М. Файбисовичем и реставратором по часам и бронзе В. А. Молотковым: композиция и механизм французской работы 1830-х гг.

Прекрасным образцом напольных часов с музыкой и боем являются часы лондонского мастера первой половины XIX столетия Элликота (Ellicott), экспонируемые в Купеческом зале краеведческого музея. Корпус напольных часов из красного дерева в форме архитектурного сооружения состоит из трех частей: призматического ступенчатого основания, прямоугольного футляра для маятника и гирь с открывающейся вперед дверцей на двух петлях, с профилированной филенкой в виде арки и двумя каннелированными полуколоннами коринфского ордена по бокам, а также навершия с часовым механизмом и циферблатом. Основание декорировано спереди выступающим прямоугольником с вогнутыми углами и профилированными кольцами в них, опирается на четыре ножки: две передние – в виде резных рокайлей, две задние – в форме «репки». Навершие выполнено в виде трехъярусного перспективного портала: 1-й ярус – плато часового механизма за стеклянной дверцей в виде арки с каннелированными колоннами коринфского ордера с двух сторон; 2-й ярус – полуциркульный карниз с ажурной просечной латунной вставкой в виде переплетающихся листьев аканта и тонированной зеленой бумагой

под ней; 3-й ярус – фронтон с ажурным аттиком и деревянными резными вазонами по бокам. Боковые стенки основания и футляра гладкие, в верхней части часов по бокам – по три латунные трельяжные сетки с подложенной под ними тонированной зеленой бумагой. Все конструктивные элементы корпуса декорированы латунными тягами. Циферблат с золоченым ободом, с двумя ажурными стальными стрелками, с разметкой часов римскими цифрами и минут – арабскими через пять делений. В верхней части основного циферблата – дополнительный с секундной стрелкой и разметкой арабскими цифрами через десять делений. В нижней части круга циферблата – квадратное отверстие с арабскими цифрами, обозначающими числа месяца. Над основным циферблатом – два дополнительных круглых циферблата: первый – регулирования боя с одной стрелкой с надписями «Strike» («бой») и «Not Strike» («без боя»), второй – регулирования курантов с одной стрелкой с надписями «Chime» («куранты») и «Not Chime» («без курантов»). Вокруг циферблатов – накладки золоченой бронзы в виде рокайлей и гравировка в виде волнистых линий и веток цветов. Чуть

Часы напольные механические с 12 мелодиями, курантами и боем в корпусе красного дерева. Мастер: Элликот. Лондон. Первая половина XIX века. Бронза, сталь, латунь, красное дерево, бумага тонированная, стекло, литье, чеканка, золочение, гравировка, просечка, сборка. 276×70×33 см. ТМО-6444 М-477

ниже верхних циферблатов размещена ажурная стрелка, указывающая на 12 танцевальных мелодий, названия и арабские цифры последовательности исполнения которых гравированы на планке верхней части окружности плато: «1 Song 2 Dance 3 March 4 Dance 5 Minuet 6 Figq 7 Song 8 Dance 9 March 10 Dance 11 Song 12 Gavot». На плате часового механизма в верхней части между циферблатами выгравировано: «Ellicott / London». Часы экспонируются без часового механизма, гирь и маятника, вероятно, из-за сложности их транспортировки. Это обстоятельство привело к казусу в учетно-хранительской работе. В 1980-е годы при сверке часовому механизму с музыкой и боем, хранившемуся в фондах, был дан временный номер до выяснения источника его происхождения. При подготовке к выставке был проведен анализ механизма на соответствие имеющимся в наличии корпусам и циферблатам. Теперь с уверенностью можно сказать, что он соответствует часам Элликота из экспозиции, поскольку механизм, рассчитанный на 12 мелодий, идеально подходит по размерам к корпусу красного дерева.

Интересным образцом являются каминные часы, названные мною «Аллегория рисования»[223], поскольку представляют собой часы с фигурой путти, сидящего на горизонтально расположенном каннелированном цилиндре, в который вмонтирован часовой механизм. В правой руке его карандаш, в левой – альбом для рисования. Циферблат с двух сторон поддерживается стилизованными завитками в виде листьев аканта, опирающимися на постамент. Под циферблатом подвешена гирлянда из роз. Фигурный профилированный пьедестал с выступом спереди и по бокам орнаментирован розетками и завитками. В центральной его части укреплен щит с розеткой в виде ромашки в обрамлении рокайлей. Циферблат белый эмалевый с римскими цифрами. На плате часового механизма клеймо в овале: «S & A», под ним цифры: «5070». На задней стенке цилиндра на планке по окружности клеймо: «4949 H I <или L> F». Механизм создан швейцарской фирмой Schaedeli & Abrecht, La Chaux-de-Fonds, зарегистрированной в 1890 году. Сами часы, вероятнее всего, были созданы в конце XIX – начале XX века в Восточной Европе. В эту эпоху уже мало, кто мог себе

[223] В книге поступлений № 6 на л. 189 они значатся как: «Часы настольные (в футляре), медный постамент часов из гирлядов роз, на верху часов имеются статуетка на подобие (херувима) ангела с книгой – тетрадкой в руке, в правой руке держит карандаш. Металл, медь. Средней сохранности». Сохранена орфография оригинала.

позволить предметы обстановки из настоящей золоченой бронзы, но купечество очень стремилось выглядеть просвещенным и демонстрировать приверженность традициям. Не случайно композиция часов восходит к образцам зрелого классицизма последней четверти XVIII столетия. Мастера, чтобы удешевить изделия, заменяют дорогостоящую бронзу на шпиатр – оловянно-цинковую смесь. В результате часы стали значительно легче и дешевле, тем самым приблизились к потребителю. К сожалению, у этого экземпляра в процессе бытования были утрачены стрелки, путти потерял и снова обрел руку, а карандаш в другой его руке обломился. Тем не менее, эти часы остаются прекрасным образцом декоративно-прикладного искусства эпохи неоклассицизма.

Часы каминные «Тристан и Изольда». Франция. Конец 1820-х – начало 1830-х. Бронза, сталь, литье, чеканка, золочение. 63,3×47×18,4 см. ТМО-6445 М-499

Несколько экземпляров часов при изучении удалось привязать к местной истории. В частности, уже упоминавшиеся выше напольные часы Элликота, а также каминные, демонстрируемые в Купеческом зале краеведческого музея. Поступили оба экземпляра в 1928 году от наследницы тотемской ветви купеческой династии Пановых и крупных землевладельцев Замяткиных – Елизаветы Владимировны Замяткиной. Каминные часы значились в книге поступлений как «часы настольные французской работы из бронзы золоченой, ломаные»[224]. Благодаря стилистическому анализу композиции и изучению популярных в то время литературных источников, используемых мастерами в произведениях декоратив-

[224] Книга поступлений основного фонда № 2. Л. 27.

но-прикладного искусства, мною было высказано предположение, что пред нами часы каминные из золоченой бронзы французской работы конца 1820-х – начала 1830-х годов со скульптурными фигурами Тристана и Изольды в тонущей лодке. Изольда с распущенными волосами, перетянутыми развивающимся шарфом, в приталенной тунике, отороченной бахромой, и шароварах сидит на коленях и обнимает за талию Тристана, опирающегося согнутой в колене левой ногой на борт лодки, а правая выпрямлена, стоит на обломке. В его поднятой вверх правой руке фрагмент паруса, левой обнимает Изольду. За ними развивается полотнище паруса, обломок мачты с которым вонзился в бушующее под лодкой море. Часовой барабан вмонтирован в корпус омываемой со всех сторон волнами лодки, с плавающими справа от него бочонком, слева – сундуком. Прямоугольный пьедестал украшен снизу спереди стелящимися побегами, завитками и листьями аканта, являющимися передней опорой часов, по бокам ложчатый орнамент. Выше – полоса меандра, над ней в верхней части пьедестала – композиция из гирлянды листьев аканта с пальметтами. Циферблат гильошированный с разметкой часов римскими цифрами. На плато часового механизма клейма: «1049», «6», «1». На ободе крышки часового механизма перевернутая буква «D» и «1048». На фрагментах деталей постамента сзади справа в верхней части каждой детали: «Р». На сегодняшний день идентифицировать клейма не удалось.

В процессе подготовки к выставке был выявлен еще один интересный экземпляр часов, связанный с династией владельцев тотемских солеварен Кокоревых. В 1941 году из вымороченного имущества последней представительницы этого рода М. А. Кокоревой в музей поступили настенные механические часы с изображением медведя. При более детальном их изучении удалось установить, что созданы они были в конце XIX века в Германии, в деревушке Шварцвальд. Часы в черном деревянном тонированном четырехугольном корпусе с профилированной составной рамкой. Навершие на рамке фигурное с полуциркульным окошком в центре. В боковых планках корпуса с обеих сторон в нижней части прямоугольные дверцы, закрепленные на петлях с латунными ручками-хватками. Деревянная поверхность внешней рамки в углах расписана повторяющимися композициями из вьющихся незабудок и колокольчиков. Внутренняя рамка металлическая позолоченная со вставленной в нее жестяной пластиной. В нижнюю часть пластины вмонтирован круглый циферблат, покрытый белой эмалью с разметкой часов римскими цифрами и двумя

фигурными стрелками. Над циферблатом изображен медведь с приоткрытой пастью, опирающийся на ствол дерева с мощной корневой системой. Интересно, что глаза медведя вращаются на шарнирах в такт колебаниям маятника.

Благодаря другой тотемской династии Сибирцевых в музее появились часы настенные в деревянном четырехугольном корпусе, тонированном под черное дерево. К профилированному карнизу в верхней части и к каннелированному основанию в нижней прикреплены резные треугольные детали со стеклянными вставками и расписной фольгой под ними. Циферблат размещен в золоченой профилированной рамке под стеклом в центральной части корпуса за стеклянной дверцей, закрывающейся на латунный крючок. Циферблат белый с двумя стальными фигурными стрелками, с разметкой часов римскими цифрами; в углах повторяющиеся композиции из двух розовых бутонов в обрамлении листвы и рокайлей, выполнены в технике, имитирующей эгломизе (роспись по стеклу и фольге). Подобными композициями оформлены треугольные вставки в верхней и нижней части корпуса и центральная часть основания. В корпусе в боковых панелях в центре прямоугольные дверцы, открывающиеся с помощью петель и латунных петлевидных ручек, в нижней части – щель для маятника и четыре круглых отверстия для цепей. Часы эти кустарной работы рубежа XIX и XX столетий. Замечательны они тем, что висели в доме тотьмича Евгения Петровича Сибирцева на ул. Красной, д. 20. Родился он в 1848 году в д. Варницы. Был членом, а затем товарищем председателя Тотемского уездного отделения епархиального училищного совета, священником Успенской церкви. Один из его сыновей – Павел Евгеньевич, 1888 г. р., был сотрудником Тотемского музея в течение 30 лет (с 1924 по 1953).[225] В 1971 году уже его дочь – врач Тотемской больницы Антонина Павловна Сибирцева подарила фамильные часы музею.

В собрании музея имеется несколько образцов часов, популярных в купеческой среде начала XX века. Это настенные часы в деревянных футлярах, тонированных под благородные породы древесины (черное дерево и самшит), с резными и токарными деталями, объединенные одной торговой маркой: Германия, г. Швеннинген, Le Roi à Paris. Часы представляют собой яркий пример

---

[225] Кто есть кто в Памятных книжках Вологодской губернии [электронный ресурс]. URL: https://www.booksite.ru/who-is-who/s_341.html (дата обращения 09.01.2018); Научный архив ТМО, личное дело П. Е. Сибирцева.

успешной маркетинговой компании. На всех образцах имеется надпись по-французски «Le Roi à Paris» на циферблате или маятнике, что означает Король Парижа. На самом деле изготовлением таких часов занимались три немецкие фирмы. Они беспрепятственно использовали старую французскую марку, существовавшую с XVIII века, и массово ввозили выпущенные под этой маркой часы в Россию. Изготовители воспользовались тем, что зажиточные россияне хотели видеть у себя часы высочайшего немецкого качества с французским шармом. Настенные часы «Le Roi à Paris» относились к разряду недорогих, доступных широким слоям населения, но при этом по внешним признакам напоминают дорогие часы высокого качества со строгими архитектурными деталями корпуса из дорогостоящих пород древесины, которые к этому времени выпускались уже почти полвека австрийскими и немецкими фирмами. Теперь уже и мы, спустя столетие, можем сказать, что часы этой марки достойно прошли испытание временем и на практике продемонстрировали свою надежность и неприхотливость, за что и ценились тотемскими купцами, а сейчас прекрасно иллюстрируют в музейных экспозициях быт эпохи начала XX столетия.

В заключение хочется сказать, что при атрибуции часов из исторического собрания музея приходится сталкиваться с трудностями следующего характера:

1. Отсутствие должной первоначальной документации и профессиональной атрибуции предметов при поступлении в музей.

2. Зачастую производитель часового механизма не является изготовителем часов, поскольку часовые мастерские и торговые дома использовали механизмы других фирм и торговых марок. Это затрудняет определение авторства.

3. Приходится использовать комплексный подход при атрибуции: принимать во внимание материал и технику изготовления, изучать и интерпретировать имеющиеся клейма, обращать внимание на стилистические особенности произведения и датировать его по совокупности признаков.

Тем не менее, систематизация, изучение и атрибуция часов в собрании Тотемского музейного объединения – увлекательнейший эвристический процесс. Особенной удачей следует считать находки и открытия, позволяющие привязать изучаемые произведения к местной истории, тотемским династиям и историческим событиям из жизни города и уезда[226].

---

[226] Автор выражает глубочайшую благодарность Людмиле Фоминской за качественные фотографии и дружеское участие.

Макарова Ольга Николаевна,
МБУК «Тотемское музейное объединение», г. Тотьма

ЛЮЛЬКИ И ЗЫБКИ XIX – СЕРЕДИНЫ XX ВЕКА КАК ОБЪЕКТ КОМПЛЕКТОВАНИЯ МУЗЕЙНОЙ КОЛЛЕКЦИИ

В разных уголках России колыбели называли по–разному: люлька, зыбка, колыбель, качалка и т. д. Само слово колыбель происходит от слова «колыбать» в значении качать, колебать, колыхать, отсюда и происходит большинство местных названий.

Зыбка служила человеку самой первой, самой маленькой ограничительной сферой. В каждой семье имелась своя счастливая люлька, которая изготавливалась с особой любовью и молитвами[227].

Материалом для изготовления зыбок служило дерево – луб, дранка, береста, ивовый прут. К выбору материала подходили очень осторожно. Нельзя было делать зыбки из осины, т. к. считалось, что она притягивает нечистую силу. Зыбка изготавливалась из прочного дерева, могла служить целыми столетиями, переходя из поколения в поколение. Если позволяли средства, зыбку заказывали хорошему мастеру с добрым сердцем. Он творил зыбку с умением и благословясь. Люди победнее мастерили колыбели сами из более дешевого материала.

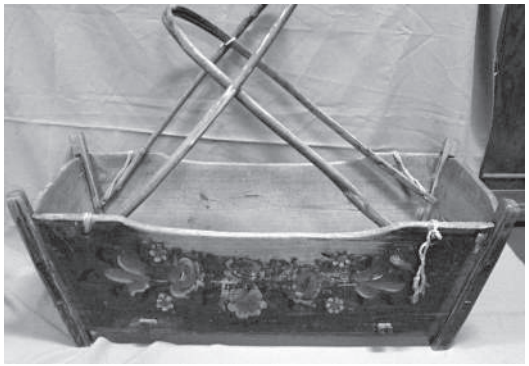
Коллекция зыбок в собрании Тотемского музейного объединения (далее – ТМО) насчитывает 16 единиц хранения. Она создавалась и создается подвижническим трудом научных сотрудников музея. Формирование коллекции началось в первой четверти XX века в ходе собирательской работы и научных экспедиций в нынешних Тотемском, Тарногском, Бабушкинском, Нюксенском районах, Междуречье, Бирякове, Сямже, а также благодаря поступлениям от населения Тотьмы.

Существовало четыре основных типа младенческих колыбелей, различающихся конструкцией и материалом.

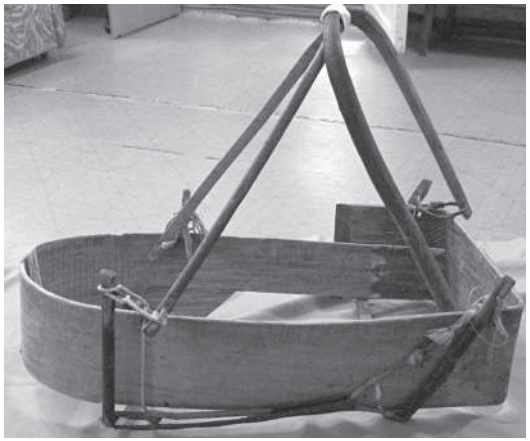
I тип – зыбка в виде суживающегося книзу деревянного ящика прямоугольной формы, стенки которого скреплены 4 столбиками,

---

[227] Белов В. И. Лад: Очерки о народной эстетике: Младенчество.– М.: Молодая гвардия, 1989. С. 152–154.

Зыбка деревянная, расписная в форме суживающегося книзу ящика

Зыбка из луба в форме корыта

с 2 дужками для подвешивания. Таких зыбок в музее насчитывается 12 штук.

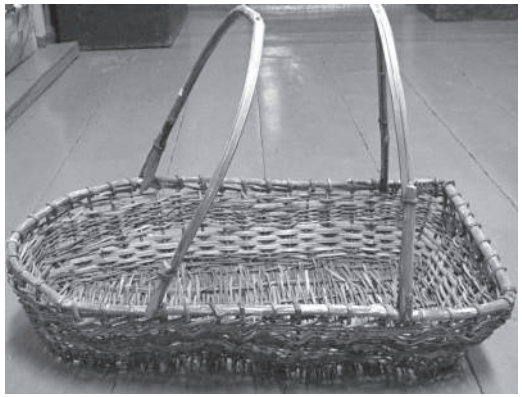
II тип – в виде прямоугольной деревянной рамы, обтянутой холстом, с железными кольцами, ввинченными в шарообразные концы рамы. Таких зыбок в нашем фонде нет. Вероятнее всего, они не были характерны для нашей местности.

К III типу относятся лубяные короба овальной либо прямоугольной формы, с плетеным сетчатым дном или с положенными на дно дощечками и 2 дужками для подвешивания. Лубяных зыбок в фондах ТМО – 3 штуки. Зыбка № 32556 поступила в 1990 году из дер. Борщовка Биряковского сельского совета из заброшенного дома. Корпус зыбки № НВ 7089 поступил в 1990 году из д. Лом Верхне-Толшменского сельского Совета из заброшенного дома.

IV тип – это плетеные зыбки, напоминающие лукошко или корыто. Легкие зыбки, сплетенные из сосновых дранок или ивового прута, бытовали в основном в домах крестьян-бедняков. Они были легкие, но менее долговечные. Зыбка № 35902 из ивового прута поступила в 1998 году от Шестакова Ф. А. из дер. Шульгино Никольского сельского совета. Зыбка № НВ 6441 из сосновой дранки поступила в 1988 году от Ивиной Александры Ивановны

из дер. Леваш Нижне-Печенгского сельского совета.

Все зыбки подвешивались на 2 дужках, выгнутых, в основном, из черемухи. Дужки зыбок с помощью веревок прикреплялись к очепу – длинному гибкому шесту, верхний конец которого затыкался за потолочную матицу или в железное кольцо, ввинченное в потолок.[228]

Зыбка из ивового прута

Зыбка из дранки

Как правило, очеп делали из березы, она хорошо гнется и одновременно не трясется: качание без толчков, мягкое. Сосновая жердь ломается, а еловая не так уж хорошо выгибается.[229]

Крестьяне Череповецкого уезда считали, что с очепа ни в коем случае нельзя снимать кору – детей много будет: «По гладкому, как по маслу, так и ползут». «На очеп ничего не вешай, а то ребенок спать не будет»,– считали крестьяне северного края.

В Череповецком, Вытегорском, Грязовецком, Вологодском и Сокольском районах существовало поверье, что родителям,

[228] Зыбка – подвесная колыбель [электронный ресурс]. URL: http: // pravotnosheniya.info/Zibka-podvesnaya-kolibel-1850.html (дата обращения 14.01.2018).

[229] Как укачивали детей в прошлом веке? История колыбельки, люльки, зыбки [электронный ресурс]. URL: http://razvitie-doma.ru/nash-dom/delaem-zhizn-mamyi-legche/kak-ukachivali-detey-v-proshlom-veke-istoriya-kolyibelki-lyulki-zyibki.htm (дата обращения 14.01.2018).

у которых постоянно умирают дети, необходимо было поискать очеп к люльке такой, чтобы он при срубании с корня не упал на землю, а по дороге домой не следовало класть его на землю.

Крестьяне Шенкурского уезда Архангельской губернии, наоборот, были уверены, что очеп следует делать из сосны, если же он был изготовлен из ели, то ребенок покрывался коростой, становился «своробливым».

Подвешивание колыбелей к потолку было не случайным: у потолка скапливался теплый воздух, что обеспечивало малышу обогрев.

Многие народы считали, что небесные силы охраняют приподнятого над полом ребенка, так он лучше растет и накапливает жизненную энергию.[230]

Колыбель в избе подвешивали, чтобы на нее не падал лунный свет. При этом следили, чтобы голова ребенка не была обращена на север или на запад: в первом случае он мог заболеть, во втором – умереть.

На дно зыбки в качестве подстилки обычно клали солому, сено, ветошь. Сверху накрывали овчиной или мягкой тканью. Под голову – маленькую перьевую или шерстяную подушечку. В богатых семьях изготавливали перину, набивая ее пухом. Для защиты от мух, комаров, яркого света, а также от злых сил вешали полог. Ткань подбиралась красивая или вышивалась вручную и обшивалась кружевами. В бедных семьях использовали старый бабушкин сарафан или яркую ситцевую ткань[231].

После утробы матери колыбель для малыша являлась первым освоенным пространством, своего рода маленькой крепостью, защищенной магическими силами – оберегами. Сразу же заботились и о том, чтобы ребенок был спокойным. Для этого в Шенкурском и Тотемском уездах, завернув новорожденного в рубаху мужа, клали его на шесток в плетенку – короб.

Если на свет появлялась девочка, ей тут же выделяли специальную коробейку для будущего приданого. Не зря существует поговорка в народе: «Дочку в колыбельку, а приданое в коробейку».[232]

---

[230] История детской колыбели. Чудо из глубины веков [электронный ресурс]. URL: http://sna-kantata.ru/istoriya-detskoy-kolyibeli-chudo-iz-glubinyi-vekov (дата обращения 14.01.2018).

[231] История детской колыбели. Чудо из глубины веков [электронный ресурс]. URL: http://sna-kantata.ru/istoriya-detskoy-kolyibeli-chudo-iz-glubinyi-vekov. (дата обращения 14.01.2018).

[232] Суров М. В. Вологодчина: невостребованная древность.– Вологда, 2001. С. 61–63.

Иногда, завертывая малыша определенным образом, старались повлиять на его будущее: мальчика заворачивали в женскую рубашку – «чтобы невесты шли», а девочку – в мужскую – к будущим женихам.

Перед тем, как первый раз уложить младенца в зыбку, в нее помещали на несколько минут кота. Кот должен был вобрать в себя все имевшееся там зло и тем самым очистить первое жилище новорожденного от негативной энергии. Зыбку окуривали ладаном, вешали на ней яркие лоскутки и поддужный колокольчик, на стенках вырезали или рисовали кресты, а в изголовье прикрепляли маленькую иконку. Все это должно было способствовать ритуальному «очищению» колыбели и отпугиванию от нее злых духов.

В собрании ТМО есть 2 зыбки с изображением креста и датой. Зыбка № 5510 с резным крестом и датой «1848» поступила в 1921 году от сотрудников Тотемской библиотеки. Зыбка № НВ 8159 с крестом и датой «1906» поступила в 1998 году от Постниковой Тамары Васильевны из д. Коровинское Калининского сельского Совета.

В Архангельской, Олонецкой, Вологодской губерниях добротные деревянные зыбки нередко покрывались резьбой и росписью. Особенно четко традиция эта прослеживалась в районах расселения старообрядцев: на Пенеге, Мезени, Выге, в Верховажье, в Тотемском, Тарногском и Великоустюгском районах, на Северной Двине.

В основном в декоре зыбок преобладали растительные мотивы. Также изображались сцены из крестьянской жизни: катание на санях, смолокурение, прядение, гуляние и др. На некоторых зыбках имелись надписи с информацией о владельце, месте и времени их изготовления.

Люлька № 22459 с растительным орнаментом поступила в 1970 году от Пономаревой Александры Семеновны, 1893 года рождения, из д. Пустошь Матвеевского сельского Совета. Люлька № 22455, расписанная с 3 сторон растительным орнаментом, с 4 стороны – именная: «Сия зыбка Федора Николаевича Старовского». Она была изготовлена для него в 1887 году. Поступила в 1970 году от Старовской Анны Ивановны, бытовала в д. Пустошь Матвеевского сельского Совета.

Иногда зыбку просто покрывали слоем краски. В собрании ТМО имеются две подобные. Зыбка № 31897 поступила в 1990 году от Поповой Анны Васильевны из д. Исаево Вожбальского сельского Совета. Зыбка № 33381 поступила в 1990 году от Соболевой Анны

Дмитриевны, 1919 года рождения, из д. Мыс У-Печенгского сельского Совета.

Изначально любые узоры на люльках выполняли функцию оберегов. Младенец как существо беззащитное нуждался в них особенно сильно.

Главным достоинством люлек являлась возможность их подвешивания не только в доме, но и в поле, в лесу. Сохранилось выражение «Детей растить на березе», т. е. в подвешенной люльке.

Колыбель передавали из поколения в поколение и много малышей вырастало в одной люльке. Как только младенца отнимали от груди или рождался другой ребенок в семье, кончался его колыбельный век, тогда и клали его на общую кроватку.

Управлять зыбкой – это целое искусство: при резких движениях нового качка зыбка резко подпрыгивала, и ребенок мог вылететь наружу. Можно без преувеличения сказать, что из люлек вышла вся Россия. Все они, такие разные по виду и исполнению, имели общее назначение – пестование подрастающего поколения.

Несмотря на малое количество зыбок в коллекции ТМО, можно сделать вывод, что представлены в ней все выявленные на сегодняшний день типы (в виде деревянного ящика, лубяные, плетеные из ивы и дранки), за исключением формы в виде деревянной рамы, обтянутой холстом. Отсутствие этого типа в собрании музея позволяет предположить, что зыбки подобной конструкции не бытовали на территории бывшего Тотемского уезда.

Решетников Николай Иванович,
ФГБОУ ВО «Московский государственный институт культуры», г. Москва

НА РАЗЛОМЕ ЖИЗНИ (ПО ЛИЧНЫМ ЗАПИСЯМ КРЕСТЬЯН РУССКОГО СЕВЕРА)

«На разломе жизни» – так называются дневниковые записи пежемского крестьянина Вельского уезда Архангельской губернии Ивана Григорьевича Глотова[233]. «Разлом жизни» – это первые два десятилетия XX века. Об этом же времени повествуют в своих

[233] На разломе жизни: Дневник Ивана Глотова, пежемского крестьянина Вельского района Архангельской области, 1915–1931 / Публ. подг. М. И. Мильчик и М. А. Шумар.– М., 1997.

личных записях зырянин Иван Степанович Рассыхаев[234] из Усть-Куломы нынешней Республики Коми и Александр Алексеевич Замараев[235] из деревни Галицкой из-под Тотьмы нынешней Вологодской области.

Это драматическое время в истории России. Революции 1905–1907 и 1917 годов, Японская и Мировая войны, Гражданская война, социально-политическое переустройство общества. В крестьянском миропонимании – это «разлом жизни».

Как же понимают и воспринимают этот «разлом» крестьяне Русского Севера? Рассмотрим это, вчитываясь в строки их дневниковых записей.

Для И. Г. Глотова[236] – это полная смена образа жизни. Его повествование начинается с описания вынужденного с связи с военными событиями переезда из Петрограда в деревню в 1918 году. К тому времени он работал на металлическом заводе столицы, хорошо зарабатывал, содержал семью. Но опасность, которая нависла над городом, невероятные, с его точки зрения, революционные преобразования заставили его вместе с семьёй вернуться в деревню, откуда он когда-то призывался в армию. Это было время полного, по его убеждению, «разлома жизни». Был он преуспевающим рабочим, стал малоимущим крестьянином. Да и свою крестьянскую долю, земельный надел, должен был получить после семейных с братом споров. Жизнь в деревне налаживалась сложно. Средств для жизни не хватало. Это вынудило его на какое-то время вернуться в Петроград на завод и заработать кой-какие деньги. Дела крестьянские стали налаживаться. Человек он был предприимчивый. Часто ездил по деревням, встречался со многими людьми, наблюдал за обыденными делами крестьянской жизни. А жизнь-то была не очень радостной. Тяжёлый труд, постоянные заботы о хлебе насущном, семейный разлад... И никаких радостей, никаких счастливых дней. Характеристику крестьянских будней он не даёт. Но за строками его дневника прочитывается сложная повседневность. Иногда описываемые события связаны с острыми

---

[234] «Дневные записки» усть-куломского крестьянина И. С. Рассыхаева. 1902–1953 годы / Публ. подг. Т. Ф. Волкова, В. В. Филиппов, В. А. Семёнов / Сыктывкарский гос. ун-т, Нац. музей Республики Коми.– М., 1997.

[235] Дневник тотемского крестьянина А. А. Замараева. 1906–1922. М., 1995.– (Библиотека Российского этнографа). (В соавторстве с В. В. Морозовым; Дневник тотемского крестьянина А. А. Замараева. 1906–1922 // Тотьма: Историко-краеведческий альманах.– Вып. 2.– Вологда: Русь, 1997.

[236] Подлинник дневника И. Г. Глотова хранится в Вельском краеведческом музее Архангельской области.

конфликтными ситуациями, которые вынуждают обращаться к властям. По вопросам земельной собственности, например, он обращается с письмом непосредственно к «всесоюзному старосте» М. И. Калинину. Причём, текст письма переписывает и в дневник. «Разлом жизни» для И. Г. Глотова в том, что он, крестьянин по происхождению, став профессиональным рабочим, вынужден был вернуться в деревню и, чтобы прокормить семью, заняться тяжёлым крестьянским трудом.

Иной характер описания своей жизни в дневнике зырянина И. С. Рассыхаева[237]. Его дневник отличается от обычно заполняемых повседневных записей. Записи – порой пространные повествования сразу за несколько дней. Это с одной стороны. А с другой – размышления по поводу происходящих событий и их оценочная характеристика. Крестьянская повседневность описывается просто: вот он на пашне или сенокосе, вот строит дом, вот принимает участие в лесосплаве, вот с опасностью для жизни перевозит на лодке по реке сено... Но вот его призвали на Германскую войну, и он описывает не события как таковые, а своё их восприятие, своё место в том, что происходит вокруг. Как человек религиозный, он рассматривает всё происходящее как Божье провидение. И. С. Рассыхаев, описывая свою крестьянскую жизнь, вместе с тем рассказывает о своей общественной и просветительской деятельности. Он постоянно принимает участие в мирской и религиозной жизни: служит писарем в местной управе, пишет ходатайства за крестьян, поёт в церкви на клиросе, пишет книги по истории и географии, переводит на зырянский язык богослужебные книги, предлагает вести службу в церкви на зырянском языке. Не случайно в 1913 году его награждают медалью в честь 300-летия Дома Романовых. «Разлом жизни» начался для него при установлении советской власти. Он ещё пользуется авторитетом в своём селе. Его ещё привлекают к сотрудничеству с новой властью. Но взаимоотношения с ней становятся всё более натянутыми. Ему как бы ставят в вину приверженность к православной вере, его активное участие в церковной жизни. Записи 1920-х годов отличаются от предреволюционных лет. Они более кратки и с продолжительными хронологическим лакунами. А с 1930 года он вообще переходит на зырянский язык.

---

[237] Подлинник хранится в Сыктывкарском государственном университете Республики Коми.

Иной характер носит дневник тотемского крестьянина А. А. Замараева[238]. Это поистине энциклопедия крестьянского бытия. В нём есть всё – от записей бытового и хозяйственного характера до оценки происходящих политических событий.

В основе дневника записи о полевых и хозяйственных работах. Изо дня в день, в течение 15 лет А. А. Замараев отмечает время вспашки, посева, сенокоса, жатвы, внесения на поля удобрения, заготовки дров, состояния погоды и т. д. Записи эти дают яркую и точную характеристику крестьянского труда, его беспрерывности. Рассмотрим их подробнее.

Как человек весьма любознательный, А. А. Замараев среди неотложных дел и повседневных забот находит время и совершает путешествие в Соловецкий монастырь, посвящая этому событию целую главу своего дневника. 3 июня 1912 г. он отправился на пароходе «Зосима» по реке Сухоне в Архангельск, а оттуда на Соловецкие острова. Вернулся 18 июня. Записи каждого дня наполнены яркими впечатлениями. Он жадно наблюдал всё, что происходило вокруг. Даже ночью не пошёл в душный трюм парохода и до утра на свежем ветру любовался прелестями природы, красотами берегов и речных разливов. Будучи в Соловецком монастыре, осмотрел все памятники, оставив их описание; совершил небольшое путешествие на Голгофу, что в 27 верстах от монастыря. Интересны замечания А. А. Замараева о пристанях, городах Котласе, Великом Устюге и Архангельске. Описание этого путешествия достойно отдельной публикации. Оно является целостным художественным произведением. Правда, крестьянское начало все-таки взяло верх. К концу путешествия записи становятся всё более лаконичными. Он устал. Соскучился по крестьянской работе. Если описание его путешествия только от Тотьмы до Великого Устюга занимает полторы страницы (в варианте машинописного текста), то обратный путь от Великого Устюга до Тотьмы описывает довольно кратко: «Великий Устюг прошли того дня в три часа. Перед Устюгом сели на мель. Наконец, в Тотьму пришли 18 июня в 12 часов ночи. Шли от Архангельска 4 сутки и 6 часов. 925 верст на пароходе. Надоело»[239]. И потом с сожалением отмечает, что в работе отстал, а посему принялся навёрстывать упущенное. О своём же путешествии вспомнит потом один раз при упоминании о смерти сотоварища по паломничеству на Соловки.

---

[238] Подлинник хранится в краеведческом музее Тотемского музейного объединения Вологодской области.

[239] Здесь и далее цитируются тексты из дневника А. А. Замараева.

А. А. Замараев – типичный середняк. Обходится без наёмной силы. Сам обрабатывает пашню и огород, возделывает пшеницу, рожь, овёс, лён. Постоянно ездит на базар, регулярно называя все цены. Нередко нанимается на различные работы к соседям, возит камни и бревна на строительство в город, собирает грибы, ходит на рыбалку.

Наш крестьянин не бесстрастный наблюдатель. Ко всему у него есть своё собственное отношение. Он радуется, негодует, сожалеет, возмущается, недоумевает, восторгается – словом, непосредственно, с живым интересом реагирует на все происходящие события. А события эти разворачивались бурно, трагично, сокрушая вековечные традиции в ту переломно-разломную эпоху. Его дневниковые записи – почти готовый сценарий историко-бытового романа или художественного кинофильма. Причём, содержание дневника позволяет раскрыть и отдельные стороны крестьянского бытия, и явления общественно-политической жизни.

Как бытописатель А. А. Замараев безусловно является мастером своего дела. Его дневниковые записи вначале носят неустойчивый характер, когда лишь фиксируется состояние погоды и хозяйственные работы. Затем эти записи становятся всё более полными и насыщаются сведениями общественно-политического характера с оценкой событий, частными и общими выводами. Так, он не просто сообщает о свержении китайского императора, а приветствует революцию в Китае и с удовольствием отмечает, что теперь там будут настоящие демократические свободы. Он восторгается подвигом английского ученого Э. Дженнера, испытавшего на себе прививку оспы и тем спасшим человечество от этой жестокой болезни. Он сожалеет о гибели «Титаника», со скорбью пишет о пожаре в Тотьме, а затем о закрытии монастыря, преследовании интеллигенции большевиками, голоде и страданиях русского народа.

Самостоятельным сюжетом может быть выделено и описание событий, связанных с Первой мировой войной: «Ну уж и война тяжела. Страшное напряжение. Получено, насколько верно, известие, что здешние запасные есть убиты. Сколько крови, сколько слёз принес проклятый Гогенцоллерн Вильгельм... Сегодня унёс помазейную рубашку для отсылки вместе с другими вещами в армию... Завтра сбор ратников с трёх годов. Когда будет и конец этим мобилизациям. Вот опять слез-то».

Ежегодно в конце декабря А. А. Замараев подводит итоги прошедшего года. Например, при окончании 1914 года он пишет:

«Этот год не будет помянут добром во всех отношениях... Для всей России тревога, с 1 июля разразилась эта ужасная война, так что почти все мужское население было встревожено, а именно спросили сразу всех запасных солдат с 17 лет. Потом мобилизация ратников и набор лошадей. Затем в августе взяли опять небольшую партию ратников, а в октябре набор новобранцев и лошадей, в канун ноября – опять ратников с 909, 908 и часть с 907 г. Затем в конце декабря опять распоряжение собрать ратников к 3 января с шести годов, начиная с 902 и 907 г. Война, по-видимому, продлится долго, так как союзники твердо решили довести дело, до конца, несмотря ни на какие жертвы, и уничтожить совсем германское могущество, которое давило в последние годы всю Европу. Пусть бы мечты союзных держав осуществились в скором времени, и наступающий новый 1915 г. принёс всему миру счастье и спокойную жизнь, и осушил бы слёзы, всех разорённых и осиротевших от этой ужасной войны».

А. А. Замараев весьма любознателен. Он читает газеты, книги. Делает различные выводы от прочитанного. Интересуют его и политические события. В первой же дневниковой книжке за 1906 год он пишет: «4 июня провожали большую партию политических в Вельск, в Девятую, с красным флагом». Сам он часто бывает «на беседах» и с сожалением отмечает, что ходить на эти беседы запрещают и «обязывают подпиской». Под влиянием ссыльных и местной интеллигенции у него складывается определённое политическое настроение. Выражая недовольство царской властью, он с резким осуждением относится к большевикам во главе с «каким-то Лениным», называя их виновниками поражения на фронте. Не принимает А. А. Замараев и советскую власть, принёсшую, по его словам, разруху стране и разорение крестьянам.

Как же отражаются в его дневнике революционные события 1917 года? 1 марта появляется запись: «В Петрограде происходят какие-то важные политические события. Известий нет. Газеты не выходят». На другой день более подробная запись, более подробные, но «еще очень смутные» известия об аресте министров, чиновников и железнодорожного начальства, «которое тормозило правильному распределению продуктов в стране, стараясь вызвать бунт и несогласие». Это первая реакция А. А. Замараева, но уже чувствуется удовлетворение свершившимися событиями. 4 марта он с одобрением пишет об отречении царя от престола и создании, по его выражению, временного Учредительного правительства. 8 марта появляется первая оценка событий: «Романов

Николай и его семья низложены, находятся все под арестом и получают все продукты наравне с другими по карточкам. Действительно, оне нисколько не заботились о благе своего народа, и терпение народа лопнуло. Оне довели свое государство до голоду и темноты. Что делалось у них во дворце. Это ужас и срам! Управлял государством не Николай II, а пьяница Распутин. Сменены и уволены с должностей все князья, в том числе главнокомандующий Николай Николаевич. Везде во всех городах новое управление, старой полиции нет».

Положительно оценивая Февральскую революцию, А. А. Замараев сам включается в общественно-политическую деятельность. Он ходит на собрания, сходки, посещает заседания волостного комитета. 3 апреля он пишет: «Сегодня присяга новому правительству на рыночной площади после обедни. Народу было очень много, потому что погода была хорошая. После присяги играли «Марсельезу» и говорились речи». 18 апреля появляется ещё одна любопытная запись: «Сегодня празднуют рабочие свой праздник. По новому стилю это совпадает с 1 мая. В городе была манифестация. Это празднуют первый раз свободно в России». На другой день не менее любопытное сообщение: «У нового правительства дела так много, что ужас. Надо ездить на фронт, на фабрики, заводы, вразумлять, объяснять. Худое наследие досталось ему от старой власти». 23 апреля он пишет об открытии народного дома в гимназии и добавляет: «Теперь воля есть, чувствуют себя хорошо и весело. Некого бояться за разговоры. Был в соборе на собрании. Везде собрания и митинги».

Однако вскоре всеобщее воодушевление сменяется обеспокоенностью. 28 апреля он пишет: «Государство в опасности. И действительно, нам грозит гибель, если мы не будем доверять Временному правительству. Министры народные. Все оне люди хорошие, честные, бескорыстные. Оне действительно, искренно желают только добра и добра нашей родине. Если же оне уйдут до созыва Учредительного собрания вследствие недоверия несознательных масс (а таких уже много оказывается), то гибель России неизбежна».

Наконец, в октябре появляется ещё более тревожная запись: «26 октября в Петрограде было выступление большевиков. Часть Временного правительства арестована и находится в крепости, а Керенский с фронта идёт на усмирение советов и большевиков. Чья возьмет – не известно. Жалко бедной России, вся истерзана, разорена. Кругом смута и анархия. Твёрдой власти нет. Никто

ничего не слушает, и никто никому не подчиняется». Далее все записи безотрадные. 7 ноября: «В Петрограде опять неспокойно. Большевики сгубили всё дело. Телеграмм и газет нет. Кажется и Учредительное собрание, назначенное на 28 ноября, в срок не соберется. Везде бунты и голод».

С грустью подводит А. А. Замараев итоги 1917 г.: «Старый год кончается погромами и междоусобной войной. Мир с немцами окончательно ещё не заключен. Учредительного собрания нет. Везде смятение и голод, и гражданская война. Дело плохо. Горожане запуганы. Власти твёрдой и суда нет. Большая часть населения хочет, чтобы власть была одна – Учредительное собрание, а большевикам надо, чтобы управляли советы и народные комиссары. Но этой последней власти никто не желает и не доверяет».

Скорбь и огорчение слышатся в итоговой записи за 1918 г.: «В этом году много неурядицы, большой голод и полная разруха во всем. Большой торговли нет. Купцы все нарушены в городах, а в деревнях у крестьян отобрали хлеб и скот, и взыскана контрибуция. К весне надо ожидать больше голода, хотя этот страшной непрошенный гость давно уже свирепствует сильно в больших городах, также и у нас. В Тотьме дают только по 15 фунтов в месяц на человека, а скоро, говорят, будут давать печеным хлебом по одной четверти фунта на едока в сутки. Ну и жизнь. Зато много советских служащих. Вали, ребята. Сегодня ночью уже молебна не будет. Что-то будет через год, да и доживем ли еще. Бог знает».

До следующего 1919 года А. А. Замараев всё-таки дожил и резюмирует его так: «Кончился и этот кровавый год, но братоубийственной войне конца еще не видно. Республика советов теперь далеко раздвинула свои пределы, но везде еще встречает сопротивление. Что скажет этот, по-видимому очень тяжелый 20-й год? И утихнет ли эта кровавая бойня». Бойня не кончилась, а итоговая запись за 1920 г. гласит: «Кончился и этот 20-й год, но ничего хорошего он не принес. Народ стонет от большевизма, потому что у народу все взяли, а взамен ему ничего не дали. Везде отряды и отряды, да агенты. Завтра по-нашему наступит новый год, но надежды, на облегчение не видно».

Среди разнообразных событий А. А. Замараев красочно и эмоционально описывает лесные пожары, засухи, ярмарки, свадьбы, политические события. Но главное внимание он уделяет своему крестьянскому труду; считает, что труд крестьянина – стержень, основа всей жизни общества и именно крестьянин может оказать

помощь в выживании других слоёв общества. Когда в голодный 1921 год разорившиеся крестьяне потянулись в город в поисках заработка, он их резко осуждает, ибо в городе и так есть нечего, а крестьянин должен сам себя и других прокормить. Эта мысль – возобладание крестьянского труда над всем остальным – прямотаки пронизывает дневниковые записи. Главенство крестьянского труда над всем – вот его жизненная позиция. Войны, революции, пожары, засуха, свадьбы, похороны, большевики, советская власть – всё это значительно, порой тяжко и больно, но преходяще. Труд же крестьянина вечен. А потому как бы ни складывался путь жизни А. А. Замараева, какие бы невзгоды и тяжкие заботы ни сваливались на его плечи, он постоянно выходил в поле, пахал, сеял, собирал урожай и снова готовился к севу. И хлеб, кстати, у него всегда был, несмотря ни на стихийные бедствия, ни на сокрушительные продразверстки.

Достоверность, оригинальность, непосредственность, эмоциональность, художественная выразительность, сопереживаемость, лиричность и эпичность, лаконичность и образность – вот лишь некоторые качества дневниковых записей А. А. Замараева, являющихся уникальным источником по истории северного крестьянства.

Итак, мы рассмотрели некоторые дневниковые записи крестьян Русского Севера. Наши авторы из разных регионов и поразному освещают события переломного времени. Для них это «разлом жизни», резкий переход из одних жизненных обстоятельств в другие. Привычные условия социально-политической и хозяйственной жизни сменились новыми, во многом для крестьян неприемлемыми. Но они по своей натуре остались крестьянами-тружениками. «Разлом» общества не разломал их жизненные устои. Они по-прежнему остались верны земле-кормилице.

В своё время Ф. И. Тютчев написал замечательные строки: «Умом Россию не понять, аршином общим не измерить: у ней особенная стать – в Россию можно только верить». К этому можно добавить: народ российский надо знать, его характер не сломать. Нашим северным крестьянам тяжко было при царской власти, тяжко стало и при советской власти. Но они верили в Россию, пережили «разломное» время и продолжали трудиться на земле, создавая условия развития страны.

Савкова Ирина Сергеевна,
МБУК «Тотемское музейное объединение», г. Тотьма

ИЗ ОПЫТА КЛАССИФИКАЦИИ, СИСТЕМАТИЗАЦИИ И АТРИБУЦИИ ОБРАЗЦОВ ВЕКСИЛЛОЛОГИИ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА 1920–1930 гг. В СОБРАНИИ ТМО

Существование любого государства немыслимо без главных знаковых атрибутов – государственных символов, олицетворяющих систему его социальных и духовных ценностей, отражающих особенности исторического развития общества, его обычаи и традиции. На протяжении последних десятилетий советская символика и атрибутика оставалась без внимания ученых. В настоящее время образцы советского периода, такие как флаги, знамена, транспаранты, вымпелы вышли из обихода, но продолжают оставаться не изученными и мало представленными в научной литературе.

Главной целью настоящей исследовательской работы является классификация, систематизация и атрибуция образцов вексиллологии советского периода 1920–1930 гг. в коллекции «Ткани. Одежда. Вышивка» из собрания Тотемского музейного объединения.

Результаты этого исследования будут использованы при подготовке новой экспозиции краеведческого музея, посвященной советской эпохе. Там непосредственно будут представлены вымпелы, знамена, транспаранты, флаги с советской символикой, лозунгами и изображениями вождей, демонстрирующие приемы, которые использовались в пропаганде нового общественного строя и создании культа власти. В музейной интерпретации внимание сосредоточено на основных вехах формирования государственного устройства страны с 1922 до 1991 года, важнейших элементах политической системы СССР, общественной и частной жизни населения страны и Тотьмы. Тем самым это даст прекрасную возможность современному поколению лучше узнать историю советского периода.

Изучением знамен, флагов, вымпелов и прочих предметов подобного рода занимается вспомогательная историческая дисциплина – вексиллология[240]. В собрании МБУК «Тотемское музейное объединение» сформирована коллекция «Ткани. Одежда.

[240] Вексиллология [электронный ресурс]. URL: //https: ru.wikipedia.org/wiki/Вексиллология (дата обращения 10.01.2018).

Вышивка», в которую включены образцы вексиллологии. Она насчитывает свыше 5000 единиц хранения и начала формироваться с 1916 года, при первых поступлениях в Тотемское отделение Вологодского общества изучения Северного края (ВОИСК). В коллекции выделяется отдельная подколлекция «Знамена. Вымпелы» в количестве 116 единиц хранения. В ней представлены флаги, вымпелы, знамёна, транспаранты, почетные ленты периода коллективизации, развития соцсоревнования, движения за коммунистический труд, ударничества в годы пятилеток, а также образцы, отражающие деятельность пионерской организации и ВЛКСМ.

Мною изучены и атрибутированы образцы вексиллологии 1920–1930 гг. Выяснилось, что в коллекции этого периода представлены транспаранты (6 ед. хр.) и знамя (1 ед.). В ходе моей исследовательской работы я столкнулась с трудностями: оказалось, что данные образцы были не атрибутированы и не оцифрованы. В книге поступлений содержится мало информации, указано только название, год и от кого поступили. Все они поступили в собрание краеведческого музея в 2001 году из старых фондов. Можно сделать вывод, что на протяжении длительного периода времени находились в фондах музея невостребованными, а поступили в музей намного раньше. Согласно сведениям газеты «Рабочий леса», эти образцы были представлены в краеведческом музее на выставке, посвященной 30-летию ВЛКСМ [241].

В 1920–1930-х гг. особое значение уделялось государственной символике. Ее можно было увидеть почти повсеместно, но более всего на флагах, знаменах, вымпелах и транспарантах. Чаще всего они использовались в массовых советских праздниках, юбилейных годовщинах, митингах и демонстрациях. Они поражали воображение своим размахом и помпезностью. Для регионов существовало строгое предписание – копировать московские образцы, а за выполнением «праздничных норм» на периферии строго следила сеть специальных комитетов. Так, выпуск юбилейной литературы и издание праздничных лозунгов находились в исключительном ведении Всесоюзной центральной праздничной комиссии. Чтобы получить такое право, республикам и регионам нужно было разрешение центра. К важному празднику Политбюро утверждало канон официальных «лозунгов ЦК ВКП(б)», распространявшихся по внутренним каналам праздничных комиссий

[241] Иванов П. Выставка к тридцатилетию ВЛКСМ // Рабочий леса. 1948. 28 октября.

и через официальные печатные органы. В тот непростой период руководство прекрасно понимало необходимость правильной мотивации людей, вследствие чего имели место многочисленные агитационные лозунги.

В Тотьме, как и во всей стране, с 1918 года торжественно праздновалась годовщина Великой Октябрьской социалистической революции. Такой исторический момент хорошо демонстрируют сохранившиеся фотографии в собрании Тотемского музейного объединения[242]. На них изображены многочисленные массы людей, держащие флаги, знамена, транспаранты с лозунгами, символами и изображениями видных политических деятелей. Поскольку в феврале 1918 года в России был введен григорианский календарь, первая же годовщина стала отмечаться 7 ноября (25 октября по старому стилю)[243].

Большой популярностью и значимостью на массовых собраниях людей с 1920–1930 гг. пользовались транспаранты. Транспарант – широкая полоса материи с лозунгом или изображением обычно использовался на демонстрациях, акциях, митингах, посвященных знаковым праздникам и юбилейным датам. Чаще всего полотнище было прямоугольной формы с преобладанием длины над шириной, обычно одинарное. Иногда его натягивали между двумя древками.

В коллекции представлены транспаранты и знамя, отображающие различные события, происходившие в Тотьме и в стране: начало индустриализации страны, развитие сельского хозяйства, всеобщая коллективизация.

– Транспарант «Хлеб городу Тотемским Уисполкому, УКОМУ ВКП (б)и XVI съезду от трудящагося крестьянства Верх-Кокшенгской... 22 марта». 1919–1930 гг. (Рис. 1)

Анализируя сюжет и надписи данного транспаранта, можно сделать выводы, что он является агитационным и призывает к союзу рабочего класса с крестьянством при руководящей роли рабочего класса. Такой союз сложился и упрочился в нашей стране в ожесточенной борьбе «против эксплуататорских классов – капиталистов, помещиков и кулаков». Руководство рабочего класса и его партии обеспечило перевод индивидуальных крестьянских хозяйств на рельсы крупного колхозного земледелия и ликвидацию

---

[242] Фотография «Демонстрация трудящихся, посвященная 1-й годовщине Октябрьской социалистической революции» ВХ ЭФЗК – 2104.

[243] День Октябрьской революции 1917 года 7 ноября [электронный ресурс]. URL: http://tass.ru/info/2413236 (дата обращения 06.01.2018).

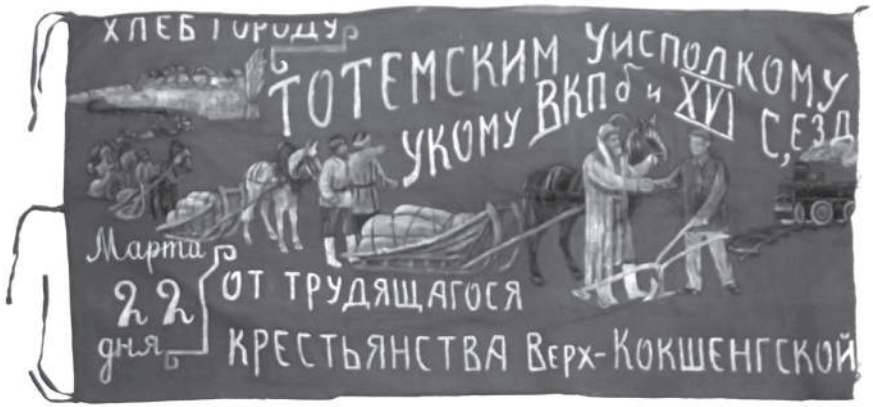

Рис. 1.
Транспарант «Хлеб городу Тотемским Уисполкому, УКОМУ ВКПб и XVI съезду от трудящагося крестьянства Верх-Кокшенгской... 22 марта».
1919–1929 гг. Ткань хлопчатобумажная, краска, шитье, роспись. 120×61 см. Поступил в Тотемский краеведческий музей в 2001 г. из старых фондов. ТМО-36991 ТОВ-1190

последнего и самого многочисленного эксплуататорского класса – кулачества. На полотне имеются значимые надписи, которые могут о многом рассказать. Одной из главных задач с первых дней установления Советской власти в Тотьме стала борьба за хлеб. В тот период свое недовольство проявляли особенно крестьяне, т.к., ни старые, ни вновь организованные органы власти не могли разрешить злободневные проблемы, волновавшие жителей города и уезда. Горожане испытывали затруднения с продовольствием. Рост цен на продукты питания, начавшийся в первые годы мировой войны, продолжался. В городе и деревнях ощущался острый недостаток промышленных товаров. Но ни земская, ни городская управы, ни созданный в мае 1917 года Союз кооператоров не в состоянии были остановить этот процесс. Этот вопрос поднимался и на съезде Советов Верхнекокшенгской волости[244].

Транспарант был приурочен к XVI съезду Всесоюзной коммунистической партии (большевиков), который проходил в Москве с 26 июня по 13 июля 1930. Сталин призвал выполнить Первую пятилетку в четыре года и перечислил главные задачи развития

[244] Соболев И.А. Тотьма.– Архангельск: Северо-Западное кн. изд., 1987. С. 102.

страны. В собрании Тотемского музейного объединения находится фотография, на которой изображена демонстрация в Тотьме с транспарантами в честь XVI Уездного съезда Советов[245].

Тотемский УКОМ ВКП(б) существовал с 1919 по 1929 гг. согласно данным Вологодского областного архива новейшей политической истории (Ф. 259, 1039 ед. хр., 1918–1929). Образован 5 января 1919 г. на первой уездной конференции РКП(б). Ликвидирован в 1929 г. в связи с упразднением одноименного уезда Вологодской губернии. Подчинялся Вологодскому губкому партии[246]. Отсюда можно сделать вывод, что данный транспарант бытовал в 1919–1929 гг.

Следующим образцом является знамя. Состоит из полотнища (куска ткани) определённого размера и цвета, прикрепленного к древку с металлическим навершием в виде копья.

– **Знамя «XVIII съезду советов от крестьян Заборской волости»,** 1939 г.

Ткань, краска, жесть, дерево, печать, столярная работа, слесарная обработка. 121х136х80 см. ТМО-37005

Полотно сшито из ткани красного цвета, на лицевой стороне надпись белого цвета: «18-му с'езду советов от крестьян Заборской вол.», в центре изображение серпа и молота. Полотнище укреплено на деревянном древке, завершается в верхней части фигурным навершием из жести.

Заборская волость входила в состав Тотемского уезда (в настоящее время это Тарногский район). XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) – очередной высший партийный форум проходил в Москве 10–21 марта 1939 года. Съезд утвердил третий пятилетний план развития народного хозяйства СССР, подвёл итоги переходного периода от капитализма к социализму и наметил курс для создания условий перехода к коммунистическому строительству.

В коллекции представлены виды транспарантов разных городских союзов и организаций. После февраля 1917 года в Тотьме, как и в других городах, стали возрождаться старые и создаваться новые профессиональные союзы, среди которых выделяют союз рабочих-металлистов, деревообделочников, совработников. Они ставили своими целями: выяснение и согласование экономических и правовых интересов, улучшение условий труда, материальную

---

[245] Фотография «XVI съезд Советов в г. Тотьма». ВХ ЭФЗК-2105.

[246] Путеводитель по фондам Вологодского областного архива новейшей политической истории «Уездные комитеты (укомы) ВКП(б) [электронный ресурс]. URL: https://new.rusarchives.ru›guide/voanpi/7uk.shtml (дата обращения 06.01.2018).

помощь, а также содействие умственному, профессиональному и моральному развитию своих членов. Помимо уставных целей, активные члены этого союза преследовали и другие задачи, активно интересуясь политическими вопросами. Таким образом, профсоюзные организации, как и по всей стране, возникли из необходимости борьбы трудящихся за свои экономические права. Репрессии и ограничения со стороны властей подталкивали профсоюзы к политическим выступлениям. Интересные сведения о профсоюзной работе содержатся в протоколах заседаний фракций РКП (б) – с 1925 г. ВКП (б) при уездных профсоюзных бюро. По этим документам можно проследить, какие проблемы стояли перед Тотемским уездным отделением Всероссийского союза. «Союзы должны стать инициаторами коллективизации, своим участием в колхозах, коммунах и т. п. заражать этим крестьянство, поднимать его активность и тем самым способствовать успешности выполнения задач»[247].

– **Транспарант «Тотемский местком союза металлистов».** 1925–1928 гг.

Ткань, краска, дерево, шитье ручное, печать, роспись. 158х 129 см. ТМО-37006.

Сшит из полотна красной ткани, двойной, прямоугольной формы. Сверху и снизу прострочен карман, в который вставлен деревянный стержень с фигурными навершиями и одной кистью. На полотне по периметру надпись печатными буквами белого цвета: «Тотемский местком союза металлистов». В центральной части полотна в овале на желтом фоне изображен стоящий в рост мужчина в 3/4 развороте вправо, в рабочей одежде с поднятыми вверх руками. В левой руке держит лопасть самолета, в правой – тиски с куском металла. На заднем плане изображение доменной печи с огнем, сплошной стены с башней, слева – заглавные буквы: «ВСРМ», внизу – различные детали техники.

Всероссийский учредительный съезд союзов рабочих металлистов существовал с 1918 г. по 1928 г. Затем союз рабочих металлистов был разделен на семь союзов.

– **Транспарант «Союз рабочих деревоотделочников».** 1920–1929 гг.

Ткань, краска, шитье машинное, печать. 139х123 см. ТМО-37004.

---

[247] Карпов С. Г. Очерки истории профсоюзного движения в Вологодской области / С. Г. Карпов, Л. С. Панов [электронный ресурс]. URL: http://umcvofp.ru/data/documents/Profsouzy.pdf (дата обращения 06.01.2018).

На лицевой стороне в верхней части надпись печатным шрифтом желтого цвета: «Вологодский Губотдел союза рабочих Деревообделочников». В центре стилизованное изображение советских символов деревообрабатывающей промышленности в круге: циркуль, станок с пилой, угольник и надпись: «Пролетарии всех стран соединяйтесь! № 6 Тотемский Лесозавод «Коммунар»», снизу надпись: «Да Здравствует Красный Профинтерн». На оборотной стороне надпись желтой краской: «Через индустриализацию к социализму! Старые заводы пущены – начнем строить новые!» Союз рабочих деревообделочников в Тотьме был организован 1 октября 1920 г. и существовал до 1924 года[248].

– **Транспарант «7-му уездному съезду РЛКСМ от производственной ячейки РЛКСМ при Тотемском лесозаводе «Коммунар»». 1926 г.**

Сатин, краска, шитье, печать. 137х97 см. ТМО-37007.

Полотно сшито из ткани красного цвета, одностороннее, прямоугольной формы, к верхнему краю пришита тесьма для подвешивания, сверху и снизу прострочен карман, в который вставлена деревянная круглая палка. В верхней части золотистой краской надпись: «7-му Уезд. СЪЕЗДУ Р.Л.К.С.М.» (Районный Ленинский коммунистический союз молодёжи), в центре изображение значка комсомола в виде флага со звездой и три буквы «КИМ» (Коммунистический Интернационал Молодежи), с двух сторон украшен растительным орнаментом. Внизу надпись: «От производственной ячейки Р.Л.К.С.М. при Тотемском лесозаводе «Коммунар» и стилизованное изображение этого завода. В 1924 году РКСМ было присвоено имя В. И. Ленина – Российский ленинский коммунистический союз молодёжи (РЛКСМ). После образования в 1922 году СССР в марте 1926 года РЛКСМ был переименован во Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодёжи (ВЛКСМ). Транспарант к 7 съезду, который проходил 11–22 марта 1926 года. Анализируя надписи, можно сделать вывод, что в период бытования 1926 г. комсомол играл большую роль в выполнении поставленных партией задач по восстановлению народного хозяйства, по индустриализации и коллективизации, по проведению культурной революции.

– **Транспарант «Да здравствует единство профдвижения под руководством III коминтерна. Тотемский союз совработников».** 1917–1924 гг.

---

[248] «История Тотемского союза рабочих деревообделочников». ТМО. НА 202.

Ткань хлопчатобумажная, краска, шитье, роспись. 211х135 см. ТМО-36992.

Транспарант сшит из ткани красного цвета прямоугольной формы. На поверхности полотна надпись белого цвета: «Да здравствует единство профдвижения под руководством III Коминтерна. Тотемский союз совработников». В центре цветное изображение стилизованных символов коминтерна в виде венка с предметами: чернильница с пером, счеты, листы бумаги, лента белого цвета с заглавными буквами «В.С.Я.С.О.Т.Р.», внизу – шестиугольник красного цвета и серп с молотом желтого цвета. Тотемский союз совработников существовал с 1917 г. по 1924 гг. согласно краткому очерку истории Тотемского отделения Всепрофсоюза совработников[249].

3-й конгресс Коминтерна наметил программу перестройки коммунистического движения в соответствии с требованиями нового этапа мирового развития. Единодушно утвердил разработанные под руководством В. И. Ленина тезисы о тактике. Коммунистический Интернационал (Коминтерн, 3-й Интернационал) – международная революционная пролетарская организация, созданная в соответствии с потребностями и задачами революционного рабочего движения на первом этапе общего кризиса капитализма, существовала с 1919 по 1943 г.

В 1920-е годы центром культурной жизни города стал клуб имени III Интернационала (бывшее общественное собрание, впоследствии – дом пионеров, детская библиотека; в 2017 г. здание сгорело). С весны 1924 года в клубе стали демонстрироваться кинофильмы, а с 1926 года при клубе была создана первая в уезде кинопередвижка. Но демонстрацией фильмов не ограничивались: при клубе продолжал работать городской драмколлектив, созданный интеллигенцией еще в предреволюционные годы[250].

– **Транспарант «Работницы, крестьянки! Смыкайте ряды под знаменем коммунизма!»** 1924–1930 гг. (Рис. 2). С агитационным лозунгом, который был распространен с 1924 г., это подтверждает цитата из собрания сочинений И. В. Сталина 7 тома от 5 января 1925 года[251].

---

[249] «Краткий очерк истории Тотемского отделения Всепрофсоюза совработников». ТМО. НА 208.

[250] Соболев И. А Тотьма.– Архангельск: Северо-Западное кн. изд., 1987. С. 106.

[251] Сталин И. В. Полное собрание сочинений.– Том 7.– [электронный ресурс]. URL: https: //studopedia.su/ 1896569 rabotnitsi-i-krestyanki-pomnite-i-vipolnyayte-zaveti-ilicha.html (дата обращения 06.01.2018).

Рис. 2.
Транспарант «Работницы, крестьянки!
Смыкайте ряды под знаменем коммунизма!» *1920–1930 гг.*
Ткань хлопчатобумажная, краска, роспись. 190×101 см. Поступил в Тотемский краеведческий музей в 2001 г. из старых фондов. ТМО-37003 ТОВ-1197

Наибольший интерес и историческую ценность вызывает образец **«Платок агитационный с портретом В. И. Ленина»** (по рисунку Н. С. Демкова) Государственный Владимиро-Александровский трест хлопчатобумажных фабрик ВСНХ СССР, 1925 год. Ситец, краска, фабричный, печать. 77х75 см. Поступил в Тотемский музей в 2008 г. из старых фондов. ТМО НВ-10014. (Рис. 3)

В центре композиции изображен В. И. Ленин, в углах помещены четыре портрета вождей революции: К. Маркс, Ф. Энгельс, М. И. Калинин и Л. Д. Троцкий. Надпись: сверху – Государственный Владимиро-Александровский Трест хлопчатобумажных фабрик; снизу – Делегатам 1-го Всесоюзного Учительского Съезда. Москва 12-го января 1925 года.

Этот образец может рассказать об исторических событиях того времени. Такой агитационный платок с портретом В. И. Ленина пропагандировал коммунистические идеалы. Был выпущен в 1924 году после смерти вождя по эскизам художника Н. С. Демкова ограниченным тиражом для депутатов 1-го Всесоюзного учительского съезда 1925 года, являлся памятным подарком делегатам.

Рис. 3.
«Платок агитационный с портретом В. И. Ленина» *(по рисунку Н. С. Демкова). 1925 год. Государственный Владимиро-Александровский трест хлопчатобумажных фабрик ВСНХ СССР. Ситец, краска, фабричный, печать. 77×75 см. Поступил в Тотемский краеведческий музей в 2008 г. из старых фондов. ТМО НВ-10014*

Подобных памятных «агитационных платков» было выпущено всего полторы тысячи на фабрике Государственного Владимиро-Александровского треста хлопчатобумажных фабрик ВСНХ СССР. В 1927 году после исключения Л. Д. Троцкого из партии и изгнания из страны его как врага народа хотели вычеркнуть из истории, поэтому почти на всех платках этой партии его портрет был вырезан или закрашен чернилами. На этом образце хорошо видно, что портрет Л. Д. Троцкого был закрашен черной краской.

Например, в Новочеркасском музее истории донского казачества Ростовской области портрет Л. Д. Троцкого был вырезан и разделен на мелкие фрагменты, сохранена была только красная звезда с буденовки Троцкого, которую нашили над вырезанным

клеймом. Неизвестные музейные хранители, не боясь «расстрельной» статьи и обвинения в троцкизме, сохранили 24 фрагмента. Впоследствии это позволило реставраторам восстановить целостность платка[252].

Местное население активно принимало участие в массовых мероприятиях. Для горожан подлинно народным праздником стали выборы в Верховный Совет РСФСР в 1938 году. Эти значимые события обсуждались в местной газете «Рабочий леса», а также иллюстрировались известными плакатами – плакат «Все на выборы в Верховный Совет РСФСР» – работа художника В. Стренберга, выпущен Изогизом[253]. В коллекции сохранился образец вышивки с таким лозунгом.

Рис. 4.
Вышивка «Все на выборы в Верховный Совет РСФСР». *1938 г. Вологодская обл., г. Тотьма. Ткань (лен, хлопок), нитки хлопчатобумажные, ручной, вышивка. 64×43 см. Поступила в Тотемский краеведческий музей в 1940 г. из старых фондов музея. ТМО-7248 ТОВ-1163*

– **Вышивка «Все на выборы в Верховный Совет РСФСР».** 1938 г. Вологодская обл., г. Тотьма. Ткань (лен, хлопок), нитки хлопчатобумажные, вышивка. 64х43 см. Поступила в краеведческий музей в 1940 г. из старых фондов музея. ТМО-7248 (Рис. 4).

---

[252] Платок агитационный с портретом В.И.Ленина [электронный ресурс]. URL: http://www.grabar.ru/ data/catalogue/cloth/platok_agitacionniy_s_portretom_lenina/index.php (дата обращения 06.01.2018).

[253] 26 июня – выборы в Верховный Совет РСФСР // Рабочий леса.– 1938.– № 106 от 14.06.1938 г.

Полотно прямоугольной формы, по периметру – рамка из красных ниток. Сверху по краям вышиты красными нитками контуры двух звезд, ниже флаг, в центре герб РСФСР из серых ниток с серпом и молотом из красных ниток, вокруг его по семь колосьев желтого цвета, внизу на ленте серого цвета надпись синими нитками: «Пролетарии всех стран соединяйтесь». В нижней части полотна на красном фоне в две строчки вышита надпись желтыми нитками «Все на выборы в Верховный Совет РСФСР!» и контур звезды красными нитками.

Выборы в Верховный Совет РСФСР состоялись 26 июня 1938 года. 5 декабря 1936 года была принята Конституция СССР. В соответствии с ней предстояло организовать и провести выборы в новые Советы всех уровней, начиная с местных Советов и заканчивая Верховным Советом СССР.

В собрании представлена вышивка с изображением известного политического деятеля – И. В. Сталина. **Вышивка «Великий вождь народа – Сталин».** Поступила в Тотемский краеведческий музей в 1940 г. из старых фондов. ТМО-7249. Ткань (лен, хлопок), нитки хлопчатобумажные, вышивка ручная. 82х52,2 см. На полотне прямоугольной формы вышито оплечное изображение вождя, внизу надпись: «Великий вождь народа И. В. Сталин». По периметру полотна оформлена рамка из красных ниток. В Советском Союзе его изображение было везде и всюду. Можно предположить, что ничто не происходило без пристального взгляда гипсового, бронзового, нарисованного или вышитого сталинского ока.

Таким образом, изучив данную коллекцию, можно сделать выводы:

– Во всех образцах советского периода преобладает красный цвет. В советский период красный цвет – предельно идеологизирован. Красный цвет государственного флага СССР – цвет крови и огня. Это – традиционный цвет и символ имперской власти и великих империй. Красная рубаха считалась самой нарядной. Словом «Красная» (площадь, девица и т. д.) обозначалась высшая степень оценки. Русские воины древности в бою надевали красные рубахи, чтобы не было видно их ранений, и враг не мог испытывать радость от того, что он пролил кровь русского витязя.

– Образцы вексиллологии, такие как транспаранты и знамена 1920–1930 гг., использовались в советских массовых праздниках (государственных или революционных). Для них были характерны следующие формы: шествия, митинги, демонстрации, военные парады, летучие концерты на грузовике, автомобиле или повозке.

Подобное празднество создавало особую атмосферу открытости и публичности. Такие советские массовые праздники с использованием данной символики и атрибутики были призваны воодушевлять людей, собирать их вместе, объединяя одной идеей, зафиксированной в десятках лозунгах и символах, способных пленить ум и сердце, а также мобилизовать на необходимые трудовые свершения.

– Использование исторических транспарантов и лозунгов в современных музейных экспозициях, посвященных советскому времени, позволяют повысить их аттрактивность и дать возможность современному посетителю испытать на себе силу и массовый характер агитационной пропаганды советского государства.

Фирсова Наталья Игоревна,
МБУК «Тотемское музейное объединение», г. Тотьма

НАГРАДЫ СССР В КОЛЛЕКЦИЯХ ТОТЕМСКОГО МУЗЕЙНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ (ДОВОЕННЫЙ ПЕРИОД)

В собрании Тотемского музейного объединения находится чуть более 400 орденов и медалей советского периода. Большая часть наград связана с событиями Великой Отечественной войны. Но есть и награды за различные достижения в мирные годы. В настоящей статье мы рассматриваем награды, учрежденные до 1941 года, так как ограничены объемом публикации. Всего их 88 единиц, тогда как лиц, ими награжденных, на много меньше – 55 человек. Это объясняется тем, что многие тотьмичи награждались ими дважды или трижды. Поступали награды в музей, в основном, в 1950–1970-е годы и передавались самими награжденными. Имеются единичные случаи поступления наград уже и в XXI веке – от наследников (жен, детей) по решению Наградной комиссии при Президенте РФ.

Настоящему докладу предшествовала большая предварительная работа по выявлению наград, т. к. хранятся они в разных коллекциях («Нумизматика и фалеристика», «Металл драгоценный»), их систематизации, фотофиксации, идентификации. В результате были сделаны выводы о том, что в процессе бытования награды видоизменялись. При изучении, атрибуции и научном описании наград из собрания музея приходилось выявлять специфические

черты образцов, характерных для того или иного времени. Эти отличия были положены в основу типологизации. Некоторые образцы из нашего собрания выходят за рамки хронологических границ исследования. Это связано с тем, что несмотря на то, что учреждены они были в довоенный период, наши земляки награждались ими позднее.

История наградной системы СССР начинается с 1918 года, когда Всероссийский центральный исполнительный комитет учредил первый советский орден – **орден Красного Знамени РСФСР**. С 1924 года этот орден стал общим для всех республик образованного 30 декабря 1922 года Союза Советских Социалистических Республик (СССР). В декабре 1920 г. Восьмым Всероссийским съездом Советов был учрежден **орден Трудового Красного Знамени РСФСР**. В апреле 1930 г. Президиум ЦИК СССР учредил высшую награду страны – **орден Ленина** и еще одну военную награду – **орден Красной Звезды**. В ноябре 1935 года Постановлением ЦИК СССР учреждена новая награда – **орден «Знак Почета»**, вручавшийся за высокие достижения в производстве, научно-исследовательской, государственной, социально-культурной, спортивной и иной общественно полезной деятельности, а также за проявления гражданской доблести.

В коллекции есть эти ордена:

Орден Красного Знамени (10 экз.) Был учрежден для награждения военнослужащих, сотрудников МВД и КГБ, других граждан Советского Союза и зарубежных стран за их особые заслуги по защите отечества. Им награждались за личное мужество в боевой обстановке, при обеспечении государственной безопасности, выполнение специальных заданий, выдающееся руководство военными операциями. Награждённым вторично знак вручается с цифрой 2 и так далее, в зависимости от того, каким по счёту производится награждение.

Варианты ордена делятся на четыре основных типа. Наши ордена относятся к III типу: 1943–1951 гг. «Подвесной. Круглый».

В центре ордена помещён круглый знак, покрытый белой эмалью, обрамлённый золотым лавровым венком. Внутри знака изображены золотые серп и молот. Под ним – три луча перевёрнутой красной звезды, под которой перекрещиваются молот, плуг, штык и красное знамя с надписью: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Снаружи орден обвит золотым лавровым венком, на котором помещена красная лента с надписью «СССР». Орден Красного Знамени изготовлялся из серебра. Высота ордена – 40 мм, шири-

1. Орден Красного Знамени. 2. Орден Трудового Красного Знамени. 3. Орден Ленина. 4. Орден Красной Звезды. 5. Орден «Знак Почета»

на – 36,3 мм. Орден при помощи ушка и кольца соединён с пятиугольной колодкой, обтянутой красной шёлковой муаровой лентой с широкой белой полосой посредине и узкими белыми полосами по краям, как в нашем случае.

Награжденные тотьмичи[254]: Андреев Аркадий Григорьевич, полковник, один из первых строителей города Красноярска (его именем названа улица в Красноярске) (трижды), Расторгуев Феодосий Феодосьевич – генерал-майор, военный комиссар Ленинграда в годы Великой Отечественной войны (дважды), Белоусов Петр Федорович – подполковник (дважды), Осовской Алексей Григорьевич, Капустин Александр Григорьевич, Шумов Афанасий Петрович.

Орден Трудового Красного Знамени (3 экз.) Награждали орденом за большие трудовые заслуги перед Советским государством и обществом в области производства, науки, культуры,

[254] Приводятся фамилии лишь тех тотьмичей, награды которых были переданы в Тотемское музейное объединение и находятся в его собрании.

литературы, искусства, народного образования, здравоохранения, в государственной, общественной и других сферах трудовой деятельности.

Варианты ордена делятся на шесть основных типов. Наши ордена относятся к IV типу: начало 1950-х – начало 1960-х гг. «Подвесной. Средний овал».

Знак ордена состоит из пяти частей. Первой, основной частью ордена является зубчатая шестеренка с изображением гидроэлектростанции на ней и надписью «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Вторая – эмалевое красное знамя с надписью «СССР», объединённое с округлым позолоченным венком из дубовых листьев и крепится к основной части посредством трёх заклепок. Третья – позолоченные колосья пшеницы, перевитые посередине лентой. Эти колосья наложены на зубчатую шестеренку у нижней её границы и крепятся при помощи двух заклепок. Четвёртая часть ордена – небольшая эмалевая красная звездочка, наложенная на позолоченные колосья пшеницы. Она крепится с помощью одной заклепки. Последняя, пятая часть ордена представляет собой позолоченные серп и молот, крепящиеся в центре основы двумя заклепками. Орден при помощи ушка и кольца соединён с пятиугольной колодкой, покрытой шёлковой муаровой лентой шириной 24 мм, посередине ленты продольная белая полоса шириной 16 мм, по краям две синие полоски шириной по 1,5 мм.

Награждены: Мезенев Анатолий Михайлович, Котова Евдокия Афанасьевна, Маракова Дарья Васильевна.

Орден Ленина (12 экз.) Вручается лицам, удостоенным звания Героя Советского Союза, звания Героя Социалистического Труда, а также городам и крепостям, которым присвоены соответственно звание «Город-герой», звание «Крепость-герой». Носится на левой стороне груди и при наличии других орденов СССР располагается перед ними.

Варианты ордена Ленина, вручённые награждённым, можно разделить на четыре основных типа. У нас ордена относятся к IV типу: представляет собой знак, изображающий портрет-медальон В. И. Ленина из платины, помещённый в круг, обрамлённый золотым венком из колосьев пшеницы. Тёмно-серый эмалевый фон вокруг портрета-медальона гладкий и ограничен двумя концентрическими золотыми ободками, между которыми проложена рубиново-красная эмаль. На левой стороне венка помещена пятиконечная звезда, внизу – серп и молот, справа в верхней части венка – развернутое полотнище красного знамени. Звезда, серп и

молот и знамя покрыты рубиново-красной эмалью и окаймлены по контуру золотыми ободками. На знамени надпись золотыми буквами «ЛЕНИН». Орден при помощи ушка и кольца соединён с пятиугольной колодкой, покрытой шёлковой муаровой лентой шириной 24 мм, посередине ленты продольная красная полоса шириной 16 мм, по краям средней полосы две золотистые полоски шириной по 1,5 мм, затем две красные полоски по 1,5 мм и две золотистые полоски шириной по 1 мм.

В коллекции ордена учителей, работников лесного и речного хозяйства, военных: Андреева Аркадия Григорьевича (дважды), Белоусова Петра Федоровича, Расторгуева Феодосия Феодосьевича, Капустиной Анны Алексеевны, Заслоновского Степана Федоровича, Юрзиной Варвары Ивановны, Трифанова Феодосия Дмитриевича, Титовой Манефы Александровны, Перевязкина Александра Алексеевича, Елисеева Владимира Васильевича, Куницына Александра Михайловича.

Орден Красной Звезды (16 экз.) Вручался военнослужащим Советской Армии, Военно-Морского Флота, пограничных и внутренних войск, сотрудникам органов Комитета государственной безопасности СССР, воинским частям, военным кораблям, соединениям и объединениям, предприятиям, учреждениям, организациям за большие заслуги в деле обороны СССР как в военное, так и в мирное время, в обеспечении государственной безопасности.

Варианты ордена можно разделить на семь основных типов. У нас ордена относятся к VI типу: «Монетный двор» 1941–1954 гг. Представляет собой покрытую рубиново-красной эмалью пятиконечную звезду. В середине ордена помещён щит с изображением фигуры красноармейца в шинели и будёновке с винтовкой в руках. По ободу щита расположена надпись «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», в нижней части обода – надпись «СССР». Под щитом находится изображение серпа и молота. Щит, изображение красноармейца, надпись, серп и молот, а также края звезды – оксидированы. На оборотной стороне знак имеет нарезной штифт с гайкой для прикрепления ордена к одежде.

Награжденные земляки: Бугаев Федор Васильевич, Булычев Лука Яковлевич, Волков Александр Михайлович, Гладков Вячеслав Васильевич, Женихов Алексей Васильевич, Крысанов Феодосий Михайлович, Кузнецов Феодосий Федорович, Лобода Иван Николаевич, Лукин Андрей Иванович – награжден трижды, Малевинский Василий Андреевич, Мальцев Николай Кузьмич, Медведев Петр Александрович, Мишуринский Александр Иванович, Никитников

Иван Афанасьевич, Осовской Алексей Григорьевич, Пугинский Василий Иванович, Расторгуев Феодосий Феодосьевич, Рычков Юрий Пантелеймонович, **Харина Зоя Ивановна,** Чащин Всеволод Васильевич, Чурин Валентин Михайлович.

Орден «Знак Почета» (1 экз.). Награждали орденом за высокие достижения в производстве, научно-исследовательской, государственной, социально-культурной, спортивной и иной общественно полезной деятельности, а также за проявления гражданской доблести граждан СССР, предприятия, объединения, учреждения, организации, районы, города и другие населённые пункты.

Варианты ордена можно разделить на четыре основных типа. У нашего ордена третий тип: «Подвесной плоский» 1943–1955 гг. Имеет форму овала, обрамленного по бокам дубовыми ветками. В центре его помещены фигуры рабочего и работницы, несущих симметрично расположенные слева и справа от них знамёна с надписью «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», в верхней части ордена расположена пятиконечная звезда, под которой на фоне знамён находится рельефная надпись «СССР». В нижней части ордена помещена рельефная надпись «ЗНАК ПОЧЁТА». Знамёна и звезда покрыты рубиново-красной эмалью и окаймлены по контурам позолоченными ободками. Древки знамён и надписи позолочены, дубовые ветви, нижняя часть ордена и его общий фон оксидированы. Орден при помощи ушка и кольца соединяется с пятиугольной колодкой, обтянутой шёлковой муаровой лентой светло-розового цвета с двумя продольными оранжевыми полосками по краям. Ширина ленты – 24 мм, ширина полосок по 4 мм. Крепление – булавка.

Орден в нашей коллекции один – Кузнецова Феодосия Федоровича (1907–2003), участника Великой Отечественной войны, заслуженного учителя РСФСР, отличника народного просвещения.

Награждены орденом многие наши земляки (это выяснилось при изучении коллекции «Фотонегатека», так как в собрании имеются фотографии награжденных этим орденом): Трофимова Ольга Андреевна, учитель начальных классов Пятовской начальной школы; Брагин Александр Иванович, работник леса; Казаринов Николай Михайлович, водитель Тотемского автотранспортного предприятия, Селивановский Павел Иванович, заслуженный работник связи. А также доярки, телятницы, рабочие колхозов и совхозов, рабочие леса, заведующий клубом, почтальон, тракторист и др.: Колпакова Р. Д., Юрманова В. Н., Меньшиков Б. В., Рычкова Г. Н., Брагина А. В., Цикина Е. В., Самыловская Л. В., Плигин Н. Н., Колачи-

ков П. К., Микляева В. П., Прокошева А. В., Лебзинова Г. М., Ануфриева А. Н., Воробьев В. С., Воробьев И. В., Воробьев В. А., Цуварева Н. Н., Селиванов А. А., Пешков И. М., Творилов П. В., Копытова Г. А., Ившукова Л. И., Кувакин Д. Г., Петухов В. Г., Дулепова Н. И., Семаков А. М., Чтян Ш. К., Власов А. П., Симанов П. Ф., Суханинский Н. В., Жданова А. И., Абанин С. А., Колесник Ф. Н.

Первой советской медалью стала **юбилейная медаль «XX лет Рабоче-Крестьянской Красной Армии»**, учреждённая 24 января 1938 года. До этого учреждались только ордена и высшая степень отличия – звание Герой Советского Союза. Первые боевые медали «За отвагу» и «За боевые заслуги» были учреждены 17 октября 1938 года для награждения участников боёв у озера Хасан. 27 декабря того же года были учреждены медали за мирные заслуги – «За трудовую доблесть» и «За трудовое отличие». Завершает довоенный период учреждение двух медалей, которые не вручались самостоятельно, а были знаками особого отличия – медаль «Золотая Звезда» и золотая медаль «Серп и Молот».

1. Медаль юбилейная «XX лет Рабоче-Крестьянской Красной Армии».
2. Медаль «За отвагу». 3. Медаль «За боевые заслуги».
4. Медаль «За трудовую доблесть». 5. Медаль «За трудовое отличие»

Юбилейная медаль «XX лет Рабоче-Крестьянской Красной Армии» (3 экз.) вручалась кадровым военным, занимавшим командующие и руководящие должности в армии и флоте, имевшим выслугу не менее двадцати лет, то есть состоявшим в рядах Советских Вооружённых сил со дня их создания. Сюда включались также годы службы в Красногвардейских дружинах и в партизанских отрядах, сражавшихся с врагами государства.

Медаль имеет форму правильного круга диаметром 32 мм. Поверхность круга матовая, а ободка (шириной в 2,5 мм) – блестящая. На лицевой стороне круга помещена пятиконечная красная эмалевая звезда с серебряной окантовкой. Внизу круга, между нижними лучами звезды, расположена позолоченная цифра «XX» высотой 8 мм и шириной 7 мм. Основание цифры упирается в верхний край ободка. На оборотной стороне медали изображена фигура стреляющего из винтовки красноармейца высотой в 25 мм, одетого в зимнюю караульную форму, внизу правее фигуры красноармейца дата: «1918–1938». Медаль при помощи ушка и кольца соединяется с пятиугольной колодочкой, обтянутой шёлковой муаровой лентой серого цвета с двумя продольными красными полосками по краям. Ширина ленты – 24 мм, ширина полосок по 2 мм. Такую форму колодка приобрела после 1943 года.

Награды в фонде: Андреева Аркадия Григорьевича, Расторгуева Феодосия Федоровича, Белоусова Петра Федоровича.

Медаль «За отвагу» (17 экз.) вручалась за личное мужество и отвагу, проявленные при защите Отечества и исполнении воинского долга.

Медаль серебристого цвета, имеет форму круга диаметром 37 мм с выпуклым бортиком с обеих сторон. На лицевой стороне медали в верхней части изображены три летящих самолёта. Под самолётами помещена надпись в две строки «За отвагу», на буквы наложена красная эмаль. Под этой надписью изображён стилизованный танк Т-35. В нижней части медали надпись «СССР», покрытая красной эмалью. На реверсе (оборотной стороне) – номер медали. Медаль при помощи кольца крепится к пятиугольной колодке, обтянутой шёлковой муаровой лентой. Лента серого цвета с двумя продольными синими полосками по краям, ширина ленты 24 мм. Ширина полосок 2 мм. У этой медали также было два вида колодки.

Награжденные земляки: Неволин Алексей Павлович, Немиров Михаил Николаевич, Пономарев Василий Васильевич, Заозерский Василий Павлович (дважды), Булычев Лука Яковлевич,

Репин П. В., Патрикеев Виталий Александрович, Плотников Сергей Михайлович, Армеев Авксентий Петрович, Кокорев Петр Павлович, Поповский Петр Иванович, Макаров Пантелеймон Александрович, Медведев Петр Александрович, Мальцев Николай Кузьмич, Пугинский Василий Иванович, Ивин Борис Дмитриевич, Мишуринский Николай Николаевич.

Медаль «За боевые заслуги» (16 экз.) могли получить следующие отличившиеся: проявившие непосредственное мужество при обороне государственных границ страны; солдаты, продемонстрировавшие в бою инициативные, умелые и смелые решения, которые стали залогом успешного выполнения боевой задачи воинским подразделением или частью; те, кто отличился особыми успехами при боевой, политической подготовке, в освоении новых образцов военной техники; за прочие заслуги, которые были проявлены военными в период несения ими действительной службы.

Медаль имеет форму правильного круга диаметром 31–32,5 мм (в зависимости от года выпуска). Лицевая сторона медали окаймлена бортиком шириной 1 мм и высотой 0,25 мм. В верхней части по окружности расположена надпись «СССР» вдавленными буквами, покрытыми рубиново-красной эмалью. Ширина надписи «СССР» – 6 мм, высота букв – 2,5 мм. В средней части – рельефная в три строки надпись «ЗА БОЕВЫЕ ЗАСЛУГИ». Высота букв – 3 мм. Под надписью – рельефное изображение винтовки с примкнутым штыком и отпущенным ремнём, скрещенной с саблей. Длина винтовки со штыком – 23 мм, сабли – 20 мм. Оборотная сторона медали гладкая. До 1946 года на реверсе медали наносился номер. Впоследствии медали стали безномерные, ушко таких медалей стало отштамповываться вместе с медальоном, а не крепиться методом пайки.

Медаль при помощи ушка и кольца соединяется с пятиугольной колодкой, обтянутой шёлковой муаровой лентой серого цвета с двумя продольными золотистыми полосками по краям шириной 2 мм. Ширина ленты – 24 мм.

До осени 1943 года медаль вручалась на четырёхугольной колодке, обтянутой красной лентой.

Награжденные земляки: Неволин Алексей Павлович, Харин Иван Николаевич (дважды), Пономарев Василий Васильевич, Макаров Александр Васильевич, Булычев Лука Яковлевич, Казаринов Александр Михайлович, Потылицын Павел Васильевич, Трофимов Никандр Николаевич, Попов Борис Устинович, Баландин Еварест Александрович, Харина Зоя Ивановна, Осовской Алексей

Григорьевич, Мальцев Николай Кузьмич, Пугинский Николай Иванович, Лукин Андрей Иванович, Мишуринский Николай Николаевич.

Медаль «За трудовую доблесть» (6 экз.) была учреждена для награждения за самоотверженную трудовую деятельность и проявленную при этом доблесть. Медаль «За трудовую доблесть» имеет форму правильного круга диаметром 34 мм. Встречается также медаль диаметром 35 мм (1945 год).

На лицевой стороне медали в верхней части изображена пятиконечная рельефная звезда, покрытая рубиново-красной эмалью, в центре которой расположены серебряные серп и молот. Расстояние между вершинами противолежащих лучей звезды – 19,2 мм, длина боковой стороны луча – 6 мм. Под звездой помещена в две строки надпись «ЗА ТРУДОВУЮ ДОБЛЕСТЬ» вдавленными буквами высотой 2,8 мм, покрытыми рубиново-красной эмалью. В нижней части медали расположена рельефная надпись «СССР». Высота букв надписи – 3,3 мм.

На оборотной стороне медали помещена в две строки рельефная надпись «ТРУД В СССР – ДЕЛО ЧЕСТИ». Высота букв надписи – 2,5 мм. Края медали с обеих сторон окаймлены бортиком шириной 0,8 мм.

Медаль при помощи ушка и кольца соединяется с пятиугольной колодочкой, обтянутой шёлковой муаровой лентой сиреневого цвета с двумя продольными красными полосками по краям. Ширина ленты – 24 мм, ширина полосок по 2 мм. Пятиугольная колодка с 1943 года.

Награжденные земляки: Андреев Аркадий Григорьевич, Расторгуев Феодосий Федорович, Заозерский Василий Павлович, Кузнецов Феодосий Федорович, Невзоров Иван Степанович, Байков А. П. [к сожалению, пока инициалы раскрыть не удалось.]

Медаль «За трудовое отличие» (4экз.) учреждалась для награждения за ударный труд, достижение высоких показателей в работе. Медалью «За трудовое отличие» награждаются рабочие, колхозники, специалисты народного хозяйства, работники науки, культуры, народного образования, здравоохранения и другие граждане СССР.

Имеет форму правильного круга диаметром 32 мм. На лицевой стороне медали расположены рельефные изображения серпа и молота, покрытые рубиново-красной эмалью, и рельефная надпись «СССР». Размеры серпа и молота от рукоятки до верхней точки соответственно 21 и 20 мм. Высота букв в слове «СССР» – 3,5 мм.

Под изображением серпа и молота помещена в две строки надпись «ЗА ТРУДОВОЕ ОТЛИЧИЕ» вдавленными буквами высотой 2 мм, покрытыми рубиново-красной эмалью. На оборотной стороне медали помещена в две строки рельефная надпись «ТРУД В СССР – ДЕЛО ЧЕСТИ». Высота букв надписи – 2,5 мм. Края медали с обеих сторон окаймлены бортиком шириной 0,6 мм. Медаль при помощи ушка и кольца соединяется с пятиугольной колодочкой, обтянутой шёлковой муаровой лентой сиреневого цвета с двумя продольными золотистыми полосками по краям. Ширина ленты – 24 мм, ширина полосок по 2 мм.

Награды земляков: Мальцевой Маргариты Николаевны, Перовой Галины Александровны, Невзорова Ивана Степановича, Андреева Константина Григорьевича.

Медали «Золотая Звезда» и «Серп и Молот» в собрании музея отсутствуют.

К началу Великой Отечественной войны наградная система Советского Союза содержала пять орденов и семь медалей, которыми награждались за военные, трудовые и особые заслуги перед государством. В результате изучения наградной системы довоенного времени и анализа имеющихся в собрании музея образцов была уточнена датировка большинства из них согласно разработанной типологизации. Были составлены списки тотьмичей-орденоносцев, выявлены новые факты их биографий. Все эти данные будут использоваться в дальнейшей научной и экспозиционной работе коллектива музея. Изучение и систематизация наград будет продолжена в дальнейшем – необходимо исследовать образцы военного и послевоенного периода.

Филиппова Елена Валериевна,
МБУК «Тотемское музейное объединение», г. Тотьма

КОЛЛЕКЦИЯ ФОТОГРАФА Д. П. ПЕТРОВА В СОБРАНИИ ТОТЕМСКОГО МУЗЕЙНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ

История русского фотографического искусства насчитывает более 170 лет. В Россию фотография пришла в 1839 году. Ее распространение началось со столиц – Москвы и Санкт-Петербурга.

История развития провинциальной фотографии к настоящему времени изучена мало. При всём богатстве фотографического материала историография по данной теме разработана слабо.

Упоминания фотографов российской глубинки в дореволюционной центральной прессе и справочной литературе были крайне редки. Снимки, сделанные провинциальными фотографами, сохранились после революций и войн в значительно меньшем количестве. Кроме того, отток коренных местных жителей из провинции в более крупные города привёл к тому, что в настоящее время у местных жителей хотя и сохранились старые фотографии, но, к сожалению, большинство не знает, откуда они появились в их семье и даже кто на них изображен. И поэтому интерес к провинциальной фотографии более велик все же у местного сообщества.

Между тем, провинциальная фотография как объект изучения очень интересна. Отсутствие информации, а зачастую противоречивость имеющихся фактов о фотоателье и фотографах приводит к тому, что мы можем только предполагать о существовании того или иного.

Поворотным моментом в истории России стала Октябрьская революция. Такие глобальные изменения в жизни не могли не отразиться на фотографическом искусстве. В 1919 году В. И. Ленин издал декрет о переходе фотографической промышленности под управление Наркомпроса. В 1923 году фотоателье были переподчинены новой структуре – Общему союзу кустарей и ремесленников.

«*Историческое значение фотографии очень велико. Картина художника не может так быстро и точно зафиксировать события, как фотоснимок. Делайте поменьше снимков отдельных лиц, уделяйте больше внимания массам, старайтесь зафиксировать события*»,– эту фразу, якобы принадлежащую В. Ленину, ввел в обращение знаменитый фотограф Оцуп.[255]

Среди тотемских фотолетописцев советского периода особое место занимает Дмитрий Павлович Петров. До того, как я приступила к изучению его творчества, не было ни одного документального свидетельства существования фотомастерской Д. Петрова в Тотьме, кроме самих фотографий и негативов. В 2017 году мне удалось обнаружить в книге Н. В. Ильинского «Основы фотографии: Конспект лекций» первое известное упоминание: «*Павильон Петрова, который мы осмотрели в Тотьме может служить достаточным примером, а сарай Елисеева, приспособленный для целей*

[255] Цит. по: Сабанина Ирина. Причудливо тасуется колода [электронный ресурс]. URL: https://www.numismat.ru/articles.shtml?id=503 (дата обращения 11.01.2018).

фотографии, напомнит Вам, как можно сделать с домашними средствами, хотя бы и примитивный павильон».[256]

К сожалению, нам мало известно фактов биографии Д. П. Петрова. Его деятельность как фотографа начинается в конце XIX века, тогда как основное его наследие относится к периоду революции и становления советской власти. Все это наложило опечаток на его творчество.

Имеются сведения, что Д. П. Петров проживал в Тотьме по ул. Б. Садовой, д. 3. Умер он в возрасте 60 лет, 8 февраля 1932 г. Соответственно, год его рождения – 1872.

Весомая часть его коллекции поступила в музей в период с 1916 по 1929 г. в количестве 278 ед. хр. Размеры стеклянных пластинок различны: от 8,4х16,9 см до 17,9х23,8 см. В большей мере его наследие – это собрание групповых и индивидуальных портретных снимков тотьмичей. Несмотря на то, что сформировался как профессиональный фотограф Д. П. Петров в императорской России, он гибко реагировал на запросы времени и социальные изменения, отражал действительность того периода. Имеющиеся в собрании Тотемского музейного объединения снимки интересны более с документальной, нежели с художественной точки зрения. Особый интерес они представляют именно благодаря запечатленным на них людям и событиям, относящимся к местной истории.

Условно всю коллекцию можно разделить на несколько категорий:

– портретные (групповые портреты служащих различных учреждений, портреты отдельных людей, семейные портреты);

– репортажные (события, отражающие становление советской власти в Тотьме и районе).

Как правило, все портретные снимки – постановочные. Созданы они в условиях фотоателье: используется искусственно созданный интерьер, люди обычно изображаются в полный рост или сидящими, встречаются погрудные или поясные изображения. Снимки выполнены в одном помещении, на фоне окна, в комнате размещено минимальное количество мебели, на полу постелена ткань. На заднем плане нет каких-либо изображений, пейзажей или архитектурных сооружений в классическом стиле – только окрашенная в светлый тон стена. Данные наблюдения позволяют предположить, что все это снималось в одной фотомастерской.

---

[256] Ильинский Н.В. Основы фотографии: Конспект лекций.– Тотьма: Типография Львова, 1913. С. 4.

Дмитрий Петрович Петров (1870–1932 гг.) Портрет гражданина в рост. 1928 г. Негатив стеклянный. Стекло, желатин, высушенный на пластине. 10×15 см

Таким образом, снимки коллекции, не имеющие атрибуции, по данным признакам могут быть приписаны Петрову.

Групповые постановочные снимки, получившие большое распространение в тот период времени, выполнены были как в условиях фотоателье, так и на открытом воздухе. В основном это репортажные снимки, отражающие события или деятельность учреждений того периода.

К сожалению, из-за отсутствия документальных источников большую часть коллекции негативов сложно атрибутировать в полной мере, и поэтому сделать полноценные комментарии к снимкам (идентификация изображенных лиц, установление их биографии, даты съемки, определение события) не представляется возможным.

Наряду со стеклянными негативами в фонде музея имеются и фотографии Д. Петрова на паспарту. Конечно, они не так изысканны, как дореволюционные снимки других авторов. Те содержали сведения о фотографе, местонахождении фотомастерской, наградах фотографа на международных выставках, высочайших благодарностях и прочем, что позволяет установить авторство. Фотографии Д. П. Петрова наклеены на паспарту темно-зеленого либо светло-коричневого цвета. В нижней части оттиснут печатный текст (буквы заполнены краской белого или цвета беж в две строки): «Д. П. Петров. Тотьма». Характерной чертой деко-

ра паспарту является тисненый орнамент в виде «полотенца» под текстом. Так оформлено большинство портретных отпечатков.

Дмитрий Петрович Петров (1870–1932 гг.)
Группа женщин. Негатив стеклянный. Стекло, желатин, высушенный на пластине. 10×15 см

В нашей жизни ничего нет случайного. В преддверии написания доклада по электронной почте пришел запрос от родственницы А. А. Органова (владельца другой фотографической мастерской в Тотьме) – Елены Телицыной. Из переписки с ней стало известно, что возможная связь Органовых и Петровых такая: сестра фотографа Алфея Аркадьевича Органова – Агния Аркадьевна была замужем за Капитоном Петровым. Отчество Капитона Петрова и откуда он родом пока установить не удалось. Это вопрос для дальнейшего исследования.[257] В семейном альбоме Органовых большая часть снимков выполнена Д. П. Петровым.

Будучи хранителем двух коллекций («Фотонегатеки» и «Архивно-письменных источников»), мне предоставляется хорошая возможность: изучая первую, документально подтверждать ее источниками из состава второй. В архиве музея сохранились удивительные материалы, вызвавшие мой неподдельный интерес. Так, в деле музея за 1925–1928 годы имеются документы Вологод-

[257] Большой русский альбом: Вся Россия в лицах и биографиях из семейных архивов [электронный ресурс]. URL: http://www.rusalbom.ru/ (дата обращения 16.01.2018).

Дмитрий Петрович Петров (1870–1932 гг.) Спуск колоколов с колокольни Тотемского собора. 1928 г. Фотография. Фотобумага, фотопечать черно-белая. 14×9 см

ского губернского общества краеведения Тотемской краеведческой организации: устав, членский билет, анкеты вступающих в общество, и список вступивших после уездного съезда 19 октября 1928 г. В числе принятых, среди членов культурно-исторической секции, в анкете читаем: «Д. П. Петров, фотограф-кустарь, 58 лет, 4 класса гимназии, беспартийный».[258] Такое сотрудничество во многом объясняет наличие в коллекции Фотонегатеки музея большого количества негативов и снимков Д. Петрова. Благодаря найденной анкете мы теперь обладаем личным автографом фотографа, а анкетные данные уточнили биографические сведения и подтвердили найденные ранее.[259]

Мною были обнаружены документы периода 1925–1935 гг., которые меня как сотрудника отдела фондов удивили безмерно. В основном это распоряжения, выписки, рекомендации, указания. Среди прочих внимание привлекли несколько документов, полученных директором музея Н. А. Черницыным для исполнения, а именно: выписка из информационного бюллетеня Государственной конторы Новых видов экспорта №25 (119) от 1 марта 1930 г. В ней говорится:

[258] Фонд 15. Материалы по истории Тотемского краеведческого музея. Опись 2.
[259] Там же.

Дмитрий Петрович Петров (1870–1932 гг.) «Синяя блуза». 1928 г.
Негатив стеклянный. Стекло, желатин, высушенный на пластине. 10×15 см

«Особый интерес для экспорта представляет так называемые «систематические коллекции», т. е. набор объектов, характеризующих всю систему быта той или иной народности». А в п. 4 протокола музеям Вологодскому, Грязовецкому и Тотемскому предложено немедленно выяснить: «Какие экспонаты и коллекции /без нарушения/ научной ценности Музея /по каждому отделу могут быть выделены для экспорта ныне же /в порядке указаний в посылаемых материалах/. Пункт 5: Получаемые списки Вологодской Комиссией должны без задержки отсылаться в Контору новых видов экспорта /в Москву/ для окончательного согласования вопросов пригодности материала для экспорта и условий продажи».[260]

В пленарном докладе на предшествующей конференции «Русский Север-2017» мною был поставлен вопрос об интерпретации информации, что часть негативов фонда была отправлена в центр.[261] Тогда была непонятна цель и адресат назначения материалов.

---

[260] Фонд 15. Материалы по истории Тотемского краеведческого музея. Опись 2.
[261] Там же.

Обнаруженные мною указания от Государственной конторы Новых видов экспорта № 25 (119) от 1 марта 1930 г. объясняют наличие «Копии списка с отосланного в центр фотографического материала после Д. П. Петрова».[262] Таким образом, Д. П. Петров как фотолетописец советского периода был по достоинству оценен не только потомками, но и современниками.

Другими, не менее интересными документами являются распоряжения, поступившие Районным Исполнительным Комитетам в целях сохранения и учета фотонегативов и фотокарточек, предписывающие строгий учет негативов, имеющих историко-культурное, общественно-политическое и хозяйственное значение прошлого и настоящего нашего края. Деятельность фотографов отслеживалась и контролировалась вышестоящими инстанциями. Об этом свидетельствуют имеющиеся в фонде музея документы Краевого архивного управления, предписывающие прокурору привлечь к ответственности виновных за расхищение фотонегативов, а в дальнейшем обеспечить их сохранность в течение 5 лет и передачу на хранение архивам по описи.

Распоряжения, поступившие Районным Исполнительным Комитетам, ставят вопросы, на которые у нас пока нет ответов: каким образом они попали в архив музея? Замечу, что на тот момент в городе функционировали 2 предприятия и 2 частных фотографа.[263]

Коллекция Д. Петрова необычайно востребована, активно используется в публикациях, вводится в научный оборот, незаменима при создании новых экспозиций музея. И хотя снимки советского периода – не всегда высокохудожественные произведения, но документальная их ценность несомненна, поскольку главным является запечатленный на снимке образ Тотьмы и тотьмичей.

Сегодня музейный фонд пополняется уже совсем другими снимками, что обусловлено наличием цифровой техники. В основном информация передается на цифровых носителях, которые уязвимы. Наличие в фонде музея большого массива фотографий прошлого века, дошедших до нас в хорошей сохранности, еще более подчеркивает значимость фотографии как исторического источника.

---

[262] Книга поступлений основного фонда № 21 Инвентарная книга для записи негативов, фотоснимков, хранящихся в Тотемском музее, приложение: Копия списка (отосланного в центр фотографического архива материала после Д. П. Петрова).

[263] Фонд 15. Материалы по истории Тотемского краеведческого музея. Опись 2.

Работа по изучению, атрибуции и систематизации уникальной коллекции Д. П. Петрова будет продолжена. В настоящей статье рассмотрена лишь небольшая часть наследия фотографа – отпечатки раннесоветской эпохи. Полноценное представление коллекции музей планирует во втором томе издания «Осколки времени», которое предполагается подготовить к выходу в свет в текущем году.

Коренева Наталья Ивановна,
Кузнецова Светлана Васильевна,
МБУК «Тотемское музейное объединение», г. Тотьма

ИЗ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ ТОТЕМСКОГО КРАЯ В СОВЕТСКОЕ И ПОСТСОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ

Сфера культуры на отдельно взятой территории – это ключевой региональный ресурс, обладающий весомым потенциалом. Что непосредственно включает в себя эта сфера? Прежде всего, она объединяет деятельность по сохранению объектов культурного наследия, развитию библиотечного, музейного и архивного дела, поддержке и развитию исполнительских искусств (театрального, хореографического, музыкального), кинематографии, изобразительного искусства, сохранению нематериального культурного наследия и развитию традиционной народной культуры. Интерес к истории культуры все времена был всегда высок. Обратимся к некоторым историческим моментам культуры Тотемского края в советское и последующее время.

В 20–30-е годы XX века все вопросы культурной политики на территории Тотемского уезда Вологодской губернии находились в ведении уездного отдела народного просвещения. Первыми очагами культуры в период становления Советской власти стали избы-читальни. Они выполняли функции образовательного, культурного и просветительского центра. При избе-читальне, как правило, была библиотека, действовали различные кружки (агротехнический, самообразовательный и пр.). В Тотемском уезде картина создания подобных «центров просвещения» в населённых пунктах выглядела следующим образом:

1918 год	1919 год	1920 год	1921 год
1	18	58	103

В красном уголке Тотемского дома крестьянина. 1929 г.

В Тотьме первая читальня была организована при доме крестьянина, где был организован уголок с газетами и журналами. (в наст. время ул. Советская, 13). Постепенно, с повышением уровня образованности населения, функции изб-читален переходят к клубам, домам культуры и библиотекам.

Центром культурной жизни города Тотьмы в 20–30-е гг. XX века становится клуб имени III Интернационала. С весны 1924 г. в клубе стали демонстрироваться кинофильмы, а с 1926 г. начала работу первая в уезде кинопередвижка.[264] В 20–30-е гг. появляются новые формы культурно-массовой работы. В начале 1925 г. при клубе имени III Интернационала создаётся коллектив «Синяя блуза». Члены клуба носили синие сатиновые блузы. Репертуар коллектива был разнообразным: фельетоны на международные и антирелигиозные темы, стихи, песни, частушки. В конце действа синеблузники строили «пирамиды» – так называемые физкультурные номера под аккомпанемент баяна.

При клубе работал городской драмколлектив. На театральных подмостках в тот период играли ветераны тотемской сцены:

[264] Соболев И. А. Тотьма.– Архангельск, 1987. С. 108.

Ф. М. Вахрушов, Ф. И. Лашин, Н. А. Дедюхин, Л. И. Гаврюшенко. Наряду с ними на сценическую площадку вышли В. М. Жуков, Е. А. Молоковская (Жукова), А. А. Сарамотин, З. Л. Сарамотина, Н. А. Бызов. Репертуар драматического коллектива был разнообразным. Это спектакли по пьесам А. Н. Островского «Василиса Мелентьева», «Свои люди – сочтемся», «Бедность – не порок», «На бойком месте», «Без вины виноватые». В 30-е годы XX века в репертуаре театра появились и произведения иностранных авторов: Шиллер «Разбойники», Гольдони «Слуга двух господ». 2 мая 1935 г. в Тотьме состоялась премьера «Майской ночи» по повести Н. В. Гоголя.[265]

К концу 1930-х гг., как писал об этом в газете «Рабочий леса» от 10 декабря 1940 г. секретарь райкома ВКП(б) А. Мезенев, слава городского театрального коллектива померкла. Одной из причин такого состояния дел стали репрессии. Как раз в это время были репрессированы Василий Михайлович Жуков и Федор Иванович Лашин, чьими стараниями оформлялись спектакли, а также ряд других актеров и актрис – ветеранов любительской сцены.

В ноябре 1939 г. в городе открылся межрайонный колхозно-совхозный театр, директором и художественным руководителем которого был Л. П. Ленский. Выступления проводились на сцене педагогического училища. Первой постановкой была пьеса Ю. Германа «Сын народа», подготовленная режиссером – постановщиком Штейнбергом и художником Дмитриевой. Творческая жизнь коллектива театра была недолгой. В 1941 г. в связи с началом Великой Отечественной войны он прекратил свою деятельность.

В этот период продолжает развиваться музейное дело. В 1920 г. директором музея был назначен Николай Александрович Черницын. До 1923 г. музей располагался в здании бывшего Пятовского начального училища. Затем музейные экспозиции были перемещены в здание бывшего духовного училища, где музей располагается и по настоящее время. Музей состоял из трех отделов: природы, истории и социалистического строительства. В декабре 1931 г. музей получает большое творческое наследство художника Ф. М. Вахрушова (более 200 работ). Количество экспонатов музея в 30-е гг. выросло до 21 тысячи единиц хранения. К 1939 г. значительно вырос и штат музея (до 11 единиц). Сотрудники музея проводили активную просветительскую работу среди населения. Основными формами работы являлись учебные экскурсии,

[265] Чекунова О. Любительский театр в Тотьме. // Зимородок. Литературно-художественный альманах.– Вып. 2.– Вологда. 2015. С. 144.

Музей В. М. Молотова в Тотьме. 1941 год

экскурсии – уроки, внешкольные экскурсии. В 1937 г. музеем был поднят вопрос о приобретении дома по улице Дмитриевской, в котором жил, находясь в тотемской ссылке, революционер Вячеслав Михайлович Молотов. В 1939 г. дом был куплен, отреставрирован и в 1941 г. в нём разместился музей В. М. Молотова.

17 сентября 1929 г. в Тотьме открывается кинотеатр «Октябрь», разместившийся в здании капитально отремонтированного после пожара Богоявленского собора. Первые киноленты были немые.[266] Демонстрация фильмов проходила в двух зрительных залах, один из которых был рассчитан на 400 мест. Первоначально посещаемость кинотеатра была невысокая. Вероятно, сказывалась «необученность» населения к демонстрации фильмов в специально оборудованном помещении. Немаловажную роль играло и то, что кинотеатр располагался в бывшем храмовом здании, в которое многие верующие не ходили, боясь согрешить перед богом.

В начале 30-х гг. XX века киноустановок в районе не было, поэтому киномеханики выезжали в колхозы и лесопункты на специ-

[266] Соболев И. А. Указ. соч. С. 116.

В зрительном зале кинотеатра «Октябрь»

ально приспособленных агитсанях. Работали по графику, заранее оповещая лесорубов и колхозников о демонстрации кино. Перед показом фильма обсуждали вопросы текущей политики. А после кино показывали номера художественной самодеятельности. Не было и специальных помещений для киносеансов, поэтому установки размещали прямо в бараках, гумнах, сараях. Колхозы по договору за поставленный киносеанс обязаны были выдать киномеханику килограмм хлеба, 1 литр молока, предоставить подводу, уплатить 25 рублей.[267]

5 мая 1934 г. в кинотеатре «Октябрь» была продемонстрирована первая в городе звуковая картина «Петербургская ночь». А уже в следующем году в районе появились звуковые кинопередвижки. К концу 30-х гг. XX века в районе кроме кинотеатра функционировало 9 передвижек.[268]

В 50-е гг. в кинотеатр «Октябрь» поступила новейшая звуковая киноаппаратура, автотранспорт, появились квалифицированные

---

[267] ТМО н.а. 18/2012. Чучина А. История Тотемской киносети с 1913 по 2011 г. С. 5.

[268] ТМО н.а. 770. Тотемский район 1931–1945 гг.

кадры киномехаников и мотористов, построены клубы со зрительными залами. К 1959 г. в Тотемском районе насчитывается 14 кинотеатров, в т. ч. 13 сельских, где можно было разместить 1608 зрителей. В районе работало 10 кинопередвижек.

В 60-е гг. начали показывать широкоэкранные фильмы. Ведущее место в репертуаре кинотеатра занимали советские кинофильмы. С большим успехом в 1969 году демонстрировался на экране фильм «Угрюм-река», «Новые приключения неуловимых», «Ошибка резидента».[269]

Статистические данные по кинопрокату в Тотемском районе в 50–60-е гг. выглядели следующим образом:

Показатели	1957 год	1958 год	1960 год	1961 год	1962 год	1963 год	1964 год	1965 год
Киноустановок		14	27	33	33	73	76	62
в том числе кинопередвижек		10	10	5	5	4	3	2
в том числе киностационаров			17	28	28	69	73	57
Поставлено киносеансов	6733	8556	11456	11968	10776	20617	21383	11432
в т. ч. село	5734	7007	9857	10206	9113	18834	19561	10007
город	999	1549	1599	1762	1662	1783	1822	1425
Обслужено зрителей	53430	58610	66010	68920	63110	10770	117640	
в т. ч. село	33380	37590	45630	44080	42440	87450	95650	34950
город	20050	21020	20380	24840	20670	20250	21990	29570

Источник: ТМО на 779. Статистические материалы по Тотемскому району за 1959–1965 гг.

С 1992 г. киносеть была присоединена к районному отделу культуры. В конце 90-х многие киноустановки были признаны нерентабельными и прекратили свое существование. В 2007 г. кинотеатр «Октябрь» стал структурным подразделением городского центра культуры «Тотьма». Сеансы проводились в малом зале в современном формате 3D. Согласно статистике, с годами шло снижение количества киносеансов и количества зрителей. В 2014 г. кинотеатр «Октябрь» прекратил своё существование.

[269] ТМО н. а. 18/2012. С. 8.

Районный Дом культуры. 1955 год

В 50–60-е гг. XX века значительно повышается уровень культурного обслуживания населения Тотемского района. В 1955 г. по проекту художника Федора Ивановича Лашина в Тотьме строится здание районного Дома культуры. Районный Дом культуры координировал работу 15 сельских Домов культуры, 2 бригадных, 11 профсоюзных, 3 колхозных клубов. Становятся традиционными городские и сельские праздники первой борозды, праздник урожая, чествование ветеранов войны и труда, пропаганда советского образа жизни. Некоторые показатели работы районного Дома культуры в 60-е гг. XX века представлены ниже в таблице.

	1960 год	1961 год	1962 год	1963 год	1964 год
Количество клубов, в них кружков участников	18 33 237	18 33 252	18 35 322	18 32 330	18 39 350
Домов культуры, в них кружков участников	1 6 196	1 6 187	1 6 140	1 6 115	1 6 126
Всего поставлено концертов и спектаклей	186	219	267	291	325

Источник: ТМО н. а. 702, 735, 747. Паспорт Тотемского района по состоянию на 1 января 1960–64 гг.

В 50–60-е гг. XX века на территории района постепенно вводятся в эксплуатацию сельские Дома культуры. В газете «Рабочий леса» в 1960 г. читаем: «Из 14 сельских и колхозных клубов построено и сдано в эксплуатацию только шесть. В их числе: Маныловский и Усть-Печенгский сельские клубы. Здесь же размещены и сельские библиотеки. Три помещения для клубов построены в Пятовском с/с. Находится в стадии строительства клуб в сельхозартели «Родина». Не выполняются принятые обязательства по строительству новых клубов в колхозах имени Ленина, «Красная звезда», «Дружба», «Путь к коммунизму», «Память Ленина», «Красное знамя», «Россия». В результате население отдалённых бригад этих сельхозартелей лишено возможности весело и культурно проводить свой отдых».[270]

В 50-е гг. на территории района активно строятся лесные поселки: Советский, Октябрьский, Первомайский, Красный Бор и др., где также организуются, а вскоре и строятся типовые здания клубов. В лесопунктах клубы являлись главными очагами культуры. Так, в поселке Красный Бор клуб был построен в 1958 г., в Крутой Осыпи в 1962 г, в поселке Советском в 1967 г.

Матвеевский сельский Дом культуры обживал деревянное здание с 1965 г. В Мосееве клуб был построен в 1967 г., в Великодворском с/с – в 1976 г.

Типовые каменные здания сельских Домов культуры начали строиться в 70-е гг. XX века. Были пущены в эксплуатацию новые сельские Дома культуры на Вожбале (1970), в деревне Бор Маныловского сельсовета и деревне Погост Калининского сельсовета (1971), в селе Никольском (1972), в Погорелове (1978). Чуриловский СДК был построен в 1982 г. В этом же году строится здание клуба в Верхней Толшме. В 1986 г. выстроено каменное здание для Дома культуры в Усть-Печеньге. В 1988 г. сдаётся в эксплуатацию кирпичное здание ДК «Варницы».

С открытием районного Дома культуры активизировалась деятельность театральной труппы. На подмостки театра вновь вернулись В. М. Жуков и Ф. И. Лашин. В это время в Тотьму приезжают Юлия Ивановна и Станислав Викторович Савины, профессиональные режиссеры. Супруги Савины создают труппу ак-

[270] Рабочий леса. 1960, ноябрь.

теров-любителей, ядром которой становятся имевшие за плечами солидный сценический опыт Е. А. и В. М. Жуковы, А. А. и Б. Д. Поповы, В. В. Осовская, Е. И. Трапезникова. В эти годы под руководством Ю. И. и С. В. Савиных были поставлены спектакли «Власть тьмы» (Л. Н. Толстой), «Бедность – не порок» (А. Островский), «Слава» (В. Гусев). Вскоре Савины уезжают из Тотьмы. Но театральный коллектив, оставшийся без профессиональных режиссеров, не распался. Роль режиссера-постановщика тотемского театра взял на себя Василий Михайлович Жуков. В 1959 г. он ставит комедию Н. В. Гоголя «Женитьба». В марте 1963 г. коллективом театра была поставлена пьеса А. М. Горького «На дне». В этом же году тотемский театр репетирует еще одну постановку по пьесе А. Н. Островского «Правда хорошо, а счастье лучше», режиссировала постановку М. П. Шубина, декорации выполнил А. П. Серегодский. В 1967 г. после постановки спектакля по пьесе Анучиной «Вечер на Иртыше» на сцене Дома культуры льнокомбината (г. Вологда) Тотемскому театральному коллективу было присвоено звание народного театра. В этом же году в Тотьму прибыл профессиональный режиссер Г. А. Кустов (стажер народного артиста СССР, профессора Г. А. Товстоногова). Первым из поставленных им спектаклей была пьеса Б. Л. Горбатова «Одна ночь».[271]

При районном Доме культуры в 1947 г. был возрождён духовой оркестр ветераном войны и труда Сергеем Григорьевичем Самодуровым. С 1981 г. руководителем духового оркестра «Сияние Севера» является Николай Аполлонович Мишин.

Во время пожара 1999 г. здание районного Дома культуры было утрачено. Многие тотьмичи и по сей день с любовью вспоминают «зелёный ДК». Культурные традиции, заложенные районным Домом культуры, в наши дни продолжает городской Центр культуры.

В августе 1962 г. в Тотьме открывается детская музыкальная школа с двумя отделениями – фортепиано и баяна. В школе обучалось 25 детей. Первый директор школы Грачёва Алла Ивановна руководила школой более 33 лет.

Библиотечное дело на территории Тотемского края зародилось еще в XIX веке. Книжный фонд Тотемской районной библиотеки в 1950 г. составлял 18798 книг и брошюр. Количество читателей было более 3 тысяч человек. Библиотека проводила массовую работу среди читателей в форме литературных вечеров, чтения

[271] ГАВО. Ф. 2035. Оп. 28. Д. 14. Л. 109–112.Личный фонд И. А. Соболева. Тотемский народный театр.

лекций, докладов, консультаций, составления рекомендательных списков литературы, совещаний с читательским активом. В библиотеку ежегодно выписывалось до 35–40 экземпляров различных газет и журналов. К 1 января 1959 г. книжный фонд библиотеки увеличился до 422980 книг, в т.ч. сельских 68192, число читателей в библиотеках 11840 человек, в т.ч. в сельских – 5128 человек.[272] С 1954 г. в Тотьме существует детская библиотека. В 1979 г. Тотемской районной библиотеке присваивается имя Н.М. Рубцова.

На 1 января 1966 г. сеть культурно-просветительских учреждений Тотемского района выглядела следующим образом: кинотеатр, музей, Дом культуры, автоклуб, сельских клубов – 17, профсоюзных клубов – 12, колхозных, совхозных и бригадных клубов – 25, районная библиотека, детская библиотека, профсоюзных библиотек – 2, сельских библиотек – 16, детская музыкальная школа, киноустановок – 62. В учреждениях культуры работало 30 коллективов художественной самодеятельности, при которых было 65 кружков (хоровые, драматические, чтецов и др.)[273]

В настоящее время в Тотемском районе культура представлена следующими учреждениями: муниципальные бюджетные учреждения культурно-досугового типа (7 ед.) с 12 филиалами: МБУК «Городской центр культуры», МБУК «ЦДК «Варницы» (филиалы – Советский СДК, Матвеевский СДК, Октябрьский СДК, Камчугский СДК, Медведевский СДК), МБУК «Погореловский СДК», МБУК «Калининский СДК» (филиалы – Вожбальский СДК, Усть-Печеньгский СДК), МБУК «Мосеевский СДК», МБУК «Никольский СДК» (филиалы – Верх-Толшменский СДК, Маныловский СДК, Карицкий СДК, Гремячинский СДК), МБУК «Великодворский СДК» (филиал – Чуриловский СДК); муниципальное бюджетное учреждение культуры «Тотемская централизованная библиотечная система» с 18 филиалами на территории поселений, входящих в состав Тотемского района; муниципальные бюджетные образовательные учреждения дополнительного образования «Тотемская детская музыкальная школа» и «Петровская детская художественная школа», муниципальное бюджетное учреждение культуры «Тотемское музейное объединение».

---

[272] ТМО н.а. 745 Кузьмин О.В. Статистические сведения по Тотемскому уезду и району. 1963 г.

[273] ТМО н.а. 787 Паспорт Тотемского района по состоянию на 1 января 1966 года. С. 47–48.

Пахнин Анатолий Владимирович,
МБУК «Тотемское музейное объединение», г. Тотьма

РЕЛЬЕФНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ НА МНОГОКВАРТИРНЫХ ДОМАХ ГОРОДА ТОТЬМЫ КОНЦА XX ВЕКА

Об архитектуре Тотьмы выдвинуто немало различных гипотез, снято большое количество документальных фильмов и написано множество научных работ. Все они посвящены, как правило, «тотемскому барокко», которое получило популярность в 60-е годы XX века. На фоне уникальных тотемских барочных храмов архитектура советского времени остается малоизученной страницей в истории Тотьмы. Многоквартирные дома, производственные учреждения, дома культуры или школы второй половины XX века – все они построены в неброском стиле, именуемом в народе не иначе как «бетонные коробки». Однако на некоторых жилых домах благодаря тотемским строителям (СМУ «Вологдагражданстрой») появились рельефные изображения, что в некотором роде отдалённо указывает на традиции тотемской архитектурной школы. В частности, особенность их построения – то, что они являются частью кладки стены, выступающей на треть кирпича, так же как и знаменитые картуши на стенах тотемских храмов. Почему эти изображения появились на стенах многоквартирных домов? Что на них изображено? И соизмеримо ли архитектурное творчество второй половины XX века со второй половиной XVIII века? Данная работа позволяет поразмышлять над этими вопросами. Источниками для исследования послужили записки краеведа Станислава Михайловича Зайцева (1939–1992) и материал совсем юного исследователя, участника олимпиады «Мир через культуру» Алексея Моськина.

Станислав Зайцев много лет своей жизни посвятил изучению истории тотемского мореходства, истории взаимоотношений маленького города Тотьма с «Русской Америкой». Он был одержим идеей открыть тайну тотемских картушей. Зайцев много работал в архивах, анализировал полученные материалы. Именно благодаря ему мы узнали, что Тотьма – город русских Колумбов, город-памятник Русской Америки, давший миру необычную культовую архитектуру – «русский стиль морских открытий», «отразивший русское открытие Нового Света – ярчайшую страницу русской и мировой истории».

Туристы по достоинству оценивают Тотьму, называя её жемчужиной Севера: *«Тотьма благодаря своей незаурядной истории, бесценным памятникам прошлого может не только достойно конкурировать с Суздалем в удовлетворении постоянно растущего интереса советских людей к истории своей Родины, но и туристической Меккой, окупающей произведённые расходы»,– пишет о Тотьме кандидат технических наук Вчерашний Р. П. или «Сюда (в Тотьму) будут приезжать туристы, как они ездят в города Италии»,*– пишут Д. Лихачёв и В. Янин[274].

Станислав Зайцев мечтал о превращении Тотьмы в город-памятник, что являлось бы не только огромным резервом повышения нашей культуры, но и одним из аспектов советско-американского культурного и научного сотрудничества.

В своих ранних статьях С. М. Зайцев пишет: «*Существует каламбур: Тотьма – это то-тьма. Пока это горькая правда: в Тотьме действует генплан, принятый до нового закона об охране памятников – весь город застраивается заново. Нет пощады ни историческому центру, ни памятникам революции, ни монастырю, ни памятникам Русской Америки, ни деревянному зодчеству*».

Действительно, с 1976 года в Тотьме проводились грандиозные работы по перестройке всего городского пространства согласно генплана Ленгипрогора, и это несмотря на то, что ещё с 1970 года постановлением Госстроя РСФСР и коллегии Министерства культуры Тотьма была внесена в список особо ценных исторических городов. С этого времени и началась непримиримая борьба между Станиславом Зайцевым, пытавшимся в одиночку сохранить исторический облик города, и градостроителями, действовавшими по существующему генплану застройки Тотьмы.

В 1976 году состоялось всенародное обсуждение Закона об охране памятников, которого не существовало на момент создания генплана, ввиду чего город застраивался без каких-либо ограничений со стороны Министерства культуры. В 1977 году С. М. Зайцев пишет статьи в газету и в защиту среды обитания, параллельно с этим изучая фонды тотемского музея с целью найти документальные подтверждения того факта, что Тотьма – уникальный город, который необходимо спасти. Поиски привели к тому, что в 1978 году из музейных запасников были извлечены тёмные стёкла старинных негативов, передающие первозданную красоту города. Первым показательным результатом этой работы стала фотовыставка.

[274] ТМО. Оп. 5. Материалы Архивного фонда Тотемского музейного объединения.

7 июля 1978 Министерство культуры СССР пишет Зайцеву: *«В связи с Вашим письмом, в котором говорится о сложившемся тревожном положении в деле сохранения памятников в городе Тотьма, Министерству культуры РСФСР дано поручение создать специальную комиссию с Вашим участием»*. И уже в 1978 году в течение 2 дней в Тотьме работала комиссия Министерства культуры СССР. Результаты работы комиссии были впечатляющими: поставлены на республиканскую охрану семь памятников, из них два ансамбля – Спасо-Суморин монастырь и Казначейство, и двадцать семь памятников местного значения, из них два комплекса; был создан реставрационный участок.

Несмотря на такие значительные подвижки в деле сохранения исторического облика Тотьмы, в городе продолжали строить многоквартирные дома. Примером тому может служить начало улицы Ворошилова.

17 октября 1978 года Станислав Зайцев представил свой доклад в большом зале дома учёных в Москве. С высокой трибуны он рассказал о городе Тотьме, ее памятниках и о проблемах, которые существовали на тот момент. В 1979 году при активном содействии С. М. Зайцева была создана киностудия «Тотемские клейма». На дебютном кинофестивале любительских фильмов в Вологде киностудия получила один из главных призов, а в 1986 году на XVIII кинофестивале в г. Коломна фильм «Тотемские клейма» и «SOS тотемских мореходов» стали лауреатами фестиваля.

В 1981 году в газете «Советская Россия» была опубликована статья «Тайна тотемских картушей». Благодаря этой публикации Госстрой РСФСР провёл экспертизу и рассмотрел проект генерального плана, совмещённого с проектом детальной планировки центральной части г. Тотьма, разработанного институтом «Ленгипрогор». Был отмечен ряд существенных недостатков в принятой архитектурно-планировочной структуре города, в решении отдельных участков, отсутствие в проекте историко-градостроительной подосновы, а также отсутствие согласований с Министерством культуры РСФСР и Центральным советом ВООПИК.

В 1982 году Станислав Зайцев пишет в Главное управление планировки и застройки городов и посёлков Тавровскому Э. С.: *«Несмотря на положительную реакцию и Ваш ответ, а также ответ В. М. Баранова, положение в Тотьме не изменилось. Не только не намечается строительство жилых домов по улице Ворошилова, но уже готовится стройплощадка, ведётся строительство ещё ближе к центру. Относительно горячей точки, где сейчас разворачивается*

стройплощадка около дома № 36 по улице Ворошилова, ещё раз обращаю ваше внимание: в этом квартале 6 домов из 14-ти представляют архитектурную ценность, в том числе дом, где жил А. В. Луначарский, внутри квартала пруд и сад, заложенный в начале века. Город представляет сейчас печальное зрелище – в четырёх местах ведётся строительство каменных коробок. Пользователь объектов Спасо-Суморина монастыря изыскивает возможность продолжения капитальной застройки территории ансамбля. Срочно просим принять меры для прекращения разрушения целостности и масштаба деревянного города Тотьма и монастыря». В 1985 году ситуация продолжается: *«Прошу принять срочные меры против сноса дома № 31 по ул. Советской, поскольку продолжается застройка Тотьмы по генплану. В то время, как генплан Тотьмы сейчас подлежит корректировке, так как разработан проект охранных зон города».*[275]

Станислава Зайцева поддерживают и некоторые неравнодушные жители Тотьмы. *«Наш город Тотьма с деревянными домами, резными наличниками, церквами был очень красив. У каждого дома был палисадник и сад. Под чутким руководством горсовета и архитектора товарища Осовского рубят под корень деревья, сносят красивые домики, а между ними строят каменные жилища. Всё перемешали в Тотьме – дерево и кирпич».*[276]

17 июля 1986 года решением № 426 Вологодского облисполкома утверждён проект охранных зон, на основе которого предусмотрено просить Ленгипрогор скорректировать план. А уже в 1987 году был разработан новый генеральный план. При этом были учтены материалы проектов: «Схема районной планировки Вологодской области 1979 года», «Проект зон охраны памятников истории и культуры города Тотьма 1984 года», «Генеральный план Ленгипрогора 1975 года». Экономическая база и расчёт численности населения согласованы с областной плановой комиссией. Генплан – «коллективный труд людей, об отмене которого не может быть и речи» был отменён и пересмотрен.

Для Станислава Зайцева Тотьма была, прежде всего, историческим городом. *«Преступно рубить этот золотой сук,*– писал Зайцев.– *Надо показывать нашу историю людям и на вырученные деньги приводить в порядок ветхие избы. А если уж строить, то по индивидуальным проектам и в строго определенных местах, не нарушая исторического рисунка города».*[277]

---

[275] Материалы Архивного фонда Тотемского музейного объединения.
[276] Багров С. Произвол. // Красный Север. 1989. № 79.
[277] Пешкова Л. Картуши старых мореходов. // Вокруг света. 1992. 1 марта.

Для практического исследования рельефных изображений на многоквартирных домах была выбрана центральная часть города Тотьма. Описание изображений приводится в порядке строительства зданий, на которых они изображены.

В 1983 году по улице Ворошилова на доме 38 на западной стороне были изображены 3 красные чайки, которые стали первым изображением, положившим начало незамысловатому украшению зданий. На восточной стороне этого же дома изображена ладья из красного кирпича.

Похожая ладья из красного кирпича появилась на западной стороне дома 11 по улице Садовой (1983 года постройки). Идея рисунка была взята с изображения ладьи на спичечном коробке.

Первое объёмное изображение в центральной части города появляется в 1985 году на улице Ворошилова, дом 11. Изображение копирует эмблему Всемирного фестиваля молодёжи в Москве 1985 года. Голубь, который располагался по центру эмблемы, был заменён двумя чайками по бокам. Сама же эмблема тоже была упрощена: на ней изображена Земля с обозначенным экватором и 60-й параллелью, на которой расположен город Тотьма. Данное изображение украшает северный фасад дома.

В 1986 году строится дом по улице Ворошилова, 13. Интересной особенностью данного дома является наличие на его фасадах трёх

Рельефные изображения на доме № 13 по улице Ворошилова

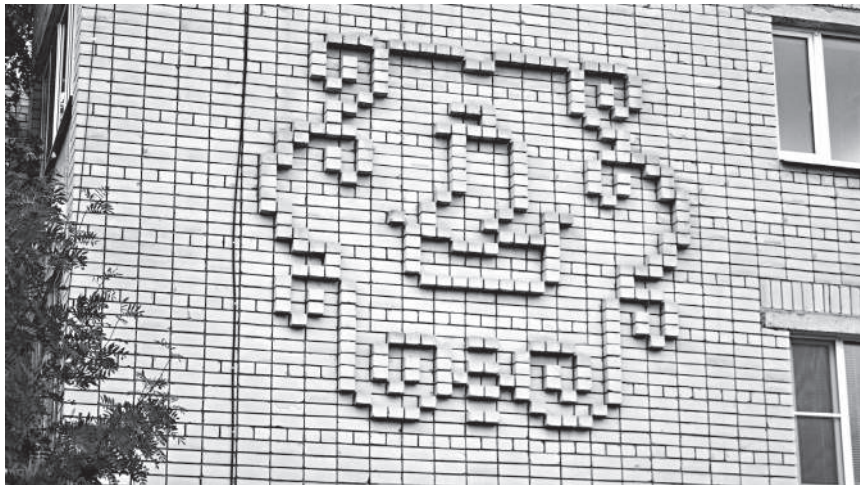

Рельефные изображения на доме № 13 по улице Ворошилова

рельефных изображений с морской тематикой. Примечательно и то, что квартиры дома предназначались для работников порта «Тотьма». На восточной стороне изображена ладья, на северной стене располагается изображение якоря. Третье изображение, расположенное с западной части строения,– «роза ветров». Однако в этом изображении строители поменяли местами восток и запад. По их мнению, это не является ошибкой, а именно так было задумано. При всем этом морская тематика была соблюдена.

В 1988 году был сдан в эксплуатацию дом по улице Луначарского, 20. На нём также имеется изображение с отсылкой на промысловые экспедиции тотьмичей. На восточной стене с использованием цветного кирпича изображено парусное судно, которое движется по направлению к острову с пальмой. По утверждению строителей, данный сюжет заимствован из советского мультфильма «Катерок». Получается, что на стене тотемского многоквартирного дома появился тот самый остров Чунга-Чанга. Данное изображение, конечно, можно отнести к теме моря, однако с Тотьмой данное море совершенно не связано.

Наиболее удачными изображениями на стенах многоквартирных домов можно назвать те, что располагаются на доме № 26 по улице Луначарского, построенном в 1990 году. На южной части дома мы видим герб города Тотьма, выполненного объёмно

Изображение картуша на доме 26 по улице Луначарского

с использованием кирпичей двух видов. На западной стене – изображение картуша, своим начертанием напоминающего один из тех, что располагается на стенах тотемских храмов. Внутри картуша ладья – как символ морских открытий. Эскиз для фасада рисунка в виде картуша с парусником строителям принёс сам С. М. Зайцев.

В 1994 году был построен дом по улице Красная, 32. Именно этот дом стал последним, где имеются рельефные изображения. На восточной стене расположено самое большое объёмное изображение: две части света, соединённые пунктиром, на одной части написано – Тотьма, на второй – Форт Росс. Сверху надпись – Русская Америка, а от Тотьмы в направлении Форта Росс плывёт парусник. Данное изображение явно указывает на международные связи города. Наводит на размышления цифра «250». Что бы это могло быть? 250 лет открытия Русской Америки? 250 лет с момента второй камчатской экспедиции Витуса Беринга, когда были впервые обнаружены берега Аляски? Вопрос остается пока открытым.

На северной стене дома изображены 2 перекрещенных колоса из красного кирпича, говорящие о том, что данный дом принадлежал растениеводческому кооперативу.

Итак, рельефные и плоскостные изображения на стенах многоквартирных жилых домов в городе Тотьма появляются в период

Рельефное изображение на доме по улице Красной, 32

1980–1995 гг. Практически все изображения связаны между собой одной темой – морской, что, несомненно, имеет прямую связь с морскими открытиями и промысловыми экспедициями тотьмичей второй половины XVIII века. Подобные изображения на тотемских домах – это скорее некий компромисс между одноэтажной деревянной архитектурой города и многоквартирными домами с изображениями, которые в некоторой мере отображали историю Тотьмы – города мореходов и первооткрывателей. Но как ни старались строители второй половины XX века внести в архитектуру какую-то новизну и необычность, их изображения серьезно уступают тем, что украшают стены тотемских храмов.

Тем не менее, объёмные изображения на стенах кирпичных домов XX века несомненно имеют свою историю и определённую тематическую направленность, служа напоминанием современным тотьмичам как о былых заслугах тотемских мореходов, так и о деятельности краеведа С. М. Зайцева.

Завьялова Ольга Михайловна,
МБУК «Тотемское музейное объединение», г. Тотьма

К ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ГОРОДА ТОТЬМА И ШТАТА КАЛИФОРНИЯ

В 1812 году уроженцем города Тотьмы Иваном Кусковым было основано самое южное русское поселение в Северной Америке – Форт Росс. В 1841 году Российско-Американская компания продала крепость Джону Саттеру, но о причастности русских к становлению истории Америки не было забыто.

Согласно архивным данным Тотемского музейного объединения, 29 сентября 1947 года исполнительным комитетом Тотемского районного Совета депутатов трудящихся было принято решение об увековечении подвигов тотьмичей – знаменитых мореходов, открывателей и основателей новых земель в Тихом океане и Северной Америке в XVIII и XIX веках – И. А. Кускова и других.

С этого момента взаимоотношения Тотьмы и Калифорнии заключались в основном в ведении переписки. Первый директор Тотемского краеведческого музея Н. А. Черницын направлял запросы о наличии документов, фотографий Форта Росс в Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА) в Москве, в Государственный исторический музей, общался с писателем С. Марковым. В 70–80-е гг. активно вела переписку по вопросам дома И. А. Кускова и его сохранности с профессорами Н. И. Рокитянским (заведующий отделением «Русские в Калифорнии», Исторический Центр при Колледже Де Анза) и В. П. Петровым, с С. Г. Федоровой (Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Академии наук СССР, Москва) директор музея Е. П. Соломенко. С. М. Зайцев поддерживал отношения с американскими коллегами.[278]

В конце 80-х гг. сотрудники Британского посольства в Москве Кэйт Кук и Кэйт Маррели (Канада) откликнулись на просьбу помочь получить копии документов о И. А. Кускове из Национального архива США. При содействии американского советника по культуре мистера Бенси они быстро были получены. С. Г. Федорова передала музею высланные ей из США обширные материалы по реставрации дома Кускова в Форте Росс и другие. Американец Алексис Карамзин, потомок нашего замечательного историка, передал через вологжанина И. М. Русалеева подборку открыток с видами Форта Росс.

[278] Ф. 5. Оп. 2. Материалы Архивного фонда Тотемского музейного объединения.

Американский профессор В. П. Петров прислал прекрасные цветные фото и свои книги о форте для музея И. А. Кускова в Тотьме, разумеется, к немалому изумлению тотьмичей, ибо такового не было. Дом, в котором И. А. Кусков нашел кратковременное пристанище перед смертью, не успев обзавестись своим, лишь в 1979 году был включен в Свод памятников РСФСР. В 1986 году многолетней волоките по приобретению дома у частных лиц был, наконец, положен конец.[279]

В 1976 году по случаю 200-летия американской независимости при участии Американо-русского исторического общества и общества «Друзей Форта Росс» была отчеканена медаль в честь И. Кускова. Проект медали создан американцами русского происхождения А. Ф. Долгополовым и Н. И. Рокитянским. На лицевой стороне – рельефный портрет И. А. Кускова (за основу взят портрет из Тотемского музея), на оборотной стороне – вид крепости Росс с рисунка И. Г. Вознесенского (1840 г.). Медаль металлическая, позолоченная, диаметр 45 мм. Несколько экземпляров медали были подарены ее авторами музеям СССР: Эрмитажу в Ленинграде, Историческому музею в Москве и музею в Тотьме.[280]

Начиная с 1990 года, взаимоотношения Тотьмы и Калифорнии получают дальнейшее развитие.

По приглашению С. М. Зайцева в июле 1990 года в Тотьму приехал представитель исторической ассоциации Форта Росс Джон Миддлтон. Приезжали и исследователи Русской Америки и Форта Росс профессора Н. И. Рокитянский и В. П. Петров.

В дальнейшем наш город посещали президент исторической ассоциации «Форт Росс» Джон Миддлтон, а также заместитель главы американской миссии в России Шейла Гуолтни, генеральный консул США в Санкт-Петербурге Брюс Тернер, президент «Общества по сохранению Форт Росс» Сара Свидлер.[281]

В августе 1990 года произошло долгожданное открытие дома-музея И. Кускова, первого музея Русской Америки в нашей стране. Экспозиция рассказывает о жизни и деятельности Ивана Кускова, содержит документы, письма, портреты, предметы той эпохи. Рядом с домом-музеем тогда же был установлен памятник

---

[279] Зайцев С. Тотьма – Форт Росс / С. Зайцев // Красный Север.– 1987.– 31 декабря.

[280] Федорова С. Г. Русская Америка и Тотьма в судьбе Ивана Кускова / С. Г. Федорова // Проблемы истории и этнографии Америки.– М., 1979. С. 229–254.

[281] Международные отношения [электронный ресурс]. URL: // http://tourizm-totma.ru/mezhdunarodnye-svyazi. (дата обращения – 18.10.2017).

из розового гранита славному мореходу по проекту скульптора Н. Мухатаевой из Москвы.

В мае 1991 года осуществлена I Российско-Американская экспедиция по северным рекам «Дом на Сухоне» в честь 250-летия Русской Америки. На условном месте расположения могилы И. Кускова в Спасо-Суморином монастыре был установлен крест. Экспедиция была организована Московским историко-просветительским обществом «Русская Америка», руководителем которого является наш земляк Владимир Георгиевич Колычев. Участники, в числе которых вновь был Н. И. Рокитянский, посетили Вологду, Тотьму, Великий Устюг, Сольвычегодск.[282]

19 мая 1991 года совершен молебен в честь пионеров Русской Америки в церкви Троицы.

В этот же год была впервые осуществлена перекличка колоколов Тотьма – Форт Росс. Перезвон колоколов стал традиционным и проводится ежегодно в августе. В определенный час перезвону в Тотьме отвечает колокол на часовне в Форте Росс.

В 1994 году состоялась II международная экспедиция «Северные храмы» в честь 200-летия православия в Америке. В церковь Троицы был передан колокол.

В 1996 году была привезена земля от часовни в Форте Росс и возложена в Тотьме на символичной могиле И. А. Кускова. В этом же году был открыт Музей мореходов в честь 300-летия Российского флота.

В канун Рождества 1997 г. в Генеральном консульстве Российской Федерации в Сан-Франциско состоялась передача иконы «Иоанн Предтеча» – дара Общества «Русская Америка» и Ю. А. Малофеева для часовни Форта Росс (Проект «Икона из России»). В том же году на приёме в Генконсульстве РФ в Сан-Франциско, устроенном в честь «Дня России», сотрудники Департамента парков и рекреации штата Калифорния вручили представителям Общества Владимиру Колычеву и Григорию Лепилину флаг штата в знак благодарности – «За сохранение исторического наследия штата Калифорнии».

В 1997 году состоялась конференция, посвященная 185-летию Форта Росс. Возле музея И. Кускова был поднят подаренный флаг штата Калифорния.

В 1998 году возникла идея о побратимских отношениях Тотьмы с одним из городов в Калифорнии. Подготовительная работа

---

[282] Рокитянский Н. Письмо из-за океана / Н. Рокитянский // Русская Америка. (№ 1).– Вологда, 1993. С. 4–5.

с российской стороны проводилась Генеральным консульством России в Сан-Франциско, а с американской – при содействии и непосредственном участии «Школы бизнеса и экономики» университета города Хэйвард. В результате переговоров и консультаций городом-побратимом выбран город Бодега Бэй. Этот город известен тем, что И. Кусков дважды в 1807 и в 1809 годах останавливался в нем до основания Форта Росс. По свидетельству Юльи Павловны Ерыкаловой основателем города считают Ивана Кускова. Именно он в апреле 1812 года в заливе Бодега Бэй основал порт Румянцева, на месте которого впоследствии и возник город.

Начало этим отношениям было положено подписанием Декларации об установлении побратимских связей в октябре 1998 года в Торгово-промышленной палате Бодега Бэй. В 1999 году Декларация была официально подтверждена Резолюцией Наблюдательного Совета округа Сонома. В августе 1999 года в Тотьме побывала американская делегация, представители которой вручили мэру города Тотьма «Официальное подтверждение Декларации об установлении побратимских отношений между Бодега Бэй и Тотьмой».

В августе 2007 года в г. Иркутск состоялось яркое событие – III Международная научная конференция «Русская Америка», которая объединила интересы представителей различных отраслей исторической науки: археологов, этнологов, специалистов по истории и культуре России и Америки и т. д. В конференции участвовала директор Тотемского музейного объединения Ю. П. Ерыкалова. В ноябре 2007 года в Москве состоялась еще одна международная конференция: «200 лет Российско-американских отношений», в которой также участвовала Юлья Павловна.

За сохранение Форта Росс пришлось побороться в 2009 году. Начался мировой финансовый кризис, предполагалось закрыть около 100 калифорнийских парков, в том числе и Форт Росс.[283]

В спасении форта приняло участие очень большое количество людей как в России, так и за рубежом: простые люди, ученые, Московское историко-просветительское общество «Русская Америка», вице-президент Исторической ассоциации Форта Росс Д. Миддлтон, полномочный посол России в США С. Кисляк, глава внешнеполитического ведомства страны С. Лавров. Был организован сбор подписей в России и в США в защиту Форта Росс, последовал шквал выступлений в печати и на телевидении. Также

[283] Романов В. «Русскую Америку» отстояли всем миром! / В. Романов // Красный Север. 2009.– 8 октября.

было направлено обращение губернатора Вологодской области В. Позгалева к коллеге в Калифорнии Арнольду Шварценеггеру. В июне глава группы компаний «Ренова» В. Вексельберг и губернатор Калифорнии Арнольд Шварценеггер в присутствии президента Дмитрия Медведева подписали соглашение о поддержке и сохранении Форта Росс.[284]

После борьбы за Форт Росс взаимоотношения Тотьмы и Калифорнии вышли на более технологичный современный уровень.

С 2010 года перезвон колоколов Тотьмы и Форт Росс, впервые проведенный в 1991 году, стал проводиться в режиме онлайн с использованием Интернет-технологий. Благодаря видеомосту, тотьмичи и гости города видели впервые на экране, установленном рядом с Входоиерусалимской церковью, старинное поселение Форт Росс и слышали звон колокола часовни, а в другой части мира, в США, участники мероприятия видели храм в Тотьме и слышали согласованное звучание восьми (сейчас их десять) колоколов на его звоннице.

В апреле 2012 года город Бодега Бей праздновал 200 лет со дня своего рождения. В праздничных мероприятиях принимала участие Ю. П. Ерыкалова. В дар городу были переданы копии портретов Ивана Кускова и его жены – Екатерины Прохоровны. В Тотьму были переданы сувенирные шары из красного дерева – секвойи, возраст которой более 150 лет. По словам американцев, они символизируют прошлое и настоящее. В один из дней делегация из России посетила Форт Росс, где была тепло встречена работниками местного музея и приняла участие в мероприятии со школьниками. Юлья Павловна рассказала, что в будни и праздники здесь можно увидеть детей и взрослых в традиционных русских нарядах, которые с удовольствием «играют в русских XIX века»: у них на груди крепится надпись с русскими или индейскими именами, готовятся блюда русской кухни, стражники с ружьями из запасников музея охраняют крепость, изготовляется разнообразная домашняя утварь и даже стреляет в сторону лазурного океана небольшая пушка-«единорог».

В дни юбилея – 28–29 июля 2012 года – колокольный перезвон в честь 200-летия Форта Росс объединил многие города России, а также бывшей российской империи с городами-побратимами на Аляске и в Калифорнии.

---

[284] Ложко А. Наша Америка за восемь долларов / А. Ложко // Невское время.– 2010.– 11 ноября.

Особенно масштабным стало празднование в Тотьме 200-летия Форта Росс в августе 2012 года. Впервые в Тотьме был проведен фестиваль американской этнической музыки «Блюграсс». Прибыли генеральный консул Американского посольства в Санкт-Петербурге Брюс Тернер и директор исторической ассоциации Форта Росс Джон Миддлтон, который привез для музея города несколько контейнеров соли – в знак того, что Тотьма славилась соледобычей, а возле Форта Росс тысячу лет назад индейцы также добывали соль,– и чеканную табличку, точную копию написанной двести лет назад И. Кусковым и закопанной им в районе города Бодега Бэй. Там написано: «Это владение земли русской».

В режиме реального времени американскую сторону поприветствовали глава Тотемского района Сергей Селянин, глава города Тотьмы Николай Лысанов, затем начался «Видеоперезвон».[285]

По инициативе коллектива музейного объединения, при поддержке генерального директора ОАО «Ростелеком» Андрея Ганова и тотьмича Владимира Александровича Тыкина, а также вологодского предпринимателя Алексея Геннадьевича Клевцова, директора ВПК «Связь», к юбилею Форта Росс в августе 2012 года были изготовлены и подарены 4 колокола на колокольню в Форте Росс. Все организационные вопросы по изготовлению, перевозке и вручению взял на себя американец русского происхождения Марк Гальперин. На юбилейных мероприятиях в августе 2012 года в Форте Росс звонили в колокола из Тотьмы в память о тех тотьмичах, кто не вернулся на родную землю и похоронен на местном кладбище вдали от Родины.

Спустя месяц Тотьма впервые принимала у себя в гостях индейцев племени Кашайя – того самого племени, на землях которого И. А. Кусковым был основан Форт Росс. Индейцы прибыли в Тотьму с декларацией о дружбе.[286]

В феврале 2013 года в Тотьму в рамках подведения итогов празднования 200-летия основания Форта Росс приехала президент «Общества по сохранению Форт Росс» Сара Свидлер.

Губернатор Вологодской области О. А. Кувшинников лично возглавил делегацию нашего региона, прибывшую с двухдневным официальным визитом в Калифорнию 27–28 июля 2013 года.

---

[285] «Ростелеком» организовал видеомост Тотьма – Форт Росс (США) [электронный ресурс]. URL: // https://www.rostelecom.ru/regions/north_west/press/d335162 (дата обращения – 18.10.2017).

[286] Из Калифорнии с любовью // Тотемские вести.– 2012.– 19 сентября.

Именно в это время проводился второй ежегодный форум «Диалог Форт Росс» (Диалог учрежден по инициативе послов М. Швыдкого и С. Кисляка в июне 2012 г.), в котором приняли участие представители правительств России и США, руководители корпоративного бизнеса. В числе российской делегации был и глава Тотемского района С. Л. Селянин. Форту Росс передали копии портретов Ивана Кускова и его жены Екатерины.

С 2012 года начата традиция проводить Дни Русской Америки в Тотьме: в 2012 году – в День города, а в дальнейшем – 27 июля. В это время двор дома-музея И. А. Кускова превращается в праздничную площадку. В это же время, в тысячах километрах от «Города русских мореходов», в американском Форте Росс проходит традиционный праздник «День живой истории», посвященный русской культуре (масштабные театрализованные действия, исторические реконструкции, фестивали русской культуры).

В 2014 году в рамках этого праздника впервые проведено заседание дискуссионного клуба «Американская гостиная», на котором обсуждались идеи дальнейшей популяризации наследия «Русской Америки» и увековечивания памяти С. Зайцева, открывшего миру множество имен местных мореходов.

В октябре 2014 года город посетили представители индейского племени Coast Miwok – соседи североамериканских Кашайя, представители коренного народа Америки во главе со смотрителем национального парка Форт Росс Робин Джой. Они познакомились с тотемскими достопримечательностями, побывали на экскурсии в Спасо-Суморином монастыре и, конечно же, в доме-музее И. А. Кускова. Кроме того, было проведено второе заседание дискуссионного клуба «Американская гостиная», в ходе которого все желающие могли пообщаться с гостями.

В 2015 году член Союза писателей Москвы, вологжанин С. Тихомиров представил землякам свою новую книгу «Одиссея северных колумбов», которую он старался закончить к празднованию 250-летия со дня рождения И. Кускова. Книга вышла в свет на средства гранта, полученного Тотемским музейным объединением. Она посвящена жизни И. Кускова. В основу повествования легли исторические документы, ранее никогда не публиковавшиеся, впервые представлена генеалогия известного путешественника, рассказ о его родителях и детских годах, о взаимоотношениях русской администрации Форта Росс с племенами индейцев. Впервые описано возвращение купца из Русской Америки в родную Тотьму и названы причины его задержки на другом континенте: уйдя с

поста правителя крепости, наш земляк ждал из России своей замены долгих пять лет.[287]

Центральное место программы Дня города Тотьмы в 2015 году было отведено 100-летнему юбилею Тотемского музейного объединения и другим памятным датам Тотемского района: 25-летию московского историко-просветительского общества «Русская Америка» и 250-летию со дня рождения основателя Форта Росс Ивана Кускова. Был проведен «Американский бал у Кусковых». Примечательным событием стал и показ художественного фильма «Форт Росс: в поисках приключений». Следует отметить, что в этот год перезвон колоколов с Дня города перенесли на день Русской Америки.[288]

Музей мореходов, дом-музей И. А. Кускова и мемориальный музей Николая Рубцова Тотемского музейного объединения в 2016 году были запечатлены в коллекционных деревянных медалях – так называемых «Марках туриста», которые действуют в двадцати странах мира. «Марку туриста» можно получить, только посетив место, изображенное на ней. Ежегодно в Европе проходят слеты коллекционеров и устраиваются конкурсы на лучшее оформление коллекций. В нашей области до недавних пор «марку» имел только Дом Деда Мороза в Великом Устюге. Теперь сразу три коллекционных марки получила Тотьма.[289]

В 2016 году в Тотьму дважды приезжала консул США по вопросам прессы и культуры Сюзан Боден: в январе и на праздник Дня Русской Америки. Она отметила необычные названия местных кафе: «Аляска», «Калифорния», «Форт Росс». При её участии на доме краеведа Станислава Зайцева была открыта мемориальная доска.

22 августа 2016 года в Представительстве Вологодской области при Президенте РФ и Правительстве РФ состоялась встреча Московского историко-просветительского общества «Русская Америка» с Робин Джой – сотрудником Департамента государственных парков штата Калифорния и координатором образовательных программ государственного исторического парка «Форт Росс». На встрече были представлены образовательные программы, которые осуществляются в Форте Росс. В этом же году представители

---

[287] Тихомиров С. Одиссея северных колумбов / Т. Тихомиров.– Вологда, 2014.

[288] Столетие музея Тотьмы станет главным событием Дня города [электронный ресурс]. URL: // http://vologda-oblast.ru/novosti (дата обращения – 15.10.2017).

[289] Музеи Тотьмы запечатлели в коллекционных «Марках туриста» [электронный ресурс]. URL: // http://vologda-oblast.ru/novosti (дата обращения – 15.10.2017).

ТМО – директор А. М. Новосёлов и экскурсовод А. В. Пахнин – побывали на конференции «Каргополь и Русский Север в истории и культуре России» в Каргополе, где также пообщались с Робин Джой. В рамках этой конференции состоялась секция, посвящённая истории «Русской Америки» и личности начальника Ивана Кускова – каргопольца А. А. Баранова. Лектор-экскурсовод ТМО А. В. Пахнин рассказал о мультимедийных играх на тему российско-американских отношений, существующих в ТМО.

Нельзя не отметить и празднование дня города Тотьмы в 2017 году – городу исполнилось 880 лет со дня основания, также ко Дню города приурочено было празднование 205-летия Форта Росс. Во время визита в Иркутск директор ТМО А. М. Новосёлов и краевед А. В. Кузнецов посетили потомков тотемской династии Кусковых, проживающих в этом городе, посетили могилу Александра Дмитриевича Кускова, который в 1915 году передал в тотемский музей портреты Ивана Александровича и Екатерины Прохоровны.

Помимо того, в 2017 году состоялись две встречи в рамках «Диалога Форт-Росс»: в мае во Пскове и Изборске (при участии тотьмичей директора ТМО А. М. Новосёлова и скульптора В. Н. Фадеева) и в октябре – в Сан-Франциско. Весной в связи с изменившейся политической ситуацией не все американские деятели приехали в Россию. Дезорганизован оказался и процесс выдачи американских виз россиянам, в результате не все смогли присоединиться к российской делегации. В Сан-Франциско состоялся диалог Олега Кувшинникова и его калифорнийского коллеги Джерри Брауна. Обсуждение вопросов нормализации российско-американских отношений продолжилось и на встрече с экс-министром обороны США Уильямом Перри. На этот раз в Форт привезена икона покровителя и защитника Тотьмы преподобного Феодосия Тотемского, основателя Спасо-Суморина монастыря, где находится могила И. Кускова.[290] О. Кувшинников отметил, что в Тотьме есть музей И. Кускова с подготовленной обширной программой сотрудничества с американской стороной, ежегодно устраиваются онлайн перезвоны с колокольней Форта. Губернатор предложил пойти дальше и проводить ежегодные Дни Русской Америки, совместные концерты музыкантов двух стран с трансляцией их по всему миру. Мысль его калифорнийскому коллеге понравилась.

---

[290] Глава Вологодчины встретился с Губернатором Калифорнии и экс-министром обороны США [электронный ресурс] URL: // http://vologda-oblast.ru/novosti (дата обращения – 10.11.2017).

Следует отметить, что МИД России высоко оценивает взаимоотношения Тотьмы и Калифорнии и поддерживает решение о проведении в 2019 году конференции, посвященной Русской Америке в городе Тотьма и трансляции мероприятий в сети Интернет по обе стороны океана.[291]

Как видим, перспективы дальнейшего развития взаимоотношений Тотьмы и Калифорнии есть. Нельзя допустить утраты этих взаимоотношений, ведь столько сделано для их налаживания, а главное – люди хотят сохранить эти личные и исторические связи между странами. Необходимо дальше продолжать и развивать общение простых людей, ученых и бизнесменов, Дни Русской Америки с онлайн приветствиями и перезвонами, обмен делегациями, конференции, «Диалог Форт Росс», в рамках которых проявляется доброжелательное отношение россиян, и тотьмичей в частности, к жителям Калифорнии и всей Америки. Это может значительно способствовать не только культурному обмену и сохранению знаний о важных исторических событиях, но и изменению политики американской стороны в отношении России на более конструктивное направление.

Новосёлов Алексей Михайлович,
МБУК «Тотемское музейное объединение», г. Тотьма

НЕМНОГО О ПОТОМКАХ ДИНАСТИИ КУСКОВЫХ В ИРКУТСКЕ

В апреле 2017 года автором был выигран тревел-грант ПАО «Северсталь» на стажировку по теме «Тотьма-Прибайкалье: точки соприкосновения». Грант предполагал организацию поездки в Улан-Удэ, Иркутск и Красноярск, которая состоялась 8–22 июня того же года в компании известного тотемского краеведа Александра Кузнецова. Основной целью прохождения стажировки было ознакомление с храмами, построенными на территории Иркутской области и Республики Бурятия и имеющими в своём облике черты «тотемского барокко». Эти цели были достигнуты; но, наверное, самым волнительным и впечатляющим итогом нашей поездки в Прибайкалье стало знакомство с представителями династии Кус-

[291] МИД РФ высоко оценивает опыт развития международных связей Вологодской области [электронный ресурс]. URL: // http://vologda-oblast.ru/novosti (дата обращения – 10.11.2017).

ковых – той самой, которая прослеживается в Тотьме еще с начала семнадцатого века и представителем которой стал знаменитый Иван Кусков, основатель Форта Росс в Калифорнии.

Историю предков Ивана Кускова мы знали благодаря архивному исследованию Елены Драницыной, опубликованному в первом выпуске краеведческого альманаха «Тотьмич»[292]. Но с потомками ситуация обстояла сложнее. Долгое время по умолчанию считалось, что о них никакой информации нет. Иван Александрович и Екатерина Прохоровна Кускова своих детей не имели, брат Ивана Дмитрий также умер бездетным. Следы Екатерины Прохоровны затерялись в Вологде, куда она уехала со своим новым мужем, отставным винным приставом Поповым. Потому все рассуждения о том, что какие-либо Кусковы или Поповы являются потомками знаменитого морехода, были не более чем гипотетическими.

В том же апреле 2017 года, работая над альбомом «Осколки времени», мы писали о том, что в 1915 году членом тотемского отделения Вологодского общества изучения Северного края стал некий А. Д. Кусков, домовладелец из Иркутска. Именно он отправил в Тотьму подлинные портреты Ивана и Екатерины Кусковых – те самые, что сейчас находятся в нашем музее. Но более ничего об этом человеке нам было не известно.

С каким же волнением мы узнали – случайно, из Интернета, что прямые потомки А. Д. Кускова сейчас проживают в Иркутске! Сайт одной из иркутских газет сообщал в небольшой заметке о том, что заседания местного исторического клуба «Иркутск – Форт-Росс» посещает продолжательница династии Кусковых Мария Прохорова. Поиск по имени и фамилии в социальной сети, набор сообщения, томительное получасовое ожидание – и, наконец, ответ, извещающий о том, что с нами будут рады встретиться и поделиться информацией!

Благодаря отзывчивости наших новых знакомых, мы познакомились не только с Марией, но и с её мамой, и двоюродной бабушкой. Нелли Андреева, Ирина Курнаева и Мария Прохорова совместно познакомили нас с историей своей семьи. Оказывается, их родовая линия идёт от родного брата Ивана Кускова – Петра Александровича. Александр Дмитриевич Кусков, в 1915 году отправивший в Тотьму те самые портреты, был его правнуком.

---

[292] Драницына Е. А. К вопросу изучения генеалогического древа И. А. Кускова. // Тотьмич: краеведческий альманах Тотемского музейного объединения.– Вып. I.– Вельск, 2015. С. 53–57.

В 1890-е годы Александр Кусков, проживавший тогда ещё в Тотьме, познакомился с девушкой Анной, которая происходила из бывших крепостных крестьян. Родители Александра не дали ему благословения на брак, но молодые решили иначе и, поженившись, отправились из Тотьмы в Сибирь. После нескольких лет скитаний семья по воле судьбы обосновалась в Иркутске – городе, в котором когда-то бывал и Иван Александрович Кусков. Родители, судя по всему, всё-таки простили Александра за побег из Тотьмы и периодически присылали посылки из родных мест с разнообразными подарками. Вероятно, в одной из таких посылок оказались и портреты Ивана и Екатерины Кусковых, которые ранее хранились в Тотьме, в семье матери Александра Дмитриевича Надежды Кусковой.

Связь с иркутскими Кусковыми, по-видимому, сохранялась и у председателя уездной земской управы В. Т. Попова, и у последующего поколения краеведов, основавших тотемское отделение ВОИСК. Вероятно, именно эти краеведы и попросили Александра Дмитриевича прислать портреты обратно в Тотьму для созданного в 1915 году музея. Кусков охотно откликнулся на просьбу; по сохранившимся в семейных архивах воспоминаниям, эти портреты стояли в дальней комнате дома изображением к стене и не использовались в интерьерах. Портреты отправились в Тотьму из дома по улице Медведниковской, 7, а чуть позже семья Кусковых переехала в дом по Ланинской, 18. Первый адрес на современной улице Степана Халтурина не сохранился, а вот второй дом (современный адрес: улица Декабрьских Событий, 12) сохранился в целости и сохранности.

Нам посчастливилось увидеть этот дом, а также посетить на иркутском кладбище Лисиха могилы Александра Дмитриевича и Анны Ивановны Кусковых. К сожалению, эта фамилия в роду не сохранилась. В настоящее время потомки Кусковых носят фамилии Андреевы, Прохоровы, Власенко и Курнаевы. Составлено подробное родовое древо, начинающееся от тотьмича Петра Кускова; сохранилось немалое количество фотографий иркутян-представителей этой фамилии. Эти материалы пополнили фонды нашего музея, а переписка с иркутскими Кусковыми обязательно продолжится. Тем более, как заверили нас наши собеседницы, они были бы рады познакомиться с Тотьмой – городом, откуда пошли их корни.

И это было бы очень символично, ведь, поскольку у Ивана и Дмитрия Кусковых детей не было, иркутские представители ди-

настии в настоящее время являются самыми близкими родственниками морехода Ивана Александровича Кускова.

Знакомство с Кусковыми стало не единственным неожиданным результатом нашего путешествия в Прибайкалье. В Иркутской библиотеке им. Молчанова-Сибирского нам удалось найти интересный материал о купцах Хаминовых. Представители этой фамилии в девятнадцатом столетии жили в двух городах: Сольвычегодске и Иркутске. Иван Степанович Хаминов, иркутский купец, являлся почётным попечителем Михайло-Архангельской Харлампиевской церкви и был похоронен за её оградой. Его вдова Евдокия Ивановна, покинув Иркутск, направилась на постоянное место жительства в Сольвычегодск. Проживая там, она неоднократно совершала поездки в столичный Петербург, и путь её неизменно проходил через Тотьму. Во время одного из таких визитов она заметила в Тотьме одарённого юношу, который интересовался живописью и неплохо рисовал. Купчиха решила помочь ему получить образование и взяла с собой в Петербург, профинансировав обучение в Академии художеств. Так с лёгкой руки Евдокии Хаминовой Тотьма получила выдающегося художника Феодосия Вахрушова. Ранее музейщики знали только фамилию богатой вдовы; о том, кем она была и чем занималась, нам было неизвестно. Благодаря визиту в Иркутск открылась и эта тайна.

Немало интересной информации удалось найти и об истории местных храмов, некоторые из которых имеют явные черты «тотемского стиля». Материал «Сибирские следы тотемского барокко» подготовлен к публикации во втором издании альбома-путеводителя «По следам тотемского барокко», которое планируется выйти в свет в марте 2018 года.

Кошелева Марина Николаевна,
АНО «Бирюзовый дом», г. Москва – с. Никольское, Вологодская область

«СЕРЫЙ КАМЕНЬ» В ОКРЕСТНОСТЯХ СЕЛА НИКОЛЬСКОГО

Большие валуны в Вологодской области названы известным вологодским краеведом А. В. Кузнецовым «ледниковыми пришельцами». «Вологодская область,– писал он – в четвертичном периоде неоднократно покрывалась ледниковыми щитами, медленно сползавшими со Скандинавских гор и Кольского полуострова... Колебания климата приводили ... к таянию мощных скоплений

льда, после чего на освободившейся поверхности земли оставались в качестве отложений глина, песок, гравий и многочисленные камни...»[293].

Состав этих камней был определен еще в начале XX века участниками экспедиции по оценке земель Вологодской губернии: «Эратические валуны» состоят из «гранита, слюдяного сланца, диорита, кремня и особенно из горного известняка с Spirifercrassus»[294].

В настоящей работе мы хотим рассказать о значении камней, почитаемых в окрестностях села Никольского, расположенного на реке Толшме в Тотемском районе Вологодской области, их месте в «Толшменской картине мира».

О том, что такие камни есть, стало ясно для нас ещё по итогам экспедиции «Журавли над Николой» (2012 год), когда в беседе с жительницей села Никольского Ниной Михайловной Шестаковой автором был записан передаваемый из поколения в поколение местный заговор со строчкой: «*Пусть мои переговоры будут лепки и крепки, крепче Камня Серого, Сабли Острой*»[295].

Если сравнить данный текст со строчками найденных А. В. Кузнецовым народных песен о Сером Камне – «*Зародилося горе из-под камешка, из-под Серого...*», «*Горюшко ты серое...*», «*Серый камень, серый камень, серый камень сто пудов...*» (1),– то можно увидеть, что упомянутый в заговоре Серый камень несет в себе совершенно иной, чем в приведенных песнях, смысл.

О том, что Серый камень, находящийся в часе ходьбы от села Никольского, связан с «гением места» поэтом Николаем Рубцовым, мы с фотографом Андреем Кошелевым узнали от жителя села Никольского Владимира Александровича Нечаева, лично знавшего поэта и на всю жизнь запомнившего встречу с ним у Серого камня. Сам Владимир Александрович уже не мог сопровождать нас по состоянию здоровья, но посоветовал нам взять в проводники своего однофамильца – Нечаева Николая Алексеевича. В мае 2016 года мы дошли до Серого Камня.

После размещения фоторепортажа в социальной сети «ВКонтакте» были получены новые краеведческие сведения. Оказалось, что Серый Камень играл важную роль в жизни местных жителей,

---

[293] Кузнецов А. В. Почитаемые камни на Вологодчине. Тотьма, Вологда: Лисья Гора, 2016.

[294] Материалы для оценки земель Вологодской губернии.– Том III.– Вологда, 1908. С. 11.

[295] Материалы экспедиции «Журавли над Николой». 2012. Шестакова Нина Михайловна (1935 г.). Текст Заговора. Записан со слов Богдановой Алевтины Николаевны (1928 г. р.), а та – со слов Антуфьевой Манефы Александровны (1919 г. р.).

в том числе – жителей поселков спецпереселенцев. Результаты мини-экспедиции были опубликованы в газете «Тотемские вести»[296].

В августе 2017 года автором была организована, при участии ученых из Москвы, этнографическая экспедиция «Толшма – долина детства». Одна из задач экспедиции предполагала выявление значения камней в жизни местных жителей, в местном фольклоре и в творчестве Николая Рубцова. Были осмотрены: «Перекат Камешник», «Рубцовский камень» на «Церковной горе» и «Серый камень» и состоялись беседы с местными жителями.

От жительницы деревни Погост Меньшиковой Нины Александровны мы узнали об отмеченном жителями уникальном свойстве Серого Камня: «Если туча идет напролом, не огибая камень окольным путем, то камень рассекает её пополам, и дождь не может пролиться»[297].

Интересные сведения были получены также по объекту «Перекат Камешник». Прежде всего было уточнено его народное название – «Гата» (ударение на втором слоге). Гата – это цепочка камней на перекате, по которым можно перейти реку[298]. «Камешкурская гата» не только позволяет перейти на противоположный берег Толшмы, в Сиперовский лес, но и в немалой степени способствует рыболовству. Ловушки для рыбы устанавливаются между камнями.

Даже на большом отдалении от «Камешкурской гаты» отчетливо слышен шум воды, бегущей по камням. Есть предположение, что шум перекатов Толшмы эхом отозвался в стихотворении Николая Рубцова алтайского цикла «Шумит Катунь». Исследователи уже отметили, что в стихотворениях алтайского цикла часто встречаются приметы родного края («Еще бы церковь у реки, и было б всё по-вологодски»). Поэтому за строкой «Лицом к реке садился я на камень» можно увидеть и Рубцова на Камешкурской гате. Если учесть, что Рубцов любил обе стороны, соединяемые гатой – Сиперовский лес и деревню Камешкурье, где у него были друзья на ветеринарной станции и где, «за оврагом», он даже собирался купить себе избу, то предположение выглядит весьма убедительным.

Вернемся к Серому камню. Рассматривая его фотографии, А. Кузнецов нашел, что у него «ярко выраженные фаллические

---

[296] Кошелева М., Кошелев А. К Серому камню – по лягам. // Тотемские вести.– Тотьма, 2016, 25 мая. С. 5.

[297] Материалы экспедиции «Толшма – долина детства». 2017. Меньшикова Нина Алексеевна, д. Погост, 8 августа 2017 г.

[298] Материалы экспедиции «Толшма – долина детства». 2017 г. Плотников Владимир Алексеевич, д. Камешкурье, 5 августа 2017 г.

формы». «Необычная форма валуна,– пишет краевед,– явно дело рук человеческих». Цитируя далее упомянутые выше строки народных песен, А. Кузнецов предположил, что *«в большинстве своём символика Серого камня через обращение к горю отражала почитание умерших родителей, дедов, прадедов, а форма фаллоса дарила надежду на новую жизнь»*.

Мы познакомили с мнением краеведа нашего проводника к Серому Камню Николая Алексеевича Нечаева. Тот не согласился с тем, что камень обрабатывался человеком: «Это было бы видно»[299].

На наш взгляд, символика Толшменского Серого камня соединена со Словом. Для обоснования такого предположения можно было бы привести три аргумента:

1. Фрагмент текста местного заговора: «Пусть мои переговоры будут лепки и крепки, крепче Камня Серого, Сабли Острой».

2. Текст учения Святителя Григория Богослова: ««В человеке сокрыта искра благочестия, как в некоторых камнях – сила огня. Ударами железа извлекается свет из кремней; так и Слово изводит из смертных сокрытое в них благочестие»[300].

3. Созвучный и тексту Святителя, и народному заговору текст стихотворения Николая Рубцова:

Брал человек
Холодный мертвый камень,
По искре высекал
Из камня пламень.
Твоя судьба
Не менее сурова –
Вот так же высекать
Огонь из слова!

Но труд ума,
Бессонницей больного,–
Всего лишь дань
За радость неземную:
В своей руке
Сверкающее слово
Вдруг ощутить,
Как молнию ручную!

---

[299] Материалы экспедиции «Толшма – долина детства». 2017. Нечаев Николай Алексеевич. С. Никольское, 13 августа 2017 г.

[300] Святые отцы Церкви и церковные писатели в трудах православных ученых. Святитель Григорий Богослов.– М.: Сибирская Благозвонница, 2011. 384 с. С. 147.

Раздел второй

РУССКИЙ СЕВЕР: ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА, ЛЮДИ

Ермолин Евгений Анатольевич,
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского», г. Ярославль

МИФОЛОГЕМА РУССКОГО СЕВЕРА: ВЕРБАЛЬНЫЙ ТЕКСТ

Придуманное, как принято считать, в конце XIX века губернатором Архангельской губернии Александром Энгельгардтом для практических нужд понятие «Русский Север»[301] быстро стало жить своей жизнью, не зависящей от воли автора, наполняться новым содержанием. В нем присутствуют административные, политические и экономические аспекты, но доминирует культурный ракурс. Русский Север как явление культуры – это не столько географический феномен, сколько мифологема[302]. Она пространственно локализована, но при этом границы ее лишены определенности. По крайней мере, понятно, что культура европейского севера России – это не исключительно русская культура. У названной мифологемы есть исторические рамки, но они так же проблематичны (скажем, советская северная культура явно не вписывается в нее целиком). Не совпадает семантика мифологемы Русского Севера и с пикановской эмпирической схематикой местных культурных гнезд[303]. Между тем, смысловая основа мифологемы считывается без труда и ее семантическое ядро фиксируют довольно однозначно.

Так, Д.С. Лихачев медитировал: «...самое главное, чем Север не может не тронуть сердце каждого русского человека,– это тем, что он самый русский. Он не только душевно русский,– он русский тем, что сыграл выдающуюся роль в русской культуре. Он не только

---

[301] Энгельгардт А.П. *Русский Север*: *путевые записки*.– СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1897.

[302] Теребихин Н.М. Метафизика Севера: Монография.– Архангельск: Поморский университет, 2004.

[303] Чмыхало Б.А. Региональные проблемы истории русской литературы: автореферат дис. ... д-ра филолог. наук: 10.01.01; Уральский гос. ун-т им. А.М. Горького.– Екатеринбург, 1993.

спасал Россию в самые тяжелые времена русской истории – эпоху польско-шведской интервенции, в эпоху первой Отечественной войны и Великой, он спас нам от забвения русские былины, русские старинные обычаи, русскую деревянную архитектуру, русскую музыкальную культуру, русскую великую лирическую стихию – песенную, словесную, русские трудовые традиции – крестьянские, ремесленные, мореходные, рыболовецкие»[304]. Здесь у Д. С. Лихачева формула спасения, укорененная в христианском религиозном контексте, адаптируется к контексту советскому и в конечном счете фиксирует Русский Север как страну живой памяти, как заповедник старины.

Еще в начале XX века сложился тот консенсус, которому суждено было пережить советскую эпоху. И уже в наше время, в духе этой традиции, культуролог А. Б. Пермиловская, к примеру, не без оснований констатирует: «Русский Север являлся контактной зоной разных этнических культур, но особые условия русской колонизации и исторического развития превратили его в заповедник древнерусской культуры. <...> Русский Север сыграл выдающуюся роль в создании общерусских культурных символов»[305].

Не подвергая сомнению историческую подоплеку этой репутации, заметим, что она есть результат работы мифологизирующего сознания, концентрирующей определенно семантическое ядро путем переработки образов и метафор, партиципирующей кристаллизации великой метатемы.

Память Русского Севера лишь отчасти историческая, преимущественно же это сложившаяся в специфической культурной резервации, довольно далекой от истории с ее перманентной актуальщиной, память мифа, славяно-варяжская архетипическая память о стародавнем эпическом золотом веке, о старинной былинной Руси, стране свободной героики и вольных нравов, о великих баснословных городах – Киеве, Новгороде, о каменном цветке Соловков[306], о всецело былинном «Ерославе» («Ерослав-город загорается...»), который лишь посредством ни к чему не обязывающей догадки может быть сопоставлен или отождествлен с «профанным» Ярославлем.

---

[304] Лихачев Д. С. [Предисловие] // Гемп К. П. Сказ о Беломорье.– Архангельск: Северо-Зап. кн. изд-во, 1983. С. 7.

[305] Пермиловская А. Б. Русский Север – специфический код культурной памяти // Культура и искусство.– 2016.– №2.– С. 155–163. URL: http://www.nbpublish.com/library_get_pdf.php?id=36733.

[306] Ермолин Е. Звезда и крест: история Соловков неотделима от истории России... // Северный комсомолец.– 1989.– 12 авг. (№ 33). С. 8.

Эта древняя культурная руда, которая слежалась в архетипы на дне коллективного сознания и всплывала оттуда, актуализируясь, впрочем, довольно необычно – не пеньем брадатых старинушек, не сказом эпических бардов, но женским причитанием, бабьим бормотанием и лепетом, скорее как волшебная сказка, чем как звонкая эпическая быль. В этой северной памяти древнее солнце эпических и сказочных героев стояло на вечном закате и никогда не заходило – вплоть до недавнего века до великих сказительниц Марии Кривополеновой и Марфы Крюковой,– до тех пор, пока жизнь была устроена, по сути, внеисторически, подчинена извечным ритмам религиозной и бытовой традиций. Его успели опознать и зафиксировали его словесные транскрипты фольклористы Гильфердинг и Марков, Григорьев и Ончуков. Да ведь и «Слово о полку Игореве» обретено было на границе именно этого мира, в Ярославле (а по новейшей версии – в вологодских краях, в Кирилло-Белозерском монастыре[307]).

Культура Русского Севера раскрывается словесно едва ли не в наиболее значительной степени. Как и русская культура в целом, она очевидно вербальна, литературоцентрична. Между тем, рефлексия о вербальном, литературном представительстве в мифоконтексте Русского Севера развивается лишь в последнее время[308].

Исток литературы Русского Севера – это мифолегендарная память, превратившая географический локус в особого рода культурное урочище. А ее ярчайшая страница и основа северной литературной традиции – религиозная словесность русской Северной Фиваиды. Эта словесность, собственно, в такой же степени исток, в какой – составная часть, элемент фундамента той литературы, которая появится позже.

В середине второго тысячелетия здесь, на севере, на периферии набирающей силу московской государственности, сложилось

---

[307] Бобров А.Г. Происхождение и судьба Мусин-Пушкинского сборника со «Словом о полку Игореве» // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2014.– Т. 62.– С. 528–553.

[308] Красильникова С.В. Образы и смыслы текстового пространства литературы Русского Севера в контексте православно-сакральной топографии // Cuadernos de Rusística Española. 4 (2008).– P.79–91; Северный и Сибирский тексты русской литературы как сверхтексты: типологическое и уникальное: сборник. Сост., отв. редакторы Е.Ш. Галимова, А.Г. Лошаков.– Архангельск: ИД САФУ, 2014; Геопоэтика Севера в русской литературе и текстах культуры народов циркумполярного мира: сборник научных статей. (Поморские чтения по семиотике культуры; вып. 9). Ред. кол.: Е.Ш. Галимова [и др.].– Архангельск, 2016. См. также мой первоначальный вариант данной статьи: Ермолин Е. Ночи и дни окном на полюс // Октябрь. 2016. № 7. URL: http://magazines.russ.ru/october/2016/7/nochi-i-dni-oknom-na-polyus.html.

пространство свободной веры, уединенной монашеской аскезы, общинного самостроительства,– духовное отечество всех тех, кого стесняли стандартные формы церковности, искаженные внешним, недобровольным принуждением и обремененные беспринципными компромиссами с властью и обществом. Этот опыт вызвал к жизни особого качества словесность, в которой вероисповедное содержание реализовалось в культурном контексте, предполагающем сочетание глубокой убежденности в своей правоте с рефлексом духовной свободы.

Главный жанр этой словесности – авторская исповедь, принявшая форму жития, радикально трансформированного пафосом личного свидетельства, покаяния и обличения. Это традиция, заложенная тишайшим старцем Елеазаром Анзерским и продолженная огнепальным протопопом Аввакумом Петровым. Здесь же – подлинные корни русской публицистики, неистовой и полемичной, судящей прогнивший мир идеалами высочайшей пробы. Пустозерские и соловецкие аввы, мудрецы Выгореции – свободные мыслители и полемисты старообрядческой складки, на дух не переносившие лукавой московско-ордынской церковности-государственности. На границе этих двух форматов одухотворенного слова – северный духовный стих. Фольклорный извод веры.

Литература (авторская проза и поэзия, публицистика, эссеистика и критика) возникает там, где человек выходит в пространство истории, в мир, где все происходит однажды и где человеческий опыт несет на себе печать уникальности. Именно так и случилось когда-то впервые на Русском Севере у Елеазара и Аввакума, у Игнатия Соловецкого, попа Лазаря и инока Епифания, у братьев Андрея и Семена Денисовых. Куда бы всё ни шло с тех пор, но личное взыскание смысла, экзистенциальная тревога, трагические вопрошания, риск личной веры, готовность не только жить, но и умереть за убеждения – они не уходили совсем с метафизического горизонта, из практики.

В этой религиозной словесности, если взять ее суммарно, складывается особое понимание жизни с ее проблемами и задачами, особое видение личности. Генеральная мысль сложившейся в этом контексте северной литературы – это, попробую утверждать, мысль о неполноте безличностных форм жизни, связанной запретами и принуждением, о преодоленном искушении роевым строем общественного бытия – и о явлении личности как равноправного собеседника всему миру, как одинокого искателя и вопрошателя, как свидетеля истины и друга Бога.

Итак, начальная глава литературы Русского Севера – поморский, олонецкий, печорский фольклор и духовная словесность. (В более широком горизонте определяет содержание начального этапа С. В. Красильникова: «Все известные тексты можно условно разделить на три группы по их функции в культуре: в первую входят рукописные памятники, преимущественно церковные летописцы, жития святых, старообрядческие сочинения, во вторую – исторические сочинения севернорусских авторов, преимущественно печатные (городовые летописцы, исторические очерки, церковно-исторические описания, духовно-религиозные сочинения: проповеди и слова церковных иерархов, стихи и вирши студентов духовной семинарии, похвальные и пастырские поучения, этнографические сочинения, автобиографические и мемуарные произведения и т. п.), в третью – беллетристические сочинения, пользовавшиеся большой популярностью в низовой среде – описания похождений разбойников, переработки волшебно-рыцарских романов, волшебных сказок, былин и т. д.»[309].

Культура Русского Севера – это укорененный в вечности экстремальный опыт духовной свободы, основанный на стоическом преодолении тягот бытия и на бескомпромиссном влечении к получающей по-разному выраженные формы гармонии. Пограничен по отношению к мифологеме Русского Севера (но отнюдь не чужд ей) особый вектор традиции: мифосфера и фольклор народов Севера. Некоторые из них – меря, весь, чудь – известны почти лишь по именам. Другие – коми, ненцы, карелы – сохранили себя и уже литературно самореализовались в минувшем веке. Однако, рискну утверждать, их культурные традиции так и не стали продуктивным истоком развития. Присутствие этого, особого мифолегендарного локуса в совокупной культуре Севера ощутимо довольно слабо; его можно рассматривать как некий потенциал, который еще может быть реализован, но обязательств и гарантий тому нет. В пределах европейского Севера оформились литературы на языках народов коми, карельская и ненецкая. Две последних созданы в советское время и несут на себе его непростую печать. Литература коми (зырян) – старее, там уже в первой половине XIX века был Иван Куратов, и от него можно, например, даже перебросить мост к нашему современнику, прозаику-тонкому метафизику народной

[309] Красильникова С.В. Образы и смыслы текстового пространства литературы Русского Севера в контексте православно-сакральной топографии // Cuadernos de Rusística Española. 4 (2008). P.80.

жизни, унаследовавшему и традиции аввакумовского бунтарства Юрию Екишеву (впрочем, русскоязычному). В целом народы эти были придавлены империей, культура их геттоизировалась, литературные языки созданы поздно и были достоянием немногих, и, возможно, по-русски в итоге отдельные выходцы выражали себя даже полнее, чем на коренном языке. Есть ощущение, что для этих народов литература в итоге представляет собой явление периферийное.

Вернемся к основному смысловому вектору северной словесности.

Он реализовывался изначально в личностном опыте, а в XX веке, когда исторические перипетии привели к распаду малоподвижного традиционного порядка жизни,– в масштабе всего северного социума.

Люди лишились привычного миростроя и оказались один на один с грозным молчанием бытия, на Севере выламывающегося из любой рамы в пространство риска и смерти. Речь не шла о частных несовершенствах, неуютах бытия. Речь нередко шла о радикально проблематизированном его сущностном пороке, о неизлечимой травме существования.

Драму такого разлада и одиночества несут в себе писатели Севера и их тексты. Эту тему уже во второй половине XX века поддержали, например, Николай Рубцов, Федор Абрамов, Владимир Личутин, Ксения Гемп, а в наше время – Дмитрий Новиков, Моше Шанин, Александр Бушковский, Ирина Мамаева, Александр Киров, Сергей Павловский и другие литераторы, зафиксировавшие разложение и крушение вековечного эпического строя жизни.

Здесь начинается личный поиск правды. Отсюда каждый автор идет своим путем. Смысловое пространство северной культуры оказалось довольно гибким и открывало разные возможности ментального конструирования. Можно сказать, что в былом каждый писатель полюбил что-то свое. К примеру, можно было примерять к себе и герою свободный дух северного человека, неприятие им внешнего принуждения, государственного диктата, открытый горизонт его мысли, вообще открытость его ближнему и дальнему; различать в себе и герое необазиаченного россиянина, европейца. Но были и другие варианты выбора.

Непосредственное, так сказать органическое, восприятие и продолжение северных традиций у писателей XX века оказались, нельзя не заметить, осложнены сильнейшим влиянием южнорусской литературы (по отношению к Русскому Северу *Юг* начинается

с Поволжья или уж, во всяком случае, с Подмосковья). А еще больше – воздействием литературы и идеосферы, жизненных навыков и социальных стереотипов имперской России. Влияние это было и безусловно благотворным, и – очень часто – искусительным.

Имперская культура отсасывала культурные силы в свои столичные центры и включала их в свои контексты, часто весьма далекие от северной традиции. Когда-то Н. А. Добролюбов замечал: «Вся литературная деятельность сосредоточивается у нас почти исключительно в двух столицах, и мы смотрим на это как на вещь совершенно нормальную, полагая, что этому так и быть должно, что это все в порядке вещей. Между тем ничего не может быть страннее такого явления <...> Отчего, если дельный человек заведется где-нибудь в Пензе, в Устьсысольске или в Стерлитамаке, он непременно тянется в Петербург или уж по крайней мере в Москву? Кто бывал в наших провинциальных городах, для того, вероятно, нетруден будет ответ на этот вопрос. Ясное дело, отчего мужик свой хлеб на базар везет, часто за несколько десятков верст: в своей деревне у него сбыту нет. То же самое и с литературной деятельностью. Люди в провинциях учатся, занимаются, работают; но результат их работы не может проявиться вне столиц. Наши провинции, не говоря об административном и других житейских отношениях, даже и в интересах умственных вовсе не живут своей отдельною, самостоятельною жизнью: к ним приходит из Петербурга свет либо из Москвы. Сюда все централизовано: здесь и академии наук и художеств, здесь и университеты, и публичная библиотека, и ученые общества, и редакции всех журналов и газет, и свежие иностранные новости. Провинция отсюда получает просвещение, сюда обращает она свое любопытство; отсюда узнает она даже о самой себе»[310].

Характерно, что северные таланты в давнее (Михайло Ломоносов), недавнее и наше время ищут себя в литературных столицах, где больше возможностей для самореализации, в том числе и в ракурсах северной памяти. Нередко и местная литература в Архангельске, Вологде, Петрозаводске, Мурманске, Сыктывкаре и Воркуте, Каргополе и Череповце произрастает уже на сугубо общероссийской культурной почве, лишь отчасти скрашенной инъекциями северной экзотики,– почве очень разной (к сожалению, иногда она явно подпорчена советским стандартом или миазмами великодержавности).

---

[310] Б. а. [Добролюбов Н. А.] Пермский сборник // Современник.–1859.– № 10, отд. III.– С. 357–358.

На перекрестке этих векторов культурной памяти, этих влияний и импульсов духа – фигуры XX века по ментальному складу, положению своему в литературе и даже часто по месту проживания рубежные, пограничные. Память Севера соединилась у них – в опыте творческой самореализации – с подключенностью к общерусской исторической энергетике. Это Николай Клюев, Борис Шергин, Степан Писахов, Алексей Чапыгин, Варлам Шаламов, Федор Абрамов, Николай Рубцов, Василий Белов... Персональный вектор творческого диалога у них свой у каждого, и он мог вести мимо свободы, а может, и свидетельствовать о том, как верность ей становилась источником самостояния в эпоху, когда литераторов упорно пытались зачислить на службу властям и подчинить идеологическим фантомам.

Во времена советской литературной унификации рефлекс стоической свободы входил в откровенно конфликтные отношения с контекстом официоза – и далеко не всегда побеждал. Однако подчас он приводил к вызреванию масштабной конфронтации личности и эпохи, гения и власти. «Гремел мой прадед Аввакум»,– определил степень родства Николай Клюев. Правдоискательское Аввакумово начало все отчетливей проступало от года к году в стихах этого довольно замысловатого в раннюю творческую пору эстета и капризника. Ярко складывался опыт личного диалога с северной и общерусской традицией у Бориса Шергина, соединившего в новой духовной и исторической ситуации былинную героику с прозой поморского быта и литературным трудом («Пинежский Пушкин»). По словам Н. М. Теребихина, «Северный текст Бориса Шергина, сотканный и сплетенный его жизнетворчеством,– есть самое полное и прозрачное выражение и воплощение самосознания северно-русской культуры, ее основоположных мифологем, смыслов и ценностей. Борис Шергин – последний истинный поэт, художник и певец морской славы Севера, который в своем жизненном художестве запечатлел религиозную, национальную и культурную аксиологию Русского Севера, особую северно-русскую идею, определяющую место Поморья в пространстве русского мира, во всем священном космосе русской жизни»[311].

В актуальной словесности, в северной литературе XXI века не кончается непростое собеседование писателя с мирозданием, часто оформляющееся, однако, в тональность эпилога, если не реквием. Характерный пример – стихи Анатолия Навагина.

---

[311] Теребихин Н. М. Метафизика Севера: Монография.– Архангельск: Поморский университет, 2004. С. 2.

Уж горького бы лучше пепелища
Курилась бы вонючая короста,
Чем эти разорённые жилища,
Хозяевами брошенные гнезда!

Передними углами покосились,
Стоят перед тобой, как на коленях...
Позорно обезлюдели селенья
У северного берега России.

<...>

Какие ж мировые беспорядки
Решительной причиной послужили,
Что люди убежали без оглядки?
Немыслимо. Уму непостижимо!..

Отметим также, что с начала XX века на Севере начали искать нечто собственно русское, органически национальное, и тогда в традицию Севера (надолго или на краткий срок, в сильной мере или только какой-то частью души) извне начали входить литераторы, кровно с ней даже не связанные: Пришвин, Кузмин, полярник Альбанов, Замятин, Серафимович, Грин, Каверин, Казаков, Бродский, Владимов, Астафьев, Конецкий... Так, Юрий Казаков поехал однажды на Север за свежими впечатлениями, а нашел то, чего, кажется, поначалу и не искал: подлинность жизни, в которой открылась целая бездна заманчивой красоты. Он почувствовал какую-то незнаемую им правду в северных людях, в строе их жизни. Эта подлинность казалась обеспеченной столетними традициями, долгим веком «новгородской» памяти. Жизнь шла «не на скорую руку», как в казарменных советских городах, «людей привязывает к дому семья, дети, хозяйство, рождение, привычный наследственный труд и кресты на могилах отцов и дедов». Москвича впечатлили простота, «изначальность», естественность нужд и запросов человека на Севере. Несомненности человеческих потребностей соответствовала аскетическая точность их удовлетворения. В такой жизни, трудовой и строгой, угадывались необходимость и неизбежность. Наконец, важнейшей основой внезапно проснувшейся любви к Северу оказались впечатления о человеке, его стойкости, выносливости, отваге. Он выходит в море, борется со стихией. Преодолевает невзгоды. Это «тихие герои, всю жизнь свою противостоящие жестокостям природы» – «как же не восхититься этим человеческим мужеством, этим тихим постоянным мужеством».

Не только Ю. Казакову в начале и середине XX века казалось, что мир здесь переполнен бытийностью, что он почти лишен пробелов, язв и пустот. Жизнь так полна, что берет в себя до конца и «бывают минуты, когда кажется, что живешь ты здесь веки вечные, и впереди у тебя еще больше времени, и вовсе не нужно жадно пускаться в изучение, а может быть, самое важное сейчас – просто посидеть и посмотреть». Случайность впечатлений по мере накопления последних оборачивалась в итоге некоей онтической необходимостью. Писатель «начинал быть»...[312]

Давно смахнуло с исторической карты органический строй северной жизни. Полвека назад Ю. Казаков верил (или пытался верить), что у Архангельска и в целом у Русского Севера все лучшее в будущем, в каком-то причем очень близком и конкретном будущем. Сегодня в этом уместно усомниться. Параллельно с этой привилегированной сферой духа, истины в слове, был еще и опыт существования на жизненном просторе, с чувством воли и вольной жизни. Был уникальный опыт солидарности: той общинности, которую не заподозришь в исключительно фискальных намерениях. Сегодня этот строй жизни во многом утрачен и трансформировался в право личного выбора, в суверенный опыт личности. В человеке, который ощущает себя наследником и преемником северной культурной традиции, он претворяется в жизнь «окном на полюс», в пафос служения, труда и долга, чувство ответственности, солидаризм как социальный стиль, невосприимчивость к шовинизму и ксенофобии, доброжелательную открытость миру. Бродячая и свободно-общинная Русь. Духовные странники. Старообрядцы. Поморы. Внутренняя эмиграция в масштабе целых сословий... Историческая Россия состоит из таких альтернативных проектов, одним из которых была, кстати, и русская словесность как таковая.

Можно, конечно, как прежде, называть Север «кладовой духовности». Запас ее, однако, исчерпаем. Точнее сказать, духовность не накапливается. Она возникает или не возникает в диалоге человека с миром и Богом как дар, но и как трудный и честный опыт.

---

[312] Ермолин Е. Робинзонада в конце XX века // Белый пароход.– 1996.– № 2.– С. 25–26.

Теуш Ольга Александровна,
ФГБОУ ВО «УрФУ им. Первого Президента России Б. Н. Ельцина»,
г. Екатеринбург

РЕКОНСТРУКЦИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ ПО ДАННЫМ СУБСТРАТНОЙ ТОПОНИМИИ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ

Географическая терминология является одним из базовых лексических секторов, служащих для создания топонимии. Универсальность этого положения для топонимических систем различных языков позволяет предполагать высокую частотность географических лексем и в субстратной топонимии Европейского Севера России, что убедительно доказывается этимологическими исследованиями этого материала. Поскольку топонимия нередко сохраняет вышедшую из употребления лексику живых языков, а также лексику исчезнувших языков, правомерным является вопрос о возможностях реконструкции географической терминологии по данным субстратной топонимии Европейского Севера России.

Реконструируемый материал представляется неоднородным как с точки зрения языковой принадлежности, так и с точки зрения его отношения к данным современных языков. Рассматривая лексику с этой позиции, можно выделять несколько типов восстанавливаемых географических апеллятивов.

К первому типу можно отнести термины, засвидетельствованные в современных финно-угорских языках и топонимии Европейского Севера России.

А́ланга, пок. (Он.).

~ Карел. *alango* ‘лощина, долина; сырой отлогий естественный луг на берегу озера или реки’, вепс. *alang*‘низина’, фин. *alanko* ‘то же’[313]. В силу того, что оба русских топонима номинируют только покосы, а другие объекты с тем же названием не засвидетельствованы, соотнесение их с данным прибалтийско-финским географическим термином более предпочтительно, чем рассмотрение в ряду гидронимов, имеющих формант -*Ин(ь)га.* Передача начального приб.-фин. *а* русским *о* не единичный факт, а засвидетельствована

[313] Мамонтова Н. Н., Муллонен И. И. Прибалтийско-финская географическая лексика Карелии.– Петрозаводск, 1991. С. 20–21.

и в других примерах, ср. русск. *о́льга* ‘болото’ < карел., фин. *alho* ‘низина’[314].

Ке́вка (**Ке́вки**), поле на высоком берегу р. Онега (Он.), **Ке́вка**, холм, пок. на этом холме (Нянд.).

~ Карел. *keükkä*, ливв. *keükkü* ‘небольшой холм, пригорок’[315]. Передача прибалтийско-финского *ü* русским *в* неудивительна при наличии в севернорусских говорах взаимоперехода *в/ў/у*.

В отношении этой группы следует говорить о том, что любая интерпретация топонима Европейского Севера России как восходящего к географическому термину, отраженному, в том числе, и в современных финно-угорских языках, уже является реконструкцией. Термин *реконструкция* в данном случае уместен, так как рассматриваемая нами территория в настоящий момент является полностью русскоязычной и соотнесение топонима с лексемой, существующей в современных языках, не означает того, что именно эти языки являются источником заимствования, а лишь позволяет говорить о наличии той же самой лексемы в языке-субстрате. Выявление всего комплекса такого рода данных обнаруживает широкие возможности для сопоставления топонимических и лексических систем и, в конечном итоге, для лингвоэтнической идентификации топонимии Европейского Севера России.

В топонимии Европейского Севера России встречаются географические термины, не засвидетельствованные в современных финно-угорских языках, но интерпретируемые на их почве на основании закономерных фонетических соответствий, устойчивых словообразовательных и семантических моделей.

Кады, пок. (Лен.), **Большая Када** и **Малая Када**, пок. (Леш.), **Верхняя Када** и **Нижняя Када**, ч. д. (Леш.).

~ карел. *keto*, *kedo*, ливв., люд. *kedo*, фин. *keto* ‘заросшая подсека, поляна, залежь’[316].

Ке́нтас, оз., руч., ур. (Он.).

~ фин. *kenttä*, *kentä* ‘открытый луг; поле, ставшее лугом; лужайка, окружающая саамское жилище’, карел. *kenttä* ‘открытое, ровное, часто заросшее травой место’, вепс. *kend* ‘берег реки или озера, край болота’ = саам. *gied'de* ‘луг’[317].

---

[314] Kalima J. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen // MSFOu. Helsinki, 1919. XLIV. S. 175–176.

[315] Мамонтова Н. Н., Муллонен И. И. Прибалтийско-финская географическая лексика Карелии.– Петрозаводск, 1991. С. 37.

[316] Suomenkielen etymologinen sanakirja.– Helsinki, 1958–1981.– O. 1–7. (LSFU, XII). O. 1. S. 187.

[317] Suomen kielen etymologinen sanakirja.– Helsinki, 1958–1981.– O. 1–7. (LSFU, XII). O. 1. S. 181.

Обе лексемы маркированы формантом *-ас*, частотным в субстратной топонимии.

Ку́та, поле (Вин.), **Кита́ха**, луг (Вель.).

~ кар. *kütö* ‘подсека или пашня на болотистом месте’, фин. *kytö* ‘пожог, выжженное под пашню болотистое место’[318]. О передаче прибалтийско-финского *ü* русским *и*[319]. Суффикс *-ах-* в **Кита́ха** – результат русской словообразовательной адаптации.

Ме́ргас, пок. (Прим.).

~ фин. *märkä*, карел. *märgä*, ливв. *märgü*, люд., вепс. *märg* ‘мокрый, сырой, влажный’[320].

Олу́с (**Олу́з**), поле (Мез.).

~ ливв. *alus*, люд. *alust* ‘пространство, место, территория’, фин. *alus*, *alusta* ‘нижняя часть’, ‘место под чем-нибудь’, ‘основание’[321].

Сю́рга (**Сю́рьга**), гора, дорога вдоль нее (Он.), **Сю́рьга**, дорога (Он.), **Сю́рьга**, гора (Выт.), **Сю́рьги**, лесоучасток (Баб.), **Су́рьи**, гора (Баб.).

~ карел. *sürjä*, ливв. *sürjü*, вепс. *sürj* ‘сторона, бок, край, обочина (напр., дороги)’, фин. *syrjä* ‘край, бок, сторона; перешеек; возвышенное место, хребет, кряж; пески, дюны’[322]. А. К. Матвеев, учитывая соответствие прибалтийско-финского *ü* русскому *ы*, относит к тому же источнику и топонимы **Сы́рья**, луг (Он.), **Сы́рья**, н. п. (Он.)[323], ср. апеллятив *сырья́* ‘покос на низком месте’ (Он.), значение которого трансформировалось под влиянием русск. *сырой*.

Чу́га, г. (Вашк.), д., д. (Пин.) д., р. (Холм.), **Чу́ги**, поле (Карг.).

~ прасаам. **ćokke*, сев. *čok'kâ*, ин. *čokke*, колт. *čå'kk*, кильд. *čå'kk* ‘вершина’[324].

Чу́рга (**Чу́рьга**), гора, поле (Выт.), **Чу́рга**, пок. (Вашк.).

---

[318] Мамонтова Н. Н., Муллонен И. И. Прибалтийско-финская географическая лексика Карелии.– Петрозаводск, 1991. С. 48.

[319] См.: Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера.– Ч. I.– Екатеринбург, 2000. С. 138.

[320] Suomen kielen etymologinen sanakirja.– Helsinki, 1958–1981.– O. 1–7. (LSFU, XII). O. 2. S. 360.

[321] Мамонтова Н. Н., Муллонен И. И. Прибалтийско-финская географическая лексика Карелии.– Петрозаводск, 1991.– С. 21. О соответствии прибалтийско-финского *а* русскому *о* см. в: Матвеев А. К. об. отражении одного финско-русского фонетического соответствия в субстратной топонимии Русского Севера // Советское финно-угроведение.– 1968.– № 2.– С. 121–126.

[322] Мамонтова Н. Н., Муллонен И. И. Прибалтийско-финская географическая лексика Карелии.– Петрозаводск, 1991. С. 92.

[323] Матвеев А. К. Этимологизация субстратных топонимов и апеллятивные заимствования // Этимология 1971. М., 1973. С. 351.

[324] Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера.– Ч. II.– Екатеринбург, 2004. С. 102–103.

Прямого соответствия этим топонимам в прибалтийско-финских языках нет, ср., однако, вепс. *čurg*'угол в доме'[325], которое указывает на потенциальное значение 'гора', вероятно, существовавшее в языке-субстрате. Реконструкцию этимона в виде **čurg*'гора' подтверждает зафиксированное в русской диалектной лексике *чу́рга* 'холм, небольшая гора' (Шенк.), а также то, что в Вашкинском районе покос **Чу́рга** находится рядом с д. **Горá**, название которой является, скорее всего, метонимической калькой.

Надежных оснований реконструкции заимствованного лексического термина по данным топонимии нет: все они обладают той или иной степенью вероятности. В качестве критериев того, что в топонимии представлен утраченный русскими говорами термин (следовательно, топоним является не субстратным, а русским по происхождению), можно предложить следующие.

1. Наличие соответствующего термина в лексике сопредельных территорий, ср. **По́га**, д. (В.-Т.), пок. (В.-Т.) при *по́га* 'речной залив' в русских говорах Карелии[326] (~ фин., карел. *pohja*, ливв. *pohju*, люд. *pohd'*, *pohj*, вепс. *pohd'*, *pohj*, *pohg* 'основание, дно; крайняя часть, конец'[327]).

2. Бытование в формах множественного числа, особенно в тех случаях, когда семантика исходного апеллятива расходится с объектной отнесенностью топонима. Для русского языка плюрализация – один из наиболее отработанных способов топонимического употребления географического термина. Употребление топонима во множественном числе предполагает понимание значения соответствующего апеллятива. Это позволяет полагать, что многие финно-угорские термины, положенные в основу топонимов и не зафиксированные в русской диалектной лексике, были ранее известны русским диалектам и первоначально были заимствованы как апеллятивы. К таковым можно относить **Ко́нды** ('Дворы', ср. карел. люд. *kond* 'имение, усадьба', 'двор'[328]), **Му́рды** ('Лома', ср. вепс. *murta* 'вывернутые корни деревьев'[329],

---

[325] М. И. Зайцева, М. И. Муллонен. Словарь вепсского языка.– Ленинград, 1972. С. 66.

[326] Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: В 6 вып. / Гл. ред. А.С. Герд. СПб., 1994–2005.– Вып.– 4. С. 603.

[327] Suomen kielen etymologinen sanakirja.– Helsinki, 1958–1981.– O. 1–7. (LSFU, XII). O. 3. S. 587.

[328] Suomen kielen etymologinen sanakirja.– Helsinki, 1958–1981.– O. 1–7. (LSFU, XII). O. 2. S. 216.

[329] Suomen kielen etymologinen sanakirja.– Helsinki, 1958–1981.– O. 1–7. (LSFU, XII). O. 2. S. 252–253.

murd ‘сор, мусор’[330]), **Шу́бачи** (‘Осинники’, ср. саам. сев. *suppe*, ин. *supe*, колт. *suupp*, кильд. *sub* ‘осина’[331]) и др.[332]

3. Терминообразующая суффиксация русского типа, предполагающая понимание семантики исходного апеллятива, ср. **Ну́тушки**, пок. (Выт.) ~ карел. *niittu*, *niittü* ‘покос, луг’, *niitoš* ‘выкошенное место’, ливв. *niittu*, *niittü*, люд. *niitti*, *niit*, *niitt*, вепс. *nit*, *niit*, *nit'* ‘луг, покос’, фин. *niitty* ‘луг’[333]; **Со́рдушки**, пок. (Выт.) ~ карел. *sorto*, *sordo*, ливв. *sordo*, люд. *sord*, *sordo*, вепс. *sord* ‘изгородь из валежника, поваленных деревьев; огороженное пастбище, выгон’, фин. *sorto*, *sortto* ‘место, где много поваленных деревьев, бурелом; место лесозаготовок’[334]; **Ва́рбач**, руч. (Баб.), лес, пок. (Бел.); **Ба́рбач**, мыс (Вашк.) ~ фин. *varpa*, *varpu*, карел. *varpa*, люд. *barb*, вепс. *barb*, *varb*, эст. *varb* ‘прут’, ‘ветвь’, ‘стланик’[335].

4. Сочетание с русскими компонентами, семантика которых согласуется со значением субстратного географического термина и предполагает его понимание. Редкие случаи такого рода были описаны А. К. Матвеевым: название озера **Чёрная Ча́чка** (саам. *čacce* ‘вода’), т. е. ‘Черная водичка’, и болота **Редкошу́бачное** (ср. саам. *suppe* ‘осина’), т. е. ‘С редким осинником’[336]. К приведенным также можно добавить **Ве́шний У́р**, лесопункт (Пин.) (~ карел., ливв. *ura*, *uro* ‘борозда, овраг’, ‘русло реки’, ‘тропа’, ливв. *uro* ‘ложбина’, *urkku* ‘небольшое углубление’, люд. *ura* ‘овраг между скалами’, вепс. *uru* ‘борозда, нора’, фин. *ura* ‘тропа; русло реки; борозда, колея’, а также карел. *uuro* ‘глубокий и узкий овраг, по дну которого течет ручей’, ‘низина’, ‘глухой лес’, фин. *uuro* ‘узкая и глубокая ложбина’, овраг между сопками’, ‘русло ручья’, *uura* ‘ложбина, низина’[337]), т. е. ‘весеннее русло, весенняя борозда, весенний ручей’.

---

[330] М. И. Зайцева, М. И. Муллонен. Словарь вепсского языка.– Ленинград, 1972. С. 337.

[331] Lehtiranta J. Yhteissaamelainen sanasto. Helsinki, 1989. S. 126–127.

[332] Подробнее см.: Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера.– Ч. I.– Екатеринбург, 2000. С. 120.

[333] Suomen kielen etymologinen sanakirja.– Helsinki, 1958–1981.– O. 1–7. (LSFU, XII). O. 2. S. 379.

[334] Suomen kielen etymologinen sanakirja.– Helsinki, 1958–1981.– O. 1–7. (LSFU, XII). O. 4. S. 1082.

[335] Suomen kielen etymologinen sanakirja.– Helsinki, 1958–1981.– O. 1–7. (LSFU, XII). O. 5. S. 1656.

[336] Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера.– Ч. I.– Екатеринбург, 2000. С. 120.

[337] Suomen kielen etymologinen sanakirja.– Helsinki, 1958–1981.– O. 1–7. (LSFU, XII). O. 5. S. 1545.

5. Частотное употребление с русскими атрибутивами. Является наиболее слабым определителем, поскольку атрибутивные сочетания могут быть и оттопонимичны. Например, наличие атрибутивов в топонимах **Больша́я Се́льгама**, пок., **Ва́нина Се́льгама**, пок., **Ма́лая Се́льгама**, пок. (Выт.) (~ фин. *selkämä* ‘кряж, горный хребет’, карел. *selgäma*, люд. *selgäm*, вепс. *sel’gam*, *śelgam* ‘тыльная часть руки’, ‘оборотная сторона ткани’[338]) еще не означает того, что термин осознавался как лексически значимый: те же определения могли возникнуть при разделении между отдельными собственниками покоса с исходным названием **Се́льгама**, заимствованным в качестве топонима.

6. Высокая частотность в топонимическом употреблении, ср. **Сю́рга** (**Сю́рьга**), гора, дорога вдоль нее (Он.), **Сю́рьга**, дорога (Он.), **Сю́рьга**, гора (Выт.), **Сю́рьги**, лесоучасток (Баб.) ~ карел. *sürjä*, ливв. *sürjü*, вепс. *sürj* ‘сторона, бок, край, обочина (напр., дороги)’, фин. *syrjä* ‘край, бок, сторона; перешеек; возвышенное место, хребет, кряж; пески, дюны’[339].

7. Наличие метонимической кальки или параллельного названия, ср. *Ки́вика*, д. (Кон.) (~ карел., ливв., люд. *kivikkö*, фин. *kivikko* ‘каменистое место’[340]) – у деревни *Ки́вика* на р. Светица находится порог *Ка́мешник*; *Кивини́т*, пок. (Баб.) (~ ливв. *kiviniittü* ‘луг, усеянный камнями’[341]) – параллельное название покоса *Ка́менная По́жня*. Этот критерий, возможно, не указывает на заимствование термина в русские диалекты, но, по крайней мере, позволяет говорить об употреблении соответствующей географической лексемы в эпоху двуязычия и о понимании русским населением ее семантики.

Таким образом, анализ топонимии Европейского Севера России, унаследованной из языков автохтонного населения края – прибалтийско-финских народов, доказывает высокую частотность географической лексики в топонимическом употреблении. Формы бытования лексем в топонимии указывают на возможность былого прибалтийско-финско-русского двуязычия.

---

[338] Suomen kielen etymologinen sanakirja.– Helsinki, 1958–1981.– O. 1–7. (LSFU, XII). O. 4. S. 996.

[339] Suomen kielen etymologinen sanakirja.– Helsinki, 1958–1981.– O. 1–7. (LSFU, XII). O. 4. S. 1148.

[340] Suomen kielen etymologinen sanakirja.– Helsinki, 1958–1981.– O. 1–7. (LSFU, XII). O. 1. S. 203.

[341] Suomen kielen etymologinen sanakirja.– Helsinki, 1958–1981.– O. 1–7. (LSFU, XII). O. 1. S. 203.

Сокращения

1. Административные районы Архангельской области.
   Вель. – Вельский
   Вин. – Виноградовский
   Карг. – Каргопольский
   Кон. – Коношский
   Лен. – Ленский
   Леш. – Лешуконский
   Нянд. – Няндомский
   Он. – Онежский
   Пин. – Пинежский
   Прим. – Приморский
   Холм. – Холмогорский
   Шенк. – Шенкурский

2. Административные районы Вологодской области.
   Баб. – Бабаевский
   Вашк. – Вашкинский
   Выт. – Вытегорский

3. Обозначения географических объектов.
   д. – деревня
   оз. – озеро
   пок. – покос
   р. – река
   руч. – ручей
   ур. – урочище
   ч. д. – часть деревни

4. Названия языков и диалектов.
   вепс. – вепсский язык
   ин. – диалект Инари саамского языка
   ливв. – ливвиковский диалект карельского языка
   люд. – людиковский диалект карельского языка
   карел. – карельский язык
   кильд. – кильдинский диалект саамского языка
   колт. – колтовский диалект саамского языка
   русск. – русский язык
   прасаам. – прасаамский язык
   русск. – русский язык
   саам. – саамский язык
   сев. – северный диалект саамского языка

фин. – финский язык
эст. – эстонский язык

5. Прочие.
др. – другие
см. – смотри
ср. – сравни
т. е. – то есть

Калуцков Владимир Николаевич,
ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова», г. Москва

ОБРАЗНО-ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ КАРТА РУССКОГО СЕВЕРА

Русский Север в русском культурном пространстве. За тысячелетнюю историю существования в русском культурном пространстве Русский Север претерпел значительную эволюцию – от дальнего «чудского» порубежья («земли незнаемой») до мощной русской культурной провинции, обладающей яркими историческими, этнокультурными и фольклорными образами, многие из которых получили национальное «звучание». Среди них хранители «старой веры» (протопоп Аввакум), безвестные народные зодчие и иконописцы, хранители фольклорных традиций – былинные певцы и сказители, вольнолюбивые новгородские ушкуйники (Василий Буслаев), твёрдые духом поморы и мужественные землепроходцы[342].

Благодаря сложным вековым геокультурным процессам с изменением культурного статуса региона менялось и его название: от новгородоцентричного Заволочья через Двинскую землю и Поморье к московоцентричному Русскому Северу.

Русский Север и русская гуманитарная наука. Роль гуманитарных исследований и разработок в создании образных карт трудно переоценить. При этом не так значима профессиональная ориентация исследователя. Важна его рефлексивная позиция относительно региона в целом, стремление понять его сущностные черты.

В результате анализа гуманитарных исследований региона, выполненных крупными учеными, удалось выявить его наиболее

[342] Бернштам Т. А., Чистов К. В. От редакторов // Русский Север. Ареалы и культурные традиции. СПб: Наука, 1992. С. 3–6.

характерные региональные концепты, типичные комплексные характеристики[343]. К ним относятся: удаленность, окраинное положение Русского Севера, отсутствие крепостного права и помещичьих землевладений, суровые природные условия, севернорусский жилищный комплекс, слабая освоенность территории, комплексный тип крестьянского хозяйства, полиэтничность при ведущей роли севернорусской традиционной культуры, севернорусские диалекты, старообрядчество и народное православие.

1. *Удалённость, окраинное положение.* Эта характеристика относится к одной из важнейших[344]. Многие другие концепты прямо или косвенно связаны с окраинностью Севера, удалённостью его от столичных центров. К ним относятся отсутствие крепостного права, слабая освоенность, важная роль природы, исключительная роль традиционной народной культуры и другие. Поэтому *удаленность* (*«северная глушь»*) относится к важнейшим концептам региона.

2. *Отсутствие крепостного права и помещичьих землевладений*[345]. Периферийность местоположения Русского Севера относительно московского центра, вероятно, стала важнейшей причиной его «освобождения» от новгородского боярского землевладения в конце XV века и переводе подавляющей части северных крестьян в государственные. Это позволило сохранить у северян новгородский дух свободолюбия, достоинства, инициативы. Среди других аналогичных характеристик региона – развитое местное самоуправление[346], высокий уровень грамотности северян[347].

3. Большинство исследователей отмечают *суровые природные условия* и важную роль природы в хозяйственной жизни региона. Историк П. А. Колесников использует для этого географический показатель – состав природных зон Русского Севера (тайга,

---

[343] Калуцков В. Н. Ландшафт в культурной географии. М.: Новый хронограф, 2008. 320 с.

[344] Березович Е. Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2000. 532 с.; Колесников П. А. Русская деревня в XV – первой половине XIX века. Вологда: СЗКИ, 1976. 416 с.; Ополовников А. В. Русский Север.– М.: Стройиздат, 1977. 255 с.

[345] Богословский М. М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в.– Т. 1.– М.: 1909. 321 с.; Ополовников А. В. Русский Север. М.: Стройиздат, 1977. 255 с.; Русский Север: этническая история и народная культура XII–XX века. М.: Наука, 2001.– 848 с.

[346] Богословский М. М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в.– Т. 1.– М.: 1909. 321 с.

[347] Русский Север: этническая история и народная культура XII–XX века. М.: Наука, 2001. 848 с.

лесотундра, тундра). А. В. Ружников обращает внимание на важную роль рек в жизни северян[348].

4. *Севернорусский жилищный комплекс*, народное деревянное зодчество наиболее часто встречаются среди характеристик севернорусского культурного ландшафта[349]. Северный дом-корабль, с конем на охлупне и с узорчатыми полотенцами на фронтоне, а также «построенный без единого гвоздя» шатровый храм – вот образы, задающие визуальный ряд Русского Севера.

5. *Слабая освоенность территории и комплексный тип крестьянского хозяйства*, сочетающего сельскохозяйственную и промысловую деятельность – вот наиболее заметные хозяйственные характеристики региона. Е. Л. Березович обращает внимание на цикличность в освоении территории, связанную с территориальной экстенсивностью и экологичностью севернорусского крестьянского хозяйства, учитывающего неустойчивость северной природы[350].

6. Регион сохраняет в себе *черты полиэтничности при ведущей роли севернорусской традиционной культуры*[351].

7. Окающие говоры и «поющие» (цокающие) *севернорусские диалекты* – отличительные языковые черты региона, зафиксированные в многочисленных трудах диалектологов и лингвистов. При этом финно-угорские следы активно сохраняются не только в разговорном языке, но и в топонимии (особенно в гидронимии) региона.

8. Среди характеристик духовной культуры Русского Севера – *старообрядчество*, ещё в недавнем прошлом широко распространённое по всей территории. Удалённость, огромные расстояния и контакт с языческими финно-угорскими этносами привели к формированию специфической формы православия – *народного*

---

[348] Колесников П. А. Русская деревня в XV – первой половине XIX века. Вологда: СЗКИ, 1976. 416 с.; Ружников А. В. К вопросу о южной границе севернорусской этнокультурной зоны // М. В. Ломоносов и национальное наследие России. Ч. VI. Культурный ландшафт Русского Севера. Архангельск: АЦ РГО РАН, 1996. С. 19–26.

[349] Ополовников А. В. Русский Север. М.: Стройиздат, 1977. 255 с.; Путилов А. В., Чистов К. В. Введение // Фольклор и этнография Русского Севера. Вып. 1. Л.: Наука, 1973. С. 3–4; Ружников А. В. К вопросу о южной границе севернорусской этнокультурной зоны // М. В. Ломоносов и национальное наследие России. Ч. VI. Культурный ландшафт Русского Севера. Архангельск: АЦ РГО РАН, 1996. С. 19–26; Калуцков В. Н. Ландшафт в культурной географии. М.: Новый хронограф, 2008. 320 с.

[350] Березович Е. Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2000. 532 с.

[351] Русский Север: этническая история и народная культура XII–XX века. М.: Наука, 2001.– 848 с.

православия[352]. Оно проявляется в широком распространении часовен, обетных крестов, природных святых мест – источников, рощ, деревьев и даже камней.

Образная карта Русского Севера: основные концепты и характеристики. Анализ публикаций крупных исследователей Русского Севера позволил выявить три важнейших региональных концепта, которые легли в основу образной карты Русского Севера: ВОЛЬНИЦА, СЕВЕРНАЯ ГЛУШЬ, РУССКАЯ АРХАИКА (рис. 1).

Каждый из них представляет собой «месторождение» географических образов второго и третьего порядков.

Концепт ВОЛЬНИЦЫ отсылает нас к историко-культурной родине Русского Севера – *Великому Новгороду* с его торговыми гостями (*Садко*), авантюристами-*ушкуйниками* и демократическому *вечевыму способу правления*. Эта древняя вольница породила пространственно активных *поморов* («русских викингов»), которые в XVII–XVIII вв. составили основной костяк сибирских *землепроходцев*. Именно поморы с их навыками жизни в таежных условиях оказались наиболее востребованными на первых этапах «приращения» Сибири к России.

Рис. 1. Образно-географическая карта Русского Севера

[352] Калуцков В.Н., Иванова А.А., Давыдова Ю.А. и др. Культурный ландшафт Русского Севера: Пинежье, Поморье. М.: Изд-во ФБМК, 1998. 136 с.

Без преувеличения можно утверждать, что *Михаил Васильевич Ломоносов* – самый известный помор. Это истинный «гений» Русского Севера: он не только воспел этот край в своих поэтических произведениях, но активно способствовал его пространственному развитию. Именно ему принадлежит идея *Северного морского пути*, мегапроекта, который реализуется почти три столетия.

Навыки кораблестроения и кораблевождения способствовали давним контактам поморов с Европой. До основания Петербурга именно Архангельск полтора века был *первым окном России в Европу*. В окрестностях города находилась верфь в д. Вавчуга, которая считается «*родиной русского флота*».

«Уход» России из Севера, связанный с основанием Петербурга и переносом основных торговых потоков, привел к формированию нового концепта – СЕВЕРНАЯ ГЛУШЬ. С ним связаны в большей степени негативные коннотации, такие как *холодный край*, *дальняя периферия*, *монастыри-тюрьмы*, советские *«зоны»*.

У данного образа есть свой этнокультурный предшественник – образ *чуди*, которая, согласно летописям, под землю ушла. Этот образ не только напоминает нам про финно-угорских насельников, но позволяет лучше понять многие черты севернорусской культуры, культуры, которая во многом носит фронтирный характер, репрезентируя синтез финно-угорских и славянских культур.

Образ чуди «подхватывает» другая «периферийная» группа – *старообрядцы*. Они внесли огромный вклад в формирование культурных традиций региона; многие места связаны с историей старообрядчества, например, скиты на озере Выг, Пустозерск (место гибели «огненного протопопа» Аввакума).

Малонаселенный суровый край издревле привлекал к себе пустынников, монахов, которые в тишине и уединении искали места для духовного подвига. Многочисленные северные монастыри (самый известный островной Соловецкий монастырь) способствовали не только духовному, но и хозяйственному освоению огромного пространства. Не случайно в XIX веке возник образ русского Севера как *Северной Фиваиды*, имея в виду многочисленность северных монастырей, как некогда вокруг египетских Фив.

В постсоветское время в «северной глуши» возник и локализовался в Великом Устюге образ *Деда Мороза*.

В конце XIX века в связи крупными открытиями гуманитарных наук начал формироваться новый концепт региона как хранителя русских национальных традиций, как «заповедника» РУССКОЙ АРХАИКИ. Этот образ еще более усилился в советское время,

когда десятки экспедиций фольклористов, этнографов, искусствоведов, диалектологов, топонимистов буквально исколесили все это огромное слабо населенное пространство. Фольклористы записали сотни былин, относящихся к древнерусскому периоду отечественной истории (в 2016 году в Кенозерье открыт уникальный музей – музей былины). Искусствоведами открыт удивительный мир севернорусской иконы, лучшие образцы которых можно увидеть в областных художественных галереях. Специалисты по архитектуре, пытаясь спасти «уходящую натуру», создали при областных центрах музеи деревянного зодчества, лучший из которых – Кижский – получил статус Всемирного культурного наследия.

Образная (образно-географическая) карта Русского Севера – это живая карта; она меняется в результате появления нового знания и нового понимания региона.

Работа выполнена при поддержке Всероссийской общественной организации «Русское географическое общество» (грантовый проект «Создание атласа ментальных карт регионов России»).

Орлова Ольга Владимировна,
ГБУК РК «Национальная галерея Республики Коми», г. Сыктывкар

УСТЬ-ЦИЛЁМСКИЙ ДУХ РУССКОГО ЛАНДШАФТА

Русский Север, являясь одним из центров духовной культуры, вдохновлял художников еще в конце XIX века (А. А. Борисов «Селение Усть-Цильма». 1897). Именно культура Севера отражает «вневременные основы мироздания». Усть-Цильма – уникальное заповедное место Русского Севера, священного макрокосмоса русской жизни.

Пространственность усть-цилемской культуры остро осознавалась и осознаётся художниками, посетившими территорию «древней веры христианской». Именно художники наиболее чутко и проницательно нашли тот единственный образный язык, который «распахнул» и описал (живописал) метафизику места – Усть-Цильма.

Изучение провинциальной художественной культуры приобретает глобальное значение с 1960-х гг. В конце 1954 года художник Пётр Эмильевич Бендель Министерством сельского хозяйства

Бендель Петр Эмильевич.
Девушка в костюме невесты.
1954. Бумага, акварель. (1)

Коми АССР был направлен в командировку в колхозы Ижемского и Усть-Цилемского районов «для выполнения портретов передовиков». Результатом этой поездки стали не дежурные портреты передовиков производства, а замечательные акварели, запечатлевшие яркие, самобытные образы жителей Печорского края. В коллекции Национальной галереи сохранились «пикториалистичные» портреты «Старый рыбак с Печоры», предположительно Дуркин Пётр Пантелеевич из деревни Гарево, и «Девушка в костюме невесты». Добрым, мудрым, лучистым взглядом до сих пор поражает «Старый рыбак с Печоры», выполненный тщательно, ярко-декоративно. Художник с этнографической точностью запечатлел старинный костюм, который в Усть-Цильме и по сей день надевают в первый день свадьбы девушки-невесты. На невесте нарядная синяя рубаха-рукава, украшенная вшитыми на плечах алыми ластовицами и парчовым бороком(барок) на вороте, штофный сарафан, коротенька – расклешенная душегрейка на лямках. Волосы убраны в одну косу, в которую вплетена яркая лента. На голове побойник (повойник) в форме короны из парчи. Поверх него повязка, концы которой выведены вперед, перекручены между собой и разведены в разные стороны. Существует предположение, что моделью для художника была Прасковья Ивановна Дуркина (Хозяинова) из деревни Гарево. Эти работы экспонировались в 1954 г. на Всероссийской выставке произведений художников РСФСР.

В конце 1960–1970-е гг. Русский Север «как виртуальное культурное наследие» становится объективно востребован обществом. Духовная особенность огромных северных пространств одухотворенного обитания неизменно привлекала художников и на долгие годы сделала Север интереснейшим объектом для

живописного его освоения – Козлов Энгельс Васильевич (Старая Усть-Цильма, 1968). Живописец приехал в Усть-Цильму в 1968 году, сразу после поездки в Италию. В написанных на пленэре усть-цилемских пейзажах «цвет «засеребрился», обрел драгоценность. В этюде «Старая Усть-Цильма» архаика «деревянной Руси», старина, которой напоён сам воздух села, передаётся не только суровым, аскетическим видом громадных, близко поставленных изб, но и цветом их, подобным цвету великоустюжского чернёного серебра. На этюде запечатлен уголок Усть-Цильмы со старинным колодцем-«журавлём».

При взгляде на живописные работы народного художника России Рема Николаевича Ермолина – первооткрывателя «живописной Усть-Цильмы» – является картина древнерусского: книжного, иконного, древнесловия... Художник одним из первых явил (открыл) монографически-живописно изНАЧАЛЬНОСТЬусть-цилемской культурной традиции с её самоопределением.

Герои его портретов – люди, несущие через века высокую миссию сохранения устоев русской жизни, архаических традиций («Портрет доярки Е. А. Поздеевой». 1967; «Портрет Валентина Аксёнова». 1969; «Серебро Печоры». 1969; «Портрет Клавы Булыгиной». 1973; «Зиновий Елизарович Чупров». 1973; «Портрет секретаря Усть-Цилемского райкома партии Г. В. Колесова». 1975; «Участники народного ансамбля супруги Булыгины. 1978); «ландшафтных образов» реки Печоры, деревень, праздников (Ермолин Р. Н. «В Усть-Цильме фестиваль. 1979), будней (Ермолин Р. Н. «Когда Печора штормит». 1973; «Усть-цилемка». 1973; «Усть-цилемская свадьба». 1976; «Усть-цилёмка перед зеркалом». 1976). Все они знаменуют единство связанных порукой (единоверием, верой), где каждый уникален, неповторим, включён в гармонию целого, во всемирную связь. Художник вдумчиво характеризует неповторимую индивидуальность каждого, выявляет и общие свойства их натуры: степенную величавость, душевную широту, волевую стойкость, сдержанность, уважительность. Переселение в северные земли и их освоение требовало предельного напряжения, что и предопределило формирование черт характера усть-цилёмов как спокойное мужество, терпение, стойкость.

Одевая героинь в праздничные костюмы, живописец рождает на полотне настроение радости, красоты. В портретах нет идеализации, они привлекают живой правдой характеров. Проникновенные портреты усть-цилёмов с ёмкой и сильной образностью пронизаны любовью, уважением и знанием. В них ощущение

жизни особой: это не этнография, это иное БЫТИЁ. Р. Н. Ермолин отразил не только КРАСОТУ территории, но особенный камертон русской души.

Эпические пейзажи Р. Н. Ермолина с успокаивающей ширью, отображая образ простора, имеют глубинные смыслы: свободы, незыбленности, вечности... Подобно иконописцу, Р. Н. Ермолин живописует всю необъятную панораму реки Печоры, «высотность» изображаемого: для усть-цилёмов пространство – «духовная лествица». Они отсылают и заставляют осмыслить историю (культуру) территории в её первичности. Р. Н. Ермолин наслаждается пространством, его мощью и красотой природы. Природа, не отягощённая утилитарными целями материального преобразования сохраненного мира, приобретает на его полотнах симфоническое звучание.

Село Усть-Цильма, расположенное на высоком берегу, вызвало наибольший интерес и душевную привязанность художника (Проулок к Печоре. 1975). Р. Н. Ермолин явил Усть-Цильму «свыше», с высоты птичьего полёта (Усть-Цильма. 1969). Дома усть-цилёмов стоят на высоком берегу Печоры, воспетой живописцем с её беспредельной широтой, она выражает всю духовную полноту народа (На Печоре. 1975).

В передаче художником правды поведения героев заключена сила выразительности полотен. Как отмечала в своей монографии Л. С. Агошкова, «для Ермолина важно не просто раскрыть содержание быта этих людей, найти поэзию в повседневном, но донести до зрителя устойчивую культуру традиций народа, показать взаимосвязь явлений».

Многие полотна живописца сложились в большие циклы-сказы о земле усть-цилёмов. Его «горочная серия», как проявление нравственного единения,– гармонично-симфонична. Групповой портрет-картина («Усть-Цилемская горка») – по сути, соборный образ староверия, долгие годы скрытый от мира, явлен Р. Н. Ермолиным в живописных полотнах, выполненных на протяжении нескольких десятилетий. Это не просто групповой портрет, а символическая мифоэпическая стихия «островного спасительного самосознания» усть-цилемов, «поток русской жизни». В 1975 году на выставке «По родной стране» в Москве картина была удостоена диплома Академии художеств СССР. Целостный, звучный в его этапном монографическом одноимённом полотне «Усть-Цилемская горка». Картина, созданная на большом этюдном материале, прошла дистанцию времени (написана в 1974 году) и вошла в историю

Ермолин Рем Николаевич. Усть-Цилемская горка. 1974. Холст. масло

изобразительного искусства Республики Коми. В больших эпических полотнах-летописях – реальные люди, жившие и живущие на Печоре. Звонкие краски национальных костюмов звучат, как песня, как старинная мелодия. Сакральный статус одежд в картинах Р. Ермолина – высок. Праздничные одежды – священные реликвии. Тема горочных гуляний трансформируется в полотне 1979 года «В Усть-Цильме фестиваль», где традиционный народный праздник превращается в праздник народного творчества. Метафорическое звучание праздничного села как «центра мира» отображает идею жителей созвать на своей территории как можно больше народу, что и происходит последние годы. Духовный склад праздника первой картины перерастает в атмосферу всеобщего народного гулянья.

В полотнах Р.Н. Ермолина – живописная поэзия повседневности. «На усть-цилемской свадьбе» (1976) – второе крупное полотно «усть-цилемского цикла». В свадебном ритуале, связанном в этих местах с целым комплексом обычаев далекого и близкого прошлого, автор выбрал кульминационный момент: состояние перехода от официальной церемонии бракосочетания к собственно свадьбе – веселью в народном духе... Целостная композиция построена на строго продуманном чередовании персонажей – их характеров, жестов, взглядов, ракурсов фигур, цветовых пятен. Доскональное знание элементов материальной культуры, одежды, украшений, бытовых предметов, убранства помещений, а также музыкального

Лембер-Богаткина Валли.
Усть-цилемка. 1978. Бумага, акварель

фольклора позволяет каждой детали зазвучать в картине, наполняя её песенным ритмом.

В 1978 г. в Усть-Цильме работала специализированная творческая группа акварелистов Союза художников СССР под руководством народного художника УССР Г. Г. Чернявского. В неё входили художники из разных городов и республик Советского Союза (Таллинн, Донецк, Ростов-на-Дону, Кишинев и другие). В произведениях этих художников Усть-Цильма предстала «пропущенной» не только через призму творческой индивидуальности, но и национальной традиции, к которой принадлежит автор (Зорко Юрий Валентинович (Украина), Валли Лембер-Богаткина (Эстония)).

Необычный, глубоко личный и эмоциональный образ Усть-Цильмы создал ростовский художник Игорь Антонович Курков. К теме севера художник обращался не раз. В акварельном листе «Усть-Цильма. Вечер» нет ярко выраженного сюжета. Передана загадочная атмосфера вечернего дома, наполненного настроением ожидания, трепета, беспокойства. Живописная ткань акварели соткана вибрацией теплого цвета и текучих линий. Произведение удивительно многослойно, рождает множество ассоциаций.

Художники 1980–1990-х, обладающие поэтическим типом мышления, с одной стороны, отображали в своих произведениях социалистическую действительность, мечты симптомов времени, с другой стороны, многих из них влекли романтические мечты о земле обетованной, идеальном мире (Кислов Вячеслав Николаевич, Залитко Виктор Григорьевич, Васильева Татьяна Васильевна).

В пастельном триптихе «Песнь сквозь века» (1998) Т. Васильева создала поэтический, одухотворённый образ. Насыщенный радужным цветом лист со сложным ритмом линий, скользящих эмоциональным штрихом, передаёт лирический мотив «связи времен».

Кислов Вячеслав Николаевич. Усть-Цилемская горка. 1996–1997. Ивовый корень

Тема горочных гуляний совсем другая у В. Н. Кислова: то красно-звучная, певучая (1995), то сотканно-сплетённая из ивового корня в декоративном панно (1996–1997). В сочно написанной пламенеющей работе «Горка» – алые «певуньи-коконы», голосящие страдальческую песню – образ метафоричный, многогранный: плакальщицы, мученицы, возрождённые, единые в безграничной любви. Округлые формы персонажей совершенны в своей завершенности, оплотнённости, ладности, как горочный КРУГ-ХОРОВОД. Исполняющие «круговые» песни создают единое пространство, подчёркивая общий «круговой» характер праздника. Пространственная символика звучит в живописи и в гобелене, выполненном в технике ручного плетения: «горящим» (горочным) алым цветом и золотистым цветом лозы. В гравюре на картоне «Мастер из Замежного» (1972) В. Н. Кислов доброжелательно-иронично изобразил за работой одного из последних мастеров-ложечников Григория Матвеевича Чупрова из деревни Замежное. Пижемские ложки – наиболее изящные среди иных типов деревянных ложек, сохраняют древнюю форму и традиционную орнаментальную роспись.

Залитко Виктор Григорьевич. Сестры. 1981. Бумага, карандаш

Полученные в творческой поездке в Усть-Цильму впечатления В. Г. Залитко отобразил в серии графических пейзажей и в живописном полотне «Усть-Цильма» (1971). Многоформатные карандашные листы, выполненные в условной декоративно-плоскостной манере ритмичного наложения штриха, очень изысканны. В каждом запечатленном мотиве художник выявляет музыкальный ритм: в открывающемся из окна гостиницы виде на сбегающую к Печоре панораму села с характерным прибрежно-рядовым типом застройки, когда дома располагаются фасадом к реке (Усть-Цильма. Замшевый завод. 1981). В графических дисциплинированных листах В. Г. Залитко преобладает декоративное начало – подчеркнута разнообразная текстура дерева в рисунке беревенчатых изб, поленниц, заборов, мостков, тонкая орнаментальная вязь текстильных узоров, кружево травы («Суббота»; «Сестры». 1981).

Художественное изображение открывают новые смыслы. Взволнованные, неравнодушные изобразительные монологи о

заповедной территории староверия, её людях – жизненно-прост и одновременно таинственен в отображении подлинного и значимого.

Вокуева Екатерина Ивановна,
Рочева Любовь Кондратьевна,
МБУ «Усть-Цилемский историко-мемориальный музей А. В. Журавского», с. Усть-Цильма, Республика Коми

ДУХОВНОЕ И МАТЕРИАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ ПЕЧОРСКИХ СТАРООБРЯДЦЕВ (ВЕЛИКОПОЖЕНСКИЙ И ЦИЛЕМСКИЙ СКИТЫ XVIII–XX ВВ.)

Усть-Цильма (1542 г.) известна в Республике Коми и за ее пределами как яркий, самобытный край, который сегодня является одной из сокровищниц культурного наследия Русского Севера.

В Усть-Цильме сохранился уникальный пласт древнерусской старообрядческой культуры, где переплетены иконы и древние книги, красочный язык богослужений и песнопений, былины и старинные песни, традиционные наряды и устои быта, свободолюбивый дух народа и старинное наречие, передаваемые из поколения в поколение, и, конечно же, сохранившаяся неповторимая «жемчужина» Русского Севера – «Усть-Цилемская горка».

«Золотым сундуком» печорской старины называют наше село. Усть-Цилемская земля настолько богата обширным фольклорным наследием, что вызывает неизменный интерес и восхищение путешественников и гостей из других уголков России и зарубежья. Сегодня Усть-Цильма – это крупный центр старообрядческого движения, где по сей день живы традиционные обычаи и обряды, костюмы покроя конца 15 века, рукописные и старопечатные книги и иконы, доказывающие высочайший уровень культуры староверов.

Помимо духовного наследия, Усть-Цильма сохранила и свой внешний облик. Это касается в первую очередь деревянных построек XIX – нач. XX вв.

В экстремальных условиях Севера сложился местный классический стиль крестьянского дома, не встречающийся в центральных областях России. Плотницкое искусство было делом всенародным,

именно поэтому традиционный северный крестьянский дом сегодня является наиболее ярким примером народной архитектуры без архитектора.

Громадные дома северной деревни – это воплощение родового строя и патриархального уклада хозяйства. Под одной крышей в них жили вместе отцы и деды, сыновья и внуки – большая семья прочно была связана не только узами родства и традиционным уставом быта, но и одним общим хозяйством, земельным наделом и промысловыми угодьями, общим скотом, инвентарём и всем имуществом.

Сегодня мы можем ещё встретить в Усть-Цильме и её окрестностях старинные двухэтажные здания, относящиеся к памятникам деревянного зодчества второй половины XIX – нач. XX вв., которые придают неповторимый колорит нашему селу.

Усть-Цильма до 1929 года входила в состав Архангельской губернии и являлась (по Указу Архангельского губернатора Голицына Н. Д., побывавшего в 1887 году в Усть-Цильме) с 1891 г. административным центром огромного Печорского уезда, который простирался от Урала до Северного Ледовитого океана. За несколько веков многие исследователи и путешественники, побывавшие на Печоре, описали внешний облик Усть-Цильмы.

«Красивый вид имеет это большое селение с Печоры: сильно раскинулось оно вдоль песчаного берега, широкой полосой отделяющего Усть-Цильму от реки. Три ряда домов, последовательно возвышаясь, как бы нашли себе приют и защиту под отлогою горой, поднимающейся за самым селением вдоль всей Усть-Цильмы. Красива эта гора, покрытая возделанными полями и кой-где устроенными пряслами для просушки хлеба. Две церкви, православная и единоверческая, стоят в центре села, ручьём разделяется оно на два конца – верхний и нижний. Гора, как бы обогнув селение, по бокам его приближается к самому берегу Печоры; покрытая довольно значительным лесом на вершине и засеянными полями на скатах, у самого берега приютила она несколько деревушек, красиво расположенных и отделённых друг от друга лесистыми ложбинами, по которым стекают ручьи, многоводные весною и совершенно высыхающие летом.

При входе в селение, прежде всего, поражает обилие колодцев, длинные коромысла над которыми, с верёвками или цепями, возвышаются чуть ли не у каждого двора. Расположение построек старинное, не плановое, но теперь замечается стремление придать ему стройный вид. Получилось уже две довольно правильные улицы с деревянными тротуарами около домов. Многие из домов отличаются

старинной постройкой, почти все двухэтажные, большие, с крышею в два ската. Бедных лачужек самое ничтожное количество».[353]

Известный исследователь Мартынов С. В. в книге «Печорский край. Очерки природы и быта. Население, культура, промышленность» показал устройство крестьянского дома: *«Крестьянский дом на Печоре устроен так, что изба и скотный двор представляют собой одно и то же строение. Средний крестьянский дом есть двухэтажное деревянное здание с деревянной крышей, большого и меньшего размера, разделённое центральным коридором на две половины. В коридоре помещаются сени и кладовые. По одной стороне его находятся жилые помещения, по другую хлев для скота и поветь, служащая складом для орудий и корма. В обоих этажах устраивается по две комнаты; та, которая помещается в верхнем этаже, служит чистой половиной; внизу же одна комната служит кухней, другая горницей. В каждой комнате имеется по печке, стоит стол и по стенкам тянутся лавки. У людей более зажиточных в кухне также лавки, а в горницах столы, стулья, деревянный диван, нередко зеркала. Стены очень любят украшать картинами, содержание которых совсем не разбираются – лишь бы это была картина. Но особенно любят украшать их образами, и очень часто из образов создаются целые иконостасы».*[354]

Встречаем описание села Усть-Цильмы и в книге Ненарокова В. «Поездка на север России»: *«Усть-Цильма, как и все деревни Мезенского уезда, в которых мне пришлось побывать, строились без особого плана, мало обращалось внимания на правильное расположение изб для образования улиц, видимо, где и как кому казалось удобней. Все избы в два этажа, у верхнего этажа галереи, идущие вокруг всего дома. Ставни у окон раскрашены по жёлтому фону зелёные цветы, у более зажиточных хозяев прибавлена красная кайма, навес у крыльца с резьбой. У каждого домовладельца, два, три амбара, баня и флюгер, большею частью хвост глухаря, вклеенный в деревянную оправу».*[355]

Вышеприведенные описания построек Усть-Цильмы говорят о существовании традиционного северного дома – сначала курной избы на высоком подклете с сенями, далее двухэтажного дома – бруса, пятистенка и шестистенка, разделённых на две половины: жилая часть и поветь над хлевами.

---

[353] Истомин О. М. Предварительный отчёт о поездке в Печорский край летом 1890 года.

[354] Мартынов С. В. «Печорский край. Очерки природы и быта. Население, культура, промышленность».– Спб., 1905 г.

[355] Ненароков В. «Поездка на север России», 1863 г.

До настоящего времени на старых улицах села преобладают старинные двухэтажные дома. Характерной особенностью этих домов является то, что расположены они довольно близко друг к другу. Объясняется это тем, что огородов практически не было, хозяева на всё лето уезжали за реку, за Печору на пожни, где и занимались земледелием. На пожнях также были построены дома и помещения для скота. Выращивали рожь, жито (ячмень), репу (картофель был запрещён для употребления среди старообрядцев).

В самой Усть-Цильме возле каждого дома строились амбары, баня, колодец и конюшня. Основными промыслами местных жителей была рыбная ловля и охота. Благодаря наличию заливных лугов было развито скотоводство, и скот держали не только для своих нужд, но и для торговли, где продавали печорское масло и мясо. Поэтому во многих домах хозяйственные помещения (хлев и поветь) занимали значительную или большую часть здания. Амбаров, как правило, во дворе было несколько, как минимум два (мясной и рыбный). Неотъемлемой частью крестьянской усадьбы в Усть-Цильме являются колодцы – «журавли».

Быт и уклад жизни, обилие леса определяли размер и форму крестьянского дома. Большая часть домов в Усть-Цильме и её

Колодец-журавль в Усть-Цильме

окрестностях представлена двухэтажными строениями, с объединённой под одной крышей жилой и хозяйственной частью. По типологии народного жилища они относятся к северорусскому комплексу. Передняя часть избы – жилая, соединена сенями с двухэтажным хоздвором, в нижней части расположены помещения для скота, в верхней – для хранения сена и инвентаря. В нижнюю часть хозяйственного двора ведут ворота в стене, в верхнюю бревенчатый настил – взвоз. Внутри все помещения дома сообщаются между собой, что в значительной степени обусловлено длинными суровыми и снежными зимами. Почти все дома рублены с остатком, есть дома, построенные целиком из лиственницы или такие, у которых из лиственницы положен окладной венец. Рубили дома с ноября по май. В лесу отбирались деревья, их окоряли на высоту человеческого роста и оставляли на корню на весь год. Доставляли деловой лес на лошадях – волоком (по реке не сплавляли). Срубы рубили в основном с ноября по май.

У большинства домов фундаментом служат так называемые «деревянные стулья». Пол стелили двойной: чёрный и чистый, в народе называли «двуполка». Чёрный пол обычно делали из второсортного пиломатериала, например, из горбылей, чистый из выструганных досок – половиц. Венцы дома «собирали на моху», т. е. пазы между брёвнами прокладывали мхом. Крыши двухскатные, крыли тёсом. На многих домах сохранились следы куриц и охлупней.

Многих видов и фрагментов деревянной архитектуры до настоящего времени не сохранилось. Так, например, не дошли до нашего времени старые волоковые окна в избах Усть-Цильмы. Крыльца домов практически все перестроены или обшиты и т. д. Тёс, выполненный топором, практически нигде не сохранился, а только пиленый. Также не сохранились галереи, опоясывающие стены жилого дома на уровне второго этажа, о них упоминал в своей книге Ненароков.

В настоящее время в самой Усть-Цильме и её окрестностях сохранились дома нескольких типов:

– шестистенки двухэтажные и шестистенки с заулком;
– избы-двойни;
– пятистенки одноэтажные на высоком подклете;
– пятистенки двухэтажные;
– четырёхстенки одноэтажные.

Шестистенки с заулком имеют вход с фасадной стороны, расположенный с улицы на первый этаж через заулок. С одной стороны

Дом-пятистенок

на первом этаже расположена жилая часть дома, с другой – холодная комната, которая используется как кладовая, далее широкие сени и три хлева. Вход в жилые помещения второго этажа располагался в жилой комнате первого этажа у печки (лестница и люк). На втором этаже две жилые комнаты с печами и холодные сени между ними, из которых выход на поветь. Стены хоздвора возводились без прокладки мха, поэтому были холодными.

Пятистенки одноэтажные, как правило, на высоком подклете, часть домов имеет вход в подклет со сторон уличного фасада.

Резных украшений на домах Усть-Цильмы нет, лишь резные «помочи», выпуски-кронштейны для поддержания двухскатной кровли, на некоторых из них сохранились даты постройки дома. Также на нескольких домах сохранилась роспись на подшиве, нанесены солярные знаки – всевозможные круговые, крестообразные изображения, символизирующие «живое» солнце. В мезенской росписи эти знаки часто выражены свастиками (др. название «движущийся крест» – древнейший знак коловорота, движения солнца). Также на домах встречается мифическая райская птица

Птица Сирин как элемент росписи

Сирин, с райским лицом и телом женщины до пояса, символизирующая радость, счастье, удачу.

Усть-Цильма за всю историю существования неоднократно подвергалась пожару, а в 1742 году после пожара отстроилась полностью и уже имела уличную планировку (во всяком случае, по центральной Советской улице), а элементы свободной постройки сохраняются до сих пор по Набережной улице, которая тянется вдоль реки Печоры.

Результаты исследований Ирины Семёновой – руководителя Московской проектной архитектурно-реставрационной мастерской, проведённых в Усть-Цильме в 1993 году, показали, что после пожара 1742 года и переноса слободки на новое место строительство села шло сначала вдоль берега реки Печоры (современные улицы Набережная и Советская (бывшая Большая)). Позже формировались улицы Батманова и Нагорная. До наших дней дошла планировочная структура Усть-Цильмы в том виде, в котором она была представлена в исторических источниках к середине XIX века. Исходя из исследований и полученных материалов, И. Семёнова сделала вывод, что постановка на госохрану наиболее ценной застройки и разработка охранных зон памятников Усть-Цильмы

даст возможность сохранить облик одного из уникальных населённых пунктов Крайнего Севера, имеющего значение как образца не только исторического села, но и этнологического наследия республиканского и даже федерального значения.[356]

Учитывая, что исследования и написание проекта «Зоны охраны памятников с. Усть-Цильмы Республики Коми» относятся к 1993–1995 гг., многие деревянные здания пришли в упадок. В последние годы всё чаще скупаются старые дома для того, чтоб на их месте построить новые, современные здания. Смотришь: то в одном конце села, то в другом разбирают и распиливают большие двухэтажные родовые дома и не задумываются о том, что с разрушением очередного дома утрачивается история больших родов, целостность всей Усть-Цильмы с её неповторимостью.

Определенные шаги в направлении сохранения историко-культурного ландшафта Усть-Цильмы предпринимаются. На протяжении многих лет ведёт работу в данном направлении Усть-Цилемский историко-мемориальный музей А. В. Журавского. В 2014 г. были подняты проблемные вопросы по сохранению культурного наследия на Международном семинаре в Кенозерском национальном парке, по итогам которого в 2015 г. музеем А. В. Журавского были приглашены специалисты, имеющие опыт в данном вопросе, для проведения профессиональной экспертизы и анализа сложившейся ситуации. С рабочей поездкой Усть-Цильму посетили главный архитектор научно-исследовательского предприятия «Этнос», государственный эксперт МК РК И. С. Агафонова, начальник отдела историко-культурных исследований научно-исследовательского предприятия «Этнос», государственный эксперт МК РФ А. И. Давыдов. По результатам командировки были подготовлены рекомендации по вопросу сохранения историко-культурного потенциала села Усть-Цильма. Первоочередными действиями в данном направлении является разработка оптимальных путей совместной работы администрации Усть-Цилемского района, управления по охране объектов культурного наследия Республики Коми, Министерства культуры с целью определения статуса объекта культурного наследия.

Говоря о сохранении историко-культурного ландшафта Усть-Цильмы, нельзя не сказать о деревне Гарево (1729 г.), которая расположена в 10 км от райцентра. Гарево – это «живая» этноде-

---

[356] Семёнова И. Г. Проект зон охраны памятников с. Усть-Цильмы Ресублики Коми.– М., 1995 г. Фонды музея А. В. Журавского, КП-5929.

ревня, с её старинными улочками, сохранившимися домами, деревянными усадьбами, живописным месторасположением на берегу величавой северной реки Печоры, в которой до сегодняшнего дня сохранился и применяется хозяйственно-бытовой уклад наших предков. Музеем А. В. Журавского разработан и реализуется на протяжении многих лет экскурсионно-туристический маршрут «Этнографическая деревня Гарево».

И тем не менее время не щадит вековые памятники деревянного зодчества. Музеем неоднократно поднимался вопрос о сохранении крестьянских усадеб XIX в., а вместе с ними самобытности и уникальности деревни. Чтобы не утратить то, что еще живо, что не потеряло истинной сущности, своих корней, необходимо провести большую работу, и прежде всего, обратить внимание как общественности, так и административных структур власти на данную проблему.

С 2004 года работа по сохранению духовно-нравственных традиций, родовой памяти, самобытного облика древнерусского села наглядно представлена в уникальном республиканском проекте «Родовой дом» в Усть-Цилемском районе Республики Коми. Автором проекта является Вокуева Т. Д., представитель известного в Усть-Цильме рода «Анхиных» (родовое прозвание, происходящее от основателя рода), проживающая в г. Москве и возглавляющая московское представительство МОД «Русь Печорская». В положении проекта «Родовой дом» обозначено: «Благодаря северным пятистенкам и с деревянными мостовыми возле них, архитектурный облик древнерусского села остается гармоничным, живым, составляет естественный ансамбль с традициями, что и является историко-культурной ценностью».

Проект «Родовой дом» включает в себя комплекс мероприятий и тщательную подготовку организаторов не только представителей рода, но и автора проекта, рабочей группы республиканского праздника «Родовой дом», учреждений культуры к открытию родовой доски и торжественной встрече – празднику рода. Участникам события вручается «Родовой паспорт», в котором обозначается история дома, его архитектурные особенности, вписываются имена основателей рода.

В настоящее время открыто 13 родовых домов. В некоторых домах созданы частные музеи, где представлены родовые реликвии, сохраняемые и передаваемые из поколения в поколение. Такие музеи пользуются большой популярностью как среди жителей района, так и туристов, и исследователей.

Большую роль в поддержке инициативы и в дальнейшем развитии проекта оказал Совет межрегионального общественного движения «Русь Печорская», администрация МР «Усть-Цилемский».

Конечно же, этих мероприятий недостаточно, нужны срочные и кардинальные меры по сохранению народной архитектуры старинных и самобытных сёл на Европейском Севере России.

Уникальность русского деревянного зодчества и катастрофическая ситуация в сфере сохранения делают остро актуальным обращение к теме и обсуждение её на самых разных уровнях. Главным необходимым условием сохранности объектов культурного наследия является совершенствование государственной политики на основе всестороннего учета состава и состояния не только утвержденных объектов, но и тех уникальных населенных пунктов, где еще сохранились самобытность, духовная культура и население.

Гончарова Наталия Николаевна,
ФГБУК «Государственный Исторический музей», г. Москва

ИЗОБРАЖЕНИЯ ЦАРСТВЕННЫХ ПЕРСОН В ТРАДИЦИОННОМ ИСКУССТВЕ XVIII–XIX ВВ.

Традиционное искусство включает в себя как крестьянское, так и городское искусство. Население северных городов было вовлечено в государственную жизнь, и ему были понятны не декларируемые аспекты государственной и политической жизни. По многим вопросам истории народ имел собственное мнение, в некоторой степени это мнение корректировалось духовенством. При создании живописной или резной композиции и за художником и за заказчиком оставалось право выбора той или иной трактовки того или иного события. Одним из самых занимательных явлений в общественной жизни горожанина (купца, посадского жителя, ремесленника или чиновника, военного) неизменно оставалась высшая государственная власть.

В XVIII–XIX столетиях такую власть в России являла династия Романовых. Из многочисленных ее представителей полемическое отношение у народа вызывала личность Петра I.

Складывающийся в России абсолютизм нуждался не только в доказательствах легитимности правящей династии, но стремился к пропаганде модели идеала императорской власти на разных

Сундук-подголовок с композицией «Колесо Фортуны».
Холмогоры. Конец XVII – начало XVIII в.

общественных уровнях. Этому способствовало и тиражирование изображений государственных символов и образов. И в первую очередь – представителей дома Романовых. В то же время «...политическая и церковная власть стремились сохранить византийский облик».[357]

Живописный сюжет «Колесо Фортуны» на сундуке-подголовке конца XVII – начала XVIII вв. иллюстрирует именно эти тенденции. В центре композиции на внутренней поверхности крышки сундука изображено колесо с фигурными балясинками. В его верхней части помещен престол с сидящей на нем мужской фигурой в одежде типа ферязи, с мешочком в руках. Слева от колеса поднимающийся по ступеням вверх юноша, справа – падающий в бездну старец. На заднем плане изображена линия горизонта в виде части сферы. Сюжет обрамлен широкой рамкой с орнаментом растительного характера. Над центральной фигурой, а также над фигурами юноши и старца помещены надписи. Они частично

[357] Уортман С. Ричард «Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии».– Т. I.– О.Г.И. М.: 2004. С. 50.

утрачены, так как живописная поверхность имеет значительные повреждения, следы ожога.

В верхнем поле изображения читаем: «Ста [рую] веру ...чают а будущую презтраютъ», ниже – «Мнози на семъ престоле сести желаютъ и ...того какъ коло кружает». По сторонам центральной фигуры: «...деламъ» и «дивнымъ [его]». Слева, над фигурой юноши,– «души его чаемъ». Надпись на свитке юноши не читается. Справа, над фигурой старца,– «мимошедша[го] хвалимъ» и, на свитке в руках старца,– «падохся азъ за неистовую власть». Отметим, что надписи на свитках – традиционный иконографический прием, помогающий индивидуализации образа, где текст содержит смысловой знак персоны. Языком аллегории автор сообщает об определенных событиях, передает свое к ним отношение, свои ценностные ориентации.

Ключевыми фразами текста на сундуке являются: «Мнози на семъ престоле сести желаютъ...» и «Ста [рую] веру ...чают а будущую презираютъ». Власть и вера – основные темы данной живописной композиции. Центральный персонаж сидит на престоле, на котором в иконописи обычно изображается Спаситель или Богоматерь. Фон в данном случае – умозрительное пространство аллегории, указывающее на идею, образ личности, род деятельности центральной персоны. В нем как бы зашифровано понимание роли героя. Сфера, расположенная на заднем плане, может рассматриваться как символ вселенной или империи.

Прическа, небольшие усики над верхней губой и портретное сходство центральной персоны позволяют предполагать, что на сундучке изображен молодой Петр I. Над ним и помещены слова о том, что многие желают сесть на этот престол и восхищение его дивными делами. Петр держит в руках акакию. Акакия – принадлежность парадного облачения византийского императора. Это мешочек с прахом, который тот носит в руке как напоминание о бренности всего сущего и является символом смертной участи земного владыки, призывающим его к смирению и покаянию.

Изображение Петра на божественном престоле, являющимся символом власти, и акакия в его руках – все иллюстрирует законность прав Петра на русский престол. Кроме того «...сходство его облика с образом византийского императора оправдывало его претензии на власть и величие в религиозном и символическом плане».[358]

---

[358] Уортман С. Ричард «Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии».– Т. I.– О.Г.И. М.: 2004. С. 44.

Обращение к древнерусским и византийским традициям законности престолонаследия не случайно. В конце XVII в. тиражируется известная гравюра Леонтия Тарасевича с изображением царевны Софьи как императрицы в центре российского герба под тремя коронами с клеймами аллегорических добродетелей. Эти гравюры наделали много шума и «по приказанию Петра почти все были изъяты из обращения».[359]

Можно предположить, что расписной сюжет на подголовке – полемическая композиция как ответ на появление подобных гравюр. В росписи на крышке художник в аллегорической форме изобразил в виде старца, падающего в разверзшуюся бездну, все старое, борьбу за веру отцов и дедов – раскол (отсюда и образ старца), стремление к «неистовой» власти, которая, по мнению автора – необоснованна. Поэтому изображение и сопровождается надписью: «мимошедшее хвалим» и «падохся азъ за неистовую власть». Стремление к преобразованиям, восприимчивость ко всему новому изображены в виде юноши, поднимающегося вверх по лестнице с надписью «душею чаемъ».

Сюжет «Колесо Фортуны» имеет античное происхождение и хорошо известен в мировой культуре. «Различные толкования» подобного сюжета встречаются и в русском лубке первой половины XVIII в.[360]

Данное произведение, как и гравюра Тарасевича, используется в качестве средства политической и религиозной борьбы. Вполне закономерно предположение, что роспись выполнена по специальному заказу.

Центричность и уравновешенность композиции, строгий отбор деталей, наличие обратной перспективы, а также манера исполнения одежд есть следствие влияния древнерусской иконы.

Мы предполагаем, что автором росписи мог быть холмогорский иконописец. Под покровительством Афанасия Холмогорского при «архиерейском доме была учреждена иконная келья», в которой трудилось около пятидесяти иконописцев[361]. Заботами владыки она превратилась в своего рода северную Оружейную палату. Мастерство художника, расписавшего подголовок, его широкий кругозор и грамотность, умение творчески переосмыс-

---

[359] Русские народные картинки. Собрал и описал Д. Ровинский. // Притчи и листы духовные // СПб. 1891. Книга V. С. 88–92. № 731–733.

[360] 4 Коринфский А. А. Народная Русь. М. Московский рабочий. 1995. С. 496, 498.

[361] Кольцова Т. М. Северные иконописцы (Опыт библиографического словаря). Архангельск. 1998. С. 15–16.

Сундук-подголовок с композицией «Всадники». Великий Устюг. Начало XVIII в.

ливать источники подтверждает его возможную принадлежность к мастерам архиерейского двора.

Другое отношение к личности Петра иллюстрирует роспись на устюжском подголовке. Центральное место в композиции на сундуке начала XVIII в. занимает круглое клеймо с изображением стреляющего из лука кентавра-Полкана. По сторонам клейма расположены две крупные птицы. В нижнем поле – две пары всадников, направляющихся навстречу друг другу. Левая пара одета в русские кафтаны и круглые шапочки. У них в руках характерное для конца XVII – начала XVIII вв. оружие типа шестопера. Правая пара всадников одета в европейские костюмы: кафтаны-мундиры, белые шейные платки, шляпы с низкой тульей, чулки и башмаки. В руках у них сабли, поднятые вверх, как на параде.

Привлекает внимание всадник на белом в яблоках коне. Фигура всадника чуть крупнее, конь особенной масти, с головы снята шляпа, которую он держит в руке. Снятая с головы шляпа – этикетный жест подчинения. Подобный этикетный жест встречается как в западноевропейской книжной гравюре, так и в русских

лицевых рукописях XV в. Отмеченный книжно-этикетный мотив продолжал существовать и позднее, поскольку встречается в миниатюрах XVII–XVIII вв.[362]

Головной убор – это символ, который занимает определенное место в знаковой системе средневековья и даже более позднего времени. Это некий магический атрибут. Обнажая голову, данный всадник подчеркивает свое подчиненное положение. Русской средневековой культуре была присуща церемониальность. Неравное положение, зависимость одного от другого, подчинение демонстрировались с помощью головного убора. Всадник на коне в яблоках - главная фигура в сюжете.

Необходимо подчеркнуть, что над всей сценой главенствует кентавр-Полкан. У этого образа нет четко прописанного семантического значения. В зависимости от обстоятельств знаковая сущность этого мифического существа то положительная, то отрицательная. Но если предположить, что он несет в себе отрицательные, демонические начала, то всадник, сняв перед ним шляпу, фактически демонстрирует свое подчиненное положение именно ему.

Предполагается, что на сундучке изображен русский император Петр I[363]. Отношение к Петру в народной среде было неоднозначно. Многие считали его антихристом. Прежде всего, это было связано с реформистской деятельностью Петра I: календарные изменения (перенесение Нового года с сентября на январь), узурпация не только «мирской», но и «духовной» власти (Синод), раскол и многое другое. По народным представлениям эти нововведения разрушали «заветы», установленные святыми отцами[364]. Он отправил в монастырь свою первую жену Евдокию и женился на литовской простолюдинке Марте Скавронской еще при жизни первой жены, но «наибольшему осквернению подверглись традиционные русские нормы родства». Когда Екатерина переходила в православие, ее восприемником был сын Петра I Алексей, отчего она и получила отчество Алексеевна. В терминах духовного родства Петр женился на своей внучке. Традиционалистами «это не могло расцениваться иначе как своего рода духовный инцест, кощунственное попрание основных христианских законов»[365].

---

[362] Белоброва О. А. Этикетный мотив в древнерусской миниатюре XV в. Очерки русской художественной культуры XVI–XX веков. М. Индрик. 2005. С. 300–301.

[363] Жегалова С. К. Русская народная живопись. М. Просвещение. 1975. С. 51.

[364] Гурьянова Н. С. Крестьянский антимонархический протест в старообрядческой эсхатологической литературе позднего феодализма. Новосибирск. 1988. С. 39–41.

[365] Уортман С. Ричард. Указ. соч. С. 89.

Все вышеперечисленное рождало отрицательное отношение народа к царю, особенно на консервативном Севере. В этой связи и изображение на устюжском сундучке имело те нюансы, которые демонстрировали отрицательное отношение автора к персоне Петра. Как назидательная, так и многофигурная композиции на сундуках доступными для них средствами демонстрируют личное отношение авторов к своим персонажам. В первом случае – триумф Петра I, утверждение его прав на престол и поддержка реформаторской деятельности. Во второй композиции в деталях подчеркивается негативное к нему отношение. В образах народного искусства нет ярко выраженных злых персонажей, поэтому, несмотря на неодобрительное отношение к деятельности Петра, сцена не выглядит зловеще или чересчур недоброжелательно.

На рубеже XVII–XVIII в. «...общество вначале размежевалось по критерию «старого - нового», а затем определенным образом консолидировалось. Основой глубинной консолидации в обоих случаях...стала традиционная русская культура...»[366].

Наглядным примером тому может служить портрет помещенного на крышке следующего сундучка. Это поясное изображение царя Федора Алексеевича, облаченного в царственное платно из узорной ткани с бармами, расшитыми жемчугом и камнями. На голове высокая шапка, отороченная мехом, в руках скипетр и держава. Атрибуты власти должны были демонстрировать величие и полноту царской власти. Над головой царя надпись: «Царь Феодоръ Алезеевичь», ниже по обеим сторонам буквенная дата, которая прочитывается как 1679 «года». Вокруг фигуры расположены стилизованные растительные побеги.

Царь Федор Алексеевич Романов (1661–1682) унаследовал престол в 1676 г. в 15 лет[367]. Следовательно, портрет написан через три года после его воцарения. Эта дата не связана с каким-либо важным событием в жизни царя, она как бы произвольно указывает на время его правления.

---

[366] Давыдова И. Л. «Россия XVII века: культура и искусство в эпоху перемен» Диссертация. 2005. С. 296.

[367] Одним из учителей царя был белорусский монах Симеон Полоцкий. Несмотря на юный возраст Федор Алексеевич начал успешно проводить преобразования: была проведена перепись населения, введено подворное обложение прямыми налогами, отменено местничество. При нем была радикально реформирована армия, ставшая на три четверти регулярной. Федор Алексеевич вывел Россию из тяжелой и кровопролитной войны с Османской империей, боролся с судебной волокитой, искоренил обычай бесконтрольного предварительного заключения и отменил членовредительные казни (заново введенные Петром I). Это был широко образованный человек, знал польский и латинский языки, увлекался музыкой. (Русский исторический портрет. Эпоха парсуны. М.: Художник и книга. 2004. С. 64)

Сундук с взгорбленной крышкой и изображением царя Федора Алексеевича. Холмогоры. Вторая треть XVIII в.

Портрет выполнен в технике парсуны. Подготовительный рисунок нанесен в виде углубленных в поверхность дерева линий графьи, по очень тонкому слою темного грунта. Темные, предельно тонкие грунты встречаются в некоторых иконах конца XVII – начала XVIII вв. Живопись портрета тонкослойная. Фактура отдельных мазков в живописи лика и рук не выражена. Чуть более заметны точечные мазки на изображениях украшений одежды и головного убора.

Дата и надпись (не характерная для указанного времени) вызвали сомнение. Была проведена химико-технологическая экспертиза[368]. Было установлено, что в составе красок портрета есть

[368] «Технологическое исследование «Портрета царя Федора Алексеевича». Заключение Ивановой Е. Ю. (ст. н. сотрудник отдела ИЗО ГИМ), Березина А. В. (н. сотрудник отдела ИЗЩ ГИМ) от 18. 09. 2007 г.

Отчет «Химико-технологическое исследование живописи портрета Федора Алексеевича, написанного на крышке сундука из отдела Дерева ГИМ». Исполнитель: ст. н. сотрудник отдела научной реставрации ГИМ Р. А. Турищева. 2007 г.

Отчет «Технологическое исследование живописи на крышке сундука конца 17 века». Ответственный исполнитель зав. сектором Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева, к. х. н. В. Н. Ярош. 2009 г.

синий пигмент – берлинская лазурь, который стал применяться в живописи не ранее середины 20-х годов XVIII века[369]. В конце XIX – начале XX вв. живопись претерпела реставрационные вмешательства. Слой покровного лака также относится ко времени реставрации XIX–XX вв.

Традиции парсуны довольно долго продолжали жить в портрете XVIII века, вплоть до середины столетия. Исходя из вышесказанного, изображение на ларце можно датировать второй третью XVIII века.

В настоящее время известны три сундука с изображением представителей династии Романовых. Один из них находился в Смоленском государственном музее-заповеднике и был утрачен во время Великой Отечественной войны. На внутренней поверхности крышки сундука было помещено изображение царя Алексея Михайловича и Натальи Кирилловны с надписью: «Царь алезей михайл...а года»[370].

Второй сундук из коллекции ГЭ и выполнен холмогорским живописцем. На внутренней поверхности крышки помещен погрудный портрет-парсуна императора Петра II с надписью: «Нынешний Российский император Петр второй Алексеевич» и дата 1728 г.[371] Портрет и надпись обрамлены стилизованными растительными побегами, похожими на растительные побеги на сундучке из ГИМ. Внук Петра I, сын царевича Алексея Петровича, он был последним представителем дома Романовых по прямой мужской линии. Петр II вступил на престол в 11 лет в 1727 г. и умер в 14 лет от оспы в 1729 г. Портрет на сундуке выполнен за год до смерти императора. Дата, видимо, так же обозначена произвольно.

Наличие трех выявленных сундучков с царскими и императорскими портретами, а также идентичные декоративные элементы на двух из них позволяют утверждать, что была создана целая серия династических изображений персон дома Романовых. Немалую роль здесь сыграла активная деятельность Афанасия Холмогорского. Его влияние и поддержка местных художественных

---

[369] Писарева С. А. Химический состав и хронология применения пигментов в станковой живописи. Приложение к книге Гренберг Ю. И. От фаюмского портрета до постимпрессионизма. ИД «Искусство. М. 2004. С. 225.

[370] Склеенова В. И. «Сводный каталог музейных ценностей, похищенных и утраченных в период Второй мировой войны. Т. I. № 1509. Смоленский государственный музей- заповедник. Книга I. МКРФ.

[371] Уханова И. Н. Народное декоративно-прикладное искусство городов и посадов Русского Севера конца XVII–XIX веков. ДБ. С.-Петербург. ДБ. 2001. С. 51.

ремесел, а также продолжение этого направления следующим архиепископом Варнавой способствовали развитию нового для холмогорских иконописцев жанра – портретной живописи. Художники продолжали сохранять верность традициям, но осваивали и передовые, модные направления в своем творчестве.

В портретах на сундуках видно другое отношение к правящей династии. Исчезла необходимость в полемике, ирония. Они демонстрируют высокое социальное положение своих героев. Создание царских портретов – принципиально новое направление в традиционном искусстве.

Продолжение этого направления можно увидеть на северной прялке второй четверти XIX в. Центральное место на прямоугольной поверхности лопаски прялки занимает изображение императора Николая I и его супруги Александры Федоровны. Зритель ощущает значительность изображенных персон. Николай одет в генеральский мундир со звездой и крестом. На плечах – пышные эполеты, на голове треуголка с плюмажем, на левом боку шпага с темляком. Его дама облачена в нарядное платье, отделанное батистом или кружевами по декольте, пояс с аграфом, роскошную шляпку с изысканными перьями и вуалью. В левой руке Александра Федоровна держит свернутый веер – аксессуар высших слоев общества. Костюмы персон характерны для 30-х годов XIX века.

Прялка с изображением императора Николая I и Александры Федоровны. Северная Двина. Вторая четверть XIX в.

Иконографическим изводом данного изображения могли послужить многочисленные гравюрные листы с царственной парой, широко распространенные в то время. Они часто служили

образцами для вышивок на кошельках и других мелких обиходных предметов.

Если XVIII век в России был веком правления женщин, сочетавших в себе мужские свойства власти с женскими качествами любви и красоты, то к его концу происходит соблюдение определенной дистанции императриц от политики. В европейском искусстве и литературе распространяется идея романтической любви как идеала брака.

Примером такого идеала оказались Николай и Александра, являя своим супружеством реализацию современных западных ценностей. В этой новой политической идиллии Николай превращался в галантного рыцаря, а «супружеская любовь была представлена как благородный акт самозабвенной преданности и образец поведения для подданных в домашней и служебной обстановке»[372].

Еще одним памятником с царственными портретами является небольшой шкафчик в виде деревянного строения с конусообразной крышей. Резьба грубая. На стенках резные изображения императора Николая II, Александры Федоровны и двуглавого орла. Под императором надпись: «Боже царя храни»; под изображением императрицы: «Импера Александра Федо»; под двуглавым орлом: «Царя сердце пылает», «На благо Россее», «Сия работа села Яма С. Е. Лаптева».

Таким образом, пять памятников с изображениями членов семьи Романовых дают представление о двухсотлетней истории правящей династии и характеризуют разные исторические этапы их правления. Художники искали для своих произведений значительных лиц, бесспорных героев. Причем «оценка героя» всегда присутствует в произведении.

[372] Уортман С. Ричард. Указ. соч. С. 345.

Исаченко Татьяна Евгеньевна,
Бочарникова Марина Владимировна,
Постникова Екатерина Александровна
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»,
г. Санкт-Петербург

ОПИСАНИЯ Н. Я. ОЗЕРЕЦКОВСКОГО КАК ПЕРВОЕ КОМПЛЕКСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ КУЛЬТУРНЫХ ЛАНДШАФТОВ ПОБЕРЕЖИЙ ЛАДОЖСКОГО И ОНЕЖСКОГО ОЗЕР

Николай Яковлевич Озерецковский (1750–1827) родился в селе Озерецком Дмитровского уезда Московской губернии в семье священника. Он получил образование в семинарии Троице-Сергиевой лавры, а затем был направлен на службу в Санкт-Петербургскую Академию наук для участия в академических экспедициях. В 1768–1772 гг. Н. Я. Озерецковский работал в составе экспедиции И. И. Лепехина, исследуя территории от нижнего течения р. Волги до устья р. Индиги и Кольского полуострова. Он обучался в Лейденском и Страсбургском университетах, получил степень доктора медицины и после возвращения в Петербург был избран адъюнктом натуральной истории, а в 1782 г. пожалован в академики. Большое внимание в своих исследованиях Н. Я. Озерецковский уделял исследованиям Великих Европейских озер. В 1785 г. он возглавил академическую экспедицию для исследования побережий и островов Ладожского и Онежского озер (рис. 1).

Путь экспедиции проходил по издавна освоенным регионам, и Н. Я. Озерецковского трудно назвать первопроходцем, однако его описания являются первым комплексным исследованием островов и побережий Ладожского и Онежского озер и отличаются такой разносторонностью и достоверностью, что до сих пор ученые различных специальностей ссылаются на его труды как на первоисточник. В ходе экспедиции ученый делал описания, подчеркивая самые характерные особенности изучаемых природно-культурных комплексов. В одних описаниях он уделял большее внимание природным особенностям территории, в других – этнической составляющей, промышленному освоению, разработке недр и т. д. Данные подбирались в зависимости от того, что определяло портрет и развитие данного региона. Такой подход к составлению описаний позволил выявить дифференциацию территории, в

Рис. 1. Карта маршрута экспедиции Н.Я. Озерецковского, 1785 г., выполненная на современной основе с реконструкцией гидрографической сети в бассейнах реки Вуоксы, озера Сандал, реки Свирь и береговой линии Ладожского и Онежского озер на период конца XVIII в.

скрытом виде присутствующую в материалах Н.Я. Озерецковского, и разработать историко-географическое районирование прибрежной части Ладожского и Онежского озер для рубежа XVIII – XIX вв. Всего на основе исторических карт и описаний ученого выделено в Приладожье – 8, а в Прионежье – 9 историко-географических районов. На рисунке 2 в качестве примера приведена карта историко-географического районирования побережий Онежского озера (рис. 2).

Разработанное историко-географическое районирование послужило базой для анализа процессов и явлений, присущих современным культурным ландшафтам, и способствовало выявлению

Рис. 2. Историко-географическое районирование побережий Онежского озера, выполненное на период конца XVIII в.

Историко-географические районы: *I – Свирско-Прионежский; II – Вепсский; III – Петрозаводский; IV – Сандальский; V – Заонежский; VI – Повенецкий; VII – Даниловский; VIII – Пудожский; IX – Вытегорский*

динамики объектов природного и культурного наследия островов и побережий.

Историко-географическая оценка прибрежной территории Ладожского и Онежского озер и ее современная интерпретация позволили выявить районы, где за 230 лет произошли наиболее значимые изменения природных условий и приоритетных направлений развития. В Прионежье потеряли самостоятельную значимость Даниловский и Сандальский историко-географические районы. Для Даниловского района это было связано с упразднением в середине XIX в. Выгорецкой обители. Сандальский район с утратой торговой и сельскохозяйственной функций потерял своеобразие и примкнул к Петрозаводскому району, который сохранил преемственность промышленного развития. Объединению этих районов способствовали и изменения природной составляющей культурных ландшафтов, прежде всего – гидрографической сети, связывающей территории районов. Сохранил историческую специализацию и этническое своеобразие Вепсский историко-культурный район, территория компактного проживания вепсов. Наиболее значимые изменения произошли в регионах, имевших ярко выраженную сельскохозяйственную специализацию: в XXI в. резко сократилась площадь обрабатываемых угодий, уменьшилась людность и количество поселений. Прежде всего, эти процессы затронули Заонежский район, природно-культурные комплексы которого сегодня находятся в состоянии деградации. Пудожский и Вытегорский районы, утратив сельскохозяйственную специализацию, сохранили промышленно-сырьевую, полностью поменяв былое разнообразие промышленных предприятий на лесозаготовки и первичную переработку древесины. С вводом в эксплуатацию Беломоро-Балтийского и Волго-Балтийского каналов транзитная функция стала основной для Повенецкого, Свирско-Прионежского и Вытегорского историко-географических районов. В Вытегорском районе она вытеснила торговую функцию. Северная часть Повенецкого историко-географического района в XX в. может быть выделена в особый мемориальный культурно-ландшафтный комплекс, история развития которого связана с использованием труда заключенных и памятью тысяч расстрелянных здесь людей.

Подробный анализ описаний Н. Я. Озерецковского позволил выявить как уникальные, так и репрезентативные природно-культурные комплексы и объекты наследия на островах и побережьях озер. Ниже приведен фрагмент базы данных, составленной для всех природных и культурных объектов, упоминаемых Н. Я. Озерецковским (таблица). На примере о. Лычный на озере Сандал

показана перспективность использования описаний ученого для оценки динамики природно-культурных комплексов. В конце XVIII в. территория острова Лычный имела селитебно-сельскохозяйственную функцию. Здесь размещался Лычноостровский погост, в состав которого входило село Лычное и деревня Северная. Центром погоста служила деревянная церковь Петра и Павла, датируемая 1620 г. Вся территория острова была распахана, поскольку, благодаря плодородным шунгитовым почвам, занятие сельским хозяйством приносило жителям значительные доходы. К 2017 г. территория о. Лычный претерпела значительные изменения: сегодня на острове нет ни одного постоянного жителя, угодья заброшены и находятся на различных стадиях зарастания, на отдельных участках восстановились полноценные лесные сообщества. Около 50% домов в поселениях не используются и постепенно разрушаются. Летом в родительские дома приезжают дачники, некоторые из них занимаются сельскохозяйственной деятельностью на приусадебных участках. Появляются новые дачные дома, при которых огороды отсутствуют. Уникальный объект культурного наследия деревянная церковь Петра и Павла, датированная 1620 г., отреставрирована и находится в хорошем состоянии. Сегодня территория имеет селитебно-рекреационную функцию, однако без поддержания традиционных ландшафтов, включающих пашни и сенокосы, рекреационная привлекательность территории будет уменьшаться.

Таблица

Фрагмент базы данных, составленной по результатам анализа описаний Н.Я. Озерецковского и полевых исследований (Фото Т. Исаченко)

Название объекта, XVIII в. Описание Н.Я. Озерецковского[373]	Название объекта, его состояние, 2017 г. Фотофиксация
Ключевой участок. «Лычный остров»	
Остров Лычный «Остров сей длиною версты в четыре, а шириною инде на версту, инде на	**Лычный остров** Расположен на озере Сандал имеет плодородные шунгитовые почвы, что способствовало его длительному освоению. На острове рас-

[373] Цитаты даны по: Озерецковский Н.Я. Путешествие по озерам Ладожскому, Онежскому и вокруг озера Ильмень. 2-е изд. СПб. Импер. акад. наук, 1812.– 561 с., 16 л. илл.

Название объекта, XVIII в. Описание Н. Я. Озерецковского[373]	Название объекта, его состояние, 2017 г. Фотофиксация
две. С северной стороны далеко внутрь оного простирается большая заводь или губа, которая ширину острова в том месте нарочито уменьшает.» С. 231	положено село Лычное и деревня Северная, которые в настоящее время не имеют постоянных жителей. Пашни и сенокосы зарастают. Огороды используются дачниками. На месте старых домов появляются современные дачные домики. В центре острова сохранилась церковь Петра и Павла, датируемая 1620 г.
«…по скату горы почти на самой земной поверхности много попадается… черного шифера [шунгита] большими глыбами» С. 231	Благодаря плодородным шунгитовым почвам на острове выгодно заниматься земледелием. *Фото 1. Остров Лычный. Шунгитовые почвы на дачном огороде в деревне Северная, 2017*
«Вся поверхность острова усыпана каменьями, несмотря на сие, довольно на нем имеется пашни, и рожь каждый год очень хорошо родится.» С. 231	Поверхность острова перекрыта шунгитоносной мореной, при распашке территории камни приходилось убирать с полей. Из них по краю обрабатываемых участков складывали ровницы. В настоящее время угодья зарастают. *Фото 2. Лычный остров: ровница и зарастающие угодья, 2017*

Название объекта, XVIII в. Описание Н. Я. Озерецковского[373]	Название объекта, его состояние, 2017 г. Фотофиксация
Лычноостровский погост: «...Лычноостровский погост на острове Лычном, в пяти верстах от Тивдии лежащем.» С. 219	 *Фото 3. Остров Лычный. Церковь Петра и Павла, 1620 г. в селе Лычное, 2017*
Село Лычное Деревня Северная «Кроме села Лычного находится на сем острове деревня, Северною называемая...» С. 231	Около 50% домов не используются и постепенно разрушаются. Огороды, пашни и сенокосы зарастают. *Фото 4. Лычный остров: заброшенный дом в деревне Северная, 2017* Летом в родительские дома приезжают дачники, некоторые из них занимаются сельскохозяйственной деятельностью на огородах. *Фото 5. Лычный остров: исторический дом, использующийся в качестве дачи в деревне Северная, 2017*

Название объекта, XVIII в. Описание Н. Я. Озерецковского[373]	Название объекта, его состояние, 2017 г. Фотофиксация
	Появляются новые дачные дома, при которых огороды отсутствуют. *Фото 6. Лычный остров: заброшенный дом в деревне Северная, 2017*

Для оценки достоверности описаний Н. Я. Озерецковского нами проведена верификация данных, приведенных ученым. В процессе камерального анализа было выявлено существенное несоответствие описаний академика современной ландшафтной ситуации и современному расселению в районе островов и проливов Салмы (район островов и проливов около северо-восточных берегов Ладоги вблизи поселка Салми (Республика Карелия)). Н. Я. Озерецковский, описывая упомянутые острова и проливы, перечисляет четыре крупных острова (Уксинский, Лунгальский, Мызинский, Манецкий), которые отделяли от Ладожского озера Салму (пролив между материком и указанными островами). Также он упоминает пять проливов, посредством которых Салма сообщалась с озером (Люзи, Пелля, Улахта, Перямансалми и Пролив без названия). В пределах четырех островов ученый отмечает 10 поселений (всего 201 двор), подчеркивает, что при каждой деревне имелись пахотные угодья и сенокосы. Свои описания Н. Я. Озерецковский дополняет рисунком островов, который был сделан приказчиком Маковкиным (местным жителем).

Камеральный анализ современных карт и космоснимков позволил выявить только два острова (Лункулансаари и Мантинсаари) и полуостров Уксалонпя. Также не удалось обнаружить два из пяти проливов (Люзи и Улахта). Изучение статистических сведений показало, что по официальным данным постоянного населения на островах нет (рис. 3).

А) Реконструкция расположения островов и проливов Салмы на основании анализа описаний Н. Я. Озерецковского и полевых ландшафтных исследований

Б) Состояние местности в 2017 г.

Рис. 3. Сопоставление ситуации в районе островов и проливов Салмы на период конца XVIII в. и на 2017 г.

Нами были проведены полевые ландшафтные исследования, базирующиеся на ландшафтно-динамическом подходе, которые позволили выявить расположение исчезнувших деревень и заросших угодий, определить очертания осушенных болот, скрытых под лесными сообществами. Было выявлено следующее:

1) Пролив Люзи, существовавший в XVIII в., сегодня не существует, на его месте расположено небольшое озерцо, откуда вытекает ручеек – р. Люсиноя, впадающий в Ладожское озеро на западном побережье полуострова Уксалонпя. Ранее существовала протока, соединяющая это озерцо с Салмой (современный залив Уксунлахти). Русло протоки было искусственно углублено, что позволяло на лодке коротким путем выходить из Салмы в Ладогу. Колебания уровня озера способствовали постепенному зарастанию этой системы, а в XX в. насыпь дороги, перерезавшая русло протоки, завершила трансформацию бывшего острова Уксинский в полуостров Уксалонпя. Соответственно, Салма, описанная Н. Я. Озерецковским, из пролива стала превращаться в залив. На современных картах северная часть Салмы обозначена заливом Уксунлахти.

2) Пролив Перемя (совр. пролив Перямансалми) между материком и островом Лункулансаари существует. Глубина пролива зависит от колебаний уровня Ладожского озера, в отдельные годы его невозможно пройти на лодке. Северная часть пролива-протоки заросла тростником. Идут процессы, способствующие постепенному зарастанию пролива. На современных картах южная часть Салмы, примыкающая к проливу Перямансалми, обозначена заливом Лункуланлахти.

3) Пролива Улахта, который разделял в XVIII в. острова Лунгальский и Мызинский, сегодня не существует. Два острова объединены в один остров Лункулансаари. Ландшафтные исследования показали наличие на месте пролива фрагментов протоки и болотного массива с мощностью торфа более 1 м. Это заставило усомниться в существовании здесь в конце XVIII в. пролива: за 230 лет в средней тайге вертикальный прирост торфа составляет всего 13–15 см. Однако наличие фрагментов протоки позволили предположить, что узкий пролив-протока с заболоченными берегами мог постепенно заплыть торфом. Протока перерезана насыпью дороги, что также способствует активизации процессов заболачивания.

4) Из 10 поселений на островах сегодня не осталось ни одной деревни с зарегистрированными постоянными жителями. Процесс запустения островов начался в 1940 г. после ухода отсюда финского населения. Последующее укрупнение поселений и угодий, проведение комплексной мелиорации поддержали этот процесс. Окончательный удар по системе расселения был нанесен в 1990-е гг. С развалом сельского хозяйства и закрытием малокомплектных школ острова постепенно обезлюдели. Самый большой и самый заселенный Манецкий остров, где во времена Н. Я. Озерецковского существовало 3 деревни (всего 117 дворов), сегодня имеет одного постоянного жителя, который не хочет покидать свой дом. На полуострове Уксалонпя, где было 2 деревни (всего 34 двора), сегодня поселений нет. На острове Лункулансаари, где располагались 5 деревень (всего 50 дворов), на месте бывшей мызы Куралакс существуют частные дома, которые используются в качестве дач, а на месте деревни Лунгала размещены две базы отдыха коттеджного типа и несколько новых дачных домов. Рекреационно-селитебное освоение острова связано с наличием дороги и моста через пролив Перямансалми. Исчезновение описанных Н. Я. Озерецковским деревень происходило в разное время. На месте некоторых из них остались фундаменты и зарастающие угодья, которые визуально

определяются в ландшафте. Но некоторые прекратили существование давно, и определить их расположение можно только, выявив черты сельскохозяйственной освоенности в почвах под лесными сообществами. Нами было подтверждено существование и определены места размещения на островах 10 деревень.

Исследования показали, что ландшафтная ситуация и система расселения в районе Салмы в конце XVIII в. в целом соответствовала описанной Н. Я. Озерецковским, а динамика природно-культурных комплексов за 230 лет связана как с природными, так и с социально-экономическими процессами.

Разносторонний анализ описаний островов и побережий Ладожского и Онежского озер, выполненных Н. Я. Озерецковским, позволил сделать следующие выводы.

1. Для описаний характерна высокая степень достоверности и комплексности.

2. Описания могут служить отправной точкой для изучения динамики природно-культурных комплексов островов и побережий.

3. Описания дают возможность выявить традиционные культурные ландшафты, имеющие длительную историю развития, которые могут рассматриваться в качестве объектов природного и культурного наследия, провести реконструкцию и предложить меры для их восстановления и охраны.

Исследования, положенные в основу настоящей статьи, выполнены при поддержке гранта РФФИ 16-05-00480.

Кузнецова Елена Васильевна,
Евстропова Наталья Николаевна,
краеведческий центр «Дом Няна»,
г. Няндома, Архангельская область

НЯНДОМА – МУЗЕЙ ПОД ОТКРЫТЫМ НЕБОМ

Краеведческий центр «Дом Няна» – единственное в городе учреждение культуры музейного типа. Образовавшийся в 2005 году, не имеющий коллекций, расположенный в полуразрушенном здании, Няндомский музей обрел почву под ногами в 2008 году благодаря участию в Коношской конференции «Северная железная дорога и развитие прилегающих территорий». Знакомство с докладами, общение с архитекторами, краеведами, музейщиками,

увлеченными историей дороги и судьбой ее строителя Саввы Ивановича Мамонтова, определило пути развития нашего краеведческого центра. С момента первой встречи в Коноше архитектор Нина Михайловна Петухова стала нашим главным консультантом и помощником в деле изучения и сохранения архитектурного ансамбля исторического центра города, бывшего железнодорожного поселка, появившегося благодаря строительству дороги.

Архив материалов, начавшийся с книги Теребова Владимира Никандровича «Общество Московско-Ярославско-Архангельской железной дороги. Сооружение Вологодско-Архангельской линии (1894-1897)», приобретенной из рук автора, успешно пополняется. Мы гордимся подарком московского архитектора Нащокиной Марии Владимировны, ее книга, над которой автор трудилась практически 25 лет, «Московский архитектор Лев Кекушев»[374] содержит главу «Сооружение Северной железной дороги», где опубликованы фотографии улиц с «мамонтовскими» домами конца 19 века. Архангельский архитектор Барашков Юрий Анатольевич, посетив Няндому по нашему приглашению, высказался о историческом центре Няндомы так: «Музей под открытым небом»! Пользуется спросом фотоальбом, изданный Архангельским краеведческим музеем в 2012 году, содержащий фотографии построек железной дороги, сделанные ярославским подрядчиком Павлом Юлиановичем Майером непосредственно после их возведения в 1894–1897 гг.

Под руководством нашего земляка, уроженца станции Лепша, преподавателя Архангельского техникума экономики и строительства Сметанина Владислава Александровича была начата работа по обмерам части пассажирских и жилых зданий со службами на станциях Исакогорка, Холмогорская, Лепша, Вандыш, Обозерская, Няндома, которую выполнили в 2001 г. студенты 3 курса отделения архитектуры во время летней практики. «Дорога Мамонтова» – брошюра руководителя экспедиции наряду с другими источниками, дополненными воспоминаниями жителей, архивными справками, позволили нам участвовать в конференциях, проектной деятельности, оформить туристический маршрут, сопровождаемый интересным рассказом, с погружением участников в мир «для счастливых людей», чудом сохранившийся на первых улочках Няндомы.

---

[374] Нащокина М. В. Московский архитектор Лев Кекушев / Рос. Акад. архитектуры и строит. наук, НИИ теории и истории архитектуры и градостроительства.– СПб.: Коло, 2012.– 504 с.

В конце 19 века Савва Иванович Мамонтов создал уникальный комплекс – «железная дорога и Мир вокруг нее». Сколь большое значение уделял Мамонтов созданию архитектурного оформления железной дороги, показывает то, что «составление проектов гражданских сооружений» Вологодско-Архангельской железной дороги было поручено одному из крупнейших московских архитекторов того периода Льву Николаевичу Кекушеву. Автору проекта в полной мере удалось осуществить социально-художественную задачу – создать единый архитектурный ансамбль, протяженный от Вологды до Архангельска.

«Особенностью железнодорожной линии Вологда-Архангельск является то, что на станциях предусматривалось строительство домов только для посемейного заселения, хотя при застройке рабочих поселков в то время было распространено строительство казарм для холостяков. Все дома проектировались для проживания 2-х и более семей с отдельными входами с улицы в каждую квартиру, что способствовало закреплению рабочих на местах. Своеобразие каждой станции создавалось во многом за счет большого количества различных типов жилых зданий. При этом применение тех или иных типовых проектов носило отнюдь не отвлеченный характер. Всего было разработано 17 типов жилых зданий, каждый из которых предназначался для проживания рабочих и служащих определенных специальностей: для помощника начальника станции и жандарма, для 4-х стрелочников и т. п. Четкая адресная направленность давала возможность создания наиболее удобного и рационального объемно-планировочного решения в каждом конкретном случае. Жилые дома с хозяйственными постройками сосредоточены вдоль улиц или, как их тогда называли, линий. Всего к 1902 г. на всех станциях железной дороги было построено 129 жилых деревянных домов, крытых большей частью дранью или толем. При каждом доме проектом предусмотрено устройство сарая с отделениями для каждой квартиры, помойной ямы, деревянного выгреба, а при домах, не имеющих для всех квартир внутренних отхожих мест, отдельно стоящие сооружения с деревянными выгребами. На некоторых станциях были устроены для постоя лошадей и экипажей дворы, огороженные деревянными заборами, ледники-погреба, а также бани площадью внутреннего помещения 18 кв. саж. на станциях Няндома и Исакогорка, 6 кв. саж. – на остальных. Входы в квартиры жилых домов, как и в пассажирских зданиях, ориентированы вдоль железной дороги, в сторону других домов. Подобный прием подчеркивал

связь зданий станции друг с другом, их «протяженность» вдоль линии железной дороги.

Архитектурный комплекс железной дороги включал в себя, помимо станций, и отдельно стоящие вдоль линии путевые постройки, которые как бы связывали станционные поселки между собой в единый ансамбль. По данным комиссии на 1898 г. все путевые постройки выполнены из хорошего леса надлежащих размеров.

Распределение построек соответствует делению линии на дистанции, околотки и рабочие участки. Эти путевые постройки, как и станции, представляют собой развитую систему жилых и хозяйственных зданий с четко определенным центром. В архитектуре производственных зданий Вологодско-Архангельской железной дороги – водоемных зданий и локомотивных депо – нашел свое отражение популярный тогда в России так называемый «кирпичный стиль». В некоторых водоемных зданиях сочетаются оба стиля – нижний ярус выполнен в «кирпичном стиле», верхний ярус деревянный в «швейцарском стиле».[375]

Станция Няндома появилась примерно посредине строящегося участка дороги, между Вологдой и Архангельском. Александр Григорьевич Патарушин, няндомский краевед, пишет: «сохранившиеся документы дают основание утверждать, что на пересечении железной дорогой проселочного почтового тракта Каргополь-Шенкурск, появилась в 1896 году станция Няндома: «...На 279 версте открыта и освящена станция и названа Няндома...». В 1895 году при закладке станции был заложен «жилой дом», времянки, землянки. Вырубался лес, расчищалось место под застройки.

Строительство дороги прошло по трем волостям Каргопольского уезда: Мелентьевской, Андреевской, Большесторонской. В Каргополе разместилась контора 2-го участка Вологодско-Архангельской железной дороги. Сюда водным путем поступали грузы для линии, здесь находились склады, кузницы и другие хозяйственные постройки. С постройкой дороги и устройством станции стал развиваться поселок, с 1900 года был открыт почтовый тракт между Каргополем и Няндомой, проложена правительственная телеграфная линия.

Цивилизующее значение железной дороги сказалось настолько ярко, что обойти эту сторону молчанием невозможно. В начале века «Вестник Олонецкого Губернского земства» пишет: «Няндома,

---

[375] Петухова Н. М. Архитектурное наследство / Отв. ред. И. А. Бондаренко.– Вып. 49.– М.: КомКнига, 2008. 344 с.

став центральным пунктом, из которого во все стороны рассылаются грузы с товарами, развивается и богатеет не по дням, а по часам. Там, где 15 лет назад высились безмолвными великанами сосны да ели, вырастает город. И говорят, недалеко то время, когда Каргопольский край выделит из себя еще один уезд, с центром-городом Няндомой. Железнодорожный путь весьма чувствительно и желанно отразился как на интенсивности экономического развития крестьянства, так и на развитии культурности в среде их. Цены на продукты местного производства возросли вдвое (масло, мясо, яйца, дичь, шкурки зверей), тогда как на большинство привозных товаров они понизились. Лишь рыба северных морей, расширив, благодаря дороге, район своего сбыта, поднялась у нас в цене».

«Для примера возьмем Андреевскую волость. Лет 15 назад деревни этой волости представляли из себя кучу гнилых покосившихся, без всякого порядка раскинутых построек. Огромное большинство жилых помещений были курными избами, в избах всегда находилась скотина; они не вымывались по целым годам, а потому грязи было по колено. Будничная одежда поселян была до того грязна, жалка и убога, что вчуже жалко становилось ее обладателей. Сама речь обывателей была настолько груба, цинична и неправильна, что человеку свежему было или стыдно – не за себя, а за этих людей, или он не понимал их совсем. А теперь крестьян Андреевской волости не узнать. Курные избенки – редкое исключение. В новоотстроенных домах – чисто; на окнах занавески, цветы. Одевается крестьянство чуть не по- городскому... Грубость и цинизм в семейной жизни исчезают; уличное хулиганство «добрых молодцев» пьяных парней возрастает...»

А вот что писал о родном городе в своей книге «Год рождения 1917» писатель и журналист Евгений Петров: «В Няндоме прошло мое детство. Мы знали о нашей станции все. И то, что наши отцы строили железную дорогу, и то, что они остались жить в этих краях навсегда, и то, что все здесь сделано их руками. Они были хорошими строителями. Не раз слышали мы, как ползла вперед колея, а позади уже вырастали дома, школы, больницы, бани. На всех станциях и разъездах здания похожи друг на друга как две капли воды. А на нашей станции не в пример другим был вырыт пруд для карасей и на привокзальной площади разбит сквер.

Лицо станции – вокзал и пассажирская платформа. Вокзал – единственное двухэтажное здание, обшитое тесом и покрашенное охрой. Вокзал стоит как дворец. За вокзалом вправо и влево

прямая как стрела первая улица, которую называли у нас не иначе, как линия. На ней ладно скроенные дома, утопающие в зелени. Здесь живет местная «аристократия» – семьи начальников служб: тяги, движения, связи. В этих домах есть все удобства: квартиры из трех-четырех комнат, водопровод, телефон.

За первой линией выстроились в шеренгу вторая, третья, четвертая. На каждой из них свой табель о рангах. За «аристократами» жили машинисты паровозов, их помощники, затем кочегары, кондукторы, ремонтные рабочие. Чем дальше от вокзала, тем реже особнячки, больше построек барачного типа. Но и в них предусмотрены отдельные квартиры в одну, две, а то и в три комнаты. В каждой квартире русская печь...».

К сожалению, русские печи не сохранились до наших дней, но восхищают изразцовые облицовки печей в квартирах с сохранившимися интерьерами, печное литье, дверцы с пружинно-винтовой конструкцией закрывания, а печные трубы, не тронутые временем, и сейчас стоят как новые, не дымя, не требуя чистки! Дома на высоких гранитных фундаментах, несмотря на солидный возраст, утопая в зелени, стоят рядами, сопровождая нас по улице времени С. И. Мамонтова. Назначения сохранившихся двухэтажных мамонтовских домов стали ясны благодаря проведенным исследованиям. Нынешнее здание краеведческого центра было когда-то железнодорожной конторой, рядом с утраченным больничным городком по улице Урицкого сохранился дом врача, на площади Памяти, неподалеку от места, где находился красавец вокзал,– дом начальника дистанции.

Няндоме повезло – здесь больше, чем на какой-либо другой станции от Вологды до Архангельска наиболее полно сохранился комплекс «мамонтовских» построек.

В конце XIX века участок Вологда – Архангельск поражал путешественников своей неповторимостью: «Дорога на Архангельск – узкоколейная, но поезда удобные и идут не так медленно, как я ожидал. Станции – в стиле английских коттеджей и приятно поражают глаз среди однообразия лесов...».

В начале XXI века Северная железная дорога с каждым днем теряет уникальный облик, утрачивая единство парадного фасада. Сохранение ансамбля дороги объединило усилия архитекторов Москвы, Санкт-Петербурга, Архангельска, благодаря чему и мы решились взяться за сохранение исторического центра нашего города.

«Собранный материал вместе с имеющимися проектами этих зданий облегчают идентификацию существующих зданий, и дают уникальную возможность восстановить целостную картину комплексного решения застройки железной дороги в тех случаях, когда отдельные типы зданий уже утрачены или полностью изменена их планировка».[376]

21 ноября 2013 года на научно-методическом Совете при министерстве культуры Архангельской области уникальная историческая застройка получила официальное подтверждение в том, что здания и сооружения железнодорожного поселка ст. Няндома обладают признаками памятников истории и культуры. Это произошло благодаря участию Н. М. Петуховой, которая летом 2013 года вместе с группой студентов САФУ провела обмерную практику, на основании которой подали заявку в министерство. Власти города и района, осознавая значимость сохранения имеющегося комплекса построек, не имея финансовой возможности, поддерживают деятельность краеведческого центра разными способами, например, в проектной деятельности.

Значительным шагом в деле продвижения сохранения архитектурного комплекса стал проект краеведческого центра «Эта станция в окне...», получивший поддержку губернатора Архангельской области Орлова И. А. на конкурсе проектов регионального значения в июне 2014 года.

В 2016 году нами был реализован проект «Станция в стиле модерн. Няндома Саввы Мамонтова». С поддержкой Правительства Архангельской области (государственная программа Архангельской области «Культура Русского Севера (2013–2020 годы)») и Корпорации развития Архангельской области, вместе с жителями Няндомы был проложен туристический маршрут по историческому центру города.

Летом 2017 года министерство культуры Архангельской области выступило заказчиком выполнения работы по выявлению достопримечательного места «Первоначальные постройки Вологодско-Архангельской линии Северной железной дороги. Станция Няндома». Проект достопримечательного места был представлен его автором архитектором Н. М. Петуховой на научно-методическом Совете и получил одобрение. В настоящее время проходит процедура по оформлению статуса достопримечательного места.

---

[376] Петухова Н. М. Архитектурное наследство / Отв. ред. И. А. Бондаренко. Вып. 49.– М.: КомКнига, 2008.– 344 с.

Впереди разработка нового культурного пространства на территории исторического микрорайона, работа с собственниками, необходимой реставрацией строений и появлением в них кафе, клубов, выставочных помещений...

Активная работа краеведческого центра «Дом Няна» с культурной средой заметно меняет отношение горожан к истории родного края, к сохранившимся столетним домам с уникальной архитектурой.

Связи, формирующиеся в ходе работы по исследованию и сохранению исторического центра города, объединяют жителей города, района, области, различные подразделения железной дороги.

Мы надеемся, что в скором времени Няндома станет первой ласточкой на пути сохранения всего ансамбля дороги, а опыт, полученный в результате музеефикации ансамбля исторического центра Няндомы, поможет избежать ошибок в предстоящей большой работе.

Кортович Андрей Владимирович,
Высшая школа печати и медиаиндустрии
Московского политехнического университета, г. Москва

ВОПРОСЫ, СВЯЗАННЫЕ С ИЗУЧЕНИЕМ РУССКОГО НАРОДНОГО ИСКУССТВА

В середине 1990-х годов наша семья приобрела деревянный дом в деревне, в самом центре Ярославской области, в 15 километрах от прекрасного волжского города Мышкин. Возраст дома на тот момент составлял более века. В доме было всё необходимое для жизни: большая изразцовая русская печь, маленькая печка-плита, самодельная мебель первой половины XX века, кованые сундуки, прялки, посуда и т. д. Во дворе – хозяйственный инвентарь. Лопаты, косы, вилы, грабли, цепы для обмолота, деревянная борона, хомуты, наковальня, ступы с пестами, бочки, давилка для картошки... Даже охотничьи лыжи и ловушки с капканами для животных. Снаружи дом украшен кружевными резными наличниками, светелкой и крыльцом. Плюс к этому почти гектар земли (приусадебный участок, огород и покос).

Местный совхоз, центральная усадьба которого располагалась в нескольких километрах от нашей деревни, доживал свои послед-

ние дни. Очень скоро стадо пустили под нож, а имущество начали распродавать. Но работали еще несколько лет ясли, начальная школа, клуб, почта, магазин и медпункт, а потом исчезли и они.

В нашей деревне было 12 домов. В половину из них приезжали на летний сезон так называемые «дачники», в остальных жили постоянно местные жители, которые родились здесь или в соседних деревнях. Их судьбы мало отличались от миллионов других крестьян. Появившись на свет в первые десятилетия XX века, трагические для русской деревни, они не получили даже законченного среднего образования. Дети выросли и уехали в города или крупные поселки, внуки приезжали в деревню в лучшем случае на лето. Магазина нет, продукты два раза в неделю привозила автолавка. Те, кто оставался на зиму, держали хозяйство и огород. Они охотно делились с нами, городскими, секретами деревенского быта. Ведь мы не знали даже, как растопить русскую печку и приготовить в ней еду, как вручную косить траву и отбивать на наковальне косу, как сушить, копнить и стоговать сено, как работать на огороде, чтобы выросли не только сорняки. Познакомили с окрестным лесом, научили заготавливать ягоды и грибы. Мне было интересно слушать рассказы местных жителей о соседних деревнях, многие из которых к тому времени превратились в заросшие молодым березняком и ольховником пустоши. О купцах и зажиточных крестьянах, построивших в этих глухих местах двухэтажные богатые дома. Об окрестных церквях, возведенных на средства простых прихожан и представителей знатных фамилий. О людях, живших там, а теперь переселившихся на соседнее кладбище.

За десяток лет старики, рассказывающие мне о местной жизни, отошли в мир иной. Их дети распродали из домов всю старинную утварь сомнительным типам, активно промышлявшим по деревням на машинах с прицепами. Родовые вещи уходили в чужие руки практически за бесценок. Это были иконы в богато убранных киотах, антикварная крестьянская и городская мебель, резные прялки, ткацкие станки, старинная одежда, книги и многое другое. Все то, что не забрали музеи и частные коллекционеры в 60–70-х годах. Уже почти полтора десятилетия наша деревня числится как нежилая. Люди приезжают туда только на лето. Три дома практически разрушились – навещать их стало некому, поля, покосы и огороды зарастают подлеском. Последние несколько лет из домов стали выносить проводку, дверные ручки и металлическую посуду.

Этот печальный процесс произошел не только в нашей деревне и не только за последние годы. На протяжении прошлого века по всей России многие тысячи деревень опустели и перестали существовать. На моей памяти ушло целое поколение людей, живших бытом и материальной культурой своих родителей, дореволюционного поколения. Для современного человека, не знакомого с этнографическими экспозициями музеев, некоторые предметы деревенского домашнего обихода могут вызвать недоумение. Например, трепало, рубель, бёрдо, лапа. Они веками служили человеку, а стали забытыми на протяжении жизни одного поколения. Забвение культуры и традиций сегодня происходит гораздо быстрее, чем мы можем себе представить. Уже произошло. И горько слышать от современных досужих эстетов, рассуждающих про гибель деревни: «Люди тоже когда-то покинули пещеры».

Всё это вызвало во мне интерес к изучению быта прошлого. Декоративно-прикладное искусство неразрывно связано с материальной культурой и фольклором. Меня, как художника-графика, заинтересовали искренние образы и композиции «самого близкого искусства», как назвал его А. Б. Салтыков. Невозможно глубоко изучить всё русское декоративно-прикладное искусство. Это обширнейшая тема, которая требует методологического подхода. Как выбрать хронологические рамки изучаемого предмета? Народное искусство, как живой организм, постоянно развивается во времени и пространстве, несмотря на свою традиционность. Оно всегда социально. Нельзя выбрать какой-то отрезок времени и в нём изучать декоративно-прикладное искусство, обособленно от прошлого. И. Я. Богуславская сравнивала народное искусство с рекой, «в которую, по мере течения, впадают со всех сторон ручьи»[377] – различные стилевые направления. Все периоды его развития связаны между собой. В одной губернии могли существовать сотни артелей и отхожих промыслов, так или иначе взаимодействовавших между собой. Например, в одной артели красильщиков ткани были печатные доски, приобретенные в разных местностях. Развитие коммуникаций повлекло за собой заимствование зарубежных тенденций изобразительного искусства, а также влияния городской моды на искусство деревни. Неизбежно происходило взаимодействие искусства города – посада – деревни – усадьбы. А до образования подобной градации? Другие хронологические и географические масштабы развития народно-

[377] Богуславская И. Я. об изучении народного орнамента. // Из истории собирания и изучения произведений народного искусства.– Л., 1991. С. 117–123.

го искусства: племена – народы – культуры. Здесь открываются широчайшие горизонты для исследований, где средствами одной науки не обойтись. Русское декоративно-прикладное искусство изучается целым комплексом наук: искусствоведением, историей, культурологией, этнографией, социологией, археологией, фольклористикой, философией и другими.

Близким для меня предметом искусствоведческого изучения стало крестьянское декоративно-прикладное искусство. Нужно ли с этой позиции проводить разделение на искусство и ремесло? И вообще, что считать искусством? Ведь для человека всегда было естественным стремление к прекрасному. Создать красивую функциональную вещь и, при необходимости, украсить её. Эстетически организовать жилое пространство. В каждом человеке заложена созидательная часть природы, которую принято называть творчеством. Крестьянское изобразительное искусство нельзя изучать в отрыве от материальной культуры, фольклорных и обрядовых традиций – всё это было единое целое жизни большей части населения нашей страны. А до образования государства – народов.

С середины XIX века в российском обществе появился интерес к русской культуре. С этого времени стали формироваться музейные коллекции декоративно-прикладного искусства. Многие ученые схожи во мнении, что наиболее архаичные композиции и орнаменты дошли до начала XX века в северных тканях, орнаментированных вышивкой. Нынешние фонды музеев располагают относительно поздними крестьянскими вышивками XVIII – нач. XX в., что обусловлено временем создания коллекций и недолговечностью тканых изделий. До нас дошли текстильные артефакты, в которых сочетается архаическая орнаментика с поздними композиционными напластованиями разного происхождения. Поэтому вышивка позднего периода очень трудно поддается систематизации и изучению. Но стоит ли отказываться от исследования и классификации поздней орнаментики?

Можно проследить одну закономерность: чем ближе местность к городу, тем больше подвержено её декорирование тканей влиянию мануфактурного производства и моды. Вещь, созданная по городской моде, поднимала социальный статус деревенской семьи, ею обладающей. Народные мастера зачастую творчески интерпретировали популярные городские изобразительные мотивы и синтезировали их с традиционными орнаментами.

Крестьянское декоративно-прикладное искусство, в частности, вышивку, невозможно представить без орнамента, так близкому

песне и хороводу. И. А. Алпатова отмечала, что «текстильный орнамент не ограничен рамками предмета – он течет бесконечно, повторяясь множество раз. Это единая протяженная композиция»[378]. Поэтому изучение орнамента нельзя проводить без тесной связи с самой вещью, орнамент не отделим от неё. Важен контекст орнаментированного изделия: его время, место, назначение, материал и техника обработки.

Поскольку мы затронули орнамент вообще, как изобразительную ритмическую основу народного искусства, и текстильный декор в частности, то сразу возникает ряд вопросов. Музейные фонды располагают, в основном, крестьянскими тканями XVIII – нач. XX в. Что считать древнейшим орнаментом, его истоками, а что поздними напластованиями? Некоторые искусствоведы отмечали, что геометрический орнамент на изделиях не всегда является самым древним. Что считать древнейшими архетипами и композиционными основами в изучении народного декоративно-прикладного искусства? Как выявить именно «русскую» орнаментику и определить хронологические и географические границы? С какого времени человек начал орнаментировать свои изделия? Что его к этому побудило? Наука не стоит на месте и в археологии постоянно происходят новые открытия, тем самым расширяя временные рамки культуры человечества и вызывая новые вопросы.

Одной из сложнейших проблем целого комплекса наук, по поводу которой постоянно возникают острые полемики, является происхождение форм геометрического орнамента. Нужно ли включаться в эти полемики искусствоведу? Или это область этнографов, историков и культурологов? Здесь возникает большой соблазн затронуть семантику древнего орнамента и начать его «расшифровывать». На сегодняшний день существует целый ряд изданий, посвященных крестьянскому искусству, где среди прочего особое место уделяется «раскрытию тайн» древней орнаментики. Подобных книг настолько много, что уже их анализ мог бы стать серьезной научной работой. Точек зрения на природу архаических орнаментов существует великое множество. От нейтрально-описательных позиций, в которых авторами проведена попытка классификации типов геометрического орнамента, до откровенно фантастических сенсаций, смело утверждающих, например, что «тайна ромба раскрыта» или «достоверно расшифрованы древнейшие

[378] Алпатова И. А. О композиции текстильного рисунка. // Декоративное искусство СССР. № 2. 1964. С. 15–19.

сюжеты». Ложные и антинаучные направления в изучении древнего орнамента строятся на случайно или намеренно выхваченных из общего орнаментального контекста сюжетах и манипулировании ими. Ученые рассматривают фрагменты керамики, ставшие доступными благодаря археологическим исследованиям, в качестве основного материала для изучения древнейших форм орнамента. Но и здесь существует один тонкий нюанс. Человек эпохи палеолита, орнаментировавший изделия, и человек современного мегаполиса, изучающий древнюю орнаментику,– два совершенно разных по модели мышления и мировосприятию существа. Вправе ли мы категорично утверждать, что, например, косой крест на всех керамических изделиях верхнего палеолита – это обережный знак? Или это след от естественного движения человеческих рук, как у маленького ребенка, рисующего в некоторой последовательности крестики на бумаге, потому что ему так нравится? Или это просто следы растений, отпечатанные в сырой глине? Или, может, имеют место быть все версии? Как отделить знаково-символический орнамент, выполняющий сакральные функции, от случайно-красивого? И не уйти при этом в псевдонаучные домыслы и гипотезы.

Весьма велика роль мастера в народном искусстве. Мастер аккумулирует в себе традиции и новаторство. В чем связь и разделение традиции и самостоятельности? Где та невидимая грань, через которую не переходил мастер, создавая изделие и декорируя его? Нельзя не согласиться с П. Г. Богатыревым, утверждавшим, что «если член коллектива создал нечто индивидуальное, и оно по каким-то причинам становится неприемлемым для коллектива и не усваивается им, то это нечто обречено на гибель»[379]. Не на этом ли основывается жизнестойкость определенного набора орнаментальных форм, дошедших до нас из далекого прошлого? Любой предмет крестьянского обихода, находившийся в постоянном контакте с человеком, несёт в себе что-то незримое, что передал ему мастер-создатель через свои руки. Это добрая энергия. Я не встречал ни одной безобразной, страшной, отталкивающей крестьянской бытовой вещи. Даже расписные или резные львы приветливы к человеку. «Назначение крестьянских росписей – служить украшением различных вещей крестьянского обихода. Отсюда их характер – праздничный, радостный по эмоциональному

[379] Богатырев П.Г. Вопросы теории народного искусства. М., Искусство. 1971. С. 370.

строю, орнаментально-декоративный по форме»,– писал А. В. Бакушинский[380].

О русском народном искусстве написано большое количество научной и популярной литературы, на эту тему защищены сотни диссертаций, снято множество телепередач. Тем не менее, до сих пор в нём остается много не исследованных областей и направлений. Парадокс русского народного искусства состоит в том, что чем глубже оно изучается, тем больше возникает у исследователей вопросов. Каждый вопрос является поводом для новых открытий. «Зачем сегодня изучать русское народное искусство?» может быть главным вопросом настоящего доклада. И ответом на него хочу привести цитату В. И. Ленина в беседе с К. Цеткин: «Красивое нужно сохранить, взять его, как образец, исходить из него, даже если оно «старое»[381].

Краева Надежда Вениаминовна,
Национальный музей Республики Коми,
г. Сыктывкар

ПРАВОСЛАВНОЕ НАСЛЕДИЕ РУССКОГО СЕВЕРА В РЕДКИХ ИЗДАНИЯХ НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ РЕСПУБЛИКИ КОМИ

«....Как я корю себя, из этого прекрасного далека, что мало знал свою родину, не изъездил, не исходил!.. Не знаю ни Сибири, ни Урала... ни древнейших наших обителей... Проснешься ночью... – и защемит-защемит. Да как же ты Север-то проглядел, погосты, деревянную красоту... молился ли в часовенке болотной, откуда родится Волга?.. А что в подвал-то не спустился, не поклонился тени умученного патриарха Гермогена?..»
И. С. Шмелев[382]

Русский Север славится огромным количеством культурно-исторических памятников – православных храмов и монастырей, мест, связанных с жизнью и деятельностью известных святых,

[380] Бакушинский А. В. Исследования и статьи. М., Советский художник. 1981. С. 298.
[381] Ленин В. И. О литературе и искусстве. М., 1969. С. 663.
[382] Шмелев И. С. Куликово поле. М., 1999. С. 232–233.

чудотворцев. Кирилло-Белозерский, Ферапонтов и Горицкий монастыри в Кирилловском районе Вологодской области, Спасо-Прилуцкий монастырь в г. Вологде, Соловецкий монастырь на о. Соловки Архангельской области, Спасо-Преображенский Валаамский монастырь в Карелии – эти и другие северные монашеские обители известны всей России.

В коллекции Национального музея Республики Коми хранятся редкие издания конца XIX – начала XX вв. с описанием церквей, монастырей, житий чудотворцев. Их авторы – историки-краеведы – внесли огромный вклад в изучение истории монастырей северного региона, это Николай Иванович и Иван Николаевич Суворовы, Павел Иванович Савваитов, Флегонт Арсеньевич Арсеньев, Сергей Арсеньевич Непеин и др.

Известный российский археолог и историк П. И. Савваитов родился в семье священника в г. Вологда. По окончании Вологодской духовной семинарии и Санкт-Петербургской духовной академии в возрасте 22 лет становится профессором философии Вологодской духовной семинарии, а затем преподает 25 лет в Санкт-Петербургской духовной семинарии. Педагогические занятия он соединяет с научной работой: занимается изучением наречий зырянского языка и описанием монастырей Вологодской губернии[383]. П. Савваитов – автор таких известных трудов, как «Грамматика зырянского языка» и «Зыряно-русский словарь» (СПб., 1850), «О зырянских деревянных календарях и о пермской азбуке, изобретенной святым Стефаном» (М., 1873), «Описание старинных царских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора» (СПб., 1865). От Императорской академии наук за грамматику зырянского языка и словари П. Савваитов получил Демидовскую премию, за описание старинных царских утварей – Уваровскую.

В коллекции музея сохранились описания монастырей, составленные П. И. Савваитовым: «Описание Тотемского Спасо-Суморина монастыря и приписной к нему Дедовской Троицкой пустыни» (СПб., 1850), «Описание Семигородной Успенской пустыни и упраздненного Катромского Николаевского монастыря» (СПб., 1856), «Строгановские вклады в Сольвычегодский Благовещенский собор...» (СПб., 1886), «Описание Вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря» (Вологда, 1914) и др. На некоторых изданиях

[383] Веселовский А. А. Вологжане-краеведы: Источники словаря. Вологда, 1923. С. 94.

встречаются авторские или владельческие пометы, например, четыре книги помечены дарственной надписью П. Савваитова «Любезнейшему брату Николаю Ивановичу Суворову челобитна от П С Спб.». Издание «Описание Вологодского Спасокаменского Духова монастыря» (СПб., 1860) примечательно автографом русского историка, археографа Н. Д. Чечулина.

Н. И. Суворов, так же как и П. И. Савваитов, занимался изучением Вологодского края, особое внимание уделяя истории местных монастырей. Окончив Московскую духовную академию, он свыше 40 лет проработал преподавателем в Вологодской духовной семинарии. Был инициатором в деле основания Вологодских епархиальных ведомостей и долгое время состоял их редактором[384]. Н. И. Суворов был одним из инициаторов создания Вологодского епархиального древлехранилища, основной целью которого было сохранение церковных архивов, древней утвари. Николай Иванович принадлежал к тем историкам, которые считали, что любой факт, даже малозначительный, должен быть сохранен для потомков. Им было опубликовано около 300 статей и монографий, основные из которых посвящены церковно-археологическому наследию монастырей Вологодской губернии[385]. В коллекции музея имеются: «Описание Вологодскаго кафедральнаго Софийскаго собора» (М., 1863), «Путеводитель по Вологде, с указанием на ее церковные древности и святыни и другие достопримечательности» (Вологда, 1874), «Исторические сведения об иерархах древнепермской и Вологодской епархии» (Вологда, б. г.), «Николаевский коряжемский монастырь Сольвычегодского уезда Вологодской губернии» (Вологда, 1901).

Примечательна книга «Описание Спасокаменного, что на Кубенском озере, монастыря, ныне Спасопреображенская Белавинская пустыня» (Вологда, 1871) тем, что книжные знаки и надписи на ней демонстрируют «историю жизни» книги. Книга помечена дарственной надписью «Чемельской Богословской Церкви Діакону Василію Никифоровскому. Въ полне свидетельствую братъ Вашъ Потомственный почетный гражданинъ Флегонт Никифоровскій сего 1873 года Сентября 7-го дня». На последней

---

[384] Веселовский А. А., Веселовский А. А. Вологжане-краеведы: Источники словаря. Вологда, 1923. С. 111.

[385] Камкин А. В. Православная церковь на севере России: очерки истории до 1917 года. Вологда, 1992. С. 110.

странице имеется штемпель – «ДІАКОНЪ / Василій Николаевичъ / Никифоровскій»[386] и дарственная надпись «Въ подарокъ Ивану Боброву / В. Н. Никифоровскій / 14 іюнь 1899 г.». По книжным знакам можно утверждать, что книга была подарена В. Н. Никифоровскому его братом в 1873 г., находилась в личной библиотеке дьякона до 1899 г. и еще раз подарена. Следует отметить, что на сегодняшний день не удалось установить личность И. Боброва.

Описания монастырей, составленные П. Савваитовым и Н. Суворовым, имеют единую структуру: краткая история возникновения монастыря, значимые события в жизни обители, ее основателя (к примеру, преподобного Феодосия, Димитрия Прилуцкого), описание достопримечательностей, святынь обители, список настоятелей, а также современное автору состояние обители – хозяйство, состояние храмов, жилых и хозяйственных корпусов, численность братии.

В 1896 г. в Вологде при Вологодском епархиальном древлехранилище была создана Постоянная церковно-археологическая комиссия любителей истории и древностей. Председателем комиссии стал сын Н. И. Суворова – Иван Николаевич. Под его редакцией были изданы «Описания собрания свитков, находящихся в Вологодском Епархиальном Древлехранилище», раскрывающих содержание документов судного приказа архиепископского дома и местных монастырей. В коллекции музея сохранились 3 из 13 вышедших выпусков издания (вып. 6, 10, 12).

Одним из сотрудников Вологодского епархиального древлехранилища и членом-сотрудником Церковно-археологической комиссии любителей истории и древностей при нем был священник С. А. Непеин[387]. Он – автор более 50 печатных трудов о памятниках архитектуры Русского Севера, в числе которых «Краткий очерк города Вологды» (Вологда, 1905). Наиболее значительным его трудом считается «Вологда прежде и теперь», в которой раскрыта история города Вологды с 1147 по 1906 гг. Кроме того, многие

---

[386] Никифоровский Василий Николаевич – пономарь Долговицкой Троицкой церкви Тотемского у. Вологодской губ. 7 марта 1865 г. посвящён в стихарь. 12 июля 1866 г. переведён пономарём к Вохомской Луптюжской Христорождественской церкви Никольского уезда Вологодской епархии. 11 октября 1868 г. переведён к Чемельской Иоанно-Богословской церкви Никольского уезда. Зачислен псаломщиком. Произведён в диакона. 17 сентября 1885 г. определён штатным диаконом // Вологодские епархиальные ведомости. 1865. № 8. С. 67; 1866. № 17. С. 174; 1868. № 22. С. 514; 1885. № 20. С. 318.

[387] Веселовский А. А., Веселовский А. А. Вологжане-краеведы: Источники словаря. Вологда, 1923. С. 72.

из книг вологодских исследователей конца XIX – начала XX вв. содержат уникальные фотографии северных храмов, сделанные С. Непеиным.

Имя историка В. П. Шляпина хорошо известно в истории великоустюгского краеведения: товарищ председателя комитета древлехранилища в г. Устюг, преподаватель в Усть-Сысольском, а затем в Устюжском духовном училище. В советское время возглавлял Северодвинское общество изучения местного края. Все годы Вениамин Петрович вел активную исследовательскую работу по истории Устюжского края. В 1903 г. в Санкт-Петербурге отдельной книгой издается его «Житие праведного Прокопия устюжского чудотворца и описание Устюжского Прокопьевского собора». Самый значительный труд историка – двухтомник «Акты Великоустюжского Михайло-Архангельского монастыря» – увидел свет в 1912–1913 гг. В предисловии к нему В. Шляпин указывает, что «списаны» акты им в 1888–1889 гг. и публикуются в связи с 700-летним существованием Михайло-Архангельского монастыря. Акты монастыря дают обильный материал по истории монастырского землевладения, экономических отношений в крае, показывают географическое распространение влияния монастыря и некоторые бытовые черты монастырской жизни[388].

Из книг, описывающих монастыри Коми края, можно назвать: «Ульяновский монастырь у зырян» (М., 1889), описание которой составил по поручению иноков Ульяновской обители Ф. А. Арсеньев, посвятивший свой труд истории зырянского народа и Ульяновской обители, воздвигнутой соловецкими монахами на территории нынешнего Усть-Куломского района Республики Коми, и «Церковно-историческое описание Вотчинского прихода Устьсысольского уезда, Вологодской губернии» (Устьсысольск, 1911) П. Н. Шаламова, в котором подробно изложена не только древняя история зырянского села, связанного с посещением в XIV в. знаменитого миссионера, крестителя зырян Стефана Пермского, но и отдана немалая дань подвижническому труду о. Николая Шаламова.

Одним из самых популярных и признанных изданий XIX в. по истории Соловецкого монастыря является «История первоклассного ставропигиального Соловецкого монастыря» (СПб., 1899), изданная по инициативе архимандрита Иоанникия. Она освещает как духовную историю обители, так и ту выдающуюся роль, ко-

[388] Чебыкина Г. Н. В. П. Шляпин: историк и краевед // Бысть на Устюзе...: историко-краеведческий сборник. Вологда, 1993. С. 21–30.

торую Соловецкий монастырь сыграл в общероссийской истории. Книга в издательском коленкоровом переплете с тиснением содержит большую цветную раскладную карту Соловецкого монастыря и множество иллюстраций и фототипий с видами монастыря.

Северный край украшен именами святых, чудотворцев. В коллекции музея хранятся книги священника И. П. Верюжского «Святый праведный Прокопий, Христа ради юродивый, устюжский чудотворец» (Вологда, 1879) и «Житие преподобного Трифона, Вятского чудотворца» (Вятка, 1881).

Имеются в коллекции музея и впечатления путешественников и паломников по церквям и монастырям Русского Севера. «Северная Фиваида» – это распространенное поэтическое название северных русских земель ввел в обиход русский писатель А. Н. Муравьев. В 1855 г. была опубликована его книга «Русская Фиваида на Севере», основанная на впечатлениях от паломничества по святым местам северных русских земель, окружающих Белозерск и Вологду.

Особая страница, посвященная Русскому Северу, есть и в творчестве русского живописца и литератора В. В. Верещагина. Во время путешествия по Вычегде и Северной Двине (от Устюга до Архангельска) и по Белому морю (до Соловков) Верещагин открывает для себя русское деревянное зодчество. Результатом этой поездки стало множество живописных этюдов, зарисовок архитектуры и интерьеров храмов. Дополнением к живописному творчеству стал литературный дневник В. Верещагина «На Северной Двине. По деревянным церквам» (М., 1895), в котором подробно описан ряд деревянных храмов вдоль течения Двины.

В конце XIX в. в связи с развитием транспортного сообщения между разными регионами страны возникла необходимость в справочной литературе для ученых, художников, путешественников, туристов, паломников. В фонде Национального музея Республики Коми имеется «Справочная книжка. Путеводитель: от Москвы до Вологды, Архангельска и Соловецкого монастыря» (Вологда, 1893), составителем которой является уроженец Усть-Сысольска, историк, член Вологодского общества изучения Северного края С. А. Ковалев. Автором-составителем еще одного путеводителя, изданного по инициативе Товарищества Архангельско-Мурманского пароходства, стал вице-губернатор Архангельской губернии Д. Н. Островский. В его «Путеводителе по Северу России: Архангельск. Белое море. Соловецкий монастырь. Мурманский

берег. Новая земля. Печора» (СПб., 1898) сообщаются общеисторические сведения об Архангельской губернии, описаны Архангельск, Холмогоры, западный берег Двинской губы, Никольский, Пертоминский монастыри. Путеводитель снабжен 12 картами различных частей губернии, в том числе и Соловецких островов.

Таким образом, Русский Север – регион, имеющий особое культурно-историческое значение, т. к. на его территории сохранились уникальные памятники православной архитектуры. В каждой из представленных работ нынешний исследователь и читатель найдет материалы по истории севернорусских православных обителей, церковной истории, местночтимых святых. Возвращение в научную и информационно-просветительскую среду церковно-исторических исследований, созданных в конце XIX – начале XX вв. истинными подвижниками краеведения, расширит источниковый ресурс для новых изысканий, а также приобщит молодое поколение к православной истории и культуре Севера России.

Сухорукова Надежда Владиленовна,
БУ ХМАО-Югры «Государственный художественный музей»,
г. Ханты-Мансийск

ВОЛОГОДСКАЯ ИКОНА «СТРАШНЫЙ СУД» В СОБРАНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО МУЗЕЯ (г. ХАНТЫ-МАНСИЙСК)

В коллекции Государственного художественного музея Ханты-Мансийского автономного округа – Югры представлен ряд вологодских икон конца XVII – начала XVIII веков, поступивших в 1990-х годах в коллекцию Фонда поколений Ханты-Мансийского автономного округа, правопреемником которой стал Государственный художественный музей Ханты-Мансийского автономного округа – Югры.

Своеобразным политическим и духовным памфлетом приверженцев старообрядчества в этом ряду является икона значительных размеров (189х140 см) «Страшный суд», написанная в переломное для России время конца XVII – начала XVIII века. Икона словно излучает апокалиптическое напряжение, ведь в тридцатитрехлетний промежуток с 1666 по 1699 годы старообрядцы особенно остро ожидали конца света – заключительного момента мировой истории, предшествующего обновлению мира и

Икона «Страшный суд». Конец XVII в. – начало XVIII в.
Дерево, темпера. 189×140×3,7 см.
Государственный художественный музей Югры

окончательному воссоединению человека с Богом. В иконе логически выстроен сюжет этого драматического действа, в котором соединились время (от сотворения и до конца света), пространство (нижний, средний и верхний миры), стихии (огонь, вода, воздух, земля).

При этом подчеркнута христоцентричность будущего мира. В центре композиции дважды повторено изображение Христа в сиянии. В верхней части – это Царь Славы, восседающий в раю на престоле из огненных херувимов. Его пришествие в мир как высшего судии после получения благословления от Бога Саваофа

изображено ниже, и здесь ему предстоят Богоматерь и Иоанн Предтеча – ходатаи за род человеческий на Страшном суде. У их ног Адам и Ева – первые люди на земле, прародители рода человеческого – как образ всего преклонившегося праведного, искупленного человечества. По сторонам центральной группы среди сонма ангелов сидят апостолы с раскрытыми книгами. Пространство райского вневременного инобытия отделено от основного действа облачной грядой, выстроенной четкими сегментами.

Ангелы справа держат сферы света с единственно правильным написанием имени Христа как «Исус» в аббревиатуре «ІС. ХС.» (что является для старообрядцев древней и исконно славянской формой произношения имени Спасителя).

В иконе четко обозначены старообрядческие двоеперстие и восьмиконечный крест, что являлось одним из существенных разногласий с официальной церковью. Бог Саваоф благословляет Христа двоеперстием в композиции «Шествие Сына Человеческого к Ветхому Деньми». Двоеперстие есть и в образе Царя Славы и во время пришествия Иисуса Христа. Старообрядческий восьмиконечный крест держит в руках Иисус в Небесном Иерусалиме, и он вновь повторен в композиции «Этимасия» (престол уготованный) над раскрытой книгой Бытия.

Из облака от престола исходит большая кисть руки, что означает «праведные души в руце Божией», ниже изображены весы – «мера дел человеческих», по сторонам от которых стоят ангел и крылатое черное существо с острой головой (бес), означающие борьбу за душу человека.

Художественный текст иконы нужно прочитывать изнутри неё. В левой верхней части внутреннего пространства иконы изображена победа над бесами, которых Архангел Михаил сбрасывает вниз с помощью вил в самую бездну в «геенну огненную» красного цвета, в центре которой находится сидящее чёрное крылатое существо с острой головой (сатана), на коленях у которого сидит красный человек (Иуда Искариот).

Змей, поднимающийся из огненной пасти адского зверя к ногам праотца Адама, иллюстрирует Книгу Бытия (3:15): «Вражду положу между тобою и между женою, и между семенем твоим и между семенем ее; оно будет поражать тебя в голову, а ты будешь жалить его в пяту». На змея нанизаны кольца – символы мытарств, их проходит человеческая душа, прежде чем попадает в Царство Небесное. Явный живописный эффект вращения колец словно вспенивает воды и взрыхляет твердь, и извлекает на Суд человеческие души, изображенные в виде «босховских» нагих человечков.

Свидетелем и предсказателем Страшного Суда является коленопреклоненный юноша с сияющим вымпелом в руках – пророк Даниил, изображенный в круге, омываемом морем. Ему была открыта перспектива мировой истории как череды земных царств, на смену которым должно придти вечное Небесное Царство (Дан. 10–12). У ног Даниила в виде диковинных зверей, вышедших из моря, изображены «погибельные царства» – Вавилонское, Македонское, Персидское и Римское, или антихристово. Второе пришествие Христа описано в видении как шествие Сына Человеческого к Ветхому Деньми, после Суда останется неразрушимое и вечное царство святых, в котором будет править Христос (это царство в седьмой главе Даниила упоминается трижды – в стихах 14, 18 и 27).

Над сюжетом с пророчеством изображены воскресшие народы, идущие на Суд за Моисеем. Народы обозначены пояснительными надписями: жиды, литва, казылбаши, русь. При этом обращают на себя внимание персонажи в центре, облаченные в европейские костюмы петровского времени.

В правой нижней части сюжета изображена процессия покидающих ад ветхозаветных праведников. Они движутся к сияющим воротам Эдема, охраняемым херувимом (Быт. 3:24). Их ведет апостол Петр с ключом. За воротами слева изображена Троица, символизирующая Лоно Авраамово. Этот мотив вносит в содержание иконы предопределённость воцарения Христа. К Троице путь также непростой, а через четыре высоких ступени.

Между геенной и процессией ветхозаветных праведников изображен прикованный к столбу милостивый блудник, который «ради милостыни избавлен от вечных мук, а ради блуда лишен Царства Небесного». Рядом с ним изображен ангел, указывающий на врата рая. В четырнадцати клеймах в нижней части иконы изображены устрашающие наказания за грехи.

Поле иконы содержит многочисленные надписи, что также характерно для старообрядцев. В XVII в. в Неделю мясопустную в Москве, Новгороде, Вологде устраивались крестные ходы и действа с иконой, в которых участвовали патриарх и государь. Кончалось действо тем, что патриарх или митрополит отирал губкою образ Страшного суда, осенял крестом и кропил святой водой государя и всех присутствующих. Возможно, данная икона также участвовала в подобном действе с омыванием, вследствие чего оказались стертыми многие надписи.

Удивительная ясность и художественная выразительность иконы могла послужить основой для последующих северных иконописных примитивов.

Лу Вэнья,
Сычуаньский университет иностранных языков,
г. Чунцин, Китайская Народная Республика
Филиппова Вера Ивановна,
ФГБОУ ВО «Череповецкий государственный университет»,
г. Череповец, Вологодская область

ПОЭТ И ХУДОЖНИК: ВОСПРИЯТИЕ, ОСМЫСЛЕНИЕ И ТВОРЧЕСКОЕ ОТОБРАЖЕНИЕ РУССКОГО СЕВЕРА

Поэты Николай Алексеевич Клюев (1884–1937), Николай Михайлович Рубцов (1936–1971) и художник Владимир Викторович Паскин (1954–2008) являются репрезентативными певцами Русского Севера. Всех троих по праву называют певцами Вологодчины, сынами Русского Севера, ведь вся их жизнь и творчество тесно связаны с северной природой. В данной статье мы рассуждаем о природе Русского Севера через призму восприятия этой природы Н. Клюевым, Н. Рубцовым и В. Паскиным, рассматриваем переосмысленное восприятие природы в их произведениях.

Оба поэта и художник в своих произведениях очень тонко передают состояние и оттенки природы. В творческом отображении природы родного края они показывают свою духовную близость к северу через призму своего мировоззрения. Художественные образы природы Русского Севера занимают очень важное место как в поэтическом наследии Н. Клюева и Н. Рубцова, так и в акварельных листах В. Паскина. На «поэтической карте» Николая Клюева встречается ряд северных природно-топонимических образов. Например, таких как «олонецкие журавли», «глухие олонецкие лесы», «беломорские просторы», «студеное поморье» и «снежная Печора». Встречаются и такие конкретные пейзажно-географические объекты как ели, сосны, мхи, валуны, олений гусак, гагарий язык и т. д. Подобные сюжеты можно наблюдать и в графических произведениях Владимира Паскина, и в поэзии Н. Рубцова.

Русский Север – это место, где природа своеобразная и притягательная, с древней и глубокой культурой. Это вдохновляет многих поэтов, писателей, художников. Интерес Н. Клюева, Н. Рубцова и В. Паскина к Русскому Северу не отрывается от их жизненного пути. Николай Рубцов родился в селе Емецк. После смерти матери жил и учился в детском доме села Никольское. Повзрослев, побывал во многих северных районах страны. Русский Север явля-

ется не только местом, где он родился и вырос, но и его духовной родиной. Его поэтическое творчество, в значительной степени, обусловлено северной природной средой, культурной традицией, крестьянским бытом.

Что же касается поэтического творчества Николая Рубцова, то, несмотря на редкие упоминания географических названий северной местности, он горячо любит и честно описывает красоту природы Николы, Вологды, красоту природы своей малой родины, которая территориально также входит в состав Русского Севера.

Мороз, холод – это характерные черты, присущие климату Русского Севера. Подобными характеристиками обладает и климат Вологодской области. Во многих стихах Н. Рубцова о природе можно ощутить зимний мороз, почувствовать природу Русского Севера. К выразительному примеру подобного плана можно соотнести стихотворение Н. Рубцова «Я умру в крещенские морозы». Стихотворение насыщено трагическим колоритом и становится, в некотором роде, предсказанием преждевременного ухода поэта. Описанный поэтом сюжет в стихотворении «Русский огонек» тоже происходит в зимнюю пору. В начале стихотворения показан сильный холод Русского Севера, который хорошо передает ощущения лирического героя:

Погружены в томительный мороз,
Вокруг меня снега оцепенели!
Оцепенели маленькие ели,
И было небо темное, без звезд.
Какая глушь! Я был один живой,
Один живой в бескрайнем мертвом поле!

Но в конце стихотворения тепло русского огонька побеждает холод окружающей среды. Внутреннее тепло души человеческой вытесняет и внешние проявления жестокого холода. Поэт пишет о северном морозе, чтобы на контрасте выразительнее прозвучала доброта «русского огонька». Н. Рубцов начинает стихотворение описанием чувства беспомощности в окружении морозной зимы, а завершает его любовью и добром «русского огонька», добротой русской души.

Следует обратить внимание и на связанные с зимним холодом строки Николая Клюева:

В морозной мгле, как око сычье,
Луна-дозорщица глядит;
Какое светлое величье
В природе мертвенной сквозит.

Климат жесток, природа мертвенна, но для Н. Клюева родина – это нечто иное:

Но ты вовек неуязвима,
Для смерти яростных зубов,
Как мать, как женщина, любима
Семьей отверженных сынов.

Образ природы у Н. Клюева иногда носит реальный характер, а иногда – призрачный. Например, когда поэт пишет: «Твои черты январь-волшебник / Туманит вьюгой снеговой», реальность преобладает. Когда же он пишет: «И схимник-бор читает требник, / Как над умершею тобой», преобладает воображение. Таким образом, в поэзии Н. Клюева большинство образов природы сменяют друг друга в реальном и нереальном виде. Значительные метафорические образы могут позволить читателю размышлять о мировоззрении поэта, о его прочувствованном понимании природы, родины, крестьян.

Художник В. Паскин работал в станковой графике в технике акварели и литографии. Среди многочисленных жанров он сразу облюбовал жанр пейзажа, обогащенный позже жанром сюжетно-тематической композиции. Основные серии его графических работ носят «говорящие» сами за себя названия: «Память» (литография, 1990), «Русский Север» (литография, 1982), «Кирилло-Белозерский монастырь» (акварель, 1990-е), цикл акварельных листов о северной деревне (1980–1990). Художник удивительным, только ему присущим образом соединяет в своих работах реальность первого впечатления, первого «творческого вдоха» и глубокий философский смысл существующего веками бытия.

Природа в поэзии Н. Рубцова также направлена на философское восприятие душой человека-поэта, поэтому его стихи часто вызывают у читателя психологическое и эмоциональное волнение. Природа в поэзии Н. Клюева направлена на восприятие мировоззренческого порядка, проникнута медитацией поэта. В своих стихах он проявляет некоторую благосклонность в описании леса. Он так любит «лесную родину», что Анна Ахматова называет его «таинственным, лесным Клюевым». В его стихотворении «Лес» сквозят поэтические сравнения, метафоры, символы:

Твоих зеленых волн прибой тысячеустный,
Под сводами души рождает смутный звон,
Как будто моряку, тоскующий и грустный,

С родимых берегов доносится поклон.
Как будто в зыбях хвои рыдают серафимы,
И тяжки вздохи их и гул скорбящих крыл,
О том, что Саваоф броней неуязвимой
От хищности людской тебя не оградил.

Христианские образы Серафимы и Саваофа, на первый взгляд, не имеют прямой связи с лесом. Но этот разумный литературный принцип для идеи «двоемирия» очень уместен. В этом прослеживается одна из важных особенностей поэзии Н. Клюева. Природа в его стихах обладает двойным бытием. Прежде всего, это вполне живое воздействие реально существующей на Русском Севере «лесной родины» поэта. Но, вместе с тем, только реалистическим изображением своего пейзажа Клюев не ограничивается, наделяя его, через миросозерцание и духовное видение христианской, православной культуры, еще и элементом мистической, церковной визионности. [2] Природа у Клюева выступает как предмет многообразных сравнений и метафор. Можно наблюдать множество параллелей-синонимов, свойственных только поэзии Николая Клюева: лес – «часослов», сосна – «звонница», пташки – «клирошанки», березы – «свечки», позолота иконостаса – «желтизна осеннего леса», туча – «пшеничная сайка» и т.д. Природа у него часто символична, и в этих символах выражается идея синтеза язычества и христианства поэта. Он озаряет природные элементы религиозными и мифическими образами, тем самым гармонично объединяя внутренний и внешний миры.

В сравнении с ним Н. Рубцов больше обращается к первоначальной, действительной природе и к душевному переживанию. Он не осовременивает природу, а искренне передает свое душевное переживание и сопереживание. У Н. Рубцова природа связана непосредственно со словом «душа». Именно природа приводит душу человека к гармонии. Тесная связь между природой и душой открывается в стихотворении «Тихая моя родина»:

С каждой избою и тучею,
С громом, готовым упасть,
Чувствую самую жгучую,
Самую смертную связь.

И в стихотворении «Ночь на родине»:

И всей душой, которую не жаль
Всю потопить в таинственном и милом,

Овладевает светлая печаль,
Как лунный свет овладевает миром...

Но в поэзии Н. Рубцова о природе символ также присутствует. Например, определенным символом в его поэзии становится журавль. В славянской культуре журавль символизирует смену времен года, так как его прилет и отлет совпадают с началом весны и приближающейся зимой. Встреча журавлей – всегда радостное событие, провожают же их с грустью. В стихотворении «Журавль» Н. Рубцова в печальной осени «эти гордые и прославленные птицы» прощаются с родными краями, разглашая «улетающий плач», их рыданье, их высокий полёт возвещает «предназначенный срок увяданья». После этого «вновь сиротеет душа и природа». Летящие стаи журавлей – летящие родственные души. Образ природы у Н. Рубцова соотносится с образом души.

Журавль как известный народный символ прослеживается и в произведениях Н. Клюева. Например, в самом начале цикла «Избяные песни» читаем, когда «Четыре вдовицы к усопшей пришли...», «Крича, бороздили лазурь журавли». Фольклорный образ журавля здесь трактуется как символ печали. Печальный крик журавлей сопровождает скорбный похоронный обряд. Птица является символом Русского Севера и в произведениях художника В. Паскина («Музыка». Б., акв.; «Сон». Б., лито, 50х69). При этом птица как художественный образ несет в себе большую смысловую нагрузку, птица – символ Русского Севера.

Природа для Н. Клюева, в конечном счёте, является крестьянской природой. Клюевская природа пронизана плотью крестьянского бытия. Поэт раскрывает образ природы через восприятие ее крестьянином. С одной стороны, он передает поклонение и уважение крестьянина к природе, с другой стороны, он выражает свою крестьянскую мечтательность и утопизм через поэтизацию деревенской природы. В результате этого картина природы в описании Н. Клюевым часто поэтизирована через призму таких крестьянских реалий как избы, печи, домашние животные и т. д.

Что касается Н. Рубцова, то, несмотря на позицию отдельных учёных, не считающих его «деревенским» поэтом, его настоящей родиной является именно деревенская. И природным пейзажем у него, как правило, считается пейзаж именно северной деревни. Со всей любовью отображает «рубцовскую» Русь в своих произведениях и Владимир Паскин. Подобным содержанием наполнены и многие его работы («Северное море». Б., акв., 1995; «У забытых родников». Б., акв.).

В. В. Паскин. «Музыка». Б., акв.

С глубокой любовью и нежностью Н. Рубцов описывает родную деревню таким образом:

В этой деревне огни не погашены.
Ты мне тоску не пророчь!
Светлыми звездами нежно украшена
Тихая зимняя ночь.

А вот описание пейзажа в его стихотворении «Деревенские ночи»:

Ветер под окошками,
тихий, как мечтание,
А за огородами
в сумерках полей
Крики перепелок,
ранних звезд мерцание,
Ржание стреноженных
молодых коней.

Природный пейзаж у Н. Рубцова почти всегда останется реалистичным. Русский Север не располагает к ярким краскам, поэтому

В. В. Паскин. «Мать придёт и уснёт без улыбки...». Б., акв.

Николай Рубцов редко пользуется словами, передающими яркие цвета. Монохромность или даже полное отсутствие цвета, по сути, возмещается у поэта стихией света – «сумерки», «мерцание». Поэзия Н. Рубцова, наполненная реальными деталями пейзажа, перекликается с сюжетами Русского Севера, отображенного в работах В. Паскиным («Зачем она в такой глуши явилась мне в такую пору» (по стихам Н. Рубцова). Б., акв., 2007).

В отличие от Н. Рубцова Н. Клюев произвольно применяет различные цветовые эпитеты, яркие цветовые контрасты и символику цветов. Как церковный живописец, он создаёт впечатляющие образы родной природы. Например, в поэме «Погорельщина»: «У реки животной / Берег позолотный», «По холмогорским лугам свирели / По сизой Выге, по Енисею / Седые кедры их дыхом веют», ««Виденье Лица» богомазы берут / То с хвойных потёмок, где теплится трут / То с глуби озёр, где ткачиха-луна / За кросном янтарным грустит у окна». Поэт смело использует богатство красок, слагает похожую на иконопись художественную картину.

Из-под поэтического пера Н. Клюева и Н. Рубцова отчетливо проступает образ природы Русского Севера: северный лес и поле,

В. В. Паскин. «Ферапонтов монастырь». Б., акв.

озера и река, холмы и море, деревья и цветы, птица и зверь, звезды и луна, тучи и ветер; «клюевская» природа пробуждает в читателях раздумье, «рубцовская» вызывает у читателей сопереживание и сочувствие. Природа В. Паскина вызывает у зрителя и раздумье, и печаль, и сопереживание («Мать придёт и уснёт без улыбки...». Б., акв., 2007), что отчетливо сближает его мировосприятие с мировосприятием Н. Рубцова.

И неслучайно «лебединой песнью» В. Паскина стала серия больших акварельных листов «По Рубцову», вобравшая в себя все его светлые и драматические размышления о судьбе России. Каждый лист был назван строчкой из стихов любимого поэта, что, не ограничивая их сюжетной основы, «неизмеримо расширяло образно-поэтический спектр мыслей и чувств, заложенным автором».

Клюевская природа часто символичная, метафоричная, она прямо связана с религией и мифом как идеальная, сказочная страна. Природа в поэзии Николая Рубцова – это реально существующий мир, самое близкое для поэта место, в котором обнаруживается душа человека. В работах Владимира Паскина часто сочетаются оба эти качества («Крещенские морозы». Б., акв. Из серии работ по

стихам Н. Рубцова.). «Клюевская» природа красочна, декоративна, «рубцовская», так же как и у В. Паскина, практически не имеет особенных, ярких цветовых оттенков, но, в то же время, невероятно живописна.

Для Н. Клюева, Н. Рубцова и В. Паскина родной им Русский Север представляется священным. В стихах обоих поэтов о северной природе и в графических произведениях В. Паскина на эту тему («На Сиверском». Б., акв.; «Ферапонтов монастырь». Б., акв. и др.) отчетливо ощущается и чувствуется красота их физической и духовной родины. Авторы раскрывают не столько духовность Русского Севера, сколько духовность всей святой России. В этом смысле мы имеем право сказать, что Н. Клюев, Н. Рубцов и В. Паскин – выдающиеся выразители русского народного духа.

Андреева Наталья Александровна,
МБУК «Нюксенский районный краеведческий музей»,
с. Нюксеница Вологодской области

ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО УРОЖЕНЦА НЮКСЕНСКОГО РАЙОНА В. П. СУМАРОКОВА

2019 год будет значимым годом для всего Нюксенского района. В этот год Нюксеница отметит свое 400-летие со дня первого упоминания в письменных источниках. Очень жаль, что до этой даты не дожил Почетный гражданин Нюксенского района Сумароков Владимир Павлович, так много сделавший для района. Участник Великой Отечественной войны, Сумароков награжден многими правительственными наградами, орденами и медалями. Но главное, он оставил о себе добрую память и книги, которые вышли в свет благодаря ему.

Сумароков Владимир Павлович родился 21 августа 1927 года в многодетной семье в деревне Дунай Нюксенского района Вологодской области. Хотя мать и отец у Сумарокова были неграмотными, все дети учились в школе. Но и они не смогли убедить родителей познать хотя бы азы грамоты. Отец умел при росписи поставить только три буквы – П.А.С. (Павел Александрович Сумароков). Мать, Матрена Ивановна, все годы прожила в деревне Дунай и только один раз, в 1956 году, побывала пароходом в Великом Устюге[389].

[389] «Дунай мой, Дунай» (к 100-летию родной деревни), В.П. Сумароков.– 2002.

Владимир Павлович Сумароков

Сумароков окончил 10 классов Нюксенской средней школы в 1944 году. Сейчас на здании бывшей средней школы, в котором сейчас располагается музей, висит памятная табличка в память о том, что он там учился. Она была установлена в 2014 году после смерти Владимира Павловича.

Зимние и летние каникулы, а также и выходные дни в годы войны, как и все сверстники, активно работал в колхозе в посевную, в сенокос, уборку хлеба[390]. Помогал и в уходе за лошадьми. На себе испытал, что такое лесозаготовки, лесосплав, заготовка и подвозка дров к колхозному гумну и своему дому. И как результат – Владимир Павлович награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» в числе 13 учащихся Нюксенской средней школы.

До призыва на военную службу Володя прошел военно-спортивную подготовку в поселке Чехолдино под Вологдой и стал обладателем всех четырех оборонных значков. В 1944 году Владимир Сумароков был призван в армию. Когда окончилась война, решил служить дальше. 39 лет на Северном флоте, прошел путь от красноармейца до капитана первого ранга. Когда уволился в 1983 году в запас, получил квартиру в Солнечногорске Московской области.

Все годы службы В. П. Сумароков не забывал родные края, проводя там свои отпуска. После увольнения с действительной военной службы по возрасту в родных местах стал бывать чаще.

Еще в 1967 году Владимир Павлович написал историю родной деревни – «Слово о моих земляках» и «издал» в 12 экземплярах для семейного чтения[391]. Возможно, на этом писательская деятельность Владимира Павловича и закончилась бы, тем более, что он

---

[390] А главным для нас была учеба. Т. Богословская. «Путь Ильича» № 109 – 13.09.1986.

[391] Солдатова Н. Летописец из Нюксеницы. // «Красный Север». 1990. № 105.

Закладка Книги памяти, 1990 год

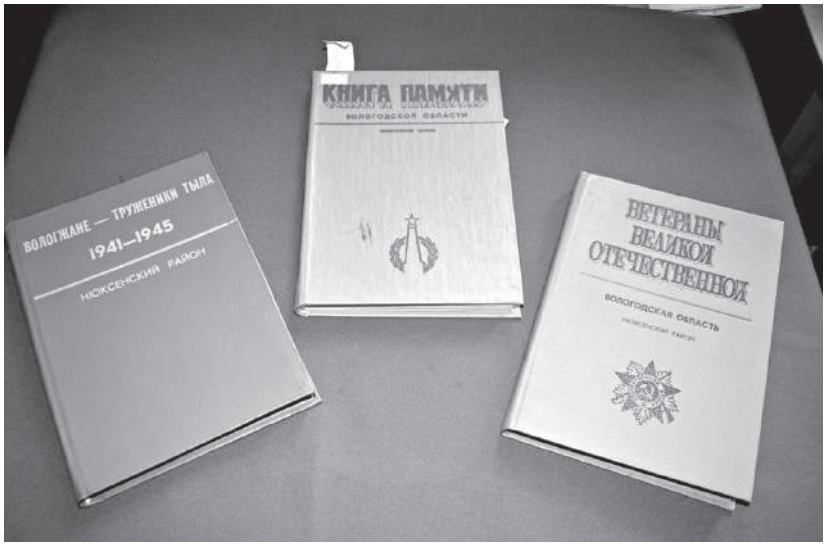
занимался еще и фотографией, музыкой, а ведь это все требовало времени. Но только раз, будучи в Нюксенице, зашел в музей, где обратил внимание на список погибших в войну: данные о брате Иване и других родственниках оказались неточными. Именно это событие побудило Сумарокова задуматься о создании списка павших.

Вспомнить хотелось каждого, а их в районе ни много ни мало – более двух с половиной тысяч. Познакомился в райвоенкомате со списками павших и ужаснулся: списки пестрели ошибками, неточностями, пропусками. Начинать надо едва ли не с нуля. И Сумароков после долгих размышлений и колебаний, взвешивания сил и учета возможностей, советов с руководителями и активистами района взял на себя труд составления и подготовки к печати Книги памяти не вернувшихся с войны земляков.

При поддержке Валерия Васильевича Судакова Книга памяти была издана в 1989 году. Презентация ее состоялась в День Победы 9 мая 1990 года. Сумароков лично отправился по сельским Советам – очень хотелось самому вручить эту скорбную книгу вдовам погибших на войне нюксян. В честь такого события районные власти распорядились заложить книгу в капсулу у подножия памятника Воину-освободителю в центре Нюксеницы.

Было это задолго до того, как идея издания Книг памяти к 50-летию Победы получила поддержку и одобрение в Москве. Нюксяне оказались в числе инициаторов и первопроходцев. На их примере учились и в Москве, и в Санкт-Петербурге, и во всех других городах России[392].

[392] Хорев А. Трилогия Сумарокова. // «Красная Звезда». 1995. № 169.

Трилогия Сумарокова

Задумывали нюксяне вначале всего одну книгу о не вернувшихся с войны. А потом сделали и другую – о тех, кто вернулся. А дальше и третью – о тружениках тыла. И теперь зовут эти книги в Нюксенице «трилогией Сумарокова». Позже были четвертая, пятая, шестая... Всего 15 книг и буклетов, посвященных родной земле, написал Владимир Павлович.

В 1993 году вышла следующая книга «Ветераны Великой Отечественной» по Нюксенскому району Вологодской области. Хоть и мала земля нюксенская, но память о ее защитниках, ветеранах войны, труда самая крепкая. И заслуга в том как раз нашего земляка, истинного патриота малой родины неутомимого краеведа-труженика Владимира Павловича Сумарокова. Документальные, исторические факты из жизни района раскрывают трагичность и героизм нюксян в годы грозных испытаний. Во время подготовительной работы была большая переписка автора с ветеранами, учреждениями и организациями, проработаны сотни документов в областном и центральном архивах. Почти все, кому направлялись запросы, относились внимательно и своевременно давали ответы.

Учитывая, что издание Книги памяти, других книг В. П. Сумарокова стало важным событием в общественной жизни Нюксенского района и получило признательный отклик земляков,

Вручение книги «Вдовы солдатские», 2000 год

Сумарокову В. П. присвоили звание «Заслуженный работник культуры Российской Федерации».

В. П. Сумароков работал не только над военной темой. В 1995 году увидел свет прекрасно оформленный буклет «Мост через Сухону» под редакцией самого В. П. Сумарокова. В буклете использованы фотографии автора. Есть в его багаже книга об истории службы спецсвязи Военно-Морского флота и об истории появления на Руси любимой гармоники...

После выхода книг в 1995 году – «Труженики тыла. Нюксенский район», в 1997 году – «Летопись земли нюксенской» за большой труд и вклад в дело изучения истории района и увековечения памяти тех, кто эту историю создавал в трудовых и ратных подвигах, В. П. Сумарокову присвоено первое в районе звание «Почетный гражданин Нюксенского района».

Еще через три года в 2000 г. с успехом прошла презентация книги Владимира Павловича Сумарокова «Вдовы солдатские».

О том, как писалась эта книга, рассказал сам автор на страницах газеты «Новый день»[393]. Мысль об этом многие годы не

[393] Чежин А. Вдовы солдатские. «Новый день». № 165–166. 2000.

покидала Владимира Павловича, ведь оставалась не написанной последняя страница из военной истории Нюксенского района – о женах России, вдовах солдатских. Много думал, с чего начать и как лучше исполнить эту работу.

Трудности заключались в том, что, к сожалению, на тот момент вдов Великой Отечественной войны осталось в районе мало, многие из них ушли из жизни. Для сбора и систематизации материалов для книги была разработана анкета, в которой было 7 вопросов и ответы на которую могли кратко охарактеризовать семью погибшего мужа, жизнь и трудовую деятельность его жены-вдовы. Анкета была разослана в администрации сельсоветов. На местах, в основном из учителей и работников сельсоветов, были созданы рабочие группы, которые по похозяйственным книгам колхозов и путем подворного обхода собирали необходимые биографические сведения на вдов. Но анкетирование шло медленно, с неполным охватом вдов.

Пришлось изучить все архивные пенсионные дела на вдов погибших в войну мужей в отделе социальной защиты населения администрации района. Дела подобрали и проверили все до единого. После анализа данных из пенсионных дел и сопоставления их с поступившими анкетами и изданными районными книгами Памяти, «Ветераны Великой Отечественной войны» и «Труженики тыла 1941–1945 гг.» был разработан «Поименный список жительниц района, мужья которых не вернулись с фронтов Великой Отечественной войны».

Особые трудности были с иллюстрациями. Удалось собрать небольшое количество писем, воспоминаний и фотографий вдов. Во многих случаях фотографии так и не нашлось, еще чаще их качество было невысоким. Эта книга как бы подвела итог, воздавая память нюксянам – участникам Великой Отечественной войны и всем, пережившим годы тяжкого лихолетья.

Не только выходом книг о нюксенской земле мы благодарны Владимиру Павловичу. Его книги способствовали привлечению учащихся школ к краеведческой работе. А как результат – создание в марте 2003 года в Нюксенской средней школе чтений «По страницам книг летописца земли нюксенской Сумарокова Владимира Павловича». На первых Сумароковских чтениях присутствовал В. В. Судаков, который особо отметил тот факт, что первый раз при живом летописце, краеведе проводятся чтения в его присутствии.

В подготовке книг как нельзя кстати пригодилось и давнее увлечение В. П. Сумарокова фотографией. В фотоархиве Сумарокова находилось около 80 тематических альбомов. И конечно, в фондах Нюксенского районного краеведческого музея хранятся не только личные вещи краеведа, но и многочисленные фотографии Сумарокова. Он любил фотографировать природу Нюксенского района, в особенности реку Сухону. В своих книгах он не раз обращался к значению реки для местных жителей, к трудностям, которые приносила река, и всякий раз сопровождал свои рассказы и воспоминания фотографиями. Несомненно, сейчас коллекция фотографий Сумарокова – это гордость нашего музея. По ней можно проследить историю Нюксенского района.

Сумарокова Владимира Павловича не стало в 2014 году. До девяностолетия он не дожил 3 года и хоть и прожил в Солнечногорске 31 год, душой он оставался в Нюксенском районе.

Ванеева Светлана Михайловна,
Иванова Ольга Александровна,
ГПОУ «Сыктывкарский политехнический техникум»,
г. Сыктывкар

ШКОЛЬНЫЙ МУЗЕЙ, ПОСВЯЩЁННЫЙ ВЕЛИКОМУ ЗЕМЛЯКУ К. Ф. ЖАКОВУ

Когда речь заходит о школьном музее, нам обычно представляется экспозиция, связанная с историей школы, с достижениями учеников и педагогов; выставки, посвященные выдающимся результатам выпускников данной школы. Однако когда речь заходит о школьном музее МАОУ СОШ № 24 г. Сыктывкара, то здесь стоит сказать о том, что учителя этой школы совместно с ее учениками хранят память о великом ученом, уроженце Республики Коми Каллистрате Фалалеевиче Жакове. Нам удалось посетить этот музей, который был открыт в короткие сроки благодаря энтузиазму и творческому порыву учителя коми литературы – Есевой Антониды Михайловны. Именно с ее разрешения и одобрения мы решили рассказать о чуде, которое создали учителя и ученики обычной школы.

Каллистрат Фалалеевич Жаков [18(30).09.1866 – 20.01.1926] – коми/русский этнограф, философ, фольклорист, педагог, литературовед, писатель. Создал собственное учение о «лимитизме» по-

знания – «философии предела»[394]. Его сравнивали с Ломоносовым, Леонардо да Винчи и Фаустом, потому что главной чертой этой выдающейся личности была неутолимая жажда познания. Вопреки неблагоприятным обстоятельствам, он с неугасающим рвением предавался занятиям самыми разными науками, написал десятки книг, снискал признание на поприще педагога и просветителя. Но, может быть, наиболее значительным итогом многообразной деятельности этого незаурядного человека следует признать созданную им в борьбе с препятствиями биографию, суть которой определена заглавием книги, написанной им по канве воспоминаний о пройденном пути,– «Сквозь строй жизни».

Родился он в 1866 году в Вологодской губернии, в деревне Давпон близ Усть-Сысольска (ныне Сыктывкар), в семье коми-зырянского крестьянина. Был он в этой семье последним, одиннадцатым по счету ребенком. Имя, данное ему при крещении, в переводе с греческого значит «хороший воин», а свое предназначение, сокрытое в имени, он понимал так: «Нет ничего выше правды на земле, и после познания Бога самое великое – служение людям. Я должен быть полезным северянам и всему русскому народу, народу наиболее великому сердцем, но забитому историческими условиями. Боже, помоги мне и дай мир земле!» До самого конца Жаков оставался верен своей жизненной программе.[395]

Прежде чем рассказать об открытии музея, Антонида Михайловна рассказала нам предысторию, которая имеет отношение, как ей кажется, и к имени учёного, и к открытию новой школы, которая в будущем займется работой по сохранению памяти о великом уроженце Республики Коми.[396]

Год 1990. Началось строительство новой школы в Сыктывкарском районе Давпон. К концу года строительство практически завершилось. В это же время, в декабре 1990 года, из далёкой Латвии привезли для перезахоронения прах учёного К. Ф. Жакова. Символично – новая школа в Давпоне, на родине забытого учёного! Может, «лёд тронулся»?

Год 1991. Новая школа № 24 распахнула свои двери. Красивая, уютная, оригинальная по архитектуре... В этом же году в Сык-

---

[394] Жаков Каллистрат Фалалеевич [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/ (дата обращения 15.09.2017).

[395] «Хороший воин» Каллистрат Жаков. [Электронный ресурс]. URL: http://cultinfo.ru/literature/early-writers-vologda/kallistrat-zhakov.php (дата обращения 10.09.2017).

[396] Сайт школы. [Электронный ресурс]. URL: http://sch24skt.ucoz.ru/index/ehkspozicii_muzeja/0-64 (дата обращения 15.09.2017).

тывкаре была проведена региональная научная конференция финно-угорских народов, где центральное место было отведено теме «Наследие К. Ф. Жакова». И это после 65-летнего молчания, полного забвения его имени?! И опять символично: заработала новая школа... и вспомнили на родине забытого сына своего! Ничего случайного в мире не бывает!

Школа работает, комплектуется учениками, учителями, нарабатывает свои традиции, учебно-воспитательную систему, создаёт микроклимат и т. д. А вокруг имени К. Жакова снова 10-летнее затишье... Но в школе есть предмет «Коми литература» (в переводе на русский язык). На этих уроках от учительницы Есевой Антониды Михайловны (сегодня Антонида Михайловна руководит музеем Жакова) ученики впервые услышали о своём земляке Жакове, родившемся и выросшем в их родном Давпоне. И сразу же возникли вопросы: «Где его дом?», «Живут ли в Давпоне родственники учёного и где его потомки сейчас?», «Известно ли имя Жакова современным жителям республики?».

Антонида Михайловна призналась, что именно эти вопросы, заданные учениками на уроке, дали начало первым исследованиям в м. Давпон. К сожалению, большая часть опрашиваемых на улице людей разного возраста признались, что никогда не слышали имя К. Жакова. Учителя и ее учеников задело то, что людям неизвестно имя великого уроженца. А как же память, сохранение культурных традиций? Чтобы найти дом К. Жакова, ребята заходили практически во все дома в м. Давпон, пока не встретились с уроженкой Давпона, бывшей учительницей Киселёвой Людмилой Евлогиевной. Именно Л. Е. Киселева рассказала о «зырянском подвижнике науки», о внучке учёного Любови Вадимовне, проживающей тогда в Ярославле, показала примерное место, где родился и провёл свои детские годы К. Ф. Жаков. Более подробное знакомство с биографией и творчеством знаменитого земляка у учащихся школы № 24 началось в феврале 2001 года после встречи с членами общественной организации «Сыктывкар» журналистом Леонидом Александровичем Лыткиным и доктором математических наук, профессором Сергеем Ивановичем Худяевым. Именно они предложили ученикам продолжить изучение личности Жакова, его философии и творчества и побороться за право называться школой К. Жакова.

В феврале 2001 года началась интенсивная работа по изучению жизненного и творческого пути необычно интересного человека. Прочитали в библиотеках города литературные сведения о

Жакове, нашли личный его фонд в архиве, посетили небольшую экспозицию, посвященную К. Ф. Жакову, в Литературном музее И. А. Куратова в г. Сыктывкаре. А самое главное – собрали копии с настоящих ценных фотографий из личной коллекции внучки ученого Любови Вадимовны. По собранным сведениям написали творческие отчёты, рефераты и решили, что о К. Ф. Жакове должны знать люди, проживающие в Республике Коми, они должны гордиться им как выдающейся личностью, изучать его творчество. И в первую очередь – весь коллектив школы № 24. Так возникла идея создания комнаты-музея, посвящённой Каллистрату Фалалеевичу Жакову. Администрация школы выделила учебный класс для реализации серьёзных, почти недетских задач: познакомить учащихся с именем Жакова, пропагандировать его творчество и добиться, чтобы школе присвоили имя профессора К. Ф. Жакова.

2001 год был объявлен общественной организацией «Сыктывкар» во главе с журналистом Л. А. Лыткиным годом К. Ф. Жакова в связи 135-летием со дня рождения видного мыслителя Коми. Днём открытия комнаты-музея считается 18 октября 2001 года – день проведения в школе № 24 научно-практической конференции старшеклассников города Сыктывкара под названием «Возвращение Гараморта», посвящённой 135-летию со дня рождения К. Ф. Жакова. А. М. Есева признается, что до сих пор не понимает, как в такие короткие сроки была проделана такая титаническая работа.

За годы работы в музее:

– Оформлено 11 экспозиционных стендов и предметных уголков, освещающих различные события, связанные не только с биографией, личностью и творчеством К. Жакова, но и отражающие некоторые явления коми национальной культуры: «Трагедия жизни – вечная спутница моя» (основные этапы биографии К. Ф. Жакова), «Душа моя разбита на две части: на сказку и на звёздное небо...» (сказки К. Жакова, их особенности), «Так кто же он? Писатель. Учёный. Просветитель», «Память о людях ушедших должны возрождать здравствующие» (исследователи культурного наследия К. Жакова, видные представители XX века), «Жаков – основоположник коми просвещения и литературы», «К. Ф. Жаков в кругу выдающихся мыслителей земли Коми», «Карта путешествий учёного К. Жакова», «Генеалогическое древо К. Ф. Жакова», «Потомки учёного», «Красный угол в горнице Фалалея» (предметный уголок), «Кабинет учёного» (предметный уголок).

Все стенды и предметные уголки созданы на основе фотографий из архива родственников К. Ф. Жакова, а также воссозданы по биографическим произведениям Жакова «Сквозь строй жизни», «Под шум северного ветра». Экспозиция «Земное странствие Гараморта», в которую вошли вышеназванные предметные уголки, была создана на средства гранта, завоёванного в результате победы на конкурсе, объявленном Ассоциацией попечительских советов в 2006 году. А сегодня в связи с юбилеем К. Жакова готовятся новые стенды: «Историко-географические места К. Жакова» и «Философия лимитизма».

– Разработано более 20 тематических экскурсий. Тематика большинства экскурсий аналогична тематике стендов, кроме этого – «Символ коми культуры XX века», «Традиционный быт коми» (жилище, одежда, пища), «Обрядность народа коми» (свадебный обряд), «Народное искусство» (орнамент, ткачество, вязание, резьба по дереву), «Детские годы «доброго воина» Каллистрата», «Путешествие по великому Северу» (по очеркам К. Жакова), «К. Ф. Жаков – исследователь языка и быта народов Севера», «Любопытнейшая фигура» (Жаков и Горький), «Последние рукописи зырянского Фауста» и др. Содержательно экскурсии опираются на исследовательскую работу учащихся, в основе которой лежат мотивы автобиографических произведений К.Жакова, письменные воспоминания очевидцев, таких как Маргер Зариньш, латышский журналист, Райда Каллистратовна Жакова-Тимука, дочь учёного, Игнатий Мосшегов, коми-пермяцкий писатель и других.

– Создано и представлено зрителям 5 литературно-музыкальных композиций следующей тематики: «Кудесник и чародей слова и мысли» (по биографии К. Жакова), «Вспомним добрым словом», «Зырянский подвижник», «Цветы и музыка над пеплом Ленинграда» (о внучке Жакова Любови Вадимовне в блокадные годы Ленинграда), «В те роковые времена. Вадим и Нина Жаковы в воспоминаниях и письмах» (о репрессированном сыне Жакова Вадиме Каллистратовиче).

– Создан спектакль «Детские годы сына Пармы». Спектакль составлялся учащимися под руководством учителя коми языка А. М. Есевой на основе автобиографических произведений К. Жакова, роли в нём исполняли сами учащиеся. Спектакль был показан не только ученикам, учителям, родителям школы, но и ветеранам микрорайона, представителям общественных организаций.

– Инсценированы сказки К. Жакова: «Золотая сказка», «Сказка серебряная», «Гулень на небе».

– Открыта картинная галерея «Путешествие по сказкам К. Жакова» (иллюстрации к «Золотой сказке», «Сказке серебряной» и мифу «Бегство северных богов» созданы силами учащихся школы разных лет). Картинная галерея за годы своего существования обновлялась несколько раз. Руководит творческой работой учащихся учитель изобразительного искусства Ирина Евгеньевна Плаксина.

– В 2010 году учащимися школы реализован проект «Снежная королева». Учениками-активистами музея при содействии руководителя А. М. Есевой был создан мюзикл «Горячее сердце в ледяной красоте», посвящённый 205-летию со дня рождения Х. К. Андерсена и 165-летию его сказки «Снежная королева». В мюзикле были использованы мелодии финно-угорских народов, песни и стихи на коми языке, которые исполняли сами ребята.

– В 2010 же году к 65-летию Великой Победы в музее создана экспозиция «В наш дом вошла война когда-то...» Основу экспозиции составили экспонаты, предоставленные музею учениками школы, родителями, жителями микрорайона Давпон. Данную экспозицию посетило более 500 учащихся школы, родителей, ветеранов микрорайона.

– В течение всего времени существования музея велась и ведётся до сих пор переписка с родственниками К. Ф. Жакова: Любовью Вадимовной Жаковой, внучкой учёного, правнуками Михаилом Львовичем Жаковым, Евдокией Львовной Жаковой, родственниками второй жены Вадима Каллистратовича – сына Каллистрата Фалалеевича – Кирой Платоновной и Ладой Викторовной Матвеевыми. На основе переписки составлены литературно-музыкальные композиции «Цветы и музыка над пеплом Ленинграда» и «В те роковые времена. Вадим и Нина Жаковы в воспоминаниях и письмах», оформлена экспозиция «Жизнь продолжается», а также разработаны экскурсии.

Музей К. Жакова давно уже стал центром просветительской работы не только в школе, но и в микрорайоне Давпон и даже в городе. Здесь проводится внеурочная работа, связанная с изучением жаковского наследия (классные часы, встречи, линейки, экскурсии), уроки по предметам гуманитарного и естественно-географического цикла, творческие занятия по изобразительному искусству, музыке, технологии. На базе музея проводят свои занятия кружки по краеведению, занимаются научной работой ученики школы и бывшие ученики, ныне студенты вузов.

Ежегодно в музее проводится от 30 до 50 экскурсий. Кроме учеников школы № 24, музей посетили более 2000 человек. Это школьники города Сыктывкара, родители учеников школы № 24, студенты колледжей и вузов столицы, педагоги города и республики, слушатели курсов при КРИРОиПК, ветераны местечка Давпон и города Сыктывкара, представители общественных организаций города, учёные, журналисты. Особо гордится школа тем, что в 2002 году в наш музей приезжал из Санкт-Петербурга правнук учёного Михаил Львович Жаков с дочерью Александрой, сыном Михаилом и внучкой Елизаветой.

А. М. Есева рассказала нам и о тех людях, которые внесли неоценимый вклад в дело развития музея. В первую очередь, это вдохновители нашего музея, члены историко-мемориальной общественной организации «Сыктывкар», ныне здравствующий журналист Леонид Александрович Лыткин и уже ушедший из жизни доктор математических наук, профессор университета Сергей Иванович Худяев. Много внимания, сил отдала музею директор школы тех лет А. В. Кузиванова. Немало было сделано первыми школьными активистами во главе с учителями-единомышленниками школы Есевой А. М., Вязовой Е. Н., Плаксиной И. Е. Первые юные исследователи Кустов А., Пидцерковная Н., Чужмарова А., Козлова Е., Трофимова К., Мануилова А. и др. уже выпустились из стен родной школы, но в их памяти светлым воспоминанием осталась работа по возвращению доброго имени Жакова.

В школе стало уже традицией два раза в год отмечать Дни памяти Жакова с чтением стихов, возложением цветов и зажиганием свеч у памятника на его могиле на городском кладбище. Это 30 сентября – в день его рождения и 20 января – в день его смерти.

Учителя школы и ученики гордятся тем, что именно их школа хранит память о великом земляке, об ученом, имя которого известно всему миру.

В заключение хочется сказать, что имена земляков, добившихся успехов в науке, искусстве, спорте, не должны быть забыты. Их должны знать, помнить их достижения, хранить о них память, передавать все наши знания будущему поколению. И конечно, школьный музей поможет выполнить данную задачу.

Якушева Людмила Алентиновна,
ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет»,
г. Вологда

ВОЛОГОДСКИЕ ТЕАТРАЛЬНЫЕ ЖУРНАЛЫ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Провинциальная художественная жизнь разнообразна и многолика. Ее темпоритм, некоторая отдаленность и обособленность от столиц позволяет одновременно сохранять и воспринимать, следовать и нарушать, присматриваться и выбирать. Здесь многое размеренно, предсказуемо и долготерпимо. От провинции ничего не ждут, но она способна удивлять и оживлять окружающее пространство доморощенными пассионариями, креативными проектами, кросскультурными исследованиями. Здесь новации набегают волнами, избавляясь от всего пенного и наносного, а стоящее укореняется и обретает очертания традиции. Именно этим можно объяснить удивление создателей современного «Театрального альманаха», когда им был предложен материал о театральном журнале, существующем в Вологде сто лет назад[397]. Рубежи веков совпали, как и потребность культуртрегеров фиксировать, итожить и вследствие этого развивать провинциальную арт-критику.

Первый театральный журнал появился в Вологде в 1922 году. Это было брошюрованное печатное издание, которое выходило 2 раза в неделю тиражом в 1000 экземпляров и предназначалось для анонсирования городских зрелищных мероприятий. Учредителем альманаха являлся Вологодский губполитпросвет, который установил жанровую составляющую публикаций как «обозрение театров и кино». На страницах журнала публиковались афиши идущих в течение недели спектаклей и фильмов, а также давались пояснения и краткие описания новых постановок и кинокартин. Например, в первом номере «Театральной Вологды» анонсируется художественная драма в 4-х частях «Ошибки юности», с уточнением названий фрагментов: «Любовь и карты», «Проигрался», «Новая жизнь», «Несчастное совпадение и победа правды». По этой бесхитростной фабуле можно догадаться о мелодраматическом сюжете фильма. Однако в журнале сделано вежливое уточнение: «Ввиду запоздания с доставкой картин – более подробное содер-

[397] Якушева Л. Журнал Театральная Вологда: взгляд из прошлого.– Театральный альманах.– № 10.– 2016. С. 70–75.

жание их помещено быть не могло»[398]. В журнале № 6 изложено содержание театральной постановки «Изгнанники» Ю. Тарича. Вот фрагмент этого описания: «Пьеса «Изгнанники» – из жизни политических ссыльных после 1905 г, то есть во время наступившей реакции. Автор ярко рисует раскол, произошедший тогда между интеллигенцией и пролетариатом. Интеллигенция выдохлась, устала и отошла от революционного движения. Брошенный поводырями рабочий класс самостоятельно наметил пути к достижению цели, и смело пошел по нему. Результаты мы теперь видим налицо».[399]

ТЕАТРАЛЬНАЯ ВОЛОГДА.

ОБОЗРЕНИЕ ТЕАТРОВ и КИНО г. ВОЛОГДЫ.

Выходит ДВА раза в неделю.

ИЗДАНИЕ ВОЛОГОДСКОГО ГУБПОЛИТПРОСВЕТА.

14, 15 и 17 ОКТЯБРЯ 1922 г.

Шарж Н. Е.

Главный Режиссер А. А. Богдановский.

Успех спектакля, по мнению журнала, был предрешен столичными отзывами о пьесе, поскольку она «с успехом шла в Московском драматическом театре в сезон 19/20 года. К тому же, была удостоена премии на конкурсе пролеткульта».[400] Стоит отметить, что комментировались только новинки, классика оставалась самодостаточной и появлялась на страницах издания в виде лаконичной афиши с перечислением действующих лиц и исполнителей.

В первом номере журнала «Театральная Вологда» читателям предлагалось программное интервью с главным режиссером городского театра, переименованного в 1918 году в рабоче-крестьянский. Из этого материала становится очевидным: провинциальный театр из года в год, вне зависимости от эпохи, решает одни и те же извечные вопросы – чем привлечь публику и как организовать

[398] Театральная Вологда: Обозрение театра и кино.– 1922.– № 1.– С. 3.
[399] Театральная Вологда: Обозрение театра и кино.– 1922.– № 6.– С. 2.
[400] Театральная Вологда: Обозрение театра и кино.– 1922.– № 6.– С. 2–3.

творческий процесс. Режиссер сообщает, что на сцене «пойдут новинки столичных театров, представляющие несомненный художественный интерес, <...> для наибольшего успеха и разнообразия театрального дела приглашены на разные сроки и в качестве гастролеров выдающиеся артисты Петроградского Академического Театра, <....> удалось особенно пополнить женский персонал, в котором летом ощущался сильный недостаток».[401] Кроме того, из текста следует, что провинция и сто лет назад являлась столичным «кадровым резервом». А. А. Богдановский сетует: «Не удалось законтрактовать работавшего в летнем сезоне художника-декоратора В. И. Иконникова. Он теперь поступил в Большой Московский театр»[402]. При знакомстве с журналом 1922 года вызывает улыбку то обстоятельство, что каждый номер «Театральной Вологды» начинался с рисунка-шаржа на актера или актрису. И первый номер, естественно, сопровождался не только манифестом от театрального лидера, но и его шутливым портретом.

Авторы издания скрывались под псевдонимами: Новый зритель, Летописец, Афанасий Скула (фельетонист). Нейтральными были и рубрики – театр в провинции, хроника искусств, последние новости, фельетон. Из новостной ленты мы, вместе с читателями прошлого, узнаем о театральной жизни столиц и Европы. Например, о постановке «На дне» в Лондоне, о первом советском пианино, выпущенном фабрикой Музпреда (быв. Даглар – уточнение издания), об ажиотаже вокруг творческих специальностей: «В этом году наблюдается необычайный наплыв желающих поступить в консерваторию. Даже сравнительно высокая плата за право ученья, установленная за последнее время, не является препятствием».[403] Хроника сообщает, что «исполняется 20летие артистической деятельности певицы Неждановой, которая отклонила предложенный ей контракт в Америку и возвращается в Россию», и что «в государственном академическом театре драмы (б. Александринский) возобновляется мольеровский Дон-Жуан в прежней постановке ВЭ Мейерхольда»[404]. В своей основной части журнал предлагал читателям критический обзор гастролей театра оперетты (№ 5), информировал о специфике театральных жанров (№ 8 «О мелодраме»). Опубликованный в 4 номере фрагмент только что

---

[401] Театральная Вологда: Обозрение театра и кино.– 1922.– № 1.– С. 5.
[402] Театральная Вологда: Обозрение театра и кино.– 1922.– № 1.– С. 5.
[403] Театральная Вологда: Обозрение театра и кино.– 1922.– № 2.– С. 8.
[404] Театральная Вологда: Обозрение театра и кино.– 1922.– № 5.– С. 8.

вышедшей книги Н. С. Полянского «Вологодский городской театр» обращал внимание вологжан на истоки появления профессионального исполнительского искусства. Впрочем, уважаемый автор вел историю провинциального театра со времени постройки здания на плац-парадной площади Вологды, что само по себе является оспариваемым фактом, так как только в 19 веке это было четвертым местом проведения спектаклей.

Знакомство с журналом позволяет реконструировать события столетней давности, представить то, как было устроено театральное дело и найти сходства/отличия от современного театрального процесса[405]. Оценивая же провинциальную арт-критику тех лет, можно отметить следующее:

– театр занимал важное место в жизни вологжан. Об этом свидетельствует сам факт существования подобного периодического издания;

– в публикациях «Театральной Вологды» были совмещены принципы панорамного и предметного, типологического и конкретного освещения театральных событий, представленных и как нечто повседневное, обыденное, и как событийное, памятное;

– авторы журнала создавали издание доступное, популярное, но за легкостью формы не оставляющее без внимания вопросы историко-культурной смены эпох и проблем современного театра. «Произошла небывалая переоценка ценностей <...> Главное – для всех ясно и заключается оно в том, что нет возврата к прошлому. И от этого произошел коренной сдвиг в психологии всех и каждого, хотя бы и в разной степени <...> Театр становится другим и в нем останется лишь то, что может служить общечеловеческим стремлениям в поисках правды и добра».[406] К сожалению, заявленная гуманная декларация, как и сам журнал, через некоторое время канут в лету;

– круг высказываний авторов «Театральной Вологды» не лишен пафоса и декларативности, но язык изложения лаконичен, точен, насыщен сравнениями и риторическими фигурами. По сути же дела, на страницах 9 номеров излагается программа театрального дела XX века с требованием найти «*основной тон* театра», «преодолеть идейно-художественную пассивность, сказывающуюся в подходе к той или иной сценической теме». «Театр не может быть

---

[405] Об этом см. подробнее в публикации: Якушева Л. А. Вологодский театральный текст (Реконструкция событий 1922 года) // Вологодский текст: Сборник статей по материалам конференции.– Вологда: ВоГУ; Легия, 2012. С. 291–296.

[406] Театральная Вологда: Обозрение театра и кино.– 1922.– № 2.– С. 5–6.

механическим аппаратом <...> Театр должен иметь определенное отношение ко всему, что только входит в его мастерскую»[407];

– провинциальный театр презентуется на страницах издания как явление зависимое, но в тоже время – самовоспроизводящееся и самодостаточное. Этот факт определял фундамент футуристического оптимизма тогда, определяет его и сейчас.

* * *

В настоящее время, несмотря на новые технологии и расширение информационного пространства, Вологодский государственный драматический театр по инициативе художественного руководителя З. А. Нанобашвили с января 2011 года по настоящее время выпускает публицистический журнал «Театральный альманах». Всего вышло 11 номеров журнала тиражом в 700, 900 (№ 7) и 500 (8–11) экземпляров. Поскольку издание официально не зарегистрировано как СМИ, то периодичность выхода номеров не соблюдается, зависит от решения задач творческого и материального плана. Внешне это глянцевый журнал объемом 80–100 страниц, выдержанный в черно-белой графике с вкраплением ярких цветовых пятен, функцию которых выполняют фотографии. Один из журналов (№ 7) был полностью выполнен в монохромной гамме, однако позже было решено вернуться к исходному варианту оформления. Как представляется, найденное соотношение цветов заключает в себе определенный смысловой посыл: читателю предлагается взвешенный и выверенный подход к материалу с акцентом на слове, факте, их внутренней сути, которые деликатно дополнены внешней привлекательностью глянца.

Журнал является собственностью театра, отражает амбиции руководителя и коллектива, что свидетельствует об уровне данной социальной институции и успешности ее притязаний (таких изданий немного даже в столицах). За 7 лет сложилось и творческое кредо редколлегии. На страницах альманаха *главным действующим лицом* является Вологодский драматический театр. В издании печатаются материалы о спектаклях, актерах, работниках театра, стенограммы обсуждений спектаклей критиками, материалы о вологодском фестивале «Голоса истории», и, одновременно, это – *«открытая сцена»,* созданная для професси-

[407] Театральная Вологда: Обозрение театра и кино.– 1922.– № 7.– С. 5–6.

ональной консолидации, формирования круга единомышленников, с целью преодоления собственной провинциальности и изолированности. Поэтому почти в каждом номере есть материалы, посвященные разным иногородним театрам: Баку, Санкт-Петербурга, Казани, Оренбурга и др. Особое место в журнале занимают «портреты» тех театров, которые приезжали в Вологду с гастролями или куда приглашались вологжане. Это – Марийский театр оперы и балета, Оренбургский, Ивановский, Липецкий, Кировский, Сыктывкарский драмтеатры. Кроме того, в альманахе представлены обзоры некоторых театральных фестивалей и проектов: театр «Практика», «ново-Сибирский транзит», «CHELoBEK театра» (Челябинск), «Мост дружбы» (Йошкар-Ола), «Варненское лето» (Болгария).

Редколлегия журнала небольшая. Альманах выпускают 2 человека: Елена Легчанова – главный редактор информационного портала о культуре Вологодской области «Культинфо-Вологда» (редактор) и Екатерина Оганян – специалист по связям с общественностью драмтеатра (ответственный секретарь). Обе журналистки молоды, талантливы и успешны, чему подтверждением является не только сам факт существования журнала, но его мобильность и актуальность. Интересно, что к созданию журнала привлекаются люди извне, не работающие в театре непосредственно. Кроме того, его авторами являются не только профессионалы-театроведы, критики, завлиты, но и те, кого можно назвать «профессиональными зрителями», любителями театра. Все это позволяет представить картину происходящих событий наиболее полно, так, как это было сделано в № 9 номере, когда сталкивались суждения

местного наблюдателя актуальной театральной жизни, автора данной статьи, и критика из Челябинска В. Спешкова[408].

Целевая аудитория издания разнообразна. «Мы стараемся соблюсти некий баланс: журнал должен быть интересен неискушенным зрителям, первый раз пришедшим в театр; искушенным («продвинутым») зрителям; актерам и людям, работающим в театре, и, по возможности, театральным критикам и театроведам» (Е. Легчанова)[409] В альманахе нет постоянных рубрик: аналитический материал о современной драматургии, к примеру, может соседствовать с фотоотчетом спектакля, творческие портреты артистов драмтеатра – с обзором фестивалей, интервью – со статьями-эссе о состоянии театральной ситуации в провинции и т. д. Для «солидности» и содержательного ценза почти в каждом номере публикуются стенограммы обсуждений спектаклей Вологодского драмтеатра и высказывания видных российских критиков и театроведов: Алексея Бартошевича, Екатерины Дмитриевской, Ирины Холмогоровой, Татьяны Тихоновец и других. По словам редактора, в первых номерах были «обыграны» «парадные» портреты тех персон, которые имеют влияние на театр и интересны театральной общественности: губернатор Вячеслав Позгалев [№ 2], начальники департамента культуры Валентина Рацко [№ 3] и Владимир Осиповский [№ 8]. Читателям даны интервью этих официальных лиц, где они представлены и как менеджеры процесса, и «без галстуков». Затем к этому списку добавились творческие портреты художественного руководителя Александринки Валерия Фокина [№ 7], актера театра им. Ленсовета Сергея Мигицко [№ 4], «театральное» интервью с директором Вологодской областной картинной галереи Владимиром Воропановым [№ 10], критиком Мариной Тимашевой [№ 11]. То есть, редакция и драмтеатр создает свой круг, сообщество – любителей, почитателей, ценителей, критиков.

С другой стороны, не нужно забывать, что данное печатное издание является своего рода летописью культурной жизни Вологды, поскольку на страницах альманаха представлены «судьбы отдельных людей, их живая речь или живая речь о них и, главным образом, – вся сфера жизни культурной. Если таковая не будет

---

[408] Спешков В. «Голоса истории» – святые и страстотерпцы. Якушева Л. Несколько слов в пользу театра.– Театральный альманах.– 2015.– № 9.– С. 3–15.

[409] Беседа с редактором «Театрального альманаха» 21 ноября 2016. Из архива автора.

зафиксирована в прессе, она пропадет бесследно и бесповоротно»[410]. К этим словам М. Бонфельда, описывающего архитектонику пространства Вологды, исходя из ее культурного слоя, можно добавить, что наряду с цифровыми технологиями журнал остается важным свидетельством меняющегося времени. На его примере – информационного носителя коллективной памяти – можно судить об атмосфере города, о котором не только в метафорическом смысле можно утверждать, что он – город театральный.

Какой вектор в развитии журнала можно предложить его создателям и авторам новых номеров? В издании, за редким исключением (как в статье Зураба Нанобашвили о спектакле «Праздник одиночества»[411]), речь идет об опыте возвращения к одному и тому же материалу с разными актерами, разными театрами, о восстановлении спектаклей или возвращении имен. Не фиксируются неудачи. В журнале нет «грустных» страниц: разговора о несыгранных ролях, несостоявшихся проектах, утраченных иллюзиях; материалов о «расставании» с театром, профессией, ибо жизнь на сцене и вне ее отличается многообразием сюжетов и эмоций. Другим вектором могла бы стать театральная повседневность, материалы о людях, остающихся «за кадром», но без которых невозможен сценический успех. Вологодский драмтеатр существует по модели театра-дома, поэтому воспроизведение атмосферы подготовительного процесса, как представляется, было бы с интересом воспринято читателями и зрителями.

В любом случае, обращаясь к материалам «Театрального альманаха», перед нами предстает весьма полноценная творческая жизнь провинциального города, успешность которой определяется не только интересом жителей к сценическому искусству, но и стремлением коллектива сохранить традиции русского психологического театра наряду с внедрением новых форм, использованием инновационных материалов и технологий. Театр, издавая альманах, осуществляет важный социальный волонтерский информационный проект, а журнал, в свою очередь, с неподдельным интересом фиксирует современный театральный процесс и его изменения, продолжая существовать без оглядки на средства

---

[410] Бонфельд М. Ш. Музыкальная журналистика в контексте городской культуры // Русская культура на рубеже веков: Русское поселение как социокультурный феномен. Сб. статей / гл. ред. Г. В. Судаков.– Вологда: Книжное наследие, 2002. С. 197–200.

[411] Нанобашвили З. Одиночество художника.– Театральный альманах.– 2011.– № 2.– С. 10–13.

и авторитеты. Каким будет развитие печатной арт-критики, как сложится в дальнейшем судьба вологодского «Театрального альманаха», покажет время.

Танских Людмила Борисовна,
краевед, г. Бор, Нижегородская область

ГАРМОННЫЙ МАСТЕР АНАТОЛИЙ РЫБАКОВ

Рыбаков Анатолий Васильевич (1913–1984) родился в деревне Савинская Кирилловского уезда Череповецкой губернии (с 1937 года Кирилловский район Вологодской области) в большой крестьянской семье.

Деревня Савинская небольшая – всего 44 дома. Больше половины жителей деревни имеют фамилию Малофеевы, 5 семей Ворониных, Курашёвы, 3 дома Романовых. Деревня расположена в 5 км от оживленной автомобильной трассы Вологда – Медвежьегорск и большого села Никольский Торжок и стоит на берегу живописного Никольского озера.

Озеро Никольское длинное и узкое, по форме напоминает стручок фасоли. Эта «фасолька» на местности ориентирована строго с севера на юг. Из северного конца озера когда-то вытекала речка Федоровка, и местные жители утверждают, что существовал **волок** из Никольского озера к речке Порозовица с выходом в Кубенское озеро. Якобы именно этот волок дал название деревне Волокославинское, первое упоминание о котором в летописях относится к 1389 году.

Жители деревни Савинская и ещё 2-х соседних деревень Выметное и Кочевино работали без выходных и без денег (за палочки-трудодни) в колхозе Савинский, где председателем был Бородулин Евгений. В Савинском был свой сапожник Малофеев Николай Иванович. Он шил не только сапоги, но ещё туфли и ботинки. Кожу для сапог и сбрую для лошадей делал Василий Васильевич Малофеев (1892–?). Интересно, что В. В. Малофеев учился в Петрограде в кадетском корпусе, но карьера военного не состоялась, т.к. у него была разрублена в колене нога. В соседней с Савинской деревне Кочевино было много сапожников. Жительница п. Никольский Торжок Волнухина Тамара Васильевна (до замужества Малофеева) припомнила фамилии двух кочевинских сапожников: Павловцев Александр и Миленков Иван. Дед Волнухиной Т. В. Андрей

Васильевич Малофеев (1870–?) имел большой двухэтажный дом, 2 конюшни, зарабатывал на жизнь торговлей лошадьми.

В деревне Савинская было 3 ветряных мельницы. Двумя мельницами владели братья Малофеевы Сергей и Яков, а третья принадлежала семье Ворониных. Была в Савинской деревне и своя маслобойня, где хозяином был Малофеев Егор. Масло давили из семян льна. Льняное масло является отличным диспергатором – разжижает кровь, а также используется в производстве водостойкой олифы.

Вряд ли у кого-то из потомков жителей Савинской деревни сохранилась фотография села с ветряными мельницами, и поэтому для иллюстрации жизни деревни мастера Рыбакова А. В. я помещаю красно-черную вышивку с рушника (начало XX века) Марии Шигориной из д. Чухлома Костромской области.

Ещё одним ремеслом жителей родной деревни Анатолия Рыбакова было изготовление лодок. Савинцы искали в лесу «горбатую» ёлку (изогнутую у корня)– кокору, делали из неё носовую часть лодки, а затем к этому основанию из сосновых или еловых дощечек наращивали корпус. Длина лодки были около 4 м, ширина 80 см. Швы корпуса лодки конопатили льном, пропитанным мазутообразным составом, и заливали пеком.

Вышивка с рушника М. Шигориной из д. Чухлома Костромской обл. Начало XX в.

Нельзя не упомянуть другое древнее ремесло предков А. В. Рыбакова: приготовление в русской печи сушеной речной или озёрной рыбы – сущика. Я считала, что только мелкую рыбу можно сушить в печи, но житель деревни Красново Леонид Иванович Парамонов(1934 г. р.) сообщил мне, что даже девятикилограммовых лещей разрубали топором и готовили в русской печи запасы на зиму – сущик. Рынок села Никольский Торжок и славился тем, что на нём вёдрами продавали рыбу.

У Анатолия Васильевича были три брата: Пётр, Николай и Павел и три сестры: Апполинария, Мария (в браке Тарасенко) и Анастасия (в браке Варюшина). Младшие братья мастера А. В. Рыбакова Николай Васильевич и Павел Васильевич погибли на фронтах Великой Отечественной войны. Старший брат Пётр (1900 г. р.) был профессиональным военным, после выхода на пенсию жил в г. Суздале.

Анатолий Васильевич получил начальное образование 4 класса в церковно-приходской школе. Затем родители отдали его в ученики к гармонному мастеру-кустарю. Учитель-кустарь не только делился секретами мастерства со своим учеником, но и кормил своего подопечного. Таким образом, уже с 11 лет Анатолий зарабатывал себе на хлеб ремеслом. С детства Анатолий умел играть на гармошке, вокруг него были шумные компании, в соседней деревне ребята похулиганили, и Анатолий попал в тюрьму на 4 года.

Анатолий Васильевич Рыбаков, так же как и великий певец Федор Шаляпин, не знал, где похоронена его мама Наталья. Во время войны его сестра Мария повезла маму в Ярославль к сестре Анастасии Васильевне, но до дома сестры не довезла и прямо с вокзала в Ярославле отправилась воевать на фронт. Старушка Наталья до дома дочери не добралась.

Гармонный мастер Рыбаков А. В. воевал в войне 1941–1945 гг. Был дважды ранен, контужен, имел благодарности с профилем Сталина за хорошую службу.

Вернувшись с фронта домой в деревню Савинское, Анатолий Васильевич оказался, что называется, у разбитого корыта: дом продан, работы нет, семьи нет. Он принимает решение переехать на постоянное место жительство в г. Бор Нижегородской области, где у него были друзья-земляки Батов П. Н., Белов Н. Д., Жолтяков А. А., Савотин Д. К., Иванов И. И.

Не подлежит сомнению тот факт, что большое влияние на гармонный промысел Нижегородской области оказали вологодские кустари. В Тульской и Кировской областях тоже было много

гармонщиков, но именно **«черепони»** облюбовали Нижегородскую землю и продолжали на новом месте изготавливать кустарным способом любимые в народе инструменты – гармоники-хромки.

Нижегородский гармонный мастер в 3-м поколении Николай Павлович Мякушев приходится земляком Анатолию Васильевичу Рыбакову (родом из д. Шульгино рядом с 4-м шлюзом на реке Порозовице).

Мякушев Н. П. рассказывает, что на Вологодчине были гонения на гармонных мастеров до 70-х годов 20 века, их записали в преступники: незаконный домашний промысел, обогащаются и не платят налогов. Приезжали воронки к дому гармонного мастера, его хватали, увозили, и больше в семье отца-кормильца никто не видел. Спасаясь от преследований финансовых инспекторов, мастера-гармонщики в подвалах своих домов рыли ямы до 4 м глубиной, оборудовали в них мастерские и там под полом своего дома работали.

В поисках рынков сбыта кирилловские мастера-черепони ездили в Санкт-Петербург и Нижний Новгород. Выяснив, что в Нижнем Новгороде есть много потребителей гармоник и местная власть более лояльна к мастерам, чем на Вологодчине, гармонщики сначала снимали жилье, а потом и перебирались на постоянное место жительство в город на Волге.

Дмитрий Савотин (д. Трофимово), Николай Белов (д. Куконцы), Павел и Лидия Генераловы (д. Данильцево), братья Иван и Александр Жолтяковы (д. Павлово), Николай Кузин (д. Лукинское), братья Игорь и Николай Мякушевы (д. Шульгино), Владимир Михайлов (д. Борок), Павел Батов (д. Брагино?), Григорий Пичугин (д. Осник), Иван Иванов (д. Минчаково), Нина Ситова-Ерёмина (д. Куракино), Дмитрий Ситов (д. Мурчаны), Павел Хухин (д. Ливниково), Пётр Вешкарёв (д. Глебовское) – эти нижегородские мастера приходятся земляками (выходцами из Вологодской области Кирилловского района) борскому гармонному мастеру Рыбакову Анатолию Васильевичу.

С будущей супругой Анатолий Рыбаков познакомился в гостях у своего друга, настройщика гармоней и великолепного наклёпщика голосовых планок Павла Никаноровича Батова. Жена Батова работала на хлебозаводе в г. Бор и дружила с Анфисой Ивановной Батыловой, переехавшей в городок-спутник Нижнего Новгорода после раскулачивания в Мордовии семьи её родителей. Анатолий и Анфиса были знакомы 2 недели, подали заявление в ЗАГС и поженились в 1946 году.

Григорий Пичугин

Николай Белов

Александр Жолтяков

Игорь Мякушев

Николай Мякушев

Дмитрий Савотин

Борис Пичугин

Иван Иванов

Пётр Вешкарев

Владимир Михайлов

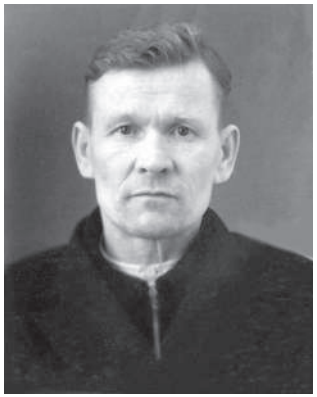
Павел Хухин

Нина Ситова

Анатолий Васильевич и Анфиса Ивановна вырастили шестерых детей: Николая 1947 г. р., Татьяну 1950 г. р., Виктора 1951 г. р., Наталью 1954 г. р., Анатолия 1959 г. р. и Леонида 1961 г. р.

Молодая семья Рыбаковых жила сначала в небольшом деревянном домике 40 кв. м на ул. ГОГРЭС дом № 21 возле 22 школы. Этот дом Анатолий Васильевич построил своими руками. В маленьком доме мастера Рыбакова не было отдельной мастерской. Анатолий Васильевич работал в углу кухни, огороженном двумя лавками. Дети никогда не заходили за пределы этого гармонного закутка.

Анатолий Рыбаков

Имея большой опыт в наклёпке голосов и настройке гармоники, А. В. Рыбаков не тратил время на изготовление корпусов, а заказывал их столяру с ул. Воровского г. Бор Александру Кузнецову. С готовым корпусом гармоники в дом Рыбаковых Кузнецов часто приезжал на велосипеде.

Имея огород 11 соток, Анфиса Ивановна выращивала на нём редис, петрушку и укроп на продажу на рынке, а также делала заготовки на зиму в кадушках. Старшая дочь Рыбаковых Татьяна Анатольевна рассказала, что на зиму были всегда заготовлены 2 бочки капусты, бочка помидор и бочка огурцов.

Осенью хлопотливая мама шестерых детей Рыбаковых всегда ездила в Большие Орлы к своему дяде Емельяну и там на месте собирала грибы, мыла и засаливала в 3–4 ведерные кадки.

Из домашней живности у Рыбаковых были куры и утки, пятнистая коза и поросёнок.

Имея уже шестерых детей, супруги Рыбаковы в 1963 году принимают решение построить более просторный дом из белого кирпича. И новый дом мастер Рыбаков тоже строил самостоятельно. Только крышу на новом доме у него помогал делать Александр Ларин и за это получил от Рыбакова гармонику его работы.

Анатолий Васильевич устроился на работу вахтёром в Райпотребсоюз, где работал по графику сутки через трое. Там он отличился тем, что поймал с поличным вора, и ему за это дали милицейский тулуп в качестве премии.

Новый кирпичный дом Рыбаковы строили 6 лет. Кредитов в банке не брали. Выручало гармонное ремесло. В свободное от работы время Анатолий Васильевич делал кустарные гармоники и возил их продавать на Молитовский рынок.

Гармонисты-барыги, завидев его на рынке, буквально выхватывали у него из рук гармошку и начинали громко на ней играть, зазывая покупателей. Когда покупка гармони совершалась, гармонщик Рыбаков обязан был заплатить гармонисту за рекламу своей гармошки.

Мне посчастливилось встретить в г. Бор на Тесовой гармонного мастера Маслова Георгия Павловича, который лично знал

А. В. Рыбакова. Он рассказал, что по натуре Анатолий Васильевич был горяч, в разговоре жестикулировал руками и даже пальцы растопыривал. Маслов рассказал, что одно время работал вместе с Рыбаковым А. В. в гармонной мастерской на Бору и начальником у них был Савотин Д. К.

Дмитрий Кириллович Савотин являлся лучшим настройщиком гармоней в г. Бор, но советское время повлияло и на этого прекрасного специалиста. В те не очень далекие советские времена в 50-е и 60-е годы опоздание на работу строго каралось. Начальник обязан был подать на опоздавшего подчиненного бумаги в суд. А суд назначал наказание в виде ежемесячного отчисления некоторой суммы из зарплаты провинившегося. Анатолий Рыбаков, имея уже 6 детей, крутился, как белка в колесе, строил дом, прятался от финансовых инспекторов на чердаке своего дома и однажды опоздал на работу на 20 минут. Бумага от прилежного начальника Савотина Д. К. была отправлена в суд, и у Анатолия Васильевича полгода высчитывали из зарплаты 6 рублей 20 копеек.

Денег для большой семьи у Анатолия Васильевича с официальной и надомной работы всё-таки не хватало, и жена-домохозяйка Анфиса Ивановна подрабатывала тем, что шила на продажу ситцевые халаты и лифчики, а также вязала круглые коврики из старых вещей, распущенных на лоскуты и свитых в веревку. Для своего семейства Анфиса Ивановна вязала носки и варежки, шила безрукавки и даже одеяла были в доме не купленные в магазине, а сшитые дома на старинной швейной машинке. Верх одеяла был из цветных лоскутков (пэчворк, как теперь говорят), вторая сторона одеяла была из однотонного темного ситца, а между слоями ткани была разослана толстым слоем вата.

Анатолий Рыбаков с женой

Анфиса Ивановна Рыбакова освоила техпроцесс изготовления мехов гармоники, что говорит о её талантах мастерицы

и любви к делу мужа. Ведь мастеров-гармонщиков, у кого бы жена шила меха, было по пальцам сосчитать.

В конце своей трудовой деятельности А. В. Рыбаков трудился в леспромхозе рабочим на пилораме, где зарабатывал 110–120 рублей в месяц. Для сравнения средний сын Рыбаковых Виктор работал тогда рихтовщиком на Борском авторемзаводе и зарабатывал 180 рублей в месяц.

Когда младшему сыну Рыбаковых исполнилось 2 года, Анфиса Ивановна решила устроиться на работу санитаркой в больницу. Она осторожно спросила у старшей дочери Татьяны о том, не будет ли она возражать против маминого трудоустройства, т.к. домашние хлопоты лягут на её плечи. Таня не возражала и даже обрадовалась, т. к. в начале года в школе дети всегда заполняли анкету, в которую входили графы о роде трудовой деятельности родителей и их судимостях, и дочери было неловко, что мама не работает.

Нельзя сказать, что имя гармонного мастера Анатолия Рыбакова на слуху у нижегородских гармонистов. Рыбаков не всегда на корпусе гармоники вырезал свою фамилию. Отрадно, что этот простой рабочий человек поделился секретами изготовления кустарных гармоней с борским мастером Сергеем Вилковым (1928 г. р.). Они работали вместе в борском филиале артели «Гармония» с 1952 по 1956 г. под руководством Клочкова Н. И.

После закрытия филиала фабрики «Гармония» в г. Бор Сергей Федорович устроился на работу помощником мастера в чесальном производстве войлочной фабрики № 6. Работая на войлочной фабрике, С. Ф. Вилков не оставлял ремесло изготовления гармоней. Он не делал гармонь полностью, но по кооперации с Тулуповым Е. П., Шитовым Л. Я., Ядровым Г. К., Гнусовым Ю. Н., Жолтяковым Н. А., Сторожевым М. И. выполнял ответственные работы по изготовлению сборок гармоники – системы рычагов, поднимающих и опускающих кнопки и клапаны. Цена гармони в 1970 годы была 2–2,5 тысячи рублей, а зарплата на фабрике 170–180 рублей. Ремесло изготовления кустарных гармоней давало существенный вклад в материальное обеспечение семьи борчанина-кустаря.

Вологодский мастер–кустарь «черепоня» А. В. Рыбаков прожил достойную жизнь, построил дом, вырастил детей, изготовил полсотни гармоник-хромок 25х25 и передал свои знания молодому мастеру. Его труд – это весомый вклад в копилку славы города музыкальных мастеров Бор Нижегородской области.

P. S. Я прошу гармонистов, родственников или знакомых Анатолия Васильевича Рыбакова прислать в мой адрес фото его гармоник.

Былов Глеб Вадимович,
г. Москва

ФОТОГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА РУССКИЙ СЕВЕР, ЕГО НАСЛЕДИЕ И НАСТОЯЩЕЕ

Русский Север без сомнения является интереснейшим культурно-географическим и природным феноменом нашей страны. Эта часть Европейской России имеет богатую историю развития в ней русской цивилизации, и населяющие её люди чтят свои традиции и славятся душевностью. Русский Север издавна исследуется в научно-исторических произведениях и трактатах, а его пейзажи и архитектура часто используются при создании художественных фильмов.

Автор является активным путешественником и исследователем-краеведом, что служит естественным продолжением его географического и фотографического образования. Особый его интерес к Русскому Северу вызван также и генеалогическими причинами: родственники предков автора внесли вклад в изучение и освоение северной периферии России.

Двоюродный прапрадед автора Николай Иванович (Нафанаил) Соборов (1826–1907) дважды был Епископом Архангельским. Между обоими периодами служения самой северной епархии российской в 1879–1882 и 1885–1890 гг. Нафанаил также успел побывать Епископом Псковским и Порховским. Архипастырь на свои средства[412] издал первый и очень подробный Атлас Архангельской епархии[413], а на архипелаге Новая Земля по его указанию иеромонах Иона вёл метеорологические наблюдения, которые были полностью опубликованы в церковной прессе[414]. Также по его распоряжению начал восстанавливаться Трифоно-Печенгский монастырь на границе с Норвегией, и было энергично продолжено изучение и освоение Новой Земли в интересах России. После второго периода службы в Архангельске Нафанаил Соборов 6 лет отдыхал на покое в Спасо-Суморинском монастыре в Тотьме, после чего стал настоятелем всемирно известного Спасо-Андроникова

[412] Преосвященный епископ Нафанаил (некролог). // Московские церковные ведомости.– 1907.– № 18.– 6 мая. С. 542–544.

[413] Нафанаил (Соборов) епископ. // Исторический Вестник.– 1907.– С. 1049–1050.

[414] Приложение к Архангельским епархиальным ведомостям. Архангельск, 1889. № 14–15. С. 1–28.

Епископ Архангельский Нафанаил Соборов, двоюродный прапрадед автора

монастыря в Москве, неподалёку от места жительства автора[415].

Двоюродный прадед автора статский советник Николай Николаевич Былов (1861–1920) был директором Кемского реального училища (ныне Республика Карелия). В этой должности он был арестован большевистской комиссией Кедрова в Архангельске и расстрелян[416]. Его сын, писатель-монархист и эмигрант Николай Николаевич Былов (1897–1970), во Франции и Германии написал и издал двухтомный роман о жизни старообрядцев на Русском Севере[417].

Из уважения к памяти предков и научному интересу к местам их жизни и деятельности автор совершил несколько поездок на Русский Север. Все маршруты планировались индивидуально с использованием расписания железнодорожного и автобусного транспорта, гостиницы также бронировались автором самостоятельно. Первое путешествие было по маршруту Архангельск – Тотьма – Кириллов в январе 2016 г. по местам службы и отдыха Епископа Соборова. Вторая крупная поездка состоялась в январе 2017 г. с посещением городов Вологды, Каргополя и Архангельска. Тур с познавательно-фотографическими целями состоялся летом того же года по маршруту Каргополь – Котлас – Сольвычегодск – Великий Устюг – Тотьма с участием в праздновании Бараньего воскресенья в Каргополе 6 августа и фестиваля Русской Америки в Тотьме 12 августа. Автор также участвовал в конференции «Русский Север-2017» в Тотьме (февраль) и в «Рубцовском костре» в Тотьме – с. Никольском (июль 2017 г.). За исключением особенно холодных или пасмурных зимних дней,

---

[415] Былов Г. В. Епископ Архангельский Нафанаил Соборов как исследователь географии и культуры Русского Севера. // Русский Север-2017. Проблемы изучения и сохранения историко-культурного и природного наследия. Сборник материалов научной конференции Тотемского музейного объединения (23–26 февраля 2017 года). Тотьма – Вологда, 2017. С. 31–33.

[416] Дойков Ю. Красный террор. Россия. Украина... 1917–1924. Архангельск, 2008. С. 66, 169. [Электронный ресурс]. URL: http://doykov.com/books/Red_Terror.pdf, (дата обращения: 20.01.2018).

[417] Н. Н. Былов [некролог]. // Знамя России, № 319. Нью-Йорк. Февраль 1971. С. 10.

автору удавалось делать снимки интересующих объектов и ландшафтов, постоянно вёлся журнал GPS-треков перемещений. Однако из-за холодного лета и проливного дождя пришлось отменить поездку на День города Белозерска в июне 2017 г. В текущем году состоялось путешествие по маршруту Каргополь – Онега – Кемь – Петрозаводск, автор впервые посетил Карелию.

В итоге нескольких путешествий за последние три года автор побывал в следующих местах Русского Севера: городах Белозерск, Великий Устюг, Вологда, Кириллов, Тотьма, селе Никольское (Вологодская область), городах Архангельск, Каргополь, Котлас, Онега, Сольвычегодск (Архангельская область), городах Кемь и Петрозаводск (Республика Карелия). На основании открытых источников топографической информации[418] была составлена обзорная схема региона путешествий (см. рис. 1).

Рис. 1. Схема региона путешествий автора по Русскому Северу в 2016–2018 гг.

---

[418] Северо-Западный ФО. Полная цифровая модель. Актуализированные ГИС-пакеты оперативной геологической информации (ГИС-Атлас «Недра России»). [Электронный ресурс]. URL: http://atlaspacket.vsegei.ru/#48e4f6c4775420576, (дата обращения: 20.01.2018).

Привлекательность городов с туристическими достопримечательностями можно оценивать по нескольким факторам: удалённость от крупных городских центров абсолютная и от значимых транспортных магистралей в частности, ухоженность – запущенность, готовность и желание принимать туристов, интересность и фотогеничность. В целом ситуация с наличием и благополучием объектов культурного наследия, с уровнем работы с туристом достаточно мозаична и контрастна от места к месту.

В Архангельске музейный фонд весьма разнообразен и интересен, также впечатляет креативный и энергичный подход к работе с туристами. Например, на зимние каникулы городские сети общественного питания предлагали выгодные акции, а музеи завлекали посетителей внимательным и практически персональным подходом к каждому гостю. В малых городах, напротив, на новогодние праздники магазины и кафе могут быть закрыты или работать по сокращённому графику, то есть сфера услуг не реагирует на возможный приток туристов. Вообще, наличие реальной экономической базы в городе (обычно в виде промышленности) способствует расцвету сферы услуг, что мы наблюдаем на примере городов Котлас и Коряжма в Архангельской области. Это довольно симптоматично проявляется и в ландшафте – трубы градообразующего предприятия Котласского ЦБК видны из старинного города Сольвычегодска, который гораздо интересней с архитектурной точки зрения.

В Великом Устюге созданная туристическая инфраструктура из сувенирных магазинов и кафе на центральных улицах соседствует с колоритным декадансом чуть в стороне. Живописно облупившиеся фасады, окна и ворота, целые заброшенные церкви настолько обильны, что в городе вполне можно проводить мастер-класс по фотографии. Родина всероссийского Деда Мороза, заполненная туристами зимой, была практически пуста летом – и очень доступна по цене, когда разница между летними и январскими ценами в одной и той же гостинице доходит до пятикратной.

Древний город Сольвычегодск живописен и весьма интересен по своему сочетанию дореволюционного и советского стиля жизни, при этом с местами размещения и питания туристов там весьма скверно. Похоже, что путешественника не особо ждут, хотя город находится в часе езды от Котласа, крупного железнодорожного узла.

Активнее всего с туристами работают в Тотьме, где в течение года проходит несколько тематических, научных и краеведческих

Заброшенная изба на Каргополье, лето 2017 г. Фото автора

мероприятий регионального и более крупного масштаба. Небольшой городок просто дышит каким-то небезразличием к своей истории и традициям. Можно посмотреть на дореволюционную фотографию Спасо-Суморина монастыря и тем более вживую побродить по его сохранившимся постройкам и поразиться их размеру, тем более по меркам вековой давности.

Город Каргополь очень похож на Тотьму по масштабу и, пожалуй, не уступает ей по красивости и интересности, но уже чувствуется некая удалённость и заброшенность. К известным деревянным храмам Каргополья общественный транспорт ходит через день, и потом такой же местный автобус, но уже забитый туристами вперемешку с багажом, едет на железнодорожную станцию Няндома. Самые интереснейшие деревянные постройки, похоже, уже охраняются государством, но при этом реставрируются весьма медленно.

Старинный город Белозерск находится в стороне от проложенных туристических троп и, может, благодаря этому и сохранил какой-то нетронутый шарм образа жизни двухвековой давности, который дополняется также природной живописностью. Его транспортные связи с внешним миром весьма ограничены. Город Кириллов из единого Кирилло-Белозерского ансамбля-заповедника находится совсем недалеко, однако гораздо лучше посещаем

туристами. Тем не менее, прямая связь автобусным сообщением между двумя старинными городами имеет сезонный характер.

В целом, с сожалением приходится признать, что малые города Европейского Севера в своей массе не очень ждут неорганизованного туриста и не умеют с ним работать. Хорошими исключениями являются, пожалуй, лишь Тотьма и Кириллов. Во многих местах есть проблемы доступности и удобства транспорта – железнодорожное и междугороднее автобусное сообщение весьма ограничено и не всегда удобно для путешественника по временному расписанию. Например, электрички могут ходить ночью. До недавних пор были проблемы с регулярным автобусным сообщением между Архангельском и Онегой, а между городами-соседями Каргополем и Пудожем его нет вообще. В древнерусский город Онега добраться с пассажирского поезда выходит недёшево, так как удобного автобусного сообщения с железнодорожной станцией нет.

Сокращение автобусных маршрутов отчасти компенсируется коммерческими перевозками и уж точно играет на руку местным таксистам на личном автотранспорте. При этом стоимость перевозки пассажира в легковой машине в пересчёте на местные зарплаты может быть весьма значительной. В целом, наличие железнодорожной станции или значительная близость к ней является большим плюсом для малого города.

Опыт путешествий автора показывает, что наиболее освоена и комфортна для туристических поездок Вологодская область. Она весьма компактна и содержит большое число малых исторических городов с неплохой транспортной доступностью. В Архангельской области и Карелии население расселено более фрагментарно, линейно вдоль природных (береговая линия реки) и инфраструктурных (железные и автомобильные дороги) объектов. Территориально крупная Архангельская область менее плотно освоена, и очаговость расселения, вкупе с холодным климатом, создаёт трудности для интенсивного туристического развития этого региона.

Путевые наблюдения автора об уровне жизни и качестве развития инфраструктуры хорошо подтверждаются официальной экономической информацией. Для небольшого статистического обзора мы воспользуемся данными по России в целом, Северо-Западному федеральному округу (СЗФО), Архангельской и Вологодской областям и Республике Карелия – территориям, которые автору удалось посетить. Все расчёты автора базируются на

Радуга над церквями Каргополя, лето 2017 г. Фото автора

новейшей информации из статистического сборника «Регионы России 2017»[419].

Выработка валового регионального продукта (ВРП, приближённый аналог ВВП) по России в целом в 2015 году составила 3,8 млн. рублей на квадратный километр, в СЗФО даже чуть больше – 4,0. В Вологодской области эта цифра уже была на 20% меньше – 3,2, а вот в Архангельской области без Ненецкого автономного округа и Республике Карелия – 1,0 и 1, 2 соответственно, то есть уже вчетверо ниже, чем в среднем по федеральному округу и стране.

Плотность железнодорожных путей в километрах на 10000 км^2 территории составляет по России в целом 50, по СЗФО даже выше – 78. В Республике Карелия показатель более чем вдвое превышает общероссийский – 123, в Вологодской области вполне находится на среднероссийском уровне – 53, а вот в Архангельской области в полтора раза ниже – всего 30.

Развитость сети автомобильных дорог с твёрдым покрытием составляет в целом по России 62 км на 1000 км^2 территории. В СЗФО цифра идентична, однако внутри округа существует

[419] Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017. Статистический сборник.– Москва, 2017. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2017/region/reg-pok17.pdf (дата обращения: 20.01.2018).

значительный разброс между Архангельской областью – 29, то есть вдвое меньше, и Вологодской областью – 117, то есть вдвое лучше. Для Республики Карелия показатель незначительно хуже среднероссийского – 48.

Таким образом, как экономическая отдача от территории региона, так и его обеспеченность транспортной инфраструктурой в Вологодской области вполне находится на уровне среднероссийских показателей, а вот у её северных соседей многократно уступает показателям своего округа и страны в целом. Существующая сеть железных дорог способствует обеспечению удовлетворительной связности между севером и югом для Вологодской области и Республики Карелия, а также для Архангельской области, в которой также есть элементы сочленённости между западом и востоком. В целом Вологодская область довольно компактна, Республика Карелия вытянута с юга на север. Таким образом, лишь крупная Архангельская область обладает значительными участками территории с неудовлетворительной транспортной связностью, что, конечно, отрицательно сказывается на удобстве путешественника.

По итогам путешествий попробуем озвучить рекомендации по дальнейшему развитию Русского Севера. Чтобы улучшить качество жизни, жители этой территории должны более активно рекламировать своё достойное историко-культурное и природное наследие с использованием всех возможных информационных каналов (Интернет, СМИ). На местах нужно поднять уровень гостиничного сервиса до минимального комфорта и выше, одновременно обеспечив необходимыми повседневными товарами и едой местные точки торговли и общественного питания. Под туриста имеет смысл подстраиваться хотя бы иногда, если это обеспечивает занятость и приток финансовых средств на места, не особо избалованные тем и другим. Учитывая большие расстояния на северной периферии Европейской России, стоит организовывать локальные автобусные экскурсии с доставкой путешественников из мест проживания на поездах, так как железнодорожное сообщение наиболее комфортно и надёжно для длительных переездов. Доходы от туризма смогут отчасти компенсировать деградацию советской промышленно-экономической базы, а вырученные средства можно направить на развитие локальной инфраструктуры и реставрацию объектов культурного наследия.

Дорофеева Елена Михайловна,
г. Архангельск

ФЕСТИВАЛИ КОЛОКОЛЬНЫХ ЗВОНОВ НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРЕ РОССИИ

Возрождению энтузиастами традиций колокольного звона в России во второй половине XX века содействовали книги, посвященные колоколам, конференции кампанологов и фестивали колокольного звона. Сейчас во многих регионах России проводятся свои колокольные фестивали. Мы ограничим исследование территорией Европейского Севера.

Летом 1975 г. под Архангельском, в музее деревянного зодчества «Малые Корелы» зазвучали колокола – это событие положило начало возрождению традиции колокольного звона в нашей стране.

В 1988 г., когда праздновали 1000-летие Крещения Руси, в Архангельске провели конференцию «Колокола. История и современность». Собрались исследователи-кампанологи, журналисты, звонари. Обменялись опытом, обсудили наболевшие вопросы, на

Звонари в музее «Малые Корелы» под Архангельском

колокольнях АМДЗ «Малые Корелы» состоялся Большой колокольный концерт, в котором приняли участие приехавшие из разных городов звонари; к этому времени уже проводились колокольные концерты в Архангельске, Ростове, Суздале, Ленинграде.

Впоследствии еще несколько раз музей «Малые Корелы» собрал на своей деревянной колокольне звонарей из разных регионов: в 1999 и 2003 гг. они исполнили звоны на концерте памяти И. В. Данилова, а в сентябре 2005 г. в Архангельске прошел фестиваль колокольных звонов, посвященный 30-летию возрождения звонов в музее «Малые Корелы». Епископ Архангельский и Холмогорский Тихон, совершив молебен на начало доброго дела, отметил роль музея в возрождении традиций колокольного звона[420].

В мае 1989 г. в Ростове Великом прошел второй Большой колокольный концерт – его назвали Вторым Всесоюзным фестивалем колокольного звона. В нем также принимали участие не только звонари, но и научные сотрудники музеев – послушали знаменитую ростовскую звонницу, обменялись набранным к тому времени опытом. Тогда же была образована Ассоциация колокольного искусства при Советском фонде культуры.

Это было началом фестивального колокольного движения в нашей стране – тогда еще СССР. Главная цель, которую ставили перед собой организаторы этих мероприятий, – популяризация колокольных звонов, обмен опытом.

---

[420] Иван Данилов – мастер колокольного звона: сб. / сост. Е. М. Дорофеева.– Архангельск, 2007. С. 72–77, 202–203.

Участники «Большого колокольного концерта»
в Ростове Великом

В 1998 г. музей-заповедник «Кижи» и АКИР организовали первый фестиваль, второй состоялся в 2004 г. Фестиваль духовной музыки «Колокольная партитура острова Кижи» стал продолжением мероприятий музея, направленных на восстановление духовных традиций. В 2016 г. на III фестиваль колокольных звонов съехались ведущие звонари Северо-Запада России. На фестивале

2017 г. колокольные звоны раздавались не только на колокольнях острова Кижи, но и в окрестностях, в исторических деревнях с церквями и часовнями. В рамках фестиваля сотрудники музея-заповедника «Кижи» совместно с АКИР провели научно-практический симпозиум «Северные звоны в контексте общерусской колокольной традиции»[421].

Если в начале фестивального движения колокольный концерт был составной частью конференции, посвященной колокольному искусству, то теперь, как правило, конференция входит в программу фестиваля. В рамках фестиваля проходят выставки или презентации новых изданий, посвященные колоколам и колокольному искусству, издается сборник докладов – это происходит, когда одним из организаторов выступает музей.

Традиционное время проведения фестивалей – лето, но появились и зимние фестивали. Первым еще в 2005 г. стал фестиваль «Хрустальные звоны», организатором которого выступает Каргопольский историко-архитектурный музей. В программе фестиваля «Хрустальные звоны» не только выступления звонарей на Соборной колокольне и мастер-классы на передвижной звоннице, но и концерты творческих коллективов, фольклорная программа, конкурс ледовых скульптур. Несколько раз в рамках фестиваля «Хрустальные звоны» проводился кампанологический научный симпозиум. Особую торжественность и значимость придает то, что его кульминационные события – крестный ход и колокольный концерт – проходят в Крещенскую ночь[422].

Межрегиональный фестиваль колокольной музыки «Рождественский благовест» в 2017 г. прошел в Тотьме. Организаторы мероприятия – Тотемское музейное объединение и администрация района. Тотьма – один из туристических центров Вологодской области, сохранивших историческую застройку, в том числе храмы. Благодаря усилиям благотворителя В. Глазачева, потомка

---

[421] Фестиваль колокольных звонов. // Кижи. [Электронный ресурс]. URL: http://kizhi.karelia.ru/whatson/festivals/705 (дата обращения 15.12.2017).

[422] Онучина И.В. Колокольный фестиваль в Каргополе: история, перспективы // Звуки небес. Колокольные звоны в палитре музыкальной культуры России: тез. докл. симпозиума в рамках VIII фестиваля колокольного искусства «Хрустальные звоны», 17–19 января 2012 г.; СПб – Каргополь, 2012. С. 25–27.

тотемской купеческой династии, в городе воссозданы три действующие звонницы. Фестиваль «Рождественский благовест» получил благословление Вологодской митрополии: в его программу вошли праздничные богослужения в храмах города, звоны на колокольнях, а также мероприятия в музеях, домах культуры, детской художественной школе. Первый фестиваль «удался», и в 2018 г. Тотьма вновь собрала звонарей[423].

Фестиваль колокольной музыки «Рождественский благовест» по замыслу устроителей призван стать одним из ключевых событий новогодних каникул. Это значит, что в нем заинтересованы не только звонари и кампанологи, но и власть, а фестивали колокольного звона сегодня становятся поводом для привлечения туристов.

По мере увеличения количества храмов, приобретения современных наборов колоколов увеличивается число звонарей – увеличивается и количество фестивалей. Сегодня зачастую организаторами «колокольных» фестивалей выступают Епархия или настоятель какого-либо храма, и фестивали превращаются в площадку по обмену опытом, таким образом, у фестиваля появляется и образовательная функция для начинающих звонарей. Иногда в рамках фестиваля проводится круглый стол, посвященный технике звонарского искусства или историческим аспектам колокольных звонов.

Уже не первый год фестиваль колокольного звона «Звонное лето» проходит в Великом Устюге. Он приурочен ко дню празднования памяти Прокопия Устюжского. Во время последнего фестиваля колокольные концерты прошли и в окрестностях В. Устюга, и даже в вотчине Деда Мороза[424].

Как правило, в фестивалях принимают участие около 30 звонарей из разных городов – как церковные, так и светские, очень известные и начинающие. Непременно проводится мастер-класс для всех желающих: на передвижной звоннице под руководством опытных звонарей можно ознакомиться с азами колокольного искусства – это вызывает живой интерес публики. В рамках

---

[423] Первый межрегиональный фестиваль колокольной музыки «Рождественский благовест» состоялся в Тотьме. // Cultinfo. Культура в Вологодской области. [электронный ресурс]. URL: http://cultinfo.ru/news/2017/1/the-first-interregional-festival-of-bell-music (дата обращения 15.12.2017)

[424] В Великом Устюге прошел фестиваль колокольного звона «Звонное лето». // Вологодская митрополия. [электронный ресурс]. URL: http://vologda-mitropolia.ru/unews/item/5034-v-velikom-ustyuge-proshel-festival-kolokolnogo-zvona-zvonnoe-leto (дата обращения 15.12.2017)

фестивалей колокольных звонов проводятся концерты хоровой музыки, выступления детских и фольклорных коллективов, проходят выставки, ярмарки народных ремесел.

Иногда «фестивали колокольных звонов» включают в программу празднования Дня города. В небольшом городке Лахденпохья (Карелия) возродили традицию всенародно отмечать престольный праздник главного храма города Илии Пророка. С 2005 г. в этот день начали проводить фестиваль колокольного искусства «Колокол». В 2012 г. по решению местного управления 2 августа стали отмечать и День города, и теперь фестиваль колокольных звонов проводится в рамках общегородского праздника. После литургии в Ильинском храме горожане и участники фестиваля следуют крестным ходом к часовне священномученика Валентина – именно здесь и проходит праздник колокольной музыки, а перед входом в часовню устанавливают еще дополнительную звонницу. Колокольный фестиваль в Лахденпохья, получивший благословение Митрополита Петрозаводского и Карельского Мануила и помощь благотворителей, с каждым годом собирает все большее число участников, в том числе из Санкт-Петербурга, Петрозаводска, Новгорода и Вологды[425].

Сегодня заявляют о себе новые фестивали, некоторые становятся популярными, привлекая все большее число участников, другие, несмотря на желание организаторов, проходят один-два раза. Сообщения о проведении подобных мероприятий появляется в основном на Интернет-ресурсах, как известно – сегодня это наиболее распространенный источник информации. Однако, работа с такого рода источниками требует критического подхода – не всегда можно безоговорочно им доверять, но обращение к ним позволяет проследить, какие тенденции существуют сегодня.

[425] В г. Лахденпохья состоялся юбилейный фестиваль колокольного искусства «Колокол». // Православие в Карелии. Информационный портал Петрозаводской и Карельской епархии [электронный ресурс]. URL: http://eparhia.karelia.ru/htm14/lnd14.htm (дата обращения 15.12.2017).

Раздел третий

НАСЛЕДИЕ И ПАМЯТЬ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Кулешова Марина Евгеньевна,
независимый эксперт по вопросам охраны природного и культурного наследия, г. Москва

ПРАВО ОБЩЕСТВА НА НАСЛЕДИЕ И ОПЫТ ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ

Наследие рассматривается как система общественно признанных природных и культурных ценностей, наследуемых из прошлого, осмысленно сохраняемых, используемых и передаваемых последующим поколениям[426]. Наследие не развивают, но постоянно дополняют вновь выявляемыми объектами. Иногда объекты наследия воссоздают на месте ранее утраченных – при сохранении семантики, функций, материалов, технологий можно рассматривать это как частичное возвращение к жизни функции наследия. Однако распространившаяся в последнее время практика воссозданий из новых материалов, с применением иных технологий и даже с изменением конструктивных и функциональных особенностей объектов не может считаться эквивалентом утраченного, и напрасно (такие случаи есть) эти объекты причисляются к памятникам.

Право российских граждан на наследие зафиксировано статьями Конституции, в частности конституционным правом граждан на доступ к культурным ценностям (ст. 44), на благоприятную окружающую среду (ст. 42). Право, как известно, неотделимо от обязанностей, к которым относятся обязанности граждан сохранять культурное наследие (ст. 44), сохранять природу и окружающую среду (ст. 58). Мы ограничимся рассмотрением территориальных комплексов наследия, которые можно трактовать как культурные ландшафты, и реальная правовая защита которых

[426] Культурный ландшафт как объект наследия. Под ред. Ю. А. Веденина, М. Е. Кулешовой.– М.: Институт Наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004.– 620 с. httptextarchive.ruc-2726657-p7.html

основывается в основном на двух профильных законах: «Об особо охраняемых природных территориях» (№ 33-ФЗ, 1995) и «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации (№ 73-ФЗ, 2002) с сопутствующими подзаконными актами. Немаловажное влияние на состояние дел в этой сфере оказывают также нормы Градостроительного (2004) и Земельного кодексов (2001). К теме музеефикации территориальных комплексов наследия непосредственное отношение имеет № 54-ФЗ «О музейном фонде в Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» (1996).

Логика природоохранного законодательства достаточно проста, прозрачна, понятна, чего не скажешь о законодательстве в сфере охраны культурного наследия. Российская практика охраны природного наследия опирается на систему особо охраняемых природных территорий (ООПТ), на уровне федерального законодательства выделяется 6 категорий таких ООПТ, где ведущая роль принадлежит природным заповедникам и национальным паркам, а в регионах – природным паркам. Названные категории ООПТ создаются в организационно-правовой форме ФГБУ (для природных парков – государственных учреждений), осуществляющих управление режимными территориями. Поскольку в число их задач входят просветительские, а в некоторых случаях – научно-исследовательские и туристские функции, то при них на уровне подразделений обычно создаются музеи. Так, целые кластеры тематических музеев созданы при национальных парках Кенозерский и «Угра». А создание экологических троп и информационно обустроенных смотровых площадок на охраняемых территориях можно рассматривать как способ музеефикации ООПТ, когда экспонатами становятся природные объекты, комплексы и целые пейзажи (национальные парки «Русский Север», Себежский, Смоленское Поозерье и др.). Наконец, нахождение в границах ООПТ разнообразных объектов культурного наследия ставит задачу их инвентаризации, сохранения, представления посетителям и соответственно применения норм законодательства о культурном наследии[427]. Из национальных парков ярчайший пример природно-

[427] Сельские культурные ландшафты: рекомендации по сохранению и использованию. Под ред. М.Е. Кулешовой.– М.: ЭкоЦентр «Заповедники», 2013.– 220 с.; *Кулешова М.Е., Новиков В.П.* Оценка историко-культурного потенциала национальных парков России // Природные резерваты – гарант будущего: матер. Всерос. науч.-практ. конф. (Улан-Удэ, 4–6 сент. 2017 г.).– Улан-Удэ, Изд-во БНЦ СО РАН, 2017.– С. 122–128.

культурного континуума наследия являет собой Кенозерский[428], заявленный от России в Список всемирного наследия как культурный ландшафт. Но и многие другие национальные парки и заповедники обладают огромным потенциалом природно-культурных ценностей в их культурно-ландшафтной целостности[429], что имеет интересные перспективы для их публичного представления, интерпретации, музеефикации.

В соответствии с действующим законодательством (№ 73-ФЗ) объекты культурного наследия разделяются на три вида – памятники, ансамбли и достопримечательные места. Это разделение было сделано по аналогии с тем, которое существует в Конвенции о всемирном наследии (1972) для объектов культурного наследия и отражает усложнение объектов от простых единичных к сложным территориальным комплексам. Если памятники и ансамбли как категории использовались издавна и процедуры работы с ними уже устоялись, то достопримечательные места (ДМ) – категория, введённая в законодательство только в 2002 г., и оценка её применения специалистами далеко не однозначна, вплоть до одиозных крайностей, когда в создании ДМ усматривают покушение на наследие и проводят на этот предмет целые конференции. К достопримечательным местам согласно ст. 3 № 73-ФЗ относится целый перечень культурных феноменов, в ряду которых названы природные и культурные ландшафты. С нашей точки зрения, все относимые к достопримечательным местам объекты следовало бы рассматривать как ландшафтные: и традиционные промыслы, и религиозно-исторические места, и исторические поселения, и композиции археологических памятников.

Непростое отношение к достопримечательным местам коренится, как показывает проведённый анализ, в их непростом соотношении с такими формами охраны наследия, как музеи-заповедники и зоны охраны объектов культурного наследия. Наблюдая за процессами правоприменения категории ДМ в течение последних

---

[428] Веденин Ю. А., Ведерникова Н. М., Колбовский Е. Ю., Кулешова М. Е., Максаковский Н. В. Методика составления номинационного досье культурного ландшафта на примере «Заповеданного Кенозерья», заявленного от России в Список всемирного наследия // Кенозерские чтения – 2016: «Деревянная архитектура в культурном ландшафте: вызовы современности»: сборник м-ов VIII Междунар. научно-практ. конф. / сост. М. Н. Мелютина; отв. ред. Е. Ф. Шатковская; ФГБУ «Национальный парк "Кенозерский"».– Архангельск, 2017.– с. 145–155.

[429] Кулешова М. Е. Природно-культурный континуум наследия и формы его территориальной охраны // Лицом к морю. Памяти Людмилы Богословской.– Москва, 2016.– С. 272–297.

15 лет, принимая участие в проектировании, консультировании, экспертизе, публичных обсуждениях, касающихся изучения, установления, создания всех обозначенных форм территориальной охраны, автор считает уместным сделать некоторые заключения.

До 2007 г. ни один объект культурного наследия не был отнесён к достопримечательному месту. Первыми «ласточками» стала серия достопримечательных мест из «Страны городов» во главе с Аркаимом (Челябинская обл.), затем – луга вокруг Суздаля (Владимирская обл.). За прошедшие 10 лет взяты на охрану многие сотни достопримечательных мест, однако опыт их учреждения весьма неоднозначен. Большинство концептуальных конфликтов возникает на почве преобразования зон охраны в достопримечательные места. Типичные примеры – Радонеж (окрестности Сергиева Посада) и Константиново (Есенинская Русь). Есть вопиющий пример преобразования ансамбля в ДМ – подмосковная усадьба Архангельское, но это не типичная ситуация, а редкостное хулиганство федерального министерства, исполняющего заказы коррумпированных олигархов. Памятники и ансамбли имеют несравнимо с ДМ более жесткие нормы законодательной защиты, и их трансформация в ДМ подвергает их откровенной угрозе.

По процедурам установления режимных ограничений и градостроительных регламентов ДМ и зоны охраны очень похожи, на них распространяется действие градостроительного законодательства. В обоих случаях проводится зонирование и выделяются регламентные участки различной степени строгости. Но нельзя забывать, что ДМ – это объект культурного наследия, выявляемый и вносимый в Государственный Реестр, защищаемый законом в качестве самодостаточного феномена наследия, а зоны охраны – всего лишь зоны охраны некоторого объекта, утверждаются на уровне субъектов федерации (за исключением зон охраны объектов всемирного наследия и особо ценных ОКН народов РФ), корректируются на основании нового проекта и новой экспертизы, если вдруг начинают мешать очередному инвестору или застройщику. Зоны охраны – всего лишь фон объекта культурного наследия, среда бытования, обрамление. Но что самое главное, функция зон охраны – защита объекта, а функция ДМ как формы охраны объекта наследия – не только защищать его, но представлять, интерпретировать, вводить в культурный оборот, способствовать просвещению российских граждан, что непосредственно связано с темой музеефикации. С другой стороны, практика разработки и утверждения зон охраны показывает, что по факту они выполня-

ют большую роль в защите именно территориальных комплексов наследия, являясь своеобразным паллиативом при отсутствии иных форм охраны обширных территорий.

В ряде случаев зоны охраны рассматриваются как альтернатива достопримечательным местам, что сопровождается жестокими спорами в профессиональной среде – а надо ли создавать достопримечательные места вообще и не лучше ограничиться зонами охраны. Система «доказательств» апологетов применения исключительно зон охраны опирается на опыт двух скандально известных уже упомянутых примеров – Радонежа и Константиново. Но детальное рассмотрение проектной документации по этим территориям показывает, что в обоих случаях дело не в ущербности ДМ как формы охраны, а в исполнителях проектов, которые, часто под внешним давлением, идут на поводу у очередных политических элит и выполняют очередной их заказ, отдавая под новую застройку лучшие фрагменты уникальных исторических территорий[430]. Помимо внешнего давления, существует и собственный взгляд проектировщиков на мироустройство, среди них преобладают градостроители, которые одной рукой чертят Генпланы, а другой – зоны охраны или ДМ, притом идеологически в градостроительной отрасли «реформаторы» довлеют над «консерваторами».

Из всего этого происходит одно очень интересное следствие и очень большая проблема в практике охраны крупных историко-культурных территорий: проектные разработки как ДМ, так и зон охраны буквально калькируют генпланы – как действующие, так и находящиеся в процессе согласований и утверждений. В то время как согласно закону должно наблюдаться обратное – охрана наследия должна накладывать ограничения на планируемое градостроительное развитие. На Научно-методическом совете Минкультуры РФ по охране культурного наследия и в историко-культурной экспертизе регулярно рассматриваются такие случаи. Из недавно рассмотренных к таким относятся и проект ДМ для Колтушской возвышенности в окрестностях Петербурга (Институт физиологии Ф. И. Павлова), и проект зон охраны для усадьбы «Остров» в Подмосковье, и проект зон охраны Ферапонтова

[430] Кулешова М. Е. Памяти двух десятилетий культурно-ландшафтных исследований // В фокусе наследия. Сборник статей, посвящённый 80-летию Ю. А. Веденина и 25-летию создания Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва – М.: Институт географии РАН, 2017.– С. 163–190.

монастыря в Вологодской области. Совершенно очевидно, что для сложных комплексных территорий закон не может регулировать каждое проектное решение исполнителя, многое зависит от его профессиональной честности и отчасти может быть откорректировано при последующих экспертных обсуждениях проекта. Есть примеры, когда исполнитель совершенно не понимает (не хочет понимать) ландшафтного содержания и смысла установления ДМ или зон охраны. Так, например, рассмотренный и отклонённый НМС Минкультуры РФ под занавес 2017 года проект ДМ «Река Нева и судоходные каналы в границах Шлиссельбурга» на большей части протяженности реки исключил её долинные ландшафты, ограничившись несколькими метрами прибрежной полосы, в то время как основная проблема этой территории – именно в неуправляемой застройке речных берегов и образ восприятия реки формируется в целостности с её долинными ландшафтами.

Подводя итог вопросу соотношения рассмотренных категорий – ДМ и зон охраны, необходимо подчеркнуть, что в каждом конкретном случае предпочтение должно отдаваться той категории, которая более подходит для сохранения и публичного представления выявленной предметной ценности того или иного территориального комплекса наследия. Необходимо дальнейшее совершенствование законодательства в этой сфере, сама история формирования которого складывалась весьма непросто.[431] Противники ДМ в своей аргументации указывают, что устанавливаемые для них режимы и регламенты могут быть легко изменены внутренним решением госорганов охраны наследия, которым явно доверять не стоит и этот факт нельзя отрицать. Только вывод из этого следует сделать другой: любые такие изменения должны открыто обсуждаться и проходить историко-культурную экспертизу, а государственные эксперты должны получать свой статус не по прихоти чиновничьего аппарата, а по решению признанных авторитетных специалистов, и эти позиции надо вводить в законодательство, чтобы меньше было правовых «лазеек» для недобросовестных исполнителей и заказчиков проектов.

Более запутана история взаимоотношений достопримечательных мест и музеев-заповедников. Противостояния между ними не наблюдается, напротив, большинство действующих музеев-

[431] Кулешова М. Е., Веденин Ю. А. Правовое обеспечение сохранения и использования культурного и природного наследия в России.// Право и культура.– М.: РАГС, 2009.– С. 361–390.

заповедников были вынуждены способствовать установлению достопримечательных мест в границах своих бывших территорий и зон охраны, оказавшись в глубоком правовом вакууме после принятия, как это ни парадоксально, основного закона «Об объектах культурного наследия...» в 2002 г. Создание и функционирование музеев-заповедников длительное время регулировались правительственными постановлениями и индивидуальными положениями, которые позволяли рассматривать их (вкупе с их зонами охраны) как разновидность охраняемых территорий. Так, например, Соловецкий музей-заповедник контролировал весь архипелаг, музеи-заповедники Бородинский, Поленово, Михайловское, Ясная Поляна и многие другие – ближайшие окрестности с их поселениями на многих тысячах гектар. При разработке № 73-ФЗ в Комитет Государственной думы по культуре от лица Ю. А. Веденина и автора этих строк неоднократно поступали настойчивые предложения включить в закон категорию музеев-заповедников, но законодатель эти предложения отклонил на том основании, что музей-заповедник – это учреждение, а не объект культурного наследия, в то время как закон № 73-ФЗ регулирует отношения только по поводу объектов культурного наследия. На наш взгляд, позиция совершенно необоснованная и приведшая к весьма печальным последствиям.[432]

Законодатель ввёл понятие ДМ и историко-культурных заповедников (ИКЗ), не утруждая себя изначально наполнением их правового содержания, ИКЗ и по сей день остаются правовым ребусом в практике законоприменения. Закон фиксирует, что особо выдающееся ДМ может быть отнесено к ИКЗ (ст. 57 № 73-ФЗ), а буде в нём окажутся музейные предметы и ценности, то его содержание регулируется также и законом № 54-ФЗ. А далее поступили разъяснения, что музеи-заповедники могут создаваться только на базе ИКЗ, которые в свою очередь образованы из ДМ – таков был глубокомысленный итог законотворческой работы в 2002 г. Поэтому таким сложным путём создавался музей-заповедник «Аркаим» (Челябинская обл.), в чём принимала участие и автор. Не удалось реализовать попытку создать по тому же сценарию музей-заповедник в пришвинском «Дунино» в Подмосковье[433]. Действующие

[432] Кулешова М. Е., Веденин Ю. А. Правовое обеспечение сохранения и использования культурного и природного наследия в России.// Право и культура.– М.: РАГС, 2009.– С. 361–390.

[433] Кулешова М. Е. Достопримечательные места и рекомендации по их паспортизации // Наследие и современность.– Вып. 17.– М.: Институт Наследия, 2010.– С. 49–92.

музеи-заповедники оказались в правовой лакуне, их упоминание было изъято из земельного и градостроительного законодательства, их право контролировать культурно-ландшафтную среду было подвергнуто сомнению, и началась галопирующая застройка ранее охраняемых (по факту) территорий, причём зоны охраны этот процесс сдержать не смогли (содержащиеся в них правовые нормы на тот момент устарели и потребовались специальные разъяснения государственных органов охраны, чтобы затормозить этот «разбой»). Застраивались Бородинское поле, окрестности пушкинского Михайловского, Ясная Поляна, Константиново и многие другие территории, воспринимавшиеся в обыденном сознании как музеи-заповедники, но не имевшие на то юридического права. Только в 2011 г. (!) удалось ввести эту категорию в относительно благопристойное правовое русло, благодаря многочисленным обращениям руководства музеев-заповедников к органам власти в закон № 54-ФЗ «О музейном фонде и музеях...» была добавлена маленькая, но важная статья 26.1 «Музеи-заповедники». Она подтверждает, что музеи-заповедники являются учреждениями культуры, но при этом им предоставляются в пользование «земельные участки с расположенными на них достопримечательными местами, отнесёнными к историко-культурным заповедникам, или ансамблями», а также иные участки, которые законодатель поименовал «территорией музея-заповедника». Что нас сильно смущает? – А то, что территорией музея-заповедника **не** могут называться земельные участки, находящиеся в пользовании и собственности иных лиц, но находящиеся в соседстве с территорией музея-заповедника и формирующие с ним целостный ландшафтный комплекс. Часть музеев-заповедников, имевших в пользовании обширные земельные участки, как Куликово поле, Поленово, Ясная поляна, Михайловское, оказались в относительно благоприятной правовой ситуации. Другие, таковых участков в установленном законом пользовании не имевшие или имевшие более чем скромно, оказались в интересном положении. Законодатель, полагаем, запутал сам себя и возложил многосложную «бюрократическую пирамиду» на музеи-заповедники, вместо того, чтобы пойти по логическому пути, указанному законодательством об ООПТ. Отсюда понятно, почему для музеев-заповедников с окрестностями массово стали устанавливаться ДМ, к предпроектному обоснованию которых и консультированию автор имела некоторое отношение. И надо признать, что установление статуса ДМ в сложившейся правовой ситуации отчасти спасло ценные

историко-культурные территории от разорения. Из крупных и наиболее проблемных музеев-заповедников только Соловецкий пока не удостоился этого статуса, хотя весь архипелаг отнесён к объекту Всемирного наследия с 1992 г.[434]

Музей-заповедник – не просто сложенные вместе музей и историко-культурный заповедник, а по факту – гораздо большее. Это особая организационно-правовая форма, где профильное учреждение (именуемое музеем) обеспечивает и контролирует режим использования территории, чтобы обеспечить аутентичность (историческую подлинность) среды нахождения отдельных памятников, а чаще – аутентичность всего культурного ландшафта как территориального комплекса с его лесами, полями, дорогами, поселениями, реками, мостами, дворцами, усадьбами и пр. и пр. Всё это будут главные музейные экспонаты, образующие основную музейную экспозицию, а не только и не столько принадлежащие подобному музею фонды, как принято в музейных учреждениях. Кроме того, в музеях историко-культурные ценности и предметы экспонируются ex situ (собраны из разных мест под одной крышей) и выставляются ради их собственных достоинств. Фонды музеев-заповедников в основе своей состоят из предметов, которые находятся in situ, и их ценность обусловлена связью с конкретным историческим местом или проживавшей здесь исторической личностью. Это учреждение, функции которого непосредственно связаны с режимной территорией, обеспечением соблюдения установленного режима и использованием основного – информационного – ресурса территории[435].

Территория музея-заповедника – не простое собрание объектов культурного наследия. Это центр деятельности, которая базируется на ресурсах культурного наследия, причем к наследию здесь относятся не одни памятники, но также и исторические традиции, технологии, формы природопользования, формы сакрализации пространства, природные комплексы и культурные ландшафты – всё, что образует историко-культурную среду. Для

---

[434] Кулешова М.Е. Соловецкие острова – природное и культурное наследие. // Природа.– № 7.– 2015. С. 28–41; Кулешова М.Е. Соловки могут утратить свою исключительную ценность для России! Открытое письмо к организаторам публичных слушаний по материалам Генерального плана МО «Сельское поселение Соловецое», намеченным на 7 ноября 2017 г. // ИА РЕГНУМ, 2 ноября 2017. [электронный ресурс]. URL: https://regnum.ru/news/society/2341412.html

[435] Кулешова М.Е. Музеи-заповедники: коллизия идеального и реального в российском законодательстве. // Наследие народов Российской Федерации.– 2006.– № 1.– С. 2–3, 38–45.

музея-заповедника, так же как и для национального парка, требуется в законодательном порядке определить особенности его правового положения в отношении к другим субъектам права в границах территории сопутствующего ДМ (историко-культурного заповедника), чтобы мы смогли сохранить не только следы, фрагменты и воспоминания о культурном и историческом богатстве России, но сохранить само это богатство во всём его культурном разнообразии, развитии и значении в современной жизни.

Градостроительным кодексом, определяющим условия территориального развития, установлено, что назначение территорий зависит от совокупности социальных, экономических, экологических и иных факторов в целях устойчивого развития (ст. 9 № 190-ФЗ). Следовательно, назначением территории может стать и охрана наследия при определённой совокупности факторов. Охрана наследия не есть исключение из развития, напротив, это одно из направлений развития. Охрана наследия как отрасль деятельности и направление развития территорий основывается на определённых нормах законодательства. Их анализ позволяет обозначить правовые условия, в которых существует сегодня природное и культурное наследие России.

Колосова Юлия Львовна,
искусствовед, реставратор, член ICOM, г. Санкт-Петербург

АРХИВНО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ПОИСК КАК ВАЖНЕЙШИЙ ЭТАП НА СТАДИИ СОЗДАНИЯ АРХИТЕКТУРНО-РЕСТАВРАЦИОННОГО ПРОЕКТА И ОЖИДАЕМОГО РЕЗУЛЬТАТА РЕСТАВРАЦИИ (НА ПРИМЕРАХ ЦЕРКОВНОЙ АРХИТЕКТУРЫ)

В годы строительства Санкт-Петербурга царь Петр издал указ, действовавший с 1714 по 1741 годы о том, что повсеместно не разрешается строить каменные строения кроме столицы. После петровского запрета каменщики не поехали массово в строящийся новый город, как предполагалось, и Петру пришлось свозить туда мастеровых насильно «на вечное жилье». До сегодняшнего дня сохранилось село Путилово недалеко от Петербурга по пути в старинный город Тихвин. В давние времена в селе селили каменщиков, поскольку там добывалась путиловская плита, на которой,

как говорится, стоит весь Петербург. Местные крестьяне также занимались ломкой пластов силурийских известняков, залегающих уступами вблизи юго-западного берега Ладожского озера, для цоколей, тротуаров, фундаментов Санкт-Петербурга.[436] Провинциальные северные города продолжали строить каменные церкви, то останавливая строительство, то вновь возобновляя. Каменный приказ был преобразован в канцелярию от строений, которая просуществовала с 1706 по 1797 год. Реформаторские деяния Петра I стали венцом процесса европеизации Руси, отныне это Россия. По губернской реформе 1775 года в царствование Екатерины II (1762–1796 гг.) губернии разукрупнялись, воеводства и провинции ликвидировались. Города становились губернскими или уездными. Вводился план регулярной застройки городов, в архитектуре утверждался классицизм как стиль «просвещенной» России.

Каменная церковь в селе Путилове Шлиссельбургского уезда была построена в 1784–1786 годах по проекту архитектора Е. Т. Соколова. Предыдущая деревянная сгорела. Средства на строительство выделила «Контора строения её императорского величества домов и садов», так как именно к этому ведомству было приписано село Путилово. Церковь построена в стиле раннего классицизма. Перед южным фасадом располагалась церковная площадь. Однако пожары 1819, 1825 годов не пощадили и каменную церковь. Всеми вопросами строительно-хозяйственного плана занималась гофинтенданская контора императорского двора. Новый план села спроектировал архитектор Гофинтенданской конторы Петр Иванович Висконти в 1825 году. Архитекторы братья Давид и Пётр Висконти приехали в Россию из Швейцарии. Младший Пётр работал наёмным архитектором при Академии художеств.

Каменная колокольня храма была построена трехъярусной. На месте площади появились сад, каменные сводчатые павильоны главных ворот и железная ограда вокруг церковного сада. В последующие годы храм был расширен по проекту губернского епархиального архитектора К. И. Брандта. С восточной стороны храма построили закруглённую апсиду, а ранее на все четыре стороны света стояли классические портики. В 1858–1859 годах расширением церкви занимался архитектор Царскосельского дворцового правления А. Ф. Видов. Так с западной стороны церкви по сторонам колокольни пристроили предел и ризницу. Самое значительное изменение коснулось купола, там по углам появились четыре

[436] Памятная книжка Санкт-Петербургской губернии на 1863 год.– СПб. С. 491.

деревянные главки, обитые железом. Последний этап перестройки церкви относится к 1901–1903 годам. Гражданский инженер Н. И. Котович исполнил проект увеличения храма, он стал длиннее с западной стороны, а колокольня стала на три сажени выше. Это был самый большой храм Шлиссельбургского уезда. Таким храм оставался до 1938 года, когда был закрыт и разорен. В годы Отечественной войны в этих местах шли ожесточенные бои и храм не мог не пострадать. До наших дней дошел в руинах.

По результатам проведенного технического освидетельствования существующих конструкций здание признано в основном аварийным. Перечислим главные отклонения от норм: неравномерная осадка фундаментов наружных стен; длительное воздействие атмосферных и грунтовых вод на кирпичные конструкции подвального этажа; отсутствие вертикальной и горизонтальной гидроизоляции кирпичной кладки; продольные стены здания сохранились в виде отдельных вертикальных столбов; обрушение и осыпание кладки участками высотой до 2-х метров; главный купол имел разрушение замковой части площадью 7 кв.метров, кладка деструктирована, поверхность поражена растительностью и корневой системой деревьев, фактически конструкция купола находилась в состоянии неустойчивого равновесия; все своды за исключением двух бетонных и кирпичного обрушились; кровля здания отсутствовала, лестницы находились в аварийном состоянии; состояние исторических внутристенных жаровых, дымовых и вентиляционных каналов аварийное. Итак, на момент обследования (сентябрь-октябрь) 2011 года здание представляло собой отдельные конструкции стен и перекрытий без кровли и отделки.

Новая история храма, его возрождение, можно сказать, из пепла началось в 2012 году, когда инициативная группа состоятельных людей из этих мест решила вернуть селу церковь. Первым шагом было создание благотворительного фонда «Возрождение церкви Тихвинской иконы Божией матери».

На первичной стадии подготовки реставрационного проекта необходима поисковая работа в архивах, библиотеках, музеях. Архитекторам, как воздух, нужны документальные описательные материалы и старые чертежи создания и перестройки здания. В каждом случаи восстановления исторического объекта эстетика, целесообразность и выбор гармонизируют правильность принятых решений. На данном объекте общее архитектурное решение – это стиль классицизм. Пятиглавый храм с колокольней восстановлен по времени на середину 19 века времён архитектора

Церковь в селе Путилово после реставрации

А. В. Видова и габаритах 1902 годов гражданского архитектора Н. И. Котовича. Ответ на вопрос, почему был сделан такой выбор, прост: наибольшее количество ценного чертежного материала обнаружено было в архивах Санкт-Петербурга на указанное время. Ответ прост, да поиск сложен! Итак, в селе Путилово вновь и, надеюсь, навечно стоит пятиглавый храм с колокольней. В одноэтажном, вытянутом здании струятся два потока света из окон и из центрального купола, сообщая нам о слиянии божественного и человеческого.

Обратимся к ещё одному примеру комплексного современного подхода к реставрации здания и монументальной живописи. В 2006 год мне было предложено выполнить обследование монументальной живописи в церкви Покрова Пречистой Богородицы села Тургиново Калининского района Тверской области.

В 1935 году храм был перестроен в сельский клуб. Утраченными архитектурными объёмами были купол и верхняя часть колокольни. Обычное дело для тех лет – превратить красивое здание в обрубок-параллелепипед. На «счастье» архитекторов-реставраторов в поисках на предварительном исследовательском этапе в архиве ЦГАКФФД Санкт-Петербурга была обнаружена историческая фотография дореволюционного периода. На снимке во всей красе стояло здание церкви и колокольни. Остальные детальные вопросы архитекторы решили самостоятельно путем применения

реставрационных методик: обмеры, зондажи, вскрытия заложенных проёмов и т. д. Из исторических сведений важнейшими для реставрации являются время постройки и перестроек храма, а так же имена архитекторов и заказчиков. Этот храм был построен в 1835 году на средства местного помещика Неплюева. Перестроен в 1876–1887 годах по проекту В. И. Кузьмина. Церковь была увеличена за счёт пристроенных придела Троицы и придела Страстной иконы Божией Матери, так же была надстроена колокольня. Храм построен в русско-византийском стиле.

После утверждения в Академии Художеств в 1856 году класса православного иконописания религиозная живопись стала выглядеть, по мнению Л. А. Успенского, как «эклектическая смесь академического классицизма с подражанием византийской живописи». «Новое искусство становится в течении синодального периода выразителем официальной церковности под опекой государства»[437].

Обратившись к натурному обследованию остатков монументальной живописи в церкви Покрова Пречистой Богородицы, было установлено, что техника исполнения монументальной живописи в данной церкви – это казеино-масляная темпера на двухслойном грунте, выполненная по сухой штукатурке.

Композиционное построение живописного убранства размещено традиционно для православного храма. Окружность сохранившейся нижней части барабана – шея – заполнена четырьмя сюжетами страстного цикла. С северной стороны композиция «Несение креста» сохранилась приблизительно на 80%, с южной стороны «Лобзание Иуды» имелась только нижняя треть изображения. Остатки верхней части находились под толстым слоем грубой штукатурки, появившейся при строительстве крыши после сноса куполов. На западной стороне размещалась композиция с сохранностью около 60% «Иисус Христос на суде в Кайфе» и, наконец, в восточной части был сюжет «Распятие Иисуса Христа», сохранность 80% сюжета на момент исследования, остальное утрачено. Под барабаном на парусах имелись изображения четырёх апостолов с атрибутами. Все изображения с утратами красочного слоя от 50% до 80%. На западной стене чердака во время дореставрационного обследования имелась частично сохранившаяся композиция «Дочь фараона находит младенца Моисея», причем нижняя часть изображения находилась в слое чердачного насыпного пола. Однако благодаря сохранившимся фрагментам композиций удалось

[437] Успенский Л. А. Богословие иконы Православной церкви.– М.: 1996. С. 353.

Церковь в селе Тургиново после реставрации

понять, что для росписи церковного интерьера художниками были использован цикл гравюр на дереве Юлиуса Шнорра фон Карольсфельда (1794–1872). Немецкий художник создал «Библию в картинках» из 240 иллюстраций и издал эту книгу в 1852–60 годах. Обер-прокурор Синода Победоносцев «постоянно заказывал немецкому книготорговцу Гроте в Петербурге печатные образцы западных художественных произведений, которые и рассылал по монастырям как руководство в писании «икон».[438] Для многих живописных артелей, расписывавших храмы по всей России, издание гравюр фон Карольсфельда стало образцовым для создания живописной программы в строящихся церквах. Все поверхности внутри храма во время приспособления его под сельский клуб были забелены мелом, что сохранило многое из монументальной живописи. Зондажи показали, что под меловой побелкой живопись есть на всех сводах. На остальных стенах в помещениях церкви живопись или утрачена или обнаружена в состоянии поврежденного подмалёвка (роскраши), то есть первоначального распределения художником красок по плоскости; что является менее 20%

[438] Успенский Л. А. Богословие иконы Православной церкви.– М.: 1996. С. 372.

Церковь в селе Капустин Яр: сегодняшнее состояние

сохранности живописи, реставрации не подлежит. Однако, для воссоздания живописных композиций внутри храма даже такой материал может пригодиться, поэтому необходимо делать промеры, калькирование и научную фотофиксацию. После реставрации храм обрел свой исторический облик как внутри так и снаружи.

Рассмотрим отрицательный пример реконструкции. Объект культурного наследия регионального значения «Церковь во имя Святого Николая Чудотворца в с. Капустин Яр, Ахтубинского района, Астраханской области» был перестроен без внимания к архивно-библиографическим возможностям поиска в период подготовки проекта архитектором и строительства приходом. Очень часто практики и заказчики стараются избежать предварительной стадии исследований для дальнейшего воссоздания и реставрации, ошибочно считая, что каждый из них априори историк, искусствовед, архивист, что каждый из них в силу своего образования и «развитого» эстетического вкуса без труда разберется, что было раньше и как сделать сейчас. Вот печальный результат такого пренебрежения.

Однако, понимание того, что что-то в этом отстроенном памятнике не так, всё же было замечено в астраханской культурной среде. Ко мне обратились за помощью найти историческую фотографию и документальные дополнительные сведения.

Церковь в селе Капустин Яр: историческая фотография

В фондах Государственного музея истории религии Санкт-Петербурга была обнаружена историческая фотография, выполненная в 1913 году по заказу Императорского Православного Палестинского общества (ИППО) в рамках программы «Никольские храмы».

Надпись на тыльной стороне фотографии:

«Храм каменный во имя Св. и Чудотворца Николая (трёх придельный) в слободе Капустином Яре Царевского уезда Астраханской губернии, освящен в 1884 году.

С южной стороны придел во имя Успения Божией Матери и с северной стороны во имя св. Василия Великого, притворы освящены в 1909 году».

В фондах Российского государственного исторического архива (РГИА) подтверждена дата строительства церкви – 1884 год.[439] Надпись на тыльной стороне фотографии гласит: «епархия: Астраханская; уезд: Царевский; приход: слободы Капустина-Яра; наименование: главной церкви: Никольская церковь; когда построен: в 1884 году; благочинный округ: 1 Царевского уезда; расстояние до уездного города: в 32 верстах». Далее было установлено, что

[439] РГИА. Ф. 797. Оп. 82. III отд. 5 стол. Д. 419. Л. 17.

Капустино-Ярская волость Царевского уезда с 1835 до 1851 относилась к Саратовской губернии.

В дальнейших поисках документов исторических обмерных чертежей по объекту культурного наследия регионального значения «Церковь во имя Святого Николая Чудотворца в с. Капустин Яр, Ахтубинского района, Астраханской области» следует опираться на Государственный архив Астраханской области и Государственный архив Саратовской области. Так же обращаться к коллекциям архитектурной графики музеев и центральных библиотек в данных городах (Астрахань, Саратов), так как у церкви в историческом времени менялась епархиальная принадлежность.

Профессиональная работа по поиску документальных и визуальных данных по историческому объекту – важнейшая часть реставрации или воссоздания памятника. Этот поиск требует обширных и специфических знаний. Рецепт успеха в решении задач реставрации и реконструкции – в чувстве меры и подлинности. Чем больше собрано исторических сведений, чем глубже поняты реставрационные задачи, тем совершеннее будет результат.

Соколова Ольга Александровна,
БУК ВО «Вологодский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник», г. Вологда

КРЕСТЫ КАК ОБЪЕКТ РЕСТАВРАЦИИ

«Крест есть истинное и единственное училище, хранилище и престол истинного богословия. Вне Креста нет живого познания Христа» – слова святителя Игнатия (Брянчанинова). Христиане называют крест «знаком знаков». Изучение истории позволяет присоединиться к выводу: крест служил религиозным, охранительным символом в почти что каждой культуре мира: скандинавы, к примеру, изображали молот Тора в виде Т-образного креста; он символизировал грозу, молнию, ураган и дождь. Крест также был атрибутом богов Ассирии, Персии и Индии. У американских индейцев крест представлял как человека, так и четыре стороны света и четыре ветра. Для алхимиков крест был символом четырех элементов: воздуха, земли, огня и воды. Встречались также такие трактовки символа креста, как «здоровье», «плодородие», «жизнь», «бессмертие», «союз земли и неба», «духа и материи», «солнца и звезд». Но в первую очередь крест – это символ Христа,

его распятия и его славы, и, таким образом, христианской веры и Церкви, и именно в таком качестве крест получил свое самое большое распространение. Где бы христианство не утверждалось как религия, крест становился не только неотъемлемой частью церковной обрядности, а также главным символом в искусстве, архитектуре и многих других областях, включая флаги и геральдику (где зафиксировано более 400 форм креста).

В своем сообщении представлены результаты реставрации нескольких крестов: каменный крест, крест на освящение храма и крест на главной святыне города Вологды – Софийском соборе.

Каменный крест[440] с композицией Распятия из ц. Святого Духа с. Архангельское Сокольского района давно привлекал мое внимание. Первое знакомство с ним состоялось через экскурсию экскурсовода Зинаиды Игоревны Локтевой, которая подводила к удивительно тяжелому (в 7,5 пудов) кресту, на лицевой стороне которого живописное изображение Распятия Иисуса Христа, и в своем рассказе всегда ссылалась на легенду. С 1868 по 1945 годы этот крест находился в деревне Лука-Погост Усть-Кубинского района в храме Николая Чудотворца, построенном на месте монастыря, который основали Дионисий Глушицкий и Пахомий Святолуцкий. Согласно преданию, каменный крест приплыл на Святую Луку по реке Сухоне против течения. В 1941 году, за 40 дней до войны, храм разрушили, церковную утварь и крест выбросили на улицу. Три местные женщины под покровом темноты унесли его и спрятали. Одна из них, Александра Патралова, и передала каменный крест спустя полвека в храм Святого Духа, что в селе Архангельское. И с тех пор крест находится в приходской церкви Святого Духа с. Архангельское Сокольского района Вологодской области.

По благословению настоятеля храма о. Владимира Соловьева в 2013 году крест отдан в реставрацию. Реставраторами ООО «Образ Севера» (г. Вологда) на нем выполнен полный комплекс консервационно-реставрационных мероприятий, включающий: укрепление красочного слоя, пробное раскрытие, которое выявило повсеместный слой масляной записи, удаление потемневшего лако-олифного покрытия и записи, тонирование утрат, покрытие живописи лаком.

Выполненное дореставрационное исследование показало, что основанием Креста служит известняк-ракушечник, размеры кото-

[440] Каменный крест из храма Святого Духа с. Архангельское Сокольского района Вологодской области.

рого по длине 1,26 м, толщине 18 см, крест достаточно тяжелый, бело-серого цвета. На момент поступления состоит из двух частей, верхний луч которого отколот и имеет временное крепление – металлический штырь, высверленный в торце грани. Основа креста представляет собой простую четырехконечную форму, близкую к греческим пропорциям, со слегка удлиненной вертикалью, завершающуюся слегка сферическим оглавием.

Поверхность креста неровная, наблюдаются зарубки от острого предмета разной глубины и направлений, которые указывают на то, что крест вырубался из большой глыбы. Оборот креста имеет более гладкую поверхность, не исключающую то, что большую часть времени крест мог находиться в горизонтальном положении, что и послужило его гладкости. В результате времени лицевая поверхность креста стала шершавой, а местами пористой, что характерно структуре известняковых пород. На краях креста присутствуют сколы, незначительные утраты, неровности.

Нижний конец креста (по торцевым граням, глубиной 3–4 см) имеет выступ для установки в подставку, которая не сохранилась. В настоящий момент низ креста значительно обточен. Характер сточки повлек неаккуратные края и более белый цвет камня, срезы такого характера могут быть отнесены к недавнему времени, когда была необходимость в установке креста в конструкцию голгофы, в которую крепится до настоящего времени.

При осмотре креста на лицевой грани выявлены неглубокие (2–3 мм) насечки, края которых слегка заоваленны, ширина их в некоторых местах достигает 2–3 мм. Насечки выявляют традиционные при изготовлении надписи – монограммы IC XP, НИКА, расположенные в лучах креста: по основной горизонтальной перемычке – IC XP и по вертикали: в верхней части НИ и нижней части – КА. В настоящее время находятся под слоем живописи, поэтому их можно увидеть только при боковом свете, хотя в аналогичных крестах такие насечки довольно часто встречаются, и характер их нанесения разнообразен. При этом изучение поверхности креста под микроскопом выявило в нижней его части центрального луча отпечаток окаменевшего моллюска в виде неглубокого рельефа лучиков, что еще раз подтверждает материал изготовления – известняк-ракушечник.

Живопись освобождена от потемневшей олифы, прилипшего мусора, большого количества воска и повсеместного слоя поновления (записи), достаточно темного и выполненного в технике масла. При этом сюжеты обоих слоев повторяют сюжет «Распятие

Иисуса Христа», хотя оба слоя не являются подлинными для самого каменного креста, значительно раннего времени 15–16 века. При реставрации сохранен нижележащий слой, исполненный в технике темперы, при его написании использована графья – узкая с острыми краями, неровность поверхности повторяет структуру камня.

Живопись лицевой грани креста в центральной ее части содержит композицию Распятие Иисуса Христа, в верхней части вертикального луча – Господь Саваоф. Обнаженное с набедренной повязкой тело Христа прибито четырьмя гвоздями к кресту, из ран вбитых в ладони и ноги Иисуса Христа гвоздей струится кровь. На голове терновый венец. Волосы прядями спадают на плечи, глаза закрыты, наклон головы Спасителя к правому плечу. Нимб исполнен краской с тонкими линиями обводки черного колера. Крест для распятия – восьмиконечный, достаточно широкий, с надписью на титле верхней планки в виде славянской аббревиатуры «І.Н.Ц.І.» – «Иисус Назорянин Царь Иудейский». Надпись названия сюжета «Распятие Господне» исполнена черным колером. Невысокие буквы располагаются в верхней части основной перемычки креста по обе стороны от головы Иисуса Христа.

Господь Саваоф в поясном изображении с благословляющей правой рукой, в левой – держава с крестом. Изображение фигуры на облаке в одеждах: хитон написан розовой краской, а гиматий – зеленой, волосы лежат по плечам, нимб звездчатый, в виде 2 пересекающихся ромбов розового и красного цветов. По обе стороны нимба надпись «Господь Саваоф», выполненная черным колером.

Колорит живописи исполнен в сочетании синего, коричневого, темно-зеленого, лишь яркая оранжевого цвета опушь обрамляет исполненную композицию и придает ей яркость. Последовательность написания не нарушена. Личное состоит из нескольких слоев санкирь темно-зеленый, практически скрыт верхними слоями, основной цвет – светлая охра. В краешках глаз и щеках легкое оттенение красным колером.

Иконографию исполненного сюжета «Распятие» можно признать достаточно распространенной в живописи икон; исполненная в православных традициях, она своеобразна и может быть отнесена кисти кустарного мастера. Уникальность креста в том, что сам он как памятник археологии XV–XVI века и как предмет, на котором дополнительно сохранилась живопись XIX века. Таких предметов в Вологодской области практически нет, и он может служить прекрасным примером экспертного изучения. Возможно,

каменный крест мог являться закладным крестом. Примеров такого рода встречается достаточно. Особое распространение обычай закладки крестов получил в Новгороде, Пскове, Изборске. Из истории известно, что большинство известных нам каменных крестов датируется XIV–XVI вв., а территория их распространения ограничивается, в основном, Северо-Западом.

Работая с коллекцией Тотемского музейного объединения, я встретила крест[441] одного из храмов Тотьмы. На первый взгляд это обычный деревянный восьмиконечный крест размерами 60х22,3х2 см. Крест достаточно прост в конструкции: перекладины крепятся между собой в четверть с помощью деревянных нагелей, в нижней части шип для установки (возможно в дарохранительницу). Грани и плоскости креста залевкашены и покрыты темперой серо-зеленого колера, с обеих сторон на кресте надписи: на лицевой стороне черными буквами, заглавные – темно-красным. По лучам креста еще надписи в верхней части – «ЦРЪ СЛВЫ», на большой поперечине – «IИС ХС», на перекладине – «NИ КА».

Надпись на лицевой стороне: «Освятися жертвенникъ сей Г[оспо]да Б[о]га и Спаса нашего Ии[су]са Хр[ис]та въ пръдълъ пресвятыя Богородицы Казанския при державъ Благочастивъишия, Самодержавнейшия Великия Государыни Императрицы Екатерины Алексъевны всея России, и при наслъдникъ ея Благовърномъ Государъ Цесариевичъ и великомъ Князъ Павлъ Петровичъ, по Благословению Святейшаго правительствующаго Синода и Преосвящ[еннейшего] Иоанна Епископа Великоустюжского и Тотемскаго в лето от Рождества Христова 1772 месяца июня в 25 день на память Святой мучи[ни]цы Февронии».

Надпись на обороте: «Освятися жертвенникъ сей Г[оспо]да Б[о]га и Спаса нашего Ии[су]са Христа въ пръдълъ Пресвятыя Б[огороди]цы Казанския при державъ Бл(а)гочастивиъишего Самодержавнъшаго и нашего Великого Государя Императора Александра Николаевича всея России, при (непонятно слово) его Благочастивъишей Государынъ Императрицъ Марии Александровнъ, при Матери его Благочастивъишей Государынъ Императрицъ Александръ Федоровнъ, при Наследнике его Благовърномъ Государъ Цесаревицъ Николаъ Александровичъ, по Благословънию Преосвященнъишаго Христофора Епископа Вологодского и Устюгскаго

[441] Крест из собрания Тотемского музейного объединения (КП ТМО 9708).

въ лъто от Рождества Христова 1859, месяца октября в 18 день на память святого Апостола и Евангелиста Луки».

Текст обеих надписей указывает на освящение придела, посвященного Богородице Казанской: в первом случае – на 25 июня, а другой – на 18 октября, с разницей в 87 лет. По актам крест поступил в музей в 1921 году.

Методом анализа было установлено, что на тот период приделы, посвященные Казанской Божией Матери, в Тотемских храмах были в Богоявленском соборе и *Троицкой Зеленской. Дата освящения жертвенника Троицкой Зеленской церкви точно совпадает с датой написания на кресте:* «Первоначально была выстроена каменная одноэтажная церковь, в ней было устроено два придела: в честь Благовещения и Казанской Божией Матери и освящена в 1772 году. Позднее церковь была достроена, как сказано в летописи, по новому плану: двухэтажная и в одной связи с колокольней. В верхнем этаже был устроен пятиярусный иконостас и престол по имя Пресвятой Троицы, который и освящен в 1788 году. После сего снаружи, по летописи, церковь почти не подвергалась переделкам, зато внутреннее убранство ее не раз подновлялось и переделывалось: стены и живопись на них были исправлены в 1859, 1871, 1897, 1906 и 1911 г., иконостасы – в 1820, 1876, 1904 и 1908 г., иконы – в 1858, 1890 и 1897 годах.»

Дальнейшее изучение и выполнение реставрации внесут дополнительные данные, но по тексту надписи можно предполагать, что крест был предназначен для освящения жертвенника придела вышеуказанной церкви.

Лето 2017 года отметилось значимым событием для Вологды – на вологодской Софии велись работы по реставрации крестов, и не случайно о столь важном мероприятии сводки прессы пестрили информацией.

Кресты Софийского собора города Вологды, сохранившиеся на одной из крупнейших построек эпохи Ивана Грозного, расположены на соборе в честь Софии Премудрости Божией, посвящение которого основано на древней традиции, берущей начало из Византии, представляя особый интерес. Архитектурным образцом для Софийского собора принято считать Успенский собор Московского кремля.

Являясь одним из наиболее значительных произведений русского монументального каменного зодчества конца XVI века, Софийский собор – это главная доминанта ансамбля Архиерейского

двора. Ныне здание собора используется под музей и место проведения богослужений. С 1960 г. ансамбль Вологодского кремля является объектом исторического и культурного наследия федерального (общероссийского) значения.

По архитектурному и конструктивному типу собор имеет классический крестово-купольный план, шестистолпный, пятикупольный храм, с сильно выступающими полукружиями трёх алтарных апсид. Размеры собора: длина стен – 38,5 м, ширина – 25,6 м, общая высота – 59 м. Материал стен – большемерный кирпич.

Подобно большинству храмов, обнаруживающих связь с «придворным» зодчеством 1568–1570-х гг., Вологодский собор прочно удерживает в своей архитектуре основные черты композиции и структуры своего прототипа и не препятствует сложению индивидуального облика и образа Вологодского кафедрала.

Значимость собора, как указывают исторические факты, позволяла заботиться о его содержании. Практически каждые 70 лет проводились ремонты храма, во время которого ремонтировались и кресты. При этом, «тщательность и умение в сложении из кирпича стен, сводов, барабанов действительно оказались, как говорилось в летописи,[442] «крепки на расселины». Части эти хоть и страдали от пожаров, неоднократно ремонтировались, но ни разу за 450 лет не возникала необходимость их полной перекладки.

В период 1863 года известный исследователь Н. Суворов описывает три поновления собора, среди которых есть краткие упоминания о ремонтах крестов. На сегодняшний день (накануне 550-летия со дня строительства собора) исследователями выявлено ремонтных работ намного больше: замена шлемовидных завершений и позакомарного покрытия после пожара 1612 г., растёска большинства оконных проёмов. В 1621–1622 годах поставили новый главный иконостас, увеличили главы, сделав их пучинистыми, и покрыли железом. В 1628 году в окна вставлены слюдяные окончины. В 1630-х годах к западному порталу было пристроено деревянное крыльцо. В 1645 году поставлена деревянная сень над престолом. В 1668 г. – ремонт центральной главы собора. В 1672–1674 гг. – ремонт малых глав с покрытием их «чешуею». В 1686–1688 гг. – роспись внутренних стен, сводов и столпов собо-

[442] Опись собора: относящаяся к 1627–1628 годам, сделанная князем Иваном Мещерским и подьячим Фёдором Строговым (содержится в писцовой книге Вологды), указывает: «Пятиглавый собор, покрытый белым железом, имел в это время три освященных престола». Качество работ при возведении собора (строили его всего за два сезона – с 1568 по 1570 год).

ра бригадой ярославских живописцев (32 чел.) под руководством Дмитрия Григорьева Плеханова. В 1688–1695 гг. – изготовление нового иконостаса братьями Власом и Артюшкой Федоровыми по образцу сделанного ими иконостаса Троицкого собора Троице-Сергиевого монастыря (впоследствии – Троице-Сергиевой лавры).

И конечно же реставрация крестов. В 1688 году (спустя 120 лет) собор снаружи весь починен и выбелен известью. В этом же году на пять глав собора устроены новые, железные, прорезные золоченые «с репьями, кругами и сиянием» кресты, кованные мастером кузнецом Ульяном Омельяновым, сделанные по образцу крестов, бывших на церкви Николы Явленного в Москве в Земляном городе за Смоленскими воротами. Стоившие с материалом и работой 100 рублей». В 1700 г. – обивка большой главы белым железом. В 1729 г. – ремонт кровли: замена позакомарного покрытия на четырехскатное, которое разобрали при реставрации 1950–60-х годов. Была выполнена переделка глав на «луковицы» чуть меньшего размера.

При епископе Иосифе II, по прозвищу Золотом (1763–1774 гг.), в 1763–1765 гг. – обновление Софийского собора: вновь окрашены и вызолочены иконостасы; снаружи собор починен, выбелен, лопатки выкрашены, главы и кресты на соборе починены, колокольня поправлена и выбелена и местами выкрашена, и умножен звон; отремонтированы главы и кресты.

Полное возобновление храма предпринято и совершено в течение 1848–1851 года при преосвященном Евлампии. «Были пожертвованы деньги от пожертвователей и Вологодской Епархии. В связи с этим 15 ноября 1847 года был открыт комитет для возобновления Софийского собора из духовных и светских лиц, опытных в деле строительства. В этот период возобновлена живопись, резьба, позолота. Снаружи собор выбелен, крыша выкрашена медянкою, выставлены во весь собор новые рамы с чистыми крупными стеклами, от чего свет увеличился. Вся работа стоила до 1000 рублей.»

Епархиальные ведомости 1868 года пишут: «При свершающемся теперь возобновлении здешнего Софийского собора ко дню трехсотлетнего юбилея (1868 г.), были между прочим сняты со всех пяти глав его кресты для починки и золочения. К 30 июня изготовлен был большой из этих крестов и привезен к собору весь обернутый по благочестивому русскому обычаю и усердию доброхотодателей новым каленкором, а середина его с священным изображением Распятия и Знамения Божией Матери покрыта

была церковною их шелковой материи пеленою. Перед поднятием крестов в Воскресенском соборе совершена литургия «чин молитвенный на поставление креста в храме» крест поднят на 25 саженную высоту. Народу было много. При этом в числе смотрящих был Гражданин начальник губернии, Вице-Губернатор и не мало лиц высшего общества. Ловкость, расторопность, сметливость и неустрашимость рабочих (не учившихся механике простых русских крестьян), действовавших при поднятии креста, приводили всех в удивление»[443].

Глобальный масштаб реставрационных работ по сохранению объекта культурного наследия был выполнен в 1966–1968 годах Всесоюзными научно-реставрационными мастерскими (ВСНРМ) под руководством архитектора В. С. Баниге. Вместо железной четырёхскатной крыши раскрыто позакомарное покрытие, установлены новые купола, восстановлены узкие окна. Позакомарное покрытие и купола покрыты оцинкованной сталью. Внутри храма под руководством художника-реставратора Н. В. Перцева проводились работы по укреплению фресковой живописи.

В 1988 году, в связи с празднованием 1000-летия Крещения Руси, в Софийском соборе после долгого перерыва была снова проведена служба. В августе 1992 года впервые в истории Вологды и епархии в соборе состоялось Патриаршее богослужение.

Значительные работы снаружи и внутри выполнялись в 1999–2007 годах, но лишь в период 2016–2017 гг. выполнен комплекс ремонтно-реставрационных работ[444] на главах и крестах, два креста были демонтированы для реставрации. В объем работ вошли: полная замена и установка опорной конструкции подкрестных столбов, замена деталей мауэрлата и обрешетки; обработка огнебиозащитным составом деревянных конструкций; утепление кирпичного свода пенополиуретаном. Мастера по металлу очистили кресты от ржавчины и старого красочного слоя. Кузнецы восстановили утраченные элементы креста, произвели его покраску.

Почти полгода пятиглавый собор находился в строительных лесах, что позволило провести детальный осмотр куполов с крестами, изучить и провести фотосьемку.

Купола Софийского собора украшены пятью надглавными крестами, из которых крест центрального купола более крупного раз-

---

[443] Суворов Н. И. Описание Вологодского кафедрального собора.– М., 1863.

[444] Реставрационные работы 2016–2017 г. выполнены ООО «Метиз» г. Санкт-Петербург.

мера и отличается в элементах украшений, возможно, вызванных результатами поновлений.

Дореставрационное исследование показало, что кресты кованые, повреждённые очагами коррозии и выветриваемости металла, утратами покрасочных слоев поновлений. Присутствовали утраты элементов украшения креста. На железных деталях наблюдаются вмятины, орнаментированные элементы частично погнуты и поломаны. Вес малых крестов составил более 350 килограммов.

Кресты состоят из толстого железного каркаса в виде продольной мачты и поперечной перекладины, средокрестия в виде двухсторонней круглой тарели (из двух обьемов: плоской и выпуклой) и присутствием множества элементов украшений. Материалом для изготовления продольных мачт и поперечных перекладин каркаса крестов служит железо (методом ковки). Материал украшений разный: на центральном кресте – в технике ковки, на малых крестах – просечной металл. Средина между брусками перекладин состоит из листового железа в виде прорезных узоров: на малых крестах узор выполнен из толстого листового железа, на центральном кресте узор сделан из толстой листовой меди. Такие же узоры вставлены и в фигурных формах трилистников на концах креста. Средники трилистников имеют форму в виде голубя с распростертыми крыльями. Узоры в вертикальной и поперечной полосах центрального креста состоят из переплетенных ветвей, среди которых находятся круги и цветки лилий, указывающие на стиль XVII века. В малых крестах – орнамент из простых завитков разной формы, по стилю к XIX веку. Такими же узорами украшены серединки форм трилистника (удлиненной формы) по концам креста.

В основании креста имеется украшение в виде цаты или «полумесяца» с сильно загнутыми заостренными концами, на вершинах которых элементы украшения: на малых крестах в виде голубя с раскрытыми крыльями, на центральном – в виде трилистника. От средины полумесяца центрального креста к концам поперечной перекладины поднимаются две ветви лозы в виде изгибающихся ветвей (ковка) с редкими ответвлениями листьев.

Форма изготовления средокрестья крестов разная: на центральном кресте состоит из двух двухсторонних тарелей (материал – медь), соединенных между собой большим количеством клепок с широкими шляпками. На малых крестах – средокрестие меньшего диаметра и состоит из одного выпуклого элемента с

узкой гранью по краю (материалом является обычный металл), крепление с оборотной частью выполнено с применением болтов с гайками.

От средокрестия крестов отходят по двенадцать лучей на концах со звездами: мелкие шестиконечные, кованые на центральном кресте и более крупные шестиконечные плоские на малых крестах и последние крепятся на накладных планках с применением болтов. Концы крестов дополняют медальоны с надписями: на малых крестах в форме кругов с надписью в круге – «ИИС», на центральном в виде купола, сердцевидной формы, в центре «ИСУС», с трех сторон украшенные трилистниками. Круги с надписями дополнительно украшены элементами трилистника.

Кресты увенчаны короной (в ней пять маленьких крестов), а завершает один четырехконечный с некоторым заострением лучей. По форме и исполнению этой детали они опять разнятся: корона центрального креста более изящная в изготовлении, выполнена в объеме методом ковки. Корона малых крестов изготовлена из просечного металла более простой формы.

По результатам технико-технологического исполнения можно сделать некоторые выводы: изготовление продольных мачт и поперечных перекладин на всех пяти крестах, кованые детали украшений, медное средокрестье, крепление деталей с применением металлических клепок являются подлинными и могут быть отнесены к изготовлению 1688 года, а именно кузнецом Ульяном Омельяновым. Крепление деталей малых крестов на болты и изготовление элементов их просечного железа – к более позднему поновлению. Результаты пробных раскрытий на покраске крестов также вносят неординарность в их оформление: на центральном кресте под слоем серебрянки, грунтовки (коричневого цвета) выявлен слой позолоты (сусальное золото, положенное на подкладку (полимент охристого колера) фрагментарной сохранности). На малых крестах позолота не выявлена (возможно, утрачена при поновлениях). Из этого можно сделать вывод, что поновление 1868 года (на 300-летие собора), указывающее на позолоту крестов, подтверждается наличием золота только на одном, центральном кресте, но не исключает выполнения позолоты и на всех крестах.

При этом с полной уверенностью можно утверждать: выявленные при исследовании фрагменты позолоты на крестах Вологодской Софии указывают на их золочение и вправе могут быть золотыми, но это возможно решить при реставрации в будущем.

Накупольные кресты Вологодской Софии имеют богатое украшение, атрибутика которых отличается многогранностью их значений, высоким мастерством исполнителей, и указывают на богатую символику.

На крестах причудливый орнамент в виде кованых прямых и волнистых лучей, исходящих из центра креста. Исследователи трактуют, что эти линии передают сияние солнца, источника света и тепла, без которого невозможна жизнь. Но точно так же невозможна жизнь без Христа. Не случайно Спасителя нередко называют Солнцем Истины. Известное выражение «Свет Христов просвещает всех» содержит глубокий смысл и означает не чувственный свет, исходящий из материальных источников, а нетварный, фаворский. *«Я свет миру; кто последует за Мною, тот не будет ходить во тьме, но будет иметь свет жизни»*[445].

Из центра креста лучевое сияние украшалось на концах звездочками–излюбленный прием у кузнецов, указывающий на символ духовной мудрости и чистоты, вестник нового дня. Крест Господень тоже «сияет яко звезда на небеси». Создатели накупольных крестов на свой лад славили «сверкающий звездами образ».

Полумесяц – символ сложный и неоднозначный. Многовековая история христианства наложила на него множество отпечатков и легенд. Полумесяц в нижней части креста, символика такого креста ярко передает образ из откровения Иоанна Богослова: «И явилось на небе великое знамение: жена, облаченная в солнце, под ногами ее луна и на главе ее венец из 12 звезд» – в знак того, что, первоначально собранная из 12 колен Израилевых, она впоследствии возглавлялась 12 апостолами, составляющими ее светоносную славу.

Накупольный четырехконечный крест с полукружием в виде полумесяца внизу, где концы полумесяца обращены вверх, исследователями отнесены к древнему виду Креста. По мнению третьих: «Крест и полукружие означают якорь спасения, якорь нашей надежды, знак твердой веры, якорь упокоения в Небесном Царстве, что очень соответствует понятию о храме, как о корабле, плывущем в Царство Божие»[446]. Но во времена Византии полумесяц, так называемая цата, стал символом царской власти. С тех пор храмовые купола стали украшать крестами с цатой у основания, чтобы напомнить людям о том, что Царь Царей владеет этим домом.

---

[445] Евангелие от Иоанна (Ин. 8:12)

[446] Там же. (Ин. 6:19).

Еще одним излюбленным элементов русских мастеров на куполах храмов и колоколен является трилистная форма элементов креста, листья которого по форме напоминают сердца. Трилистные завершения концов слегка заостренной, треугольной формы (треугольник как символ Святой Троицы в раннем христианстве присутствует в надписях на надгробных плитах и встречается в храмовых росписях).

Важным в украшении креста Вологодской Софии является виноградная лоза (строгая, без особой ветвистости), исходящая из основания полумесяца, как будто крест устремляет свои побеги в небеса. «Аз есмь виноградная лоза» – символ Живого Христа. Полумесяц внизу представляет собой символическую чашу. Объединенные вместе виноградная лоза и чаша напоминают о том, что при совершении Таинства Евхаристии (Причастия) хлеб и вино преосуществляются в Тело и Кровь Христовы. Причастившись Святых Тайн, человек соединяется с Христом и делается участником вечной жизни.

И наконец – корона на вершине надглавного креста, что указывает на особую важность и встречается на крестах по особым признакам. Архимандрит Макарий в своем труде «О форме крестов на главах храмов и колоколен» писал: «...на некоторых храмах поверх крестов имеются короны. Но короны эти, как думают, приделаны только к тем храмам, которые находились в особенных отношениях к коронованным лицам». Корона, помещённая на вершину надглавного креста Вологодской Софии, подтверждается историей: собор воздвигнут по царскому указу Иваном Грозным. И как Священное Писание называет Иисуса Христа «Царем Царей и Господином господствующих», так и царская власть – тоже от Бога.

Надо помнить, что Крест Господень – это «оружие мира», это «оружие спасения», «меч духовный», которым «побеждаются враги видимыя и невидимыя». Вооружась им, человек становится неуязвимым. Не случайно в надглавных крестах часто встречается образ креста-щита. Ведь щит – это, прежде всего, защита, а что охраняет человека лучше, чем вера? Как говорили наши предки в старину: «Кресте живоносный, ты ми буди крепость и победа, и щит, и стена нератуема»...

Андрианова Дарья Ивановна,
Ярославский историко-архитектурный
и художественный музей-заповедник, г. Ярославль

ЧТО СОХРАНИЛА СЕМЕЙНАЯ ПАМЯТЬ В РОССИИ О ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ? (ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Социологическое исследование проводилось в Ярославском музее-заповеднике в 2014 году для проекта – победителя X грантового конкурса «Меняющийся музей в меняющемся мире» благотворительного фонда В. Потанина «Голоса и лица Первой мировой в семейной памяти». Исследование проводилось среди посетителей выставки «Первая мировая – взгляд сквозь столетие». Музейная аудитория была выбрана не случайно, предполагалось, что среди посетителей выставки удастся выявить достаточное для анализа количество воспреемников семейной памяти[447] о Первой мировой войне. В течение месяца (с 18.10 по 9.11.2014 г) были проинтервьюированы 100 человек. Объем выборки составил 25% всех посетителей выставки из категории индивидуальных посетителей в возрастной категории от 16 лет или 3% от общего количества за время работы выставки с момента открытия до последней даты опроса. Время интервью составило от 7 до 20 мин. Была применена стихийная выборка респондентов (или выборка добровольцев), т. е. всех желающих принять участие. Однако эта выборка, в целом, отражает все известные группы генеральной совокупности.

Объект исследования:

Первая мировая война в семейной исторической памяти представителей музейной аудитории.

---

[447] Семейная историческая память – представление о прошлом своего рода, своей семьи. На процесс ее формирования влияют несколько факторов. Первый – взаимодействие дискурсов «большой истории» (продукт исторической науки и публицистики) и «семейные рассказы». В структуру семейных рассказов входит описание значимых событий в жизни семьи, рода; эмоциональная оценка этих событий и метаустановка на отношение к семейной истории. Эта метаустановка может передаваться через готовность говорить с детьми о прошлом семьи. Семейная история хранится не только в вербальной форме. Семейные фотоальбомы и др. семейные реликвии – это тоже часть семейного рассказа. Второй – исторические события катаклизменного масштаба (войны, переселения больших масс людей, государственные репрессии). Эти исторические события производят обрыв истории семьи. Характер влияния исторического события опосредуется и личной активностью индивида. Третий – индивидуальный. В этот фактор входит группа переменных, связанных с особенностью восприятия индивидом событий прошлого, общие социально-демографические характеристики.

Предмет исследования:

Длина и емкость семейной памяти о Первой мировой войне представителей музейной аудитории в зависимости от факторов, повлиявших на формирование представлений о прошлом своей семьи.

Цель исследования:

Получить эмпирические данные о длине и емкости семейной памяти о Первой мировой войне представителей музейной аудитории.

Задачи исследования:

1. Разработка инструментария социологического исследования для выявления восприемников семейной исторической памяти о Первой мировой войне из музейной аудитории.
2. Фиксация сведений о Первой мировой войне, сохранившихся в семейной памяти.
3. Сравнительный анализ зафиксированных сведений о Первой мировой войне, сохранившихся в семейной памяти в зависимости от факторов, повлиявших на формирование представлений о прошлом семьи респондентов.
4. Сравнительный анализ зафиксированных сведений о Первой мировой войне, сохранившихся в семейной памяти, в группе респондентов и в группе участников проекта.

Метод – анкетный опрос с элементами интервью посетителей выставки после осмотра.

Инструмент – опросный лист объемом 28 закрытых и открытых вопросов.

– **Контент-анализ** зафиксированных сведений о Первой мировой войне, полученных во время интервью у респондентов.[2]

– **Контент-анализ** аудиозаписей участников проекта. Выборка участников проекта осуществлялась методом «снежного кома». Для данного исследования были отобраны аудиозаписи тех участников проекта, которые являются прямыми потомками участников Первой мировой войны. Количество отобранных аудиозаписей – 12.[2]

Ввод и обработка данных – MicrosoftExcel 2010.

---

[2] При переводе полученной информации в рассказах респондентов в количественные показатели, смысловыми единицами анализа служили переданные факты-сведения, касающиеся данных о самом предке (ФИО, год рождения, образование, происхождение) и периода ПМВ в его биографии.

Основные результаты пилотного исследования

1. Социально-демографические характеристики респондентов

86% опрошенных посетителей выставки «Первая мировая – взгляд сквозь столетие» представляют постоянную музейную аудиторию, т. е. они в текущем году посетили какой-либо музей еще. Эта аудитория представлена разными социально-профессиональными группами: школьники (старшеклассники 16–17 лет) – 8%; студенты вузов (в поле исследования попали студенты ярославских и московских высших учебных заведений, обучающихся на отделениях, связанных с историей, экономикой, информатикой) – 18%; экономически активные (занятые в какой-либо сфере, отрасли) – 65%, в их числе респонденты с высшим образованием – 54%, со средним специальным (в основном, средним техническим) – 11%; пенсионеры – 9% (практически, в равной степени среди респондентов представлены пенсионеры с высшим и средним специальным образованием). В итоге более половины респондентов составили представители экономически активного населения с высшим образованием. В число респондентов почти в равной степени вошли мужчины (51%) и женщины (49%) из числа посетителей выставки.

Таблица 1

Распределение респондентов по месту проживания

Место проживания	% от общего количества респондентов
Ярославль и область	44%
Москва и область	37%
Иваново	6%
Н. Новгород	4%
Вологда	3%
Другие города (Петербург, Липецк, Северодвинск, Новосибирск, Свердловск)	6%

Почти половину респондентов составили ярославцы – жители города и области – 44%. 56% составили туристы. Это жители Москвы и Московской области – 37%. Остальные респонденты, попавшие в поле исследования, проживают в Иваново, Н. Новгороде,

Вологде**. (Таблица 1)** 70% всех опрошенных интересуются историей: читают книги, путешествуют и знакомятся с достопримечательностями, знакомятся с актуальной информацией в сети Интернет, просматривают соответствующие ТВ-каналы, передачи и т. д.

2. Характеристика респондентов в зависимости от полноты сведений, которыми они располагают о своих предках начала XX века

История собственной семьи опрошенных (52% респондентов) начинается далеко с послереволюционного периода, обычно с ВОВ. Четверть из них (12% всех респондентов) не имеют представления и о том, как отразились на их семье процессы раскулачивания и репрессий. Среди объективных причин такого обрыва истории семьи большая часть респондентов (каждый четвертый) определяющую роль в этом отвели индивидуальному фактору – «не было задачи сохранить, не интересовались», а отсутствие интереса у потомков к истории семьи, зачастую объясняли материальными трудностями семьи «не до этого было», «выживали», «были заняты другим». На втором месте – объективные события/причины (утрата близких, родственных связей, переезд, не обязательно связанный с ВОВ) – 20%, исторические события, ВОВ – 37%. И на третьем месте – «политическая» причина: «нам не рассказывали, мы не интересовались».

Представление о прошлом своего рода для 48% респондентов начинается с рубежа XIX–XX веков. Но семейный рассказ 14% из них пропускает события ПМВ. Этим респондентам точно не известен факт участия/неучастия их предка в ПМВ.

Таблица 2. Треть опрошенных (34%) смогли подтвердить или опровергнуть факт участия/неучастия своего предка в ПМВ. В результате опроса были выявлены 27% респондентов – восприемников семейной памяти о ПМВ, практически каждый четвертый.

Таблица 2

Есть ли среди участников Первой мировой войны Ваши предки?
(% от общего количества респондентов опроса)

Этот факт в их биографии мне известен	Да, принимали участие 27%	34%
	Нет, не принимали участие 7%	
Этот факт в их биографии мне точно не известен		14%
Не имею никаких сведений о своих предках начала XX века		52%

Среди респондентов, располагающих точными сведениями о факте участия/неучастия их предка в Первой мировой войне (далее ПМВ) более женщин (65%), чем мужчин. 75% респондентов школьников на момент опроса ничего не смогли рассказать о своих предках начала XX века. Такая же ситуация и среди респондентов-студентов (72%). Однако 5% из них имеют точные сведения о факте участия/неучастия своих предков в ПМВ. 81% занятых респондентов со средним специальным образованием относятся к категории ничего не знающих о своих предках начала XX века. Равное количество занятых респондентов с высшим образованием относятся к полярным категориям в зависимости от полноты имеющихся у них сведений о своих предках начала XX века.

Результаты исследования подтвердили, что семейная история хранится не только в вербальной форме. Семейные фотоальбомы и др. семейные реликвии – это тоже часть семейного рассказа. Практически, все респонденты, имеющие сведения о своих предках начала XX века, сегодня хранят их фотографии, личные вещи, документы и т. д. И респонденты, не имеющие таких сведений – не имеют и никаких связанных с ними семейных реликвий.

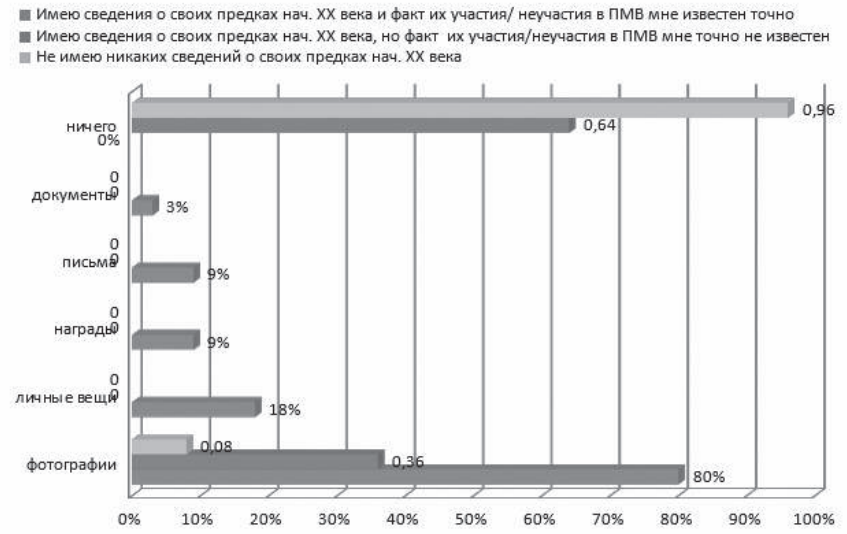

Рис. 1. Распределение семейных реликвий по категориям респондентов в зависимости от полноты имеющихся у них сведений о своих предках начала XX века (% от общего количества респондентов)

Что сохранили потомки участников ПМВ? В основном, это фотографии. В меньшей степени – личные вещи предка. Респонденты называли: кортик, медицинские инструменты, крест, библия, бытовые вещи. Еще реже в этих семьях хранят награды и письма. В единичных случаях – документы и мемуары.

Семьи 36% респондентов, сохранивших фотографии (на многих из них их предки в военной форме), не имеют никакого поясняющего семейного рассказа.

3. Характеристика респондентов в зависимости от факторов, повлиявших на формирование их представления о прошлом семьи

В формировании и сохранении семейной исторической памяти респондентов «с семейным рассказом о ПМВ и семейными реликвиями» определяющую роль сыграл индивидуальный фактор. Это нашло отражение в следующем: их семьи в большей мере затронули процессы раскулачивания и репрессии (самый высокий процент респондентов, чьи предки были раскулачены (репрессированы) – 59% – в категории имеющих точные сведения об участии своих предков в ПМВ, чем респондентов других групп), но эти респонденты, как правило, лично либо кто-то из членов семьи занимается составлением родословной.

Родословные респондентов, не имеющие никаких сведений о своих предках начала XX века, как правило, начинаются с родных – участников Второй мировой войны.

Вопрос респондентам о перемещении их предков с традиционного места проживания относился ко всему известному для респондента периоду XX века. Всего 60% предков респондентов покинули малую родину, переехав в другие области, республики, а теперь и государства (бывшие республики СССР). Переезды остальных связаны с раскулачиванием, репрессиями, распределениями по трудоустройству и т. д. Самый высокий процент покинувших малую родину предков – в категории респондентов, не имеющих точные сведения об участии своих предков в ПМВ – 71%. Самый низкий – 56% – в категории респондентов, имеющих точные сведения об участии своих предков в ПМВ.

4. Семейный рассказ об участниках ПМВ сегодня

Какие сведения сохранил семейный рассказ сегодня об участниках ПМВ? В первую очередь – ФИО предка, это сообщили 95% респондентов, имеющих родственников – участников ПМВ. Такой же распространенный факт – судьба предка в ПМВ – его сообщили также 95% респондентов этой категории. Почти половина (45%)

респондентов этой категории указали либо образование предка, либо воинский чин, либо происхождение. 18% имеют сведения о наградах предка. На четвертом месте в рейтинге сведения о ранениях и год призыва (эту информацию сообщили потомки погибших участников ПМВ). Остальные сведения-факты сообщались респондентами в единичных случаях. Среднестатистическая длина истории-рассказа респондентов составила 3,3 фактов-сведений. Можно сказать, что рассказ респондентов о ПМВ – это рассказ о факте участия их предка. **Таблица 3.**

Таблица 3

Распределение данных в группах респондентов и участников проекта

Родственные отношения с предком	**% к общему количеству в группе**		**Среднестатистическое количество фактов-сведений**	
	группа респондентов	**группа участников проекта**	группа респондентов	**группа участников проекта**
Дед	9	**33**	6	**10,2**
Прадед	50	**42**	3,6	**7**
Прапрадед	14	**25**	3	**4**
Двоюродный дед	5	–	4	–
Двоюродный прадед	5	–	2	–
Непрямые родственники	17	–	1,5	–
Судьба предка				
вернулся	53	**83**	3,8	**7,8**
погиб	37	**17**	3,5	**5**
пропал без вести	10		3,5	–
Семейные реликвии				
фотографии	94	**100**		
личные вещи	23	**24**		
награды	18	**8**		
письма	6	**25**		
документы	6	**17**		
воспоминания	–	**8**		
ничего	6	–		
Длина истории-рассказа			**3,3**	**7,4**

Семейный рассказ о ПМВ **участников проекта** «Голоса и лица Первой мировой в семейной памяти» в своем среднем значении (7,4 фактов-сведений) длиннее в два раза рассказа **респондентов**. У подавляющего большинства отобранных участников проекта (83 %) предки вернулись с ПМВ.

Только некоторые семейные рассказы участников проекта о ПМВ содержат легенды, эпизоды (такой рассказ содержит 13, 16 фактов-сведений). Это каждый раз уникальный случай, когда определяющую роль в формировании представления о прошлом семьи играют не только индивидуальные факторы, но и особая метаустановка на отношение к семейной истории (которая передается через готовность говорить с детьми о прошлом семьи). В целом, такие рассказы-легенды составили 25%. (Эти рассказы – предмет дискурсивного анализа). **Таблица 4.**

Таблица 4

Распределение фактов-сведений по частоте упоминания участниками проекта

	% респондентов, сообщивших факт-сведение	Место факта в рейтинге по частоте упоминания респондентами
Ф.И.О	100	1
Год рождения	8	7
Происхождение	67	2
Воинский чин	33	4
Образование	25	5
Призван из (город, губерния)	67	2
Год призыва	25	5
Награды	25	5
Ранения	8	7
Участие в военных операциях / место	25	5
Другие факты о боевых действиях	17	6
Плен	42	3
Место плена	17	6
Время плена	25	5
Другие сведения о жизни в плену	33	4
Погиб/вернулся/пропал без вести	100	1
Год возвращения / гибели	25	5
Место возвращения	67	2

Контент-анализ семейных рассказов о предках, участвовавших в ПМВ, в разных группах – респондентов (посетителей выставки) и участников проекта – выявил ряд общих закономерностей. Во-первых, это рассказ чаще о прадеде. Во-вторых, большая часть рассказов о предке, который вернулся с войны. В-третьих, длина рассказа зависит от родства с предком в поколениях (самый длинный рассказ – о деде (он же наиболее художественно-эмоциональный), самый короткий – о прапрадеде (он же более документальный). В-четвертых, семейный рассказ практически не содержит сведений о боевых действиях, фронтовых буднях, не дает оценок самой ПМВ. В-пятых, наиболее емкие рассказы (наиболее подробно описывающие весь период участия предка в ПМВ) о предке, пережившем плен.

5. Выводы

Исследуемые семейные рассказы о ПМВ можно отнести к шести типам:

– **«рассказ по фотографии»** – самый распространенный рассказ по фотографии, где предок в военной форме; это рассказ о факте участия предка в ПМВ, большая часть сведений которого «считывается с фотографии»;

– **«рассказ о судьбе предка»** – рассказ о случаях, когда война каким-то образом наложила отпечаток на дальнейшую жизнь предка («с войны вернулся, но рано умер, т. к. был на войне отравлен газами», «с войны вернулся, был ранен – не было руки, челюсти...»). К этой же группе можно отнеси рассказы о первых мужьях прабабушек, погибших в ПМВ. Хотя это рассказы и не о прямых предках, однако память в семье об участнике ПМВ жива, пусть и передается в связи с рассказом о втором замужестве;

– **«рассказ про плен»** – этот рассказ о жизни предка в плену и его возвращении, один из самых длинных;

– **«рассказ о деде»** – особая группа рассказов, как правило, в большей степени эмоционально-художественных, чем фактических. Это самые длинные рассказы, в большинстве случаев которых деды застали внуков;

– **«рассказ по документам или хронологический»** – или рассказ по сохранившимся документам и письмам предка. Очень документальный рассказ с датами, названиями;

– **«рассказ о семейной реликвии»** – рассказ, в котором биографические сведения о предке передаются в связи сохранившейся наградой, саблей, кортиком и т. д.

Основные выводы по результатам пилотного социологического исследования:

Несмотря на исторические катаклизмы XX века и мощное воздействие дискурса «большой истории» в формировании семейной исторической памяти респондентов о ПМВ, определяющую роль сыграл индивидуальный фактор, подтвердивший, что устная семейная история забывается всего лишь через три поколения. Длинный, емкий рассказ – уникальный случай, являющийся показателем наличия особой метаустановки на отношение к семейной истории (которая передается через готовность говорить с детьми о прошлом семьи).

Показательно, что в семейной исторической памяти практически не нашло никакого отражения непосредственное участие предков в боевых действиях, фронтовые будни и отношение к ПМВ в целом.

Семенова Тамара Юрьевна,
г. Москва

ЛАНДШАФТНАЯ ПОЛИТИКА СОЙОТОВ В БУРЯТИИ

Культурные ландшафты на территории отдельных стран становятся все более неоднородными, и такие конструкты, как национальная и этническая идентичность, больше не могут использоваться в качестве единственных или надежных критериев для научных исследований. Множество этнических групп вынужденно обмениваются своими культурными традициями и нормами с местными жителями и друг с другом, в то время как смешанные этнические группы и коренные народы по данным ООН становятся крупнейшим растущим сегментом населения по всему миру. Помимо присутствия разных этнических групп, глобальный образ жизни и массовая культура имеют постоянное влияние на население и непосредственно воздействуют на него через глобальные технологии, каналы СМИ и рынок.

В то же время изучение проявлений культуры показывает, что последствия глобализации выходят далеко за рамки формирования однородной глобальной культуры, поскольку она способствует возникновению и сосуществованию нескольких культур в данном ландшафте. Цель предлагаемой работы – создать концептуальное понимание взаимного влияния сельского образа жизни

и недавних политических преобразований на фоне проникновения мирового рынка в Россию. Такой подход должен способствовать разработке концептуальной основы межкультурных исследований для изучения трансформаций этнокультурных ландшафтов в нашей стране.

Полевые исследования РосНИИ культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева в 2006–2012 гг. (в Архангельской области, Ненецком автономном округе, Красноярском крае, республике Бурятия), в которых основное внимание уделялось изучению и сравнению изменений землепользования и трансформаций культурных ландшафтов, указывают на то, что коренное население и приезжие совместно участвуют в создании множественных культур и субкультур для формирования систем идентичности, связанных с ними. Задача исследования – определить, какие ландшафтные преобразования происходят на Севере России под воздействием нескольких факторов и, в частности, в результате структурных политических изменений. Рассматривается роль сельского управляющего органа (муниципалитета) как политического деятеля и его воздействие на генерацию идентичности, а также анализируется степень местной автономии по этому вопросу.

Управление культурным разнообразием и ландшафтом в повседневной практике землепользования в значительной степени свидетельствует о возможностях местного управления в России, развитии местной идентичности и эволюции межгосударственных отношений в настоящее время. Вопросы самоорганизации населения на наш взгляд приобретают особое значение именно в сельской глубинке. Этнокультурное разнообразие является одной из ключевых проблем для местной государственной политики. Местные муниципалитеты, даже если они не сталкиваются с проблемами природного и культурного разнообразия, играют важную роль в этой области и относительно автономны от верхних уровней управления. К сожалению, последние не всегда признают их законно действующими политическими субъектами. Местные и общественные организации оказываются более чуткими в вопросах культуры и, таким образом, могут успешно противодействовать возникновению конфликтов в землепользовании, особенно если они заботятся о культурном разнообразии, в том числе стараясь сохранить местную идентичность и наладить управление землепользованием, а также могут повлиять на политическую легитимизацию муниципального уровня правительства.

Это исследование является частью проекта, в котором коренные народы выступают как современный политический фактор: мы рассматриваем на примере Бурятии эволюцию управления на местном уровне от сохранения святых мест к участию в политике в области международных отношений. Существуют два разных аспекта социального управления конкретным культурным ландшафтом: первый выступает в качестве процедуры охраны (протекционистский аспект), тогда как второй (агентство) служит для осуществления программы устойчивого развития. Эволюция действий прослеживает прогресс от местного управления ландшафтом до глобальной повестки устойчивого развития.

Коренные народы в России после перестройки добились огромного прогресса в создании своего социально-политического органа и наращивания политического капитала. Их массовое движение совпало с либерализацией государства и самоидентификацией через создание национальной неправительственной организации путем объединения местных лидеров и глав общин на местах. Важно, однако, что эта организация первоначально включала только коренные малочисленные народы Севера (КМНС), поскольку союзное правительство официально признало только 28 народов, численность которых не превышает 50 тысяч человек каждой национальности. Позже это объединение (Ассоциация коренных малочисленных народов Севера России – Russian Association of Indigenous Peoples of the North - РАЙПОН) включило другие национальности и местные этнические группы из всех регионов России, где они традиционно живут и осуществляют землепользование на основе обычного права.

Святилища или сакральные места весьма многочисленны на этих традиционных территориях, в основном они представлены островами, горными пиками, озерами, источниками, скалами или другими уникальными природными объектами, которые неразрывно связаны в культуре с особыми ритуалами и соответствующими традициями. Эти действия важны как нормативные и правовые социальные нормы, они направлены на сохранение ландшафта и биоразнообразия, а в целом на сохранение природного и культурного наследия в рамках устойчивого развития. Ценности традиционных традиций и ритуалов не только общепризнанны, но и порождают их обязательное выполнение, и соответствующие мероприятия являются законными в традиционном земле- и природопользовании.

Пик Мунку-Саридак (Мунку-Сардык, высота 3491 м) является священной горой, расположенной на границе между Монголией и Россией, на границе Тункинского и Окинского[448] районов юго-западной части Республики Бурятия. Как буряты, так и монголы считают, что это священный горный престол и дом местного бога Бурин-хана, покровителя дикой природы вокруг двух священных озер – Байкала и Хубсугула. В местной мифологии эти озера описываются как глаза всей планеты, в то время как гора выступает в качестве третьего глаза, то есть духовного центра. Это место также связано с народной эпической поэмой о герое Гесэре, представляющей древнейшее устное нематериальное наследие здешних народов, подобное Одиссее и Махабхарате. Один из высокообразованных представителей бурятских священнослужителей Лама Данзан-Сайбзун назвал гору сибирской Фудзиямой из-за ее социальной значимости, к тому же эта гора самая высокая в азиатской части России.

Коренные народы Севера, которые поклоняются этой горе и проживают у ее подножья, являются сойотами по национальности. Их преобладающей современной религией является буддизм, в то время как священные ритуалы на земле имеют шаманскую природу и до сих пор включают социальные и культурные традиции кочевых племен с подношениями и мистическими обрядами. Управление священным объектом в значительной степени регулируется обычным правом коренных народов – оно налагает значительное количество запретов на деятельность и поведение в дикой природе. Например, женщинам запрещено подниматься на гору, в то время как мужчины могут делать это только после обязательного ритуала очищения. В связи с этим «естественным законом» охрана природы объекта является императивом – это придает культурному ландшафту горной экосистемы реальную способность к сопротивлению против современного глобального процесса

[448] В Окинском районе с центральным муниципалитетом в поселке Орлик преобладает сельскохозяйственная экономика (разведение лошадей и яков, восстановление оленеводства и отгонное скотоводство, охота и производство обработки дикоросов) с весьма скудной поддержкой от республиканского правительства в Улан-Удэ, которое, в свою очередь, зависит от субсидий центрального федерального правительства в Москве. Руководство республиканской ассоциации сойотов в координации с избранным муниципальным главой района надеется установить прямой контакт для переговоров с крупной промышленной компанией золотодобычи в регионе, единственным на практике спонсором и поставщиком довольно слаборазвитой инфраструктуры района – дорог, линий связи, а также строительства и некоторых видов занятости местного населения.

коммодификации (Долматова, 2017). В то же время местное сообщество, включающее, кроме бурят и русских, другие национальности, ищет возможности расширить функции этого культурного ландшафта, чтобы получить определенную прибыль от организованных туров к горячим источникам и создания дополнительных рабочих мест и курортных услуг. Они хотели бы регулировать увеличение туристической нагрузки (по оценкам экспертов[449] Бурятию в 2015 году посетило около 0,9 млн. туристов) по следующим видам: религиозный, экзотический, экстремальный, лечебный, событийный, экологический, этнический и познавательный туризм. Практическое традиционное землепользование этого ландшафта – пастбищный выпас скота и сезонный сбор местных дикоросов, в частности сбор лекарственных трав, ягод и орехов.

Согласно классификации, разработанной в РосНИИ наследия (Веденин, Кулешова, 2004), священная гора характеризуется как исторический этнокультурный ландшафт. В физической географии это соответствует уровню и порядку местности в национальной ландшафтной классификации (Солнцев, Гвоздецкий, 1967). При разработке плана оперативного управления (менеджмент-плана) необходимо представить культурный ландшафт священного места как интегрированную функциональную систему. Для оптимального сохранения культурного ландшафта его структура должна учитывать все текущие и будущие ключевые функции.

Российское законодательство имеет важное звено общеевропейского порядка, унаследованное от Советского государства – это правовая система особо охраняемых природных территорий (заповедники), и в последнее время она была дополнена еще и национальными парками американского типа. Недавние инновации в области сохранения ландшафта включали также охрану объектов наследия (Федеральный Закон 73 «Об объектах культурного наследия народов Российской Федерации», принятый в 2004 году). В этом законе культурный ландшафт включен как особая категория объектов наследия.

Сойоты как отдельный этнос были признаны в составе КМНС по инициативе и при содействии их сородича Ламы Данзан-Сабзуна и представляют местную организацию в рамках общенациональной Ассоциации коренных народов Севера. С момента основания в 1990 году РАЙПОН и ее региональные подразделения принимали

[449] Статистические данные Комитета по туризму Министерства экономики республики Бурятия.

наиболее активное участие в мировом правозащитном движении коренных народов, они являются постоянными участниками международного Арктического Совета, а также входят в Постоянный форум коренных народов при Организации Объединенных Наций. Коренные народы в мире – активные участники повестки дня в области устойчивого развития и непременные со-организаторы соответствующих мероприятий. На общенациональном уровне РАЙПОН успешно лоббировала и сумела подготовить к утверждению три Федеральных закона «О правах КМНС», «О территориях традиционного природопользования», «Об общинах КМНС», предусматривающие организацию общин коренных народов в качестве юридических лиц, способных определять и использовать земельные наделы и рыболовные участки своих кланов и общин. Именно эти законы позволили политическим лидерам сойотов формально организовать защиту местным святыням – решением Совета депутатов Окинского района в декабре 2015 была создана территория традиционного природопользования местного значения. По закону о территориях традиционного природопользования они предложили на местном уровне через муниципалитет заповедать 70 процентов общей площади Окинского района (около 22000 кв. км), которая для сойотов является наиболее важной для традиционного использования природных ресурсов и земли. Эта зона граничит с землями другого природного резервата – Тункинского национального парка, основанного в 1991 году в соседнем Тункинском районе Бурятии.

В настоящее время конгломерат охраняемых территорий различных рангов позволяет объединить их в качестве более крупного международного проекта для подготовки номинации в Список всемирного наследия ЮНЕСКО – эта большая охраняемая зона была предложена под названием «Саянский перекресток» в качестве трансграничного объекта наследия совместно Монголией и Россией. Очевидно, что активные политические действия лидеров коренных народов были наиболее важными для создания охраняемой территории в непосредственной близости от национального парка. К сожалению, национальная система территорий традиционного природопользования еще не разработана, и ее стратегическое планирование только предстоит выполнить, однако она уже имеет несколько успешных прецедентов на региональном уровне (в Якутии, Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком регионах) и очевидно, имеет также весьма большой потенциал для реализации целей устойчивого развития в России. По нашему мнению,

российские власти по-прежнему инертны и не предпринимают усилий для реального участия на местном уровне в глобальном движении устойчивого развития. Эта проблема усугубляется отсутствием условий для надлежащего, так называемого «добросовестного управления» на местах, поэтому на федеральном и региональном уровнях должны использоваться все возможности для улучшения текущей ситуации как для охраны окружающей среды, так и в области прав человека и устойчивого развития.

Раздел четвёртый

КНИГА В КНИГЕ

Копытков Василий Викентьевич,
Зенкова Ольга Борисовна,
Культурно-исторический центр «Светоч»,
г. Москва – г. Великий Устюг

НЕГРЕНСКАЯ УСПЕНСКАЯ ФЕДОСЕЕВА ПУСТЫНЬ В СУЧЕНГСКОЙ ВОЛОСТИ ТОТЕМСКОГО УЕЗДА. НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ XVI–XVIII ВЕКОВ

В нынешнее удивительное время обилия доступной информации, когда, по представлению многих людей, стоит только «погуглить» и сразу же добудешь все нужные тебе сведения, настоящий исследователь, к счастью, понимает, что истинным накопителем и хранителем ценнейших исторических материалов на данном этапе является не Интернет, а архив. К сожалению, часто необходимые для исследования документы хранятся в разных архивах, и это представляет определённую сложность в изучении предмета. Задача исследователя – найти в десятках, а то и сотнях свитков и дел, кажущихся иной раз совершенно бесполезными, те «зёрна», из которых вырастет впоследствии развёрнутое исследование, раскрывающее во всей полноте ранее малоизвестную, а то и вовсе неизученную страницу истории малой родины и Отечества в целом. И, конечно же, как вознаграждение можно считать те архивные источники, в которых интересующая тема раскрывается как бы сама собой.

Объектом нашего историко-краеведческого изыскания являются малые монастыри Русского Севера, которые когда-то находились на территории бывшего Устюжского и частью Тотемского уездов, ныне территориально расположенных в Вологодской и Архангельской областях.

Задача восстановления последовательности происходивших в них событий кажется наиболее трудной, а иногда и невыполнимой как раз в связи с их мнимой незначительностью, да и круг исторических источников, как правило, очень ограничен. Тем не

менее, изучение таких «незначительных объектов» преподносит немало сюрпризов, а иногда позволяет делать хоть и скромные, но открытия. История малых северорусских монашеских обителей сегодня кажется особенно актуальной в связи с продолжающимся активным процессом возрождения отечественной православной культуры. К тому же, согласно непреложной истине, как общей картины не бывает без отдельных мазков, а полноводной реки без множества мелких притоков, так и общей Истории не может быть без отдельных эпизодов.

Темой сегодняшнего исследования является краткая история Негренской Сученгской Успенской Богородицкой Федосеевой мужской пустыни, находившейся когда-то на пограничье устюжско-тотемских земель. Это логическое продолжение работы, представленной нами на I Межрегиональной научной конференции «Русский Север-2017: Проблемы изучения и сохранения историко-культурного и природного наследия», состоявшейся в Тотьме 23–26 февраля 2017 г.[450]

Малый объём сведений о Негренской пустыни, содержавшихся в статье «Неизвестный тотемский святой – Филипп Сухонский», побудил нас начать поиски дополнительных материалов. Сразу оговоримся – эта работа, как и предыдущая, не претендует на звание «истины в последней инстанции», в будущем возможны новые архивные находки. Поэтому пока мы можем поставить здесь не точку, а лишь многоточие...

Немногочисленные исторические документы донесли до нас сведения, что Негренская мужская пустынь была основана неким Феодосием около середины XVI столетия на Семёновом наволоке – *«отхожей земле»* деревни Ортюшевской Сученгской волости Тотемского присуда Устюжского уезда. Обитель имела игуменское настоятельство. Имя основателя дало ей одно из нескольких известных исторических названий: Федосеева[451].

Кем был изначально основатель пустыни Феодосий и при каких обстоятельствах появился в этих краях, о том доподлинно неизвестно. Мы же предполагаем, что он являлся монахом, при-

---

[450] Зенкова О.Б., Копытков В.В. Неизвестный тотемский святой – Филипп Сухонский. // Материалы I Межрегиональной научной конференции «Русский Север–2017. Проблемы изучения и сохранения историко-культурного и природного наследия».– 23–26 февраля 2017 г.– Тотьма – Вологда, 2017. С. 57–63.

[451] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 485. Л. 572, 577; РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 1923. Л. 58.

шедшим на Сухону из одной из православных обителей Русского Севера[452].

Согласно «Толковому словарю» В. И. Даля *«отхожей землёй»* в старину назывались стоящие отдельно от деревни пустоши, не входившие в тягловый крестьянский надел, то есть не облагавшиеся государевыми податями и данью[453]. Народный термин *«наволок»* в вологодских говорах означал: заливной луг на пойме у реки, небольшую возвышенность, островок, мыс, поляну, удобную для сенокоса[454]. На Сухоне этот термин встречается повсеместно в составе многочисленных топонимов. *«Наволоками»* там называли заливные луга на плоских речных мысах.

Семёнов наволок полностью соответствует этому описанию. Его омывают воды реки Сухоны – крупной транспортной артерии Северной Руси. Известно, что, начиная с 1553 г., после открытия Ричардом Ченслером морского пути из Англии в Московию и получения от царя Ивана IV (Грозного) для английских купцов больших торговых привилегий, Сухона становится важнейшей частью пути в Западную Европу через северные моря[455]. Ещё ранее по Сухоне уже пролегал путь из центра Руси на Урал и в Сибирь.

---

[452] Тотемский краевед Д. А. Григоров, работая над своей рукописью «Тотьма и её окрестности» в конце 1910-х гг., обратил внимание на название монастыря *«Успения Пречистой Богородицы Феодосиева пустынь»* из писцовых книг Тотемского уезда начала XVII в. По этому поводу он высказал предположение о том, что *«состоял ли Негренский монастырь когда-нибудь в ведении Тотемского Феодосиевого монастыря или назван «Феодосиевой пустынью» по чему-то иному, в книгах нет никаких указаний»*. В качестве схожего исторического факта Д. А. Григоров привёл пример, когда около 1560 г. прп. Феодосий Тотемский, основатель Спасо-Суморина монастыря, возобновил Спасскую Ефремову пустынь на реках Реже и Ваге и стал там игуменом. Однако в завещании Феодосия Суморина от 1567 г. о Негренской пустыни не говорится вообще, зато упоминаются *«оба монастыря, у Спаса на Тотьме и на Реже»*. Таким образом, предположение о том, что прп. Феодосий Тотемский был ещё и игуменом Негренской пустыни в Сученгской волости, пока не находит документального подтверждения.– *Прим. авт.*– См.: Григоров Д. А. Тотьма и её окрестности. // Тотьма.– Историко-литературный альманах.– Вып. 1.– Вологда, 1995. С. 229, 280; Савваитов П. И., Суворов Н. И. Описание Тотемского Спасо-Суморина монастыря и приписной к нему Дедовской Троицкой пустыни.– Вологда, 1911. С. 12; Полоцкая О. В., Черкасова М. С. Духовное завещание преподобного Феодосия (Суморина) 1567 г. // Вестник церковной истории.– № 3–4 (43–44).– 2016. С. 5–27.

[453] Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка.– Т. 2.– М., 2000. С. 764.

[454] Словарь вологодских говоров.– Вып. 5.– Вологда, 1990. С. 28.

[455] Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона.– Т. 38.– СПб., 1903. С. 498.

Бывший населенный пункт Пустынь (Монастырёк) на Семёновом новолоке. Фото А. В. Македонского, 2005 г.

С двух сторон от Семёнова наволока в реку Сухону впадают малые речки Негра[456] и Суценга[457]. Именно они и дали новой обители её географические названия: Негренская и Суценгская.

---

[456] Название реки Негра (в ряде источников XVII в.– Негла) можно перевести как *«Лиственничная»*, так как в современных финно-угорских языках есть слова: фин. neula, эст. nõgel, кар. niegla, вепс. negl – *«игла, хвоя сосновая»;* откуда и русское диалектное слово «негла» – *«лиственница».* Другим источником русского «негла» могло быть урал. *núlka – *«пихта»,* с переосмыслением значения: ср. эст. nulg, мар. нулго, хант. nălki, камас. nelga – «тж». Пихта и лиственница встречаются в древостое лесов только на востоке и севере Вологодской области.– *Прим. авт.*– См.: Кузнецов А. В. Словарь гидронимов Вологодской области. (Обзор этимологий русских и финно-угорских названий рек и озёр).– Тотьма, 2011. С. 214.

[457] Суценьга – такое название носят сразу две речки – Большая и Малая, являющиеся правым и левым притоками Сухоны. В переводе с древнего финно-угорского языка это *«Лыжная река»* (ср. фин. suksi – *«лыжи»,* эст. suusk, вепс. suks – «лыжа, полоз»). В применении к двум Суценьгам такое толкование можно мотивировать тем, что по льду этих рек шёл зимний охотничий путик, пересекавший всю долину Сухоны с севера на юг.– *Прим. авт.*– См.: Кузнецов А. В. Указ. соч. С. 210.

Что именно привело монаха в эти края? Возможно, поиск уединения, а может быть, и выгодное географическое положение выбранного места. Не исключены также и другие причины, связанные, например, с откровениями свыше.

Первая половина и середина XVI столетия – время возникновения новых монастырей на северо-востоке Московского государства: Коряжемский Николаевский (ок. 1535 г.), Сойгинский Спасо-Преображенский (1538 г.), Телеговский Троицкий (1553 г.), Прилуцкий Николаевский (сер. XVI в.), Тотемский Спасо-Суморин (1554 г.), Коряжемская Христофорова пустынь (1555 г.)[458]. Откуда пришёл монах на Семёнов наволок, точно неизвестно. Мы же, не исключая возможности его «центрально-русского» происхождения, предполагаем, что родиной основателя Негренской пустыни был город Устюг Великий, расположенный от новой обители на отдалении 82 вёрст. К этому времени там уже действовали три крупных монастыря: Троице-Гледенский (сер. XII в.), Михаило-Архангельский (1212 г.) и Иоанно-Предтеченский (1262 г.). Огромное территориальное пространство (за исключением Пермского края) с немногочисленным населением в этот период административно входило в состав Устюжского уезда, а духовно подчинялось Ростовской архиепископии (с 1589 г. митрополии). Полноправного Тотемского уезда, как и Усольского (Сольвычегодского), тогда ещё не было, он образовался лишь в конце XVI в., а до этого его территория находилась в составе Устюжского уезда в качестве *«присуда».*

Немаловажен и достоин внимания и тот факт, что одна из двух церквей Негренской пустыни именовалась в честь особо почитаемого *«на Устюзе»* святого праведного Прокопия. Канонизация этого устюжского чудотворца произошла в 1547 г., после чего в уезде началось строительство церквей в его имя[459]. Главным храмом Негренской обители считался *«холодный»* во имя Успения Пресвятой Богородицы. Прокопьевская же церковь была *«тёплой»*, что в суровых условиях Русского Севера обусловлено жизненной необходимостью. Как правило, первым в монастыре (или на погосте) ставился *«тёплый»*, то есть зимний храм. Поэтому по аналогии с другими церковь праведного Прокопия Устюжского можно считать либо первой культовой постройкой новой

---

[458] Камкин А. В. Православная церковь на Севере России.– Вологда, 1992. С. 50–59.

[459] Копытков В. В. Оплот Православия.– М., 2013. С. 7.

обители, либо одновременной Успенскому храму. Следовательно, сама Негренская пустынь могла быть основана никак не ранее 1547 г. Наиболее вероятным временем её возникновения, на наш взгляд, следует считать период с 1555 по 1561 гг.[460] Судя по всему, благословенную грамоту на основание этой обители старцу Феодосию дал не кто иной, как сам архиепископ Никандр, пользовавшийся особым расположением царя Ивана IV (Грозного) и возглавлявший Ростовскую кафедру в 1549–1566 гг.[461]

Первое документальное упоминание о Негренской пустыни встречается в тарханно-несудимой грамоте, пожалованной 24 июля 1562 г. царём Иваном Васильевичем (Грозным) её основателю игумену Феодосию[462].

Источник этот был известен исследователям давно, они неоднократно ссылались на него в своих трудах[463]. Однако сам документ до недавнего времени оставался недоступным для заинтересованного читателя. В ходе целенаправленных историко-архивных поисков нам удалось обнаружить в фондах Российского государственного исторического архива копийный список с этой жалованной грамоты и впервые ввести его данной публикацией в научный оборот[464]. Для начала вкратце поясним, что это за документ и в чём его историческое назначение.

Тарханно-несудимая (иммунитетная) грамота как действовавшая в то время разновидность русских нормативно-правовых актов освобождала иммуниста (*«грамотчика»* – правообладателя грамоты) в тарханной части от одного, нескольких или всех ос-

---

[460] В предыдущей нашей статьее, опубликованной в сборнике материалов I Межрегиональной научной конференции «Русский Север-2017», мы, опираясь на недостоверный печатный источник, указали временем основания Негренской пустыни начало XVII в. Сегодня эту датировку следует считать ошибочной.– *Прим. авт.*– См.: Зенкова О.Б., Копытков В.В. Неизвестный тотемский святой… С. 60.

[461] Крылов А.П. Иерархи Ростово-Ярославской паствы, в преемственном порядке, с 992 года до настоящего времени.– Ярославль, 1864. С. 108–110; Черкасова М.С. Землевладения Ростовской митрополичьей кафедры в Вологодском уезде в XVI–XVII вв. // Сборник материалов научной конференции «История и культура Ростовской земли. 2005».– 9–11 ноября 2005 г.– Ростов, 2006. С. 249–263.

[462] РГИА. Ф. 834.– Оп. 3. Д. 1923. Л. 58.

[463] Токмаков И.Ф. Справочный указатель исторических материалов для составления летописей Русской Православной Церкви.– Вып. 1.– М., 1884. С. 16; Описание рукописей, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода.– Т. II.– Вып. 2.– СПб., 1910. С. 39–40; Григоров Д.А. Указ. соч. С. 280.

[464] Отметим, что в нашем распоряжении оказалась лишь *«копия с копии»* жалованной грамоты 1562 г. и её последующих царских подтверждений 1585 и 1624 гг. Подлинный документ сгорел во время пожара, случившегося в Негренской пустыни в 7163 (1654/1655) г.– *Прим. авт.*– См.: РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 44. Л. 491 об.

новных прямых налогов или же от уплаты ряда торговых пошлин. В судебной части она устанавливала характер взаимоотношений иммуниста с представителями местных и центральных органов государственной власти. Иммунисты имели право судить своих людей во всём *«опричь душегубства и разбоя и татбы с поличным»*[465].

В нашем случае, согласно этому документу, игумен, братия и все обитатели Негренской пустыни, включая монастырских крестьян, полностью освобождались от *«кормления»* царских наместников и тиунов и с чёрными деревнями *«тягла никоторово не тянули»*, то есть налогов в казну не платили. Также и подсудность их *«опричь душегубства и разбоя с поличным»* светской власти не подлежала – судили виновных или сам игумен или тот, кому он приказывал. В соответствии с жалованной грамотой со всеми сторонними исками к обитателям монастыря следовало обращаться в Москву лично к царю в строго определённые для этого дни. В этом случае дело рассматривал либо сам царь, либо его *«дворецкой»*. В духовных же делах *«по игумену и старцам»* судьёй выступал непосредственно архиепископ Ростовский. Его представителям на местах – десятильникам и поповским старостам – братия монастыря оставалась неподсудной[466]. В целом же данный документ примечателен тем, что показывает нам: даже такая малая и недавно образованная монашеская обитель, как Негренская пустынь, в судебном отношении полностью соответствовала общерусским образцам того времени. Унификация иммунитетного права в середине XVI в. проводилась повсеместно во всём Русском государстве.

Через год после смерти Ивана IV (Грозного) следующий игумен Негренской пустыни Тихон получил подтверждение иммунитетных привилегий от нового государя Фёдора Ивановича. 13 марта 1585 г. царскую жалованную грамоту для обители от имени царя подписал дьяк Казённого приказа Пётр Тиунов[467].

Теперь уделим немного внимания истории расширения Негренской пустынью земельных владений на начальном этапе её существования.

---

[465] Веселовский С.Б. К вопросу о пересмотре и подтверждении жалованных грамот в 1620–1630 гг. в Сыскных приказах.– М., 1907.– С. 1–9; Каштанов С.М. К вопросу о классификации и составлении заголовков жалованных грамот. // Исторический архив.– № 3.– 1956.

[466] РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 1923. Л. 58.

[467] Там же. Л. 58 об.

Первым её приобретением стала та самая деревня Ортюшевская, на отхожей земле которой располагалась монашеская обитель. Деревня находилась неподалёку от монастыря, на левом берегу речки Суценги, и отошла к нему по вкладной от благочестивого крестьянина, жившего в этом селении[468]. Сама *«вкладная запись»* до наших дней, к сожалению, не сохранилась. Из документов известно, что она *«утерялась»* ещё в *«литовское разорение»* 1613–1619 гг.[469] Поэтому установить точное время крестьянского вклада деревни в монастырь сегодня не представляется возможным. Вероятно, произошло это вскоре после основания обители Феодосием, и пожертвование было сделано ещё при нём. Во всяком случае, уже в «Писцовой книге города Тотьмы и Тотемского уезда 1622–1625 гг.» писцами отмечалось, что владеет той деревней монастырь *«исстари»*. Само же селение в указанном источнике написано с двойным названием: *«Займище Кузяевское, а Ортюшевская тож»*[470]. Обратим внимание: первая половина названия здесь не содержит определяющего слова *«деревня»*, что свидетельствует о том, что приставка эта появилась позже, на рубеже или в самом начале XVII столетия и происходит она от имени некоего Кузьмы, скорее всего монастырского крестьянина-половника, обитавшего в ней в то время[471].

---

[468] *«Вкладчики»* – особая категория обитателей православных монастырей. Ещё при жизни они делали вклад – жертвовали обители определённую сумму денег или что-либо из своей недвижимости: земельный участок, пожню, дом, амбар и т. п., а за это по договору с игуменом и братией жили при монастыре или на его земельных владениях, находясь на содержании обители. Уровень достатка этого содержания оговаривался специальным договором – *«вкладной записью»* – и зависел от размера вклада. Как правило, вкладчики выполняли определённую им игуменом ту или иную работу, но если пожертвование было существенным, то могли и освобождаться от неё, находясь на полном обеспечении монастыря вплоть до самой кончины. Вкладом называлось также пожертвование, сделанное *«на помин души»*. Случаи, когда зажиточные крестьяне жертвовали какому-либо монастырю землю *«по своей душе»* или *«по родителех»*, в Устюжском уезде были нередки.– *Прим. авт.*– См.: Камкин А. В. Указ. соч. С. 63–64.

[469] Это очень важный исторический документ, способный существенно прояснить ситуацию, связанную с основанием Негренской пустыни. Возможно, где-нибудь в архивных фондах сохранилась копия *«вкладной записи»*, но проведённые нами в данном направлении поиски успеха не имели.– *Прим. авт.*

[470] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 480. Л. 423–424.

[471] В описании этого селения, данном в «Писцовой книге города Тотьмы и Тотемского уезда 1622–1625 гг.», между прочим отмечено, что в «Дозорной книге 1619 г.» *«то Займище написано жилою тяглою деревнею... А выборные крестьяне сказали, что жилца в том Займище при дозорщике не было...»*, то есть в 1619 г. селение по факту было всё-таки *«займищем»*, а не *«деревней»*, как указано в «Дозорной книге», и к тому же стояло *«впусте»*. Отметим также, что в ряде последующих документов XVII–XVIII вв. эта деревня часто писалась как *«Кузяиха»* без добавления более раннего названия.– *Прим. авт.*– См.: РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 480. Л. 424; РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 479. Л. 311; Тупицын С. И. Откуда пошли названия деревень. // Земля Красноборская: страницы истории и культуры.– Архангельск, 1991. С. 13–16.

Вторым крупным недвижимым приобретением Негренской пустыни стала соседняя с Ортюшевской деревня Медведево, доставшаяся монастырским старцам от местных крестьян по купчей в 7120 (1611/1612) г.[472] Очевидно, тогда же вместе с селением к обители отошла и мельница с запрудой на речке Суценге. И хотя подтверждающих последнее предположение документов в нашем распоряжении не имеется, сохранившееся описание владений монастыря 1676–1679 гг. свидетельствует, что наволок Подберезье, на котором находились мельница и запруда, входил в состав земельных угодий той самой деревни Медведево[473].

Начало XVII столетия – время Русской Смуты, изрядно потрепавшей устои Российского государства и оставившей в нём многочисленные следы разорения, в том числе и в Устюжском уезде. В 1613–1619 гг. города и веси Русского Севера подверглись набегам отрядов вольницы под предводительством офицеров Речи Посполитой и казацких атаманов, направившихся после разгрома под Москвой грабить поморские уезды. В 1613 г. их нападению подверглись: Вологда, Каргополь, Тотьма, Холмогоры, Сольвычегодск, Великий Устюг и другие поморские города. Известно также, что в 1618–1619 гг. в Тотемском уезде продолжали хозяйничать недобитые шайки гетмана Шелководского. В исторических актах этот скорбный период русской истории получил название *«литовского разорения»*. Пострадали тогда не только крупные города и посады, но и многие волостные погосты и деревни, а также и те небольшие православные обители Поморья, которые находились на пути разбойных банд[474].

К сожалению, в известных исследователям исторических источниках прямых указаний о нападении *«воровских людей»* на Негренскую пустынь не имеется. Но то, что этот факт имел место быть, сомнения у нас не вызывает. Косвенным доказательством тому служит пропавшая в *«литовское разорение»* вкладная запись

---

[472] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 480. Л. 422 об. С. 423.

[473] В писцовых книгах конца XVII в. сохранилось достаточно подробное описание этой мельницы: *«на запруде анбар мерою четыре сажени. В онбаре мелница да толчея: мелет во два жернова, толчет в одну ступу. Да у тое ж мелницы изба для приезду помелцев, а в ней живут монастырские вкладчики переменно».– Прим. авт.*– См.: РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 485. Л. 573 об.– 575; РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 15048. Л. 651 об.

[474] Васильев Ю. С. Борьба с польско-шведской интервенцией на Русском Севере в начале XVII в.– Вологда, 1985. С. 61; Попов В. Г. Город Тотьма Вологодской губернии.– Вологда, 1887. С. 30; Быков А. В. Клады «Смутного времени» 1605–1619 гг.– Вологда, 1989. С. 10–12.

на деревню Ортюшевскую[475]. На наш взгляд, небогатый северный монастырёк, скорее всего, разграбили в 1618 г. или немногим ранее. При этом сами монастырские храмы тогда уцелели.

Первое краткое их описание известно нам из «Дозорной книги города Тотьмы и Тотемского уезда 1619 г.». Согласно этому документу в монастыре тогда стояло два деревянных храма: *«холодный»* во имя Успения Богородицы и *«тёплый»* во имя Прокопия Устюжского. Рядом с ними, скорее всего над воротами монастырской ограды, возвышалась колокольня с *«железными»* колоколами. На территории обители находились также келья игумена Ефрема и ещё три кельи, в которых проживали пять старцев[476]. Примечательно указание в документе, что владела братия тем монастырём *«по государевым грамотам» «блаженные памяти»* царей Ивана Васильевича и Фёдора Ивановича[477].

В следующем источнике, «Писцовой книге города Тотьмы и Тотемского уезда 1622–1625 гг.», в Негренской пустыни значится только одна церковь – Прокопия Устюжского – *«древяна, клетцки»*[478]. Об Успенском храме там сказано, что его вместе с монастырской оградой в 1621 г. *«снесло вешнею полою водою»*. Факт этот сам по себе интересный, но не удивительный. Известно, что река Сухона в весенние разливы и сейчас подтопляет все прилегающие к ней низины и луга, каким собственно и является Семёнов наволок. Что уж говорить про старину, когда Сухона была ещё более полноводной. И хотя монастырь стоял на самом возвышенном месте Семёнова наволока, в большое половодье вода добиралась и до него. Среди прочего в документе также сообщаются новые сведения о монастырской звоннице, на которой тогда имелось два колокола: железный и медный. Вероятно, последний появился в обители уже после *«дозора»*, прошедшего в сентябре 1619 г.[479]

---

[475] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 480.– Л. 423 об.– 424.

[476] По архивным документам игуменство старца Ефрема подтверждается, начиная с 1619 по 1634 гг. включительно, за исключением короткого промежутка времени в 1621 г., когда правящий архиерей освободил его от настоятельства по причине болезни.– *Прим авт.*– См.: РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 479. Л. 316; РГАДА. Ф. 1455. Оп. 4. Д. 440. Л. 1–1 об.; РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 486. Л. 1040 об.; РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 1923. Л. 58 об.; РГАДА. Ф. 1455. Оп. 4. Д. 443. Л. 1–1 об.

[477] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 479. Л. 316–316 об.

[478] Типовое определение *«древяна, клетцки»* в источниках XVII в. означало, что церковь выстроена в виде *«клети»*, то есть прямоугольного сруба. Такие церкви, как правило, имели двускатную кровлю, увенчанную маковкой и крестом, алтарный прируб с восточной и паперть с западной.– *Прим. авт.*

[479] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 486. Л. 1040–1041 об.; РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 479. Л. 316–316 об.

Полагаем, что с одним храмом Негренская пустынь оставалась недолго, и уже в ближайшие годы вместо утраченной Успенской церкви там построили новую, освятив её в прежнее именование. Первое (и возможно единственное[480]) известное упоминание о ней относится к марту 1646 г.[481] Как и её предшественница, эта церковь также была *«холодной»* и, скорее всего, *«клинчатой»*[482].

В 1623 г. Приказ сыскных дел, в функции которого, в числе прочего, согласно наказу царя Михаила Фёдоровича входил сбор жалованных тарханных и односрочных судимых и несудимых грамот у архиереев, церковнослужителей и монастырей, а также редакция этих грамот в соответствии с *«государским новым Уложением»,* предписывает уездным воеводам собрать и доставить их в Москву. При этом особо подчёркивалось, что впредь утаенные и не представленные в приказ жалованные грамоты утратят свою силу. В мае того же года тотемский воевода Филон Михайлович Оничков, получив из Москвы соответствующий указ, исполняет его и направляет все собранные в уезде жалованные грамоты для пересмотра в Приказ сыскных дел[483].

21 февраля 1624 г. первый государь из рода Романовых Михаил Фёдорович, *«слушав»* пожалованную Негренской пустыни в 1562 г. царём Иваном Васильевичем (Грозным) и подтверждённую его сыном Фёдором Ивановичем в 1585 г. тарханно-несудимую грамоту, указал дьяку Приказа сыскных дел Прокофию Пахиреву переписать её *«по новому Уложенью»* и отдать вместе с прежними игумену той обители Ефрему. Главное отличие новой тарханно-несудимой грамоты от её предшественницы состоит в том, что в ней более детально оговариваются все привилегии Негренского монастыря в тарханной и судебной частях документа, иммунитетные права ещё более унифицированы[484].

Архивные источники донесли до наших дней скупую информацию о случившемся в 7163 (1654/1655) г. в Негренской пустыни

---

[480] Если допустить, что этот храм сгорел во время пожара в 1654/1655 гг., то тогда других упоминаний о нём в источниках не сохранилось. Если же церковь уцелела (а мы склоняемся именно к этой версии), тогда об её внешнем виде можно судить по описаниям монастыря второй половины XVII – начала XVIII вв.– *Прим авт.*

[481] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 15049. Л. 131.

[482] *«Клинчатыми»* на Русском Севере назывались деревянные храмы, имевшие заострённое перекрытие кровли, не свойственное другим видам построек, как бы стремящееся ввысь острым *«клином»*. Во всех остальных чертах такие храмы имели сходство с церквями *«клетцкого»* типа.– *Прим. авт.*

[483] Веселовский С.Б. К вопросу о пересмотре и подтверждении жалованных грамот в 1620–1630 гг. в Сыскных приказах.– М., 1907. С. 1–9.

[484] РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 1923. Л. 58 об.– 60 об.

пожаре. В частности, нам известно, что именно тогда в огне погибли подлинные царские жалованные грамоты и прочие документы монастырского архива. Последний, судя по всему, хранился в казённом чулане при зимней Прокопьевской церкви. Пострадал ли от огня второй храм и другие постройки обители – доподлинно неизвестно[485].

В «Писцовых и переписных книгах города Тотьмы и Тотемского уезда 1676–1688 гг.» снова отмечено две монастырских церкви: летняя – *«древяна, клетцки, клинчатая»* во имя Успения Богородицы и зимняя – *«древяная, клетцки»,* с трапезою, во имя святых Прокопия и Иоанна Устюжских. Очевидно, частичное изменение храмоименования в обители произошло после описанного выше пожара. Кроме того, в указанных документах отмечено, что зимний храм имел крытый *«чешуей»* шатровый верх[486], а глава его обита *«белым»* железом. Территория обители была обнесена деревянной *«в забор»* оградой с колокольнею над главными воротами. На звоннице имелись четыре колокола. Периметр монастырской ограды составлял 28 саженей в длину и 18 в ширину, то есть в переводе на современные единицы измерения примерно 59 на 38 метров. Внутри ограды стояло шесть келий, в которых по данным на 1679 г. значились игумен Евфросин и четыре инока, а в 1688 г. в кельях отмечены: строитель Васьян, *«чёрной поп»* Филарет и два монаха[487].

---

[485] Есть основания полагать, что второй храм во имя Успения Божией Матери во время этого пожара всё-таки уцелел, поскольку в описании монастыря 1702 г. он назван *«ветхим»,* в то время как вторая церковь во имя Прокопия и Иоанна Устюжских, построенная после 1655 г., обветшавшей не отмечена.– *Прим. авт.*– См.: РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 44. Л. 488, 489 об., 491 об.

[486] Главным отличием *«шатровых»* храмов было наличие башни, *«шатра»*. Такие церкви в источниках обычно характеризовались термином *«древяна вверх»,* но иногда, когда храм был небольшим, то он мог иметь просто шатровое завершение, без башни.– *Прим. авт.*

[487] Имя игумена Евфросина фигурирует в дошедших до нас архивных источниках с 1676 по 1684 гг. Начиная с 4 января 1684 г., Негренской пустынью по указу архиерея управлял *«чёрной поп»* Филарет, прибывший в обитель из Прилуцкого Николаевского монастыря. Однако игуменство его длилось недолго. Как видно из «Писцовой книги 1686–1688 гг.», где-то в этот период строителем обители стал старец Васьян. Однако и сам Филарет при этом продолжал находиться в числе братии того же монастыря. 23 ноября 1698 г. игумена Васьяна сменил иеромонах Герасим, прибывший по распоряжению епископа из Бабозерской Николаевской пустыни. В документах 1702 г. строителем обители значится иеромонах Ефрем. Ещё один известный нам настоятель Негренской пустыни, игумен Трофим, управлял монастырём уже в XVIII в. Именно его подпись стоит на копиях царских жалованных грамот, хранящихся в РГИА. Однако даже приблизительные годы его игуменства нам пока не известны.– *Прим. авт.*– См.: РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 485. Л. 569–571; РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 15050. Л. 442 об. 444; РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 15048. Л. 650; РГАДА. Ф. 1206. Оп. 1. Д. 224. Л. 1–1 об.; РГАДА. Ф. 1206. Оп. 2. Д. 183. Л. 1–1 об.; РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 44. Л. 492 об.; РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 1923. Л. 58–60 об.

Теперь уделим немного внимания земельным владениям Негренской обители, появившимся у неё после *«литовского разорения»* 1613–1619 гг. «Переписная книга города Тотьмы и Тотемского уезда 1646 г.» сообщает нам дополнительно о двух селениях, отошедших к тому времени в ведение монастыря: деревне Холкино, располагавшейся на правом берегу реки Сухоны – на *«дикой стороне»,* и половине *«без жеребья»* деревни Васильевской, *«а Большой Двор тож»* на речке Суценге. О Холкине в источнике имеется уточнение, что монастырские бобыли в ней *«поселились... после писцов Фоки Дурова да подьячего Остафия Колюпанова»,* то есть после 1625 г., но на каком основании, не сообщается[488]. Земельные же угодья в Васильевской достались монастырю по купчей. Об этом говорится в другом источнике – «Писцовой книге Тотьмы и Тотемского уезда 1686–1688 гг.». В описании указанной деревни там сказано, что одна её половина состоит *«за великими государями»*, а на второй половине стоит *«двор пуст»* Лёвки Григорьева сына Пономарёва, *«а повытьем ево владеет Негренские пустыни строитель с братьею по купчей»*[489].

Установлено также, что к 1676 г. за обителью дополнительно значились две трети деревни Кузнецова в Суценгской волости. Спустя ещё два года это селение принадлежало монастырю уже целиком, но не как собственность. Оно было взято старцами *«на оброк»* и всякий раз при очередном описании земель *«переоброчивалось»* ими. Судя по всему, деревня Кузнецовская во второй половине XVII в. «*от непомерного тягла»* запустела и по этой причине в дальнейшем на протяжении ряда лет находилась в хозяйстве монастыря. Во всяком случае, документально подтверждено, что в 1687–1688 гг. писцы Никифор Озеров и подъячий Иван Гордеев отдали её на оброк монастырским старцам как *«пустошь».* Одновременно на тех же условиях им досталась половина деревни Безсоновской в этой же волости, также стоявшей *«в пусте».* Кроме того, немногим ранее, в 1677–1678 гг., Негренская обитель взяла на оброк у писца Богдана Засецкого полдеревни Пронинской в Суценгской волости Тотемского уезда. А в 1698–1699 гг. устюжский воевода Иван Васильевич Кикин отдал монастырю на оброк селение Раменье Слободное, *«а Красная Гора тож»* в Устюжском уезде[490].

---

[488] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 15049. Л. 131.

[489] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 15048. Л. 652 об.

[490] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 485. Л. 575–576 об.; РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 15050. Л. 444 об.– 445; РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 44. Л. 491 об.– 492; Колесников П.А. Северная Русь.– Вологда, 1971. С. 24, 72.

Помимо земельных угодий в 1670-х гг. у Негренской пустыни на оброке имелась *«рыбная ловля»* на Сухоне у Борисова наволока. Кроме того старцам разрешалось *«безоброчно про монастырский обиход»* ловить рыбу в той же реке *«езами, и неводами, и бредниками, и мережами, и заесками, и курмами, и удами»*. Возможно, по этой причине уже к 1688 г. они от *«оброчной»* рыбной ловли полностью отказались[491].

Все упомянутые выше деревенские угодья, а также и прочие имевшиеся у Негренской обители оброчные статьи обрабатывались силами монастырских бобылей, крестьян-половников и вкладчиков. Вплоть до начала XVIII в. их число постоянно увеличивалось. Происходило это в зависимости от количества площадей монастырских земельных угодий. В 1619 г. за обителью числилось 2 половника и 2 бобыля; в 1646 г. – 3 половника, 2 бобыля и 2 вкладчика; в 1688 г. – 9 половников и 11 вкладчиков; в 1702 г. – 15 половников, 3 бобыля и 17 вкладчиков[492].

О состоянии Негренской пустыни в начале XVIII в. нам позволяет судить «Переписная книга монастырей Устюга Великого и Устюжского уезда 1702 г.», в которой содержится подробное описание указанной обители. Данный источник создан в рамках предпринятого государством в 1701–1705 гг. описания российских монастырей и их вотчин, а также архиерейских и церковных владений в связи с передачей их управления от приказов Большого Дворца и Новой чети вновь воссозданному Монастырскому приказу.

Согласно этому документу, поданному в Монастырский приказ 13 апреля 1702 г., в Негренской пустыни в начале XVIII в. стояло два деревянных храма: летний Успенский и зимний Прокопия и Иоанна Устюжских. Об Успенской церкви в источнике сказано, что она *«низменная, ветха».* Верх её *«срублен по старине повалыцею»,* то есть с *«клинчатым»* завершением, уже описанным нами ранее; главка и крест на крыше деревянные. В храме имелись две входных двери, а вокруг него устроена паперть. Скорее всего, это та самая церковь, которая была построена после наводнения 1621 г. и, очевидно, уцелевшая при пожаре, случившемся в обители в середине XVII в. Вторая церковь, Прокопия и Иоанна Устюжских,

---

[491] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 485. Л. 573–573 об.; РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 15048. Л. 651.

[492] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 479. Л. 316; РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 480. Л. 421 об.– 424; РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 15049. Л. 131; РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 15048. Л. 650–653 об.; РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 44. Л. 493–494 об.

«с трапезною и келарною», сооружённая в конце 1650-х гг., имела *«шатровый верх»,* покрытый *«деревянною чещуею»* и увенчанный главкой и крестом, обитыми *«белым»* железом[493].

Внутреннее убранство обеих монастырских церквей не отличалось богатством: большинство икон *«писаны на красках»,* пелены в основном *«кумачные»,* богослужебные сосуды из меди и олова, подсвечники деревянные с жестяными *«насвечниками»,* паникадила, кадила, лампады и некоторая другая церковная утварь также медные и жестяные. Серебряными накладками выделялся лишь напрестольный *«благословящей»* крест в Прокопьевском храме[494].

Из икон в этом описании выделяется разве что находившаяся в Успенском храме писаная *«на красках»* Богоматерь «Одигитрия» с жестяными *«басемными»* цатами, в привесе у которой отмечены четыре *«простых»* серебряных серьги[495]. Данный факт свидетельствует нам о неком особом почитании этого образа, через который молившиеся получали или надеялись получить себе Божию помощь.

В связи с изложенным обстоятельством интересно сравнить сведения о храмовых иконах из описания Негренской пустыни 1702 г. с данными о них же, взятыми из «Писцовой книги города Тотьмы и Тотемского уезда 1676–1679 гг.». В последнем источнике в Успенском храме монастыря дорогим *«прикладом»* выделяются пять икон: Спас «Смоленский», Богородица с предстоящим Иоанном Устюжским, Богоматерь «Одигитрия», Богородица с предстоящим Прокопием Устюжским и *«запрестольный»* образ Божией Матери. На всех этих иконах тогда имелись позолоченные серебряные басмянные гривны, а на последней из них присутствовал ещё и такой же венец. В описании 1702 г. практически все указанные образа также обозначены, в том числе и отмеченная нами «Одигитрия». Однако никаких серебряных украшений на них не описано – венцы и цаты на всех перечисленных иконах *«басемные»* из жести[496]. Чем вызвано такое оскудение в их убранстве, мы не знаем. Возможно, замена серебряного *«приклада»* у икон произошла в монастыре на рубеже XVII–XVIII вв. по каким-то внутренним экономическим причинам, для решения коих потребовались дополнительные финансовые средства, которых у старцев в нужное время не оказалось.

---

[493] РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 44. Л. 487, 488, 489 об.

[494] Там же. Л. 488–490 об.

[495] Там же. Л. 488 об.

[496] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 485. Л. 569–572; РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 44. Л. 488–490 об.

Монастырская библиотека, согласно описанию 1702 г., состояла из двух десятков различных богослужебных книг. Список их был традиционным для большинства малых обителей Русского Севера: «Толковое Евангелие», два «Осмигласника», две «Минеи Общие», две «Треоди» («Цветная» и «Общая»), две «Псалтыри», три «Апостола», два «Требника», два «Часослова», «Минея» (месяц Октябрь), «Служебник», «Канонник» и «Житие Николая Чудотворца»[497].

Братская казна хранилась в казённом чулане. На момент составления описи денег в ней *«явилось»* немного: *«нового переделу семь алтын две денги».* Здесь же, *«под замком»,* находился и монастырский архив, состоявший из копийных списков царских жалованных грамот, документов на земельные угодья обители, заёмных денежных и хлебных кабал и прочих мелких финансовых документов *«строителя и казначея иеромонаха Ефрема»,* датированных второй половиной XVII в.

Примечательно описание внутренней планировки Прокопьевского храма: *«из церкви в трапезу ход... из трапезы в келарскую..., а в келарской никто не живет. Из трапезы в паперть ход, да на паперти чюлан казенной... А ис паперти сходное крылцо. Под церковью и под трапезою анбары, а в них по осмотру ничего нет. Под келарскою чюлан же...».* В последнем хранились: *«шубы овчинные, кафтаны сермяжные и обувь и всякое одеяние общежителное»,* а также косы, серпы, топоры и прочая *«железная монастырская работная снасть»*[498].

Рядом с храмами стояли три кельи: строительская, братская и хлебенная. Последняя служила монастырской кухней.

Территорию обители окружала *«рубленная»* ограда протяжённостью 120 саженей, то есть около 256 метров. По сравнению с 1679 г. её периметр увеличился примерно на 60 метров, что сви-

---

[497] Монастырская библиотека собиралась годами. Книги были дорогими и приобретались братией по мере необходимости. Иногда они поступали в обитель в качестве вкладов от благочестивых людей. Нам, в частности, удалось выяснить происхождение двух книг из монастырского собрания. В опубликованном в «Актах Холмогорской и Устюжской епархий» документе: «Росписи принятого пономарём Фёдором Кузнецовым имущества Брусенской Зосимо-Савватиевской пустыни от 13 ноября 1690 г.» сообщается о двух книгах – «Треоди Цветной» и «Минее Общей», отданных ранее *«с роспискою»* по указу Устюжского архиепископа Александра в Негренскую обитель вкладчику Пронке Иванову. Обе эти книги отмечены в описании монастыря 1702 г.– *Прим. авт.*– См.: РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 44. Л. 491; РИБ.– Т. 12.– СПб., 1890. Ст. 1021.

[498] РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 44. Л. 491–492 об.

детельствует об её замене (возможно частичной) за минувшие между переписями два десятилетия. В пользу данной версии говорит и тот факт, что в источнике 1679 г. устройство монастырской ограды обозначено *«в забор»,* а в описании 1702 г. она *«рубленная»*. А это, как известно, две разные техники строительства.

Ограда имела двое ворот, главные из которых, *«рубленные и с калиткою»,* выходили к Сухоне. Слева и справа от них – два чулана. Со стороны реки над *«святыми воротами»* помещалось изображение «Деисуса», а с внутренней – образ «Успение Божией Матери» и рядом с ними *«по обе стороны четыре лика святых»*.

Над главными воротами возвышалась восьмигранная шатровая колокольня, на которой висело три медных колокола общим весом десять пудов и два колокольчика *«железных, старинных»*.

Вторые ворота являлись простыми и выходили в сторону хлебных амбаров и прочих хозяйственных построек монастыря.

Перед главным входом на территорию Негренской пустыни стояла небольшая деревянная часовня *«для подаяния проезжих людей»,* в которой находились иконы Богоматерь «Одигитрия» с предстоящими святыми и Богородица «Страшное Предстательство». Устройство этой часовни было рассчитано, прежде всего, на торговых людей, спешно проплывавших по Сухоне, дабы они в любое время суток могли кратковременно остановиться и внести свою лепту в пользу святой обители[499].

За оградою Негренской пустыни, со стороны простых ворот, находились хозяйственные постройки монастыря: 4 хлебных амбара, 2 овина, 1 гумно и 1 хмельник. Неподалёку, ближе к реке Сухоне, располагались две *«поземных»* избы и огороженный забором конюшенный двор, в котором обитало 9 меринов, 7 кобыл, и 14 жеребят. Здесь же хранился весь конский инвентарь. Напротив пустыни, *«на горе»,* располагался скотный двор и три избы. В скотном дворе насчитывалось: 20 коров, 1 бык *«пороз»*, 5 бычков,

---

[499] Как уже сообщалось ранее, река Сухона являлась в тот период важной транспортной артерией, и движение по ней происходило весьма интенсивно. Поэтому расчёт монахов вполне понятен. Также иногда путешественники в силу разных обстоятельств, зачастую связанных с погодой или состоянием здоровья, на время останавливались в лежавшей на пути обители. Из опубликованных источников известен случай, когда в середине октября 1698 г. *«приказной человек»* Устюжского архиепископа Александра Яков Стефанов Кусков «*по воли Божии, пловучи Сухоной рекою судном замерзл в Тотемском уезде в Негренской пустыни*» и был вынужден надолго задержаться с прибытием в Устюг Великий. Разумеется, такие путники приносили монастырю пусть небольшой, но доход.– *Прим. авт.*– См.: РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 44. Л. 492 об.– 493; РИБ.– Т. 12.– СПб., 1890. Ст. 1421.

11 телят *«годовиков»,* 6 телят маленьких, 16 овец, 1 баран и 20 ягнят. Рядом с двором находился погреб с *«напогребенником».* В избах при этих дворах проживали монастырские вкладчики и наёмные работники, обслуживавшие всё перечисленное поголовье[500].

К 1702 г. количество земельных владений Негренской пустыни заметно сократилось, за ней состояло всего три деревни: Кузяевская (Кузеиха), Васильевская (Большедворская) и Медведево. Рядом с последней, как и в прежние времена, стояла монастырская мельница, моловшая *«вешнею и осеннею»* водою *«про брацкий обиход»*[501].

В первые десятилетия XVIII в. монашеская обитель на Суценге переживает не лучшие времена. По данным «Генерального свидетельствования 1722 г.» в ней на тот момент жили всего два старца (настоятель в сане строителя и монах) и 23 *«бельца»* – служителя. Неокладной годовой доход составлял 42 рубля 20 копеек. Все деньги и хлеб, полученный с монастырских вотчин, полностью уходили на пропитание и содержание монастыря[502].

Однако, несмотря на материальные трудности, скорее всего, ближе к середине XVIII в., в Негренской обители вместо *«ветхой»* Успенской построили новую деревянную церковь, освятив её в прежнее именование. Сделать такой вывод нам позволяют сохранившиеся архивные документы. Как выглядела новая церковь, мы не знаем, есть лишь сведения о том, что этот храм, как и его предшественник, так же был *«холодным»,* то есть летним[503].

Прежде чем перейти к заключительной части нашей статьи, сделаем небольшое, но важное отступление от основной темы исследования.

В краеведческой литературе начала XX в. сохранилось упоминание о том, что в Негренской пустыне некоторое время находился в заточении обвинённый в государственной измене и

---

[500] РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 44. Л. 493–493 об.

[501] Там же. Л. 494 об.

[502] По данным ревизии населения 1744 г. за Негренской пустынью состояло половников и вкладчиков 31 душа м. п.– *Прим. авт.*– См.: ВУЦА. Ф. 363. Оп. 1. Д. 52. Л. 25 об.; РГАДА Ф. 280. Оп. 3 Д. 74. Л. 3 об.

[503] Вывод сделан нами на основании документов 1780 г., в которых бывший Успенский храм Негренской пустыни рекомендован, как вполне пристойный по внешним характеристикам, для переноса и дальнейшего использования по назначению на Воскресенский погост Суценгской волости. Если бы Успенская церковь была построена существенно раньше обозначенного нами времени, то она к 1780 г. несомненно бы обветшала, учитывая тот факт, что с 1764 г. она находилась без должного присмотра.– *Прим. авт.*– См.: ВУЦА. Ф. 363. Оп. 1.Д. 4383. Л. 158–158 об.

сосланный по приговору Тайной канцелярии в ссылку в Великий Устюг бывший фаворит императрицы Елизаветы Петровны граф Иоганн Герман Лесток (1692–1767)[504]. Мы проверили эту, безусловно, заслуживающую внимания информацию по материалам хранящегося в РГАДА четырёхтомного архивного дела, в котором подробно прослеживается весь период пребывания опального дворянина в устюжской ссылке с 1753 по 1762 гг., и не обнаружили там каких-либо подтверждающих сведений о заточении его в Негренском монастыре[505].

Находившийся после ареста в 1748 г. в Петропавловской крепости граф Лесток после завершения следствия и вынесения смертного приговора был помилован Елизаветой Петровной и в 1750 г. сослан в Углич, а затем в апреле 1753 г. по указу императрицы отправлен вместе с семьёй и прислугой из шести человек на поселение в Великий Устюг. Во время пребывания там *«арестанты»* содержались *«в особливом доме под крепким караулом».* И хотя имя узника на протяжении всего периода его заточения держалось в строгой тайне от местного населения, тем не менее, слухи о нём по городу ходили. Освобождение Лестока состоялось в феврале 1762 г., вскоре по восшествии на российский престол императора Петра III. По его указу бывший *«секретный арестант»* был помилован и вернулся обратно в Санкт-Петербург, где был восстановлен во всех чинах и званиях[506].

Но, как известно, *«дыма без огня не бывает»,* и опальный граф всё-таки мог побывать в Негренской пустыни. Случилось это, по нашему мнению, скорее всего, во время его следования в ссылку в самом конце весны 1753 г. Караульная команда, сопровождавшая Лестока к месту назначения, могла сделать в обители остановку для кратковременного отдыха. И это событие, видимо, отложилось в людской памяти и впоследствии было записано краеведами. Не исключена также версия, связанная с его остановкой в монастыре зимой 1762 г. на обратном пути в столицу. Однако она кажется нам маловероятной, поскольку тогда граф Лесток возвращался с большим обозом *«пожитков»,* состоявшим из 38 подвод, которые сопровождались немалым количеством людей. Разместиться на территории Негренской обители они бы попросту не

---

[504] Попов А. Село Бобровское и его Августейшие посетители. // ВЕВ, 1909.– Прибавления к № 6.– С. 108.

[505] РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 382.– Т. 1–4.

[506] Чебыкина Г.Н. Граф Лесток в Великом Устюге. (Исторический очерк). // Великий Устюг. Краеведческий альманах.– Вып. 4.– Вологда, 2007. С. 96–98.

смогли, к тому же для таких случаев имелись стоявшие на пути следования ямские станции с постоялыми дворами. А вот 1753 г. вполне подходит: Лестока везли тайно, в специальной коляске, и лучшего места для очередного ночлега *«секретного арестанта»* и караульной команды, чем оказавшийся на пути небольшой монастырь, найти было сложно. Да и обоз тогда был небольшой – всего 10 ямских подвод[507].

В заключение нашего исследования немного расскажем о последних днях существования Негренской обители и о судьбе её храмов.

Во время проводившейся в 1764 г. императрицей Екатериной II секуляризации монастырских и церковных имений Негренскую пустынь, как и многие другие малые обители Русского Севера, упразднили. Монастырские храмы приписали к Воскресенской церкви, располагавшейся в пяти верстах в Сученгской волости. Немногочисленную братию определили в другие православные обители. Вотчинные деревни – Кузяевская (Кузеиха), Васильевская (Большедворская) и Медведево – отошли в ведение Коллегии экономии, а населявшие их половники получили статус экономических крестьян.

Незадолго до этого, в рамках означенной реформы, в Тотемском уезде прошла перепись всех монастырских имений. Проводивший её *«экономическаго казначея порутчик»* Глазов в отчётном документе о состоянии половников Негренской обители писал следующее: *«По усмотрению и разведыванью моему оной вотчины у крестьян земля к плодородию весьма средственна, к тому ж и камениста, которой состоит недовольно. При вольности ж в угодьях, их сенных покосов малое число... Промыслов никаких не имеют кроме того, что из состоящего на болоте своего лесу рубят дрова и оныя по подрядам из найму становят в город Великой Устюг, и от того в пребывании своем получают некоторую исправность...»*[508].

После упразднения Негренской пустыни богослужения в её храмах, в соответствии с распоряжением епархиального начальства, совершались поочерёдно священниками Сученгской Воскресенской церкви лишь по праздничным и воскресным дням.

Летом 1769 г. по указу Владыки Иоанна (Никитина) была проведена ревизия церковного имущества бывшей Негренской обители и составлена подробная опись внутреннего убранства мона-

---

[507] Чебыкина Г. Н. Указ соч.– С. 96–98; РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 382.– Т. 4.– С. 135–137.
[508] РГАДА Ф. 280. Оп. 3. Д. 74. Л. 8.

стырских храмов[509]. В этом документе мы обратили внимание на имевшуюся в ризнице серебряную утварь и такие же украшения на иконах. Наличие серебряных венцов и цат в описи отмечено лишь на образе Спасителя и на двух Богородичных иконах. Из богослужебных предметов выделяются обложенный серебром напрестольный крест, серебряный ковшичек и комплект серебряных священных сосудов *«с чернядью»*[510]*.* Последний вызвал у нас наибольший интерес, потому как чернённые по серебру изделия в Великом Устюге в тот период имелись лишь в крупных монастырях и соборных храмах, поскольку считались очень дорогими. Откуда появилось такое богатство в бедной Негренской пустыни – неясно. Скорее всего, это вклад какого-то состоятельного человека, побывавшего в обители. Но кто этот человек – вопрос открытый...

Из «Журнала заседаний Великоустюжской духовной консистории за 1773 г.» нам известно о конфликте, случившемся между духовенством Суценгской Воскресенской церкви, связанном с вышеизложенными обстоятельствами. Летом 1773 г. приходской священник Гордий Иванов, в нарушение архиерейского распоряжения, перестал допускать другого священника Иоанна Фёдорова в монастырские храмы для *«поочерёдной»* службы. Последний же, заручившись поддержкой приходских людей и церковного старосты Филиппа Павлова, пожаловался на его действия в Консисторию, сообщив при этом, что Гордий Иванов ключа церковного и священного облачения ему не даёт, *«к тому ж и сосуды церковные двои одни серебрянныя*[511]*, другия ж оловянныя... содержит при своей церкви, вместо коих принесен оловянной темнелой»,* в связи с чем и согласия о выборе сторожа для приписных монастырских церквей с приходскими людьми и экономическими крестьянами они не имеют. Рассмотрев жалобу 13 сентября 1773 г., епархиальное начальство распорядилось послать в Тотемское духовное правление указ, коим велело: 1) означенным священникам службы, как и предписано ранее, совершать поочерёдно; 2) богослужебные сосуды вернуть на место; 3) для охраны приписных монастырских церквей выбрать в сторожа *«из тутошных крестьян человека достойного»;* 3) священнику Гордию Иванову за *«учинённый им*

---

[509] Указанный источник опубликован в сборнике материалов I Межрегиональной научной конференции «Русский Север–2017».– *Прим. авт.*– См.: Зенкова О.Б., Копытков В.В. Неизвестный тотемский святой...– С. 61–63.

[510] ВУЦА. Ф. 363. Оп. 1. Д. 1530. Л. 157–157 об.

[511] Очевидно, что это те самые украшенные чернью богослужебные сосуды, которые указаны в описи 1769 г.– *Прим. авт.*

противный поступок» объявить выговор, а если не исправится, то *«выслать»* его в Консисторию *«к ответу»*[512].

Возможно, что именно эти события послужили толчком к окончательному закрытию бывших монастырских храмов. Всех обстоятельств этого дела мы не знаем, но уже 29 сентября 1774 г. епископу Великоустюжскому и Тотемскому Иоанну (Никитину) из Духовной консистории был подан доклад о том, что церкви Негринской пустыни стоят *«безприходными».* Поскольку за неимением паствы и средств для содержания желающих служить при них не находилось, *«присудствующие»* предложили Владыке эти храмы закрыть и *«из ведомостей»* исключить, оставив их со всем имуществом при волостных Воскресенской и Михаило-Архангельской церквах. Преосвященный предложение Консистории поддержал и на доклад поставил резолюцию: *«Быть по сему»*[513].

В 1780 г. всё тот же священник Иоанн Фёдоров, заручившись письменной поддержкой крестьян Суценгской волости, обратился в Великоустюжскую духовную консисторию с прошением, в котором писал, что его приходская Воскресенская церковь с приделом Михаила Архангела *«от давнего строения пришла в крайнюю ветхость»* и вместо неё новый храм *«по малости и скудости приходских людей... и за неимением церковной казны»* строить не на что[514]. Для решения проблемы он предложил епархиальному начальству стоявшую в бывшей Негренской пустыни *«праздную»* летнюю Успенскую церковь перевезти с имеющимися в ней иконами и утварью на Воскресенский погост и заменить ею обветшавший приходской храм. А второй зимний Прокопьевский храм и монастырскую колокольню *«за ветхостью»* разобрать и использовать на дрова. Имевшиеся же на звоннице пять колоколов[515] также передать к нему в приход.

20 июля 1780 г. Великоустюжский владыка Иоанн (Никитин), рассмотрев данное прошение, распорядился послать указ в Тотемское духовное правление, коим повелел: 1) поставить упразд-

---

[512] ВУЦА. Ф. 363. Оп. 1. Д. 2165. Л. 174 об.–175.

[513] ВУЦА. Ф. 363. Оп. 1. Д. 2390. Л. 1.

[514] Суценгский Воскресенский приход в то время насчитывал всего 40 дворов, и строительство нового храма для него было действительно непростым делом.– *Прим. авт.*

[515] Из описи монастыря 1769 г. известен точный вес этих колоколов: 1-й – 11, 2-й – 3,5, 3-й – 3, 4-й – 1,5 и 5-й – 1 пуд. В 1786 г. часть этих колоколов с разрешения епархиального начальства *«перелили»* на новые для звонницы Сучегрской Воскресенской церкви.– *Прим. авт.* – См.: ВУЦА. Ф. 363. Оп. 1. Д. 1530. Л. 157 об.; ВУЦА. Ф. 363. Оп. 1. Д. 6851. Л. 9.

нённую Успенскую церковь на волостной погост и освятить её в честь Воскресения Христова; 2) находившийся при ней Антиминс прислать в Устюжский кафедральный собор, а все иконы, церковную утварь и колокола бывшего монастырского храма передать в ведение прихода; 3) колокольню и Прокопьевскую церковь, *«ежели она к служению неспособна»,* разобрать и употребить на топление церковных печей и печение просфор[516].

Однако Прокопьевский храм тогда всё же не был уничтожен. Согласно сведениям, изложенным в статье протоиерея Алексея Попова, напечатанной в 1909 г. на страницах «Вологодских епархиальных ведомостей», старинную церковь *«обратили»* в часовню в деревне Верхней Тозьме соседнего Опоцкого Николаевского прихода. Известно, что в 1851 г. эта часовня сгорела[517].

Успенскую же церковь, как и предписывал Владыка, в 1780–1781 гг. перенесли на Воскресенский погост в деревню Борщевик Сученгской волости. Но видимо со временем планы церковного клира и прихожан несколько изменились, и они отказались от замены *«ветхого»* Воскресенского храма, решив просто привести его в надлежащий вид. В течение 1780-х гг. провели необходимые ремонтные работы, в частности, заменили полы и перекрыли прогнившую кровлю. Из бывшей же монастырской церкви построили новую, которую освятили во имя Прокопия и Иоанна Устюжских. Оба этих храма продолжали действовать вплоть до 1866 г., пока в приходе не воздвигли новый каменный в честь Воскресения Христова с приделами Михаила Архангела и Прокопия и Иоанна Устюжских. Вероятно, вскоре после освящения каменной церкви её деревянных предшественниц, как и писал протоиерей Алексей Попов, разобрали на дрова[518].

---

[516] ВУЦА. Ф. 363. Оп. 1. Д. 4383. Л. 158–158 об.

[517] Попов А. Указ. соч.– С. 108; Мальцева С. А., Мальцев С. К. Храмы и часовни Великоустюгского района (сохраненные и утраченные).– Великий Устюг, 2003.– С. 1.

[518] Протоиерей Алексей Попов, видевший ещё в детстве деревянные храмы Воскресенского погоста, отмечал в своей статье, что они хоть и были небольшими, но очень красивыми. Он также указывал, что то место, где когда-то находилась Негренская пустынь, уже смыто рекой Сухоной. Однако последнее его утверждение вызывает у нас большие сомнения по причине того, что ландшафт обозначенной местности, судя по картам конца XVIII в., мало изменился и очень близок к современному. Помимо этого в его статье указано, что из бывшей Негренской пустыни было перенесено три храма, что также является ошибкой.– *Прим. авт.*– См.: ВУЦА. Ф. 363. Оп. 1. Д. 6851. Л. 1–14; ВУЦА. Ф. 363. Оп. 1. Д. 6858. Л. 1–8; РГАДА. Ф. 1354. Оп. 66 / Ч. 1.– Ед. хр. Н-71 Кр.; РГАДА. Ф. 1354. Оп. 75 / Ч. 1.– Ед. хр. Н-7 Син; Попов А. Указ. соч. С. 108; Кузнецов А. В. Необычное путешествие по Сухоне от Кубенского озера до Устюга Великого.– Вологда, 2005. С. 81–82.

Таким печальным финалом закончилась история Негренской Успенской Богородицкой пустыни, основанной в далёкие времена царствования Иоанна Грозного неким старцем Феодосием и действовавшей более двух веков, а затем, ещё на протяжении столетия, напоминавшей о себе людям своими храмами. Сегодня об её былом существовании свидетельствуют лишь немногочисленные архивные документы и сохранившиеся на картах географические названия бывших населённых пунктов и урочищ Сученгской волости: Пустынь (Монастырёк), Кузеиха, Большедворская, Медведево, Борщевик, Верхняя Тозьма.

* * *

В предыдущей статье, посвящённой неизвестному тотемскому святому Филиппу Сухонскому, опубликованной в Материалах I Межрегиональной научной конференции «Русский Север-2017»[519], нами обосновывалась версия о месте подвижничества этого святого. На основании старинной рукописной книги из библиотеки Московской духовной академии было доказано, что преподобный Филипп (Яиковский), известный по многим церковным рукописным и печатным книгам и поздним архивным документам как основатель Устюжского Знамено-Филипповского монастыря, на самом деле таковым не являлся и к указанной обители никакого отношения не имел. В единственном достоверном и, пожалуй, самом раннем и подробном источнике о нём прямо указано: *«Преподобный Филипп, иже бысть на Сухоне реце, строитель Суценскаго монастыря, туже и положен бысть»*[520].

В поисках дополнительных исторических источников, способных подтвердить и развить это открытие дальше, мы исследовали целый комплекс архивных материалов, касающихся названного места подвижничества преподобного Филиппа Сухонского.

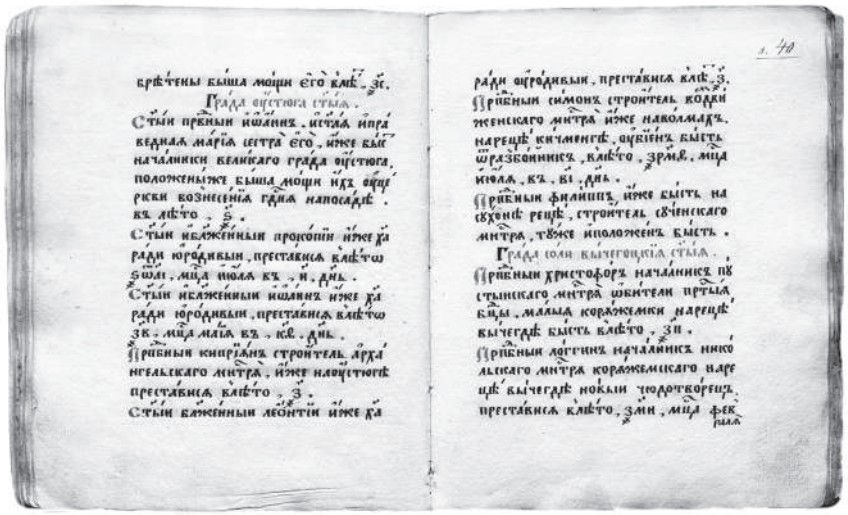
Однако нам не удалось найти новых надёжных свидетельств об этом местночтимом святом, но это вовсе не значит, что его там не могло быть. Существующий[521] и расширенный благодаря данному исследованию список строителей и игуменов Негринской пустыни

---

[519] Зенкова О. Б., Копытков В. В. Неизвестный тотемский святой... С. 57–63.

[520] НИОР РГБ. Ф. 173.I.– № 209.– Л. 40.

[521] Строев П. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви.– СПб., 1877. С. 786; Зверинский В. В. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи.– Т. 2.– СПб.,1892. Описание 942.

Разворот рукописной книги из библиотеки МДА со списком Устюжских святых. Начало XVIII в. Российская государственная библиотека

второй половины XVI–XVII вв. далеко не полон. Известны лишь имена настоятелей, возглавлявших монастырь в 1562, 1585, 1619–1634, 1676–1702 гг. Покрытыми «завесой тайны» остаются значительные временные промежутки, в совокупности – даже чуть больше века. Этот период требует дополнительного изучения и тщательных архивных изысканий. Поэтому мы снова оставляем вопрос о личности святого преподобного Филиппа Сухонского открытым, при этом сохраняя надежду когда-нибудь найти на него ответ.

Список принятых сокращений

ВЕВ – Вологодские епархиальные ведомости.

ВУЦА – Великоустюгский центральный архив (г. Великий Устюг).

НИОР РГБ – Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (г. Москва).

РГАДА – Российский государственный архив древних актов (г. Москва).

РГИА – Российский государственный исторический архив (г. Санкт-Петербург).

РИБ – Русская историческая библиотека.

Опубликованные источники

РИБ. – Т. 12. – СПб., 1890. – Ст. 1021. – 1690 октябрь – ноябрь 13. Список с росписи принятого пономарём Фёдором Кузнецовым имущества Брусенской Зосимо-Савватиевской пустыни и донесение его, пономаря, архиепископу Александру о первых хозяйственных распоряжениях в вотчине Брусенской пустыни.

РИБ. – Т. 12. – СПб., 1890. – Ст. 1421. – 1698 февраль – октябрь. Челобитная и письма, относящиеся к делу между архиепископом Устюжским Александром и Иваном Кикиным, воеводой Устюжским, по поводу вмешательства последнего в дела архиепископа и заключения в тюрьму приказного архиепископского человека Якова Кускова; а также письма боярина Лопухина и архиепископа Александра по поводу освящения церкви в Тиксне, построенной с некруглым алтарём.

Неопубликованные источники

ВУЦА. Ф. 363. Оп. 1. Д. 52. – Ведомости о численности обывателей, прихода и расхода денежных и хлебных доходов Дома епископа, в монастырях и пустынях Великоустюжской епархии. 1722–1726 гг.

ВУЦА. Ф. 363. Оп. 1. Д. 1530. – Документы о рассмотрении прошений священно- и церковнослужителей, указы, определения по Великоустюжской духовной консистории за 1769 г.

ВУЦА. Ф. 363. Оп. 1. Д. 2165. – Журнал Заседаний Великоустюжской духовной консистории за 1773 г.

ВУЦА. Ф. 363. Оп. 1. Д. 2390. – Доклад Великоустюжской Духовной консистории епископу Великоустюжскому и Тотемскому Иоанну об упразднении бесприходной Негренской Богородской церкви Тотемского уезда. 1774 г.

ВУЦА. Ф. 363. Оп. 1. Д. 4383. – Журнал Заседаний Великоустюжской духовной консистории за 1780 г.

ВУЦА. Ф. 363. Оп. 1. Д. 6851. – Документы о выдаче шнуровой книги для записи сбора боголюбческого подаяния Суценгской Воскресенской церкви на приобретение святых образов для вновь построенной деревянной холодной церкви во имя праведных Прокопия и Иоанна Устюжских. 1782–1787 гг.

ВУЦА. Ф. 363. Оп. 1. Д. 6858. – Дело по прошению священника, причетников, церковного старосты и приходских людей Воскресенской церкви Суценской волости о разрешении ремонта храма. 1787 г.

НИОР РГБ. Ф. 173.I. № 209. – Книга глаголаемая описание о российских святых, где и в котором граде или области, или монастыре и пустыни поживе и чюдеса сотвори всякого чина святых. Начало XVIII в.

РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 382. – Т. 1–4. – Дело ссылке графа И. Г. Лестока с женою в Устюг Великий; письма его оттуда начальнику Тайной канцелярии графу А.И. Шувалову; освобождение И. Г. Лестока из ссылки императором Петром III. 1753–1762 гг.

РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 44. – Переписная книга монастырей Устюга Великого и Устюжского уезда 1702 г.

РГАДА Ф. 280. Оп. 3 Д. 74. – Вотчины Богородицкой Негренской пустыни Тотемского уезда, 1764 г.

РГАДА. Ф. 1206. Оп. 1. Д. 224. – 1684 январь. Память Устюжского архиепископа Геласия чёрному попу Прилуцкого Николаевского монастыря Филарету о назначении его строителем Сученгской пустыни и о приёме от прежнего строителя Евфросина церковной утвари и монастырской казны.

РГАДА. Ф. 1206. Оп. 2. Д. 183. – Наказная память Устюжского архиепископа Александра иеромонаху Бабозерской Николаевской пустыни Герасиму, назначенному строителем Негренской пустыни.

РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 479. – Дозорная книга города Тотьмы с посадом и уездом письма и дозора князя Ивана Андреевича Козловского и дьяка Марка Мартемьянова. Сентябрь 1619 г.

РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 480. – Писцовая и межевая книга города Тотьмы с посадом и уездом письма и межевания московского дворянина Фоки Ратманова Дурова и подьячего Евстафия Колюпанова 1622–1625 гг.

РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 485. – Писцовая книга города Тотьмы с посадом и уездом письма и меры Богдана Григорьевича Засецкого и подьячего Емельяна Телицина 1676–1679 гг.

РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 486. – Писцовая и межевая книга города Тотьмы с посадом и уездом письма и межевания московского дворянина Фоки Ратманова Дурова и подьячего Евстафия Колюпанова 1622–1625 гг.

РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 15048. – Писцовая книга города Тотьмы с посадом и уездом письма и меры Никифора Кондратьевича Озерова и подьячего Ивана Гордеева 1686–1688 гг.

РГАДА. Ф. 1209. – *Оп. 1.* – *Кн. 15049.* – Переписная книга города Тотьмы с посадом и уездом переписи дворянина князя Ивана Семёновича Вяземского и подьячего Леонтия Нестерова. Март 1646 г.

РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1.– Кн. 15050.– Переписная книга города Тотьмы с посадом и уездом писцов Богдана Григорьевича Засецкого и подьячего Емельяна Телицина 1676–1678 гг.

РГАДА. Ф. 1354. Оп. 66 / Ч. 1.– Ед. хр. Н-71 Кр.– Карта Негренской пустыни с деревнями экономических крестьян Тотемского уезда. 1786 г.

РГАДА. Ф. 1354. Оп. 75 / Ч. 1.– Ед. хр. Н-7 Син.– Карта Негренской пустыни с деревнями экономического ведомства Тотемского уезда. 1782 г.

РГАДА. Ф. 1455. Оп. 4. Д. 440.– 7130 (1621) Декабря 2 дня. Перехожая грамота Ивана Богданова, назначенного игуменом Суценгского монастыря вместо заболевшего игумена Ефрема.

РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 1923.– Сборник копий с Жалованных грамот монастырей Устюжской епархии. XVIII в.

ПРИЛОЖЕНИЯ

1562 г. июля 24.– Жалованная тарханно-несудимая грамота царя и великого князя Ивана Васильевича игумену Негренской Федосеевой пустыни Феодосию с братиею (с последующими подтверждениями 1585 и 1624 гг.)[522].

(л. 58) «Копия с копии.

Се аз царь и великий князь Иван Васильевич всея Русии пожаловал есми Успение Пречистые Богородицы Негренские Феодосиевы пустыни в Устюжском уезде в Суценской волости в Тотемском присуде игумена Феодосия з братиею на берегу на Сухоне реке на Семеновском наволоке или хто по нем в том монастыре иные игумены или строители будут; и хто учнет у них в монастыре жыти люди и крестьяне, и нашы наместники тотемские, ни тиуны, кормов своих не емлют и с черными деревнями не тянут тягла никоторово; и нашы наместники тотемские, ни тиуны, у них людей и крестьян не судят ни в чем, ни въезжают, ни всылают к ним ни почто, опричь душегубства и разбоя с поличным. А ведают и судят тех людей своих и крестьян меж их тот игумен или кому он

[522] РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 1923. Л. 58–58 об. Орфография и пунктуация источника частично изменена.– *Прим. авт.*

прикажет. А кому будет чево искать на игумене и на старцах и на их людех и на крестьянех и кто у них даной пристав от них и по них будет в монастыре и тот даной пристав от них и по них ездя и на поруку их дает на один срок в году в той же день по Крещенье Христове и ставит их пред нами на Москве и сужу их в тех делах яз царь и великий князь Иван Васильевич всея Русии самодержец, или наш дворецкой. А в духовных делах по игумена и попов и старцов посылает архиепископ Ростовской по своей грамоте безсрочно, и судит игумена и старцов сам архиепископ, а десятилники архиепископа Ростовского и довотчики их и заимщыки и старосты поповские к ним не въезжают ни всылают ни почто.

Писал на Москве лета 7070 (1562) году июля в 24 день.

А позади подлинные государевы Жаловалные грамоты написано: царь и великий князь Иван Васильевич всея Русии».

// (л. 58 об.) «Лета 7093 (1585) году марта в 13 день царь и великий князь Федор Иванович всея Русии самодержец пожаловал сию грамоту Успение Пречистыя Богородицы Негренские Феодосиевы пустыни в Устюжском уезде в Сученской волости в монастырь игумена Тихона з братею и хто по нем в том монастыре иные игумены будут, пожаловал велел им сю грамоту подписати на свое царя и великого князя Федора Ивановичя всея Русии самодержца имя, и сию у них грамоту рудить не велел ни кому ни в чем, а велел ходить по тому о всем, как в сей грамоте писано.

А подписал царя и великого князя Федора Ивановича всея Русии дьяк Петр Трифонов сын Тиунов».

«Лета 7132 (1624) году февраля в 21 день мы, великий государь, царь и великий князь Михаило Федорович всея Русии самодержец, отец наш великий государь светлейшый патриарх Филарет Никитич Московский и всея Русии сее грамоты слушав, указали переписати внов и наше государское имя по новому Уложенью. А сю жаловалную грамоту указал подписавшы отдать Пречистые Богородицы Негренские пустыни игумену Ефрему. А о всем указал ходить потому как в нашей государской жаловалной грамоте нынешнего 7132 (1624) году писано.

Дьяк Прокофей Пахирев».

Внизу листа припись XVIII в.: «К сей копии вышеписанной пустыни Негринской строитель иеромонах Трофим руку приложил».

1624 г. февраля 21. – Жалованная тарханно-несудимая грамота царя и великого князя Михаила Фёдоровича игумену Негренской Федосеевой пустыни Ефрему с братиею[523].

// (л. 59) «Копия с копии.

Божею милостию мы великий государь, царь и великий князь Михаило Федорович всея Русии самодержец пожаловали есми Устюжского уезда Суценские волости Тотемского присуду Успения Пречистыя Богородицы Негренския Федосиевы пустыни, что на Сухоне на Семеновском наволоке, игумена Ефрема з братиею или кто по ним в том монастыре иныи игумен и братия будут. В нынешнем во 172 (1624) году по нашему указу положили они перед нами жаловалную тарханную несудимую грамоту блаженныя памяти деда нашего государя, царя и великого князя Ивана Васильевичя всея Русии лета 7070 (1562) году и в 7093 (1585) году дяди нашего, государя царя и великого князя Федора Ивановичя всея Русии, имя та грамота подписана, а на подписи припись дьяка Петра Тиунова. И мы, великий государь, царь и великий князь Михаило Федорович всея Русии и отец наш великий государь, святейший патриарх Филарет Никитич Московский и всея Русии, Успения Пречистыя Богородицы Негренския Федосиевы пустыни игумена Ефрема з братиею пожаловали, велили ту жаловалную грамоту переписати вновь на наше государское имя по новому Уложению. И хто у них на монастырской земле на Семеновском наволоке ныне жывет и впредь учнет жыть монастырских людей и крестьян и тем их монастырским людям и крестьяном нашых никаких податей и денежных всяких поборов и казачьих хлебных запасов и кормов с сошными людми не давать, опроче ямских денег и стрелецких хлебных запасов и городового *// (л. 59 об.)* и острожного дела. Ямския им денги и стрелецкия хлебныя запасы давать и городовое и острожное дело делати по писцовым и по дозорным книгам з живущаго с сошными людми вместе. Также есми их пожаловали: тех их монастырских людей и крестьян воеводы нашы и дьяки и всякие приказные люди не судят ни в чем, опричь душегубства и разбоя и татбы с поличным, и кормов своих на них не емлют и праведчики и довотчики поборов своих не берут, и не въезжают к ним ни по что. Ведают и судят тех своих монастыр-

[523] РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 1923. Л. 59–60 об. Орфография и пунктуация источника частично изменена. – *Прим. авт.*

ских людей и крестьян игумен з братиею сами во всем, или кому прикажут. Кому будет чего искать на игумене и на братье, ино их сужу яз царь и великий князь Михаило Федорович всея Русии или яз кому прикажу их судить по нашему государскому указу, отвечати им и искати в году на три срока: на Рождество Христово, да на Троицын день, да на Семенов день летопроводца. А опроче тех наших указных трех сроков на иные сроки не судити и на поруки не давати, а кто по них возмет грамоту или пристава не по тем нашим указным срокам и мы им к тем срокам ездити не велим и те им грамоты не в грамоты, а пристав езду лишен. А в духовных делех игумена и братию или монастырских крестьян судит богомолец наш, митрополит Ростовский и Ярославский, по правилом Святых Отец. А десятилники митрополичьи и довотчики и заещыки и старосты поповския для своих дел к ним не въезжают, опрочь митрополичи дани и духовного дела, и кормов своих и конских и подвод у их не емлют. Также есми их пожаловали случитца суд сместной монастырским людем и крестьяном с гороцкими // *(л. 60)* или с волостными или становыми людми, и воеводы нашы и всякие приказные люди тех монастырских и гороцких людей судят, а игумена з братиею с ними ж судить. А прав будет или виноват монастырской человек или крестьянин и он в правде и в вине игумену з братиею. А воеводы наши и дьяки и всякие приказные люди в монастырского человека в праваго и в виноватаго не вступатца; а гороцкой и волостной человек в правде и в вине воеводам нашым и всяким приказным людям; а игумен з братиею в гороцкого и в волостного человека в праваго и в виноватаго невступаются ж. Также есми их пожаловали учинится у них на монастырской земле душегубство, а не будет душегубца в лицах, и они про то явят приказным людям, а осмотреново дадут за голову два рубли, а монастырским людям и крестьянем в том продажы[524] нет; а буде душегубец в лицах, отдадут приказным людям, а монастырским людям в том веры и продажы нет; а учинитца у них душегубство без хитрости, кто з дерева или с хоромины убьетца, или в воде утонет, или ково громом или деревом убьет, или ково мертвого водою принесет к монастырской земле, или иною какою смертью умрет, а обыщут про то, что учинилось безхитростно, и монастырским людям и крестьяном в том продажы нет. А хто через сию нашу государскую жаловалную грамоту игумена и братью

[524] *«Продажа»* – разновидность штрафа.– *Прим. авт.*

и монастырских людей и крестьян чем изобидит и тому от нас великого государя, царя и великого князя Михаила Федоровича всея Русии быть во опале.

Дана сия наша государская жалованная грамота на Москве лета 7172 (1624) году февраля в 21 день.

А подлинную грамоту государскую подписал государев царев и великого князя Михаила Федоровича всея Русии дьяк Прокофий Пахирев.

А у подлинные царевы *// (л. 60 об.)* грамоты печять веслая на красном воску орел двоеглавой.

А позади государевы подлинные грамоты пишет: царь и великий князь Михаило Федорович всея Русии самодержец».

Внизу листа припись XVIII в.: «К сей копии вышеписанной Богороцкой Негринской пустыни строитель иеромонах Трофим руку приложил».

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие. *М. И. Мильчик* 3

Раздел первый

ТОТЬМА И ТОТЕМСКИЙ КРАЙ В КУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ РУССКОГО СЕВЕРА 7

Черкасова Марина Сергеевна, ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет», г. Вологда
ТОТЕМСКИЕ АКТЫ XVI ВЕКА: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ОБЗОР 7

Притчина Валентина Алексеевна, МБУК «Тотемское музейное объединение», г. Тотьма
ИКОНОПИСЦЫ И СТЕНОПИСЦЫ ТОТЕМСКОГО КРАЯ (XVII – НАЧ. XX ВВ.) 15

Харебова Людмила Станиславовна, ФГБУК «Государственный историко-архитектурный и этнографический музей-заповедник «Кижи», г. Петрозаводск, Республика Карелия
КНИГИ КИРИЛЛИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ В СОБРАНИИ ТОТЕМСКОГО МУЗЕЙНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ 31

Полоцкая Ольга Владимировна, МБУК «Тотемское музейное объединение», г. Тотьма
ТОТЕМСКИЙ СПАСО-СУМОРИН МОНАСТЫРЬ КАК ОБЪЕКТ И СУБЪЕКТ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ В XVIII – НАЧ. XX ВЕКА 39

Пшеницын Дмитрий Александрович, культурно-исторический центр «Светоч», г. Вологда
ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКИЕ ЛЕТОПИСИ ТОТЕМСКОГО УЕЗДА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВВ. 45

Зенкова Ольга Борисовна, культурно-исторический центр «Светоч», г. Великий Устюг, Вологодская область
СВЯЩЕННОМУЧЕНИК ИЗ РОДА РОХЛЕЦОВЫХ 58

Гостев Игорь Михайлович, ГБУК АО «Архангельский краеведческий музей», г. Архангельск
ВКЛАД ЖИТЕЛЕЙ ТОТЬМЫ В СТРОИТЕЛЬСТВО АРХАНГЕЛЬСКОЙ НОВОДВИНСКОЙ КРЕПОСТИ 72

Головизнин Марк Васильевич, Институт глобализации и социальных движений, г. Москва
РЕАЛЬНОСТЬ ФАКТОВ И БОРЬБА ПАРАДИГМ В ТЕОРИИ РУССКОЙ АРХИТЕКТУРЫ. ВЗАИМОВЛИЯНИЕ ТОТЕМСКОЙ И ПРИБАЙКАЛЬСКОЙ ШКОЛ БАРОККО 80

Кузнецов Александр Васильевич, краевед-исследователь, д. Устье, Тотемский район
ИЗ ИСТОРИИ ТОПОНИМИИ ТАФТЫ 91

Правдина Мария Борисовна, МБУК «Тотемское музейное объединение», г. Тотьма
КОЛЛЕКЦИЯ ЧАСОВ В СОБРАНИИ ТОТЕМСКОГО МУЗЕЙНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ: ОПЫТ НАУЧНОЙ СИСТЕМАТИЗАЦИИ И АТРИБУЦИИ 104

Макарова Ольга Николаевна, МБУК «Тотемское музейное объединение», г. Тотьма
ЛЮЛЬКИ И ЗЫБКИ XIX – СЕРЕДИНЫ XX ВЕКА КАК ОБЪЕКТ КОМПЛЕКТОВАНИЯ МУЗЕЙНОЙ КОЛЛЕКЦИИ 115

Решетников Николай Иванович, ФГБОУ ВО «Московский государственный институт культуры», г. Москва
НА РАЗЛОМЕ ЖИЗНИ (ПО ЛИЧНЫМ ЗАПИСЯМ КРЕСТЬЯН РУССКОГО СЕВЕРА) 120

Савкова Ирина Сергеевна, МБУК «Тотемское музейное объединение», г. Тотьма
ИЗ ОПЫТА КЛАССИФИКАЦИИ, СИСТЕМАТИЗАЦИИ И АТРИБУЦИИ ОБРАЗЦОВ ВЕКСИЛЛОЛОГИИ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА 1920–1930 ГГ. В СОБРАНИИ ТМО 129

Фирсова Наталья Игоревна, МБУК «Тотемское музейное объединение», г. Тотьма
НАГРАДЫ СССР В КОЛЛЕКЦИЯХ ТОТЕМСКОГО МУЗЕЙНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ (ДОВОЕННЫЙ ПЕРИОД) 141

Филиппова Елена Валериевна, МБУК «Тотемское музейное объединение», г. Тотьма
КОЛЛЕКЦИЯ ФОТОГРАФА Д. П. ПЕТРОВА В СОБРАНИИ ТОТЕМСКОГО МУЗЕЙНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ 151

Коренева Наталья Ивановна, Кузнецова Светлана Васильевна, МБУК «Тотемское музейное объединение», г. Тотьма
ИЗ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ ТОТЕМСКОГО КРАЯ В СОВЕТСКОЕ И ПОСТСОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ 159

Пахнин Анатолий Владимирович, МБУК «Тотемское музейное объединение», г. Тотьма
РЕЛЬЕФНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ НА МНОГОКВАРТИРНЫХ ДОМАХ ГОРОДА ТОТЬМЫ КОНЦА XX ВЕКА 169

Завьялова Ольга Михайловна, МБУК «Тотемское музейное объединение», г. Тотьма
К ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ГОРОДА ТОТЬМА И ШТАТА КАЛИФОРНИЯ 177

Новосёлов Алексей Михайлович, МБУК «Тотемское музейное объединение», г. Тотьма
НЕМНОГО О ПОТОМКАХ ДИНАСТИИ КУСКОВЫХ В ИРКУТСКЕ 186

Кошелева Марина Николаевна, АНО «Бирюзовый дом», г. Москва – с. Никольское, Вологодская область
«СЕРЫЙ КАМЕНЬ» В ОКРЕСТНОСТЯХ СЕЛА НИКОЛЬСКОГО 189

Раздел второй

РУССКИЙ СЕВЕР: ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА, ЛЮДИ 193

Ермолин Евгений Анатольевич, ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского», г. Ярославль
МИФОЛОГЕМА РУССКОГО СЕВЕРА: ВЕРБАЛЬНЫЙ ТЕКСТ 193

Теуш Ольга Александровна, ФГБОУ ВО «УрФУ им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина», г. Екатеринбург
РЕКОНСТРУКЦИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ ПО ДАННЫМ СУБСТРАТНОЙ ТОПОНИМИИ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ 203

Калуцков Владимир Николаевич, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова», г. Москва
ОБРАЗНО-ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ КАРТА РУССКОГО СЕВЕРА 210

Орлова Ольга Владимировна, ГБУК РК «Национальная галерея Республики Коми», г. Сыктывкар
УСТЬ-ЦИЛЁМСКИЙ ДУХ РУССКОГО ЛАНДШАФТА 215

Вокуева Екатерина Ивановна, Рочева Любовь Кондратьевна, МБУ «Усть-Цилемский историко-мемориальный музей А.В. Журавского», с. Усть-Цильма, Республика Коми
ДУХОВНОЕ И МАТЕРИАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ ПЕЧОРСКИХ СТАРООБРЯДЦЕВ (ВЕЛИКОПОЖЕНСКИЙ И ЦИЛЕМСКИЙ СКИТЫ XVIII–XX ВВ.) 223

Гончарова Наталия Николаевна, ФГБУК «Государственный Исторический музей», г. Москва
ИЗОБРАЖЕНИЯ ЦАРСТВЕННЫХ ПЕРСОН В ТРАДИЦИОННОМ ИСКУССТВЕ XVIII–XIX ВВ. 232

Исаченко Татьяна Евгеньевна, Бочарникова Марина Владимировна, Постникова Екатерина Александровна, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», г. Санкт-Петербург
ОПИСАНИЯ Н.Я. ОЗЕРЕЦКОВСКОГО КАК ПЕРВОЕ КОМПЛЕКСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ КУЛЬТУРНЫХ ЛАНДШАФТОВ ПОБЕРЕЖИЙ ЛАДОЖСКОГО И ОНЕЖСКОГО ОЗЕР 243

Кузнецова Елена Васильевна, Евстропова Наталья Николаевна, краеведческий центр «Дом Няна», г. Няндома, Архангельская область
НЯНДОМА – МУЗЕЙ ПОД ОТКРЫТЫМ НЕБОМ 253

Кортович Андрей Владимирович, Высшая школа печати и медиаиндустрии Московского политехнического университета, г. Москва
ВОПРОСЫ, СВЯЗАННЫЕ С ИЗУЧЕНИЕМ РУССКОГО НАРОДНОГО ИСКУССТВА 260

Краева Надежда Вениаминовна, Национальный музей Республики Коми, г. Сыктывкар
ПРАВОСЛАВНОЕ НАСЛЕДИЕ РУССКОГО СЕВЕРА В РЕДКИХ ИЗДАНИЯХ НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ РЕСПУБЛИКИ КОМИ 266

Сухорукова Надежда Владиленовна, БУ ХМАО-Югры «Государственный художественный музей», г. Ханты-Мансийск
ВОЛОГОДСКАЯ ИКОНА «СТРАШНЫЙ СУД» В СОБРАНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО МУЗЕЯ (г. ХАНТЫ-МАНСИЙСК) 272

Лу Вэнья, Сычуаньский университет иностранных языков, г. Чунцин, Китайская Народная Республика; Филиппова Вера Ивановна, ФГБОУ ВО «Череповецкий государственный университет», г. Череповец, Вологодская область
ПОЭТ И ХУДОЖНИК: ВОСПРИЯТИЕ, ОСМЫСЛЕНИЕ И ТВОРЧЕСКОЕ ОТОБРАЖЕНИЕ РУССКОГО СЕВЕРА 276

Андреева Наталья Александровна, МБУК «Нюксенский районный краеведческий музей», с. Нюксеница Вологодской области
ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО УРОЖЕНЦА НЮКСЕНСКОГО РАЙОНА В. П. СУМАРОКОВА 284

Ванеева Светлана Михайловна, Иванова Ольга Александровна, ГПОУ «Сыктывкарский политехнический техникум», г. Сыктывкар
ШКОЛЬНЫЙ МУЗЕЙ, ПОСВЯЩЁННЫЙ ВЕЛИКОМУ ЗЕМЛЯКУ К. Ф. ЖАКОВУ 290

Якушева Людмила Алентиновна, ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет», г. Вологда
ВОЛОГОДСКИЕ ТЕАТРАЛЬНЫЕ ЖУРНАЛЫ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ 297

Танских Людмила Борисовна, краевед, г. Бор, Нижегородская область
ГАРМОННЫЙ МАСТЕР АНАТОЛИЙ РЫБАКОВ 305

Былов Глеб Вадимович, г. Москва
ФОТОГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА РУССКИЙ СЕВЕР, ЕГО НАСЛЕДИЕ И НАСТОЯЩЕЕ 313

Дорофеева Елена Михайловна, г. Архангельск
ФЕСТИВАЛИ КОЛОКОЛЬНЫХ ЗВОНОВ НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРЕ РОССИИ 321

Раздел третий
НАСЛЕДИЕ И ПАМЯТЬ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ 327

Кулешова Марина Евгеньевна, независимый эксперт по вопросам охраны природного и культурного наследия, г. Москва
ПРАВО ОБЩЕСТВА НА НАСЛЕДИЕ И ОПЫТ ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ 327

Колосова Юлия Львовна, искусствовед, реставратор, член ICOM, г. Санкт-Петербург
АРХИВНО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ПОИСК КАК ВАЖНЕЙШИЙ ЭТАП НА

СТАДИИ СОЗДАНИЯ АРХИТЕКТУРНО-РЕСТАВРАЦИОННОГО ПРОЕКТА И ОЖИДАЕМОГО РЕЗУЛЬТАТА РЕСТАВРАЦИИ (НА ПРИМЕРАХ ЦЕРКОВНОЙ АРХИТЕКТУРЫ) 336

Соколова Ольга Александровна, БУК ВО «Вологодский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник», г. Вологда
КРЕСТЫ КАК ОБЪЕКТ РЕСТАВРАЦИИ 344

Андрианова Дарья Ивановна, Ярославский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, г. Ярославль
ЧТО СОХРАНИЛА СЕМЕЙНАЯ ПАМЯТЬ В РОССИИ О ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ? (ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ) 357

Семенова Тамара Юрьевна, г. Москва
ЛАНДШАФТНАЯ ПОЛИТИКА СОЙОТОВ В БУРЯТИИ 366

Раздел четвёртый
КНИГА В КНИГЕ 373

Копытков Василий Викентьевич, Зенкова Ольга Борисовна, Культурно-исторический центр «Светоч», г. Москва – г. Великий Устюг
НЕГРЕНСКАЯ УСПЕНСКАЯ ФЕДОСЕЕВА ПУСТЫНЬ В СУЧЕНГСКОЙ ВОЛОСТИ ТОТЕМСКОГО УЕЗДА. НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ XVI–XVIII ВЕКОВ 373

Научное издание

РУССКИЙ СЕВЕР - 2018. ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ И СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Сборник материалов
второй всероссийской научной конференции
Тотемского музейного объединения
с международным участием
(Тотьма, 1–4 марта 2018 г.)

Подписано в печать 26.02.2018. Формат 60×84/16.
Гарнитура Cambria. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 24,03.
Тираж 200. Заказ 1110.

ООО ПФ «Полиграф-Периодика».
160001, г. Вологда, ул. Челюскинцев, 3.
Тел. 8 (8172) 72-61-75. E-mail: price@pfpoligrafist.com